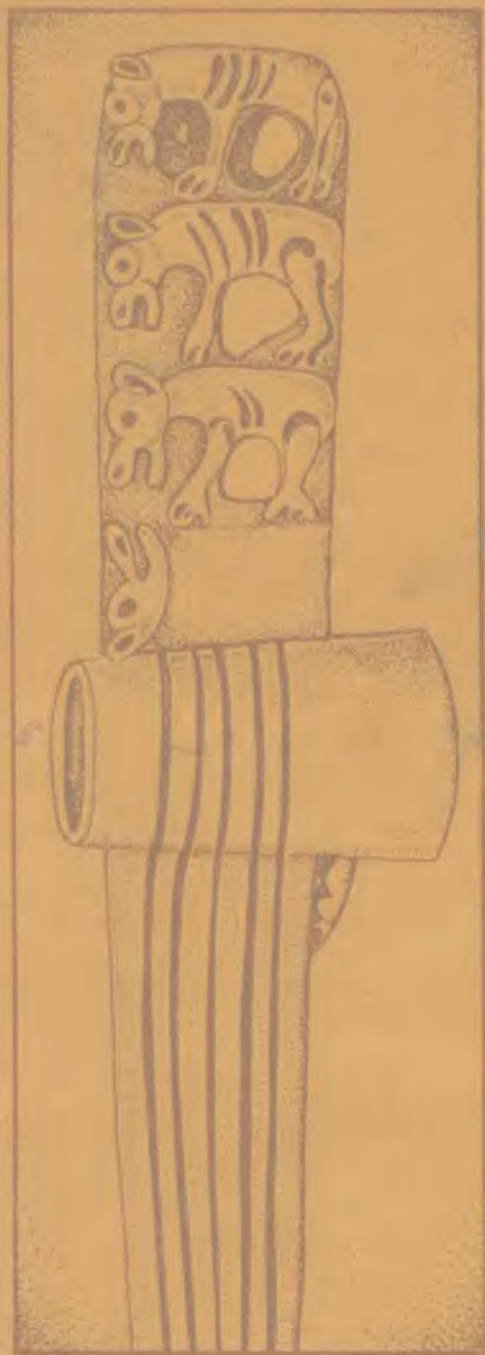

Т. Н. ТРОИЦКАЯ
А. П. БОРодОВСКИЙ

БОЛЬШЕРЕЧЕНСКАЯ КУЛЬТУРА лесостепного ПРИБЬЯ

«НАУКА»
НОВОСИБИРСК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Т. Н. ТРОИЦКАЯ
А. П. БОРодОВСКИЙ

БОЛЬШЕРЕЧЕНСКАЯ
КУЛЬТУРА
ЛЕСОСТЕПНОГО
ПРИБЬЯ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *В. И. Молодин*

ВО «НАУКА»
НОВОСИБИРСК
1994

ББК 63.4(2)
Т70

Рецензенты
кандидаты исторических наук *Н. В. Полосьмак,*
В. И. Соболев

Утверждено к печати
Институтом археологии и этнографии СО РАН

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.

Т70 **Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск:**
ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994.— 184 с.
ISBN 5—02—030235—X.

В монографии дается описание археологических памятников лесостепного Приобья второй половины I тыс. до н. э., устанавливается их культурная принадлежность. Рассматриваются дискуссионные вопросы происхождения большереченской культуры, реконструируются хозяйственная деятельность и социальная структура рассматриваемого общества. Определены этапы развития культуры.

На основании анализа материалов большереченской культуры дается характеристика декоративного искусства лесостепных племен Западной Сибири скифского времени.

Работа рассчитана на археологов, историков, этнографов и краеведов.

Т 050400000—001 КБ—6—42—1994
042(02)—94

ББК 63.4(2)

ISBN 5—02—030235—X

© Т. Н. Троицкая, А. П. Бородовский, 1994
© Российская Академия наук, 1994

В VIII—VII вв. до н. э. на территории степной и части лесостепной Евразии складывается скифо-сибирское культурно-историческое единство. К VI в. оно включало в свой состав и остальное лесостепное население. При четко выраженном культурном единстве каждый из регионов имел свои особенности. К числу таких регионов относится лесостепное Приобье — основная территория бытования большереченской культуры, вызвавшей в последнее время ряд дискуссий. Спорными оказались вопросы о ее датировке, происхождении и даже о названии (некоторые исследователи называют ее каменской). Малое количество опубликованного материала не дало возможности завершить эту дискуссию. Поэтому авторы ставят своей задачей опубликовать основные материалы большереченской культуры и выявить на основе его анализа происхождение и характерные черты этой культуры, определить ее место в кругу культур раннего железного века Западной Сибири. Введение, главы 1, 2, 4 и Приложение написаны Т. Н. Троицкой, главы 3 и 5 — Т. Н. Троицкой и А. П. Бородовским, глава 6 — А. П. Бородовским.

В работе использованы материалы памятников Новосибирского Приобья, исследованных экспедициями под руководством М. П. Грязнова (1952—1954 гг.), Т. Н. Троицкой (1958—1987 гг.), материалы Каменской экспедиции М. Н. Комаровой (1952—1953 гг.) и раскопок М. П. Грязнова у с. Б. Речка Алтайского края (1946—1949 гг.). Материалы остальных памятников Алтайского края анализируются на основании публикаций В. А. Могильникова, А. П. Уманского, Ю. Ф. Кирюшина и др.

История исследования большереченской культуры в лесостепном Приобье разбивается на историю археологических раскопок и историю исследования большереченской культуры в рамках скифо-сибирского культурно-исторического единства.

Первый памятник большереченской культуры в Приобье был раскопан в 1934—1936 гг. у г. Камня-на-Оби. В описании материала двух исследованных курганов отсутствует датировка и определение культурной принадлежности¹. В 1946—1949 гг. экспедиция Государственного Эрмитажа и ЛО ИИМК под руководством М. П. Грязнова провела значительные исследования у с. Б. Речка к югу от Барнаула. Среди раскопанных памятников были остатки поселений и могильники большереченской культуры². В 1952—1954 гг. под его же руководством велись работы в зоне затопления будущего Новосибирского водохранилища³. Выявлено много различных памятников, на некоторых проведены раскопки, в том числе и на Ордынском-1 — курганном могильнике раннего железного века⁴. В керамическом материале ряда многослойных памятников (Ирмень-1, 2, 4) обнаружена керамика большереченской культуры.

В эти же годы экспедиция под руководством М. Н. Комаровой провела раскопки в зоне затопления Каменской ГЭС, в том числе на поселении Мереть-1, зольнике Иня-1 и могильниках Морайка и Камышенка⁵. Позже в этом же районе проводились разведочные работы А. П. Уманским, а затем В. И. Молодиным⁶. Последним выявлен большереченский материал на многослойных памятниках Кротово-1, 2, 7, 8 и Каргаполово-2.

В Новосибирском Приобье раскопки памятников большереченской культуры были продолжены экспедицией Новосибирского пединститута под руководством Т. Н. Троицкой. С 1958 по 1987 г. были раскопаны могильники Ордынское-1⁷, Новый Шарап-1,⁸ Быстровка-1,⁹; Милованово-8¹⁰, поселения Ордынское-2,9. Е. А. Сидоровым в составе той же экспедиции

были раскопаны поселения Х Кордон-4, Крохалевка-11а, Милованово-3а¹¹ и могильники Милованово-2 и «26 июня».

В Алтайском крае интенсивные археологические исследования в течение многих лет проводил А. П. Уманский. Им раскопана большая серия курганов, опубликованы материалы могильников Соколово¹², Новотроицкое¹³ и поселения Раздумье¹⁴. Лишь недавно изданы материалы курганов Камень I, Раздумье IV и VI, Масляха, Зайцево, Дресвянка, Андроново и др.¹⁵ В 1974—1976 гг. Новостроечной экспедицией под руководством В. А. Могильникова раскопан курганный могильник Камень II¹⁶. Экспедицией Алтайского университета под руководством Ю. Ф. Кирюшина исследовано значительное число погребений в грунтовых могильниках Старая Алейка II и Обские Плесы, а также курганы у с. Елунино¹⁷. Разведочные и охранные работы в окрестностях Барнаула проведены В. М. Бородаевым и А. А. Кунгуровым, выявлен ряд памятников большереченской культуры¹⁸.

В Барабинской лесостепи большереченская керамика обнаружена в XIX в. при раскопках Г. О. Оссовского у оз. Мышайло и С. М. Чугуновым в Усть-Тартасских курганах¹⁹. В 1970—1980-х гг. раскопки большереченских курганов и поселений производились Западно-сибирским отрядом Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР под руководством В. И. Молодина и экспедицией Ленинградского университета под руководством Д. Г. Савинова. Полное описание истории исследования памятников раннего железного века этого региона дано в обобщающей монографии Н. В. Полосьмак²⁰.

Большереченскую культуру впервые выделил в 1951 г. М. П. Грязнов²¹. По его мнению, она была распространена от истоков Оби до низовья Томи и делилась на три этапа: большереченский (VII—VI вв.), бийский (V—III вв.) и березовский (II—I вв. до н. э.). М. П. Грязнов дал исчерпывающее описание памятников Ближних Елбан, перечислил параллели к ним и детально охарактеризовал большереченскую культуру. Он отметил различие керамических комплексов поселений и погребений. К первому этапу М. П. Грязнов относит памятники переходного периода (от бронзового века к железному) и включает в него группу памятников Ближних Елбан и Томский могильник. К бийскому этапу он относит памятники с керамикой, тесно связанной с большереченским этапом, причем датирующий материал в этих комплексах отсутствует (Ближние Елбаны II, V, VII, X), а там, где имеется датирующий материал V—III вв. до н. э., керамика либо очень мелкая и невыразительная (Ближние Елбаны XV), либо относящаяся, по характеристике М. П. Грязнова, к березовскому этапу (литейная мастерская Ближние Елбаны XII, где встречены баночные сосуды с одним рядом «жемчужин»²²). М. П. Грязнов обратил внимание на это противоречие и предположил, что бийский этап делится на два периода: первый характеризуется бийской керамикой, второй — более поздний — сочетанием бронзовых орудий с березовской керамикой²³. На березовском этапе орудия становятся железными.

В дальнейшем исследователи относят памятники к бийскому этапу на основании датирующего материала, а не по характеру керамики. Тем более, что в других памятниках, как и в Ближних Елбанах, сочетание бийской керамики с предметами V—IV вв. до н. э. не встречено. Так, М. П. Завитухина относит могильник Ордынское-1 к бийскому этапу, основываясь на анализе инвентаря, керамика же здесь, по характеристике М. П. Грязнова, березовская²⁴.

Следующее обобщение материалов курганов Камень-1, 2, Раздумье, Зайцево, Соколово и др. было сделано в 1968 г. А. П. Уманским²⁵. Он отметил особенности погребального обряда и инвентаря могильников и их общность с материалами Горного и Предгорного Алтая, савромато-сарматов, сако-массагетов и большереченской культуры. Название культуры, к которой относятся перечисленные могильники, не было дано. Указание на ее близость большереченской культуре явно исключает отнесение к ней упомянутых курганов.

В 1968 г. В. И. Мошинская, следуя М. П. Грязнову, в первом томе «Истории Сибири» дала характеристику большереченской культуры, полагая,

что в среду последней проникли тагарские племена, о чем говорят находки тагарских изделий в Томском Приобье и сосуды баночного типа²⁶. Этой же точки зрения в 1970 г. придерживался В. А. Могильников, выделивший два варианта большереченской культуры: томский и верхнеобской²⁷. Характеристика большереченской керамики по материалам М. П. Грязнова и сопоставление ее с комплексами Томского Приобья произведены Л. М. Плетневой²⁸. Она приходит к выводу об определенной близости томской и большереченской керамики и об отсутствии следов проникновения самих тагарских племен в Томское Приобье, по ее мнению, речь может идти лишь о влиянии их культуры.

Материал большереченской культуры в Новосибирском Приобье обобщен Т. Н. Троицкой в 1972 г.²⁹ В статье рассмотрены памятники, исследованные ею. Причем она относит их к бийскому этапу не по характеру керамики, а по датирующему материалу. Дальнейшие исследования Т. Н. Троицкой различных сторон большереченской культуры были обобщены ею в докторской диссертации³⁰. Автор полагает, что большереченский этап большереченской культуры представляет собой самостоятельную культуру, входящую в один круг с завьяловской. Большереченская культура делится на два этапа: бийский (с рубежа VI—V вв. по IV в. до н. э.) и березовский (III—II вв. до н. э.). Выделены два локальных варианта: новосибирский и ближнеелбанский — с границей на широте г. Камня-на-Оби. В происхождении большереченской культуры акцентируются генетические связи с местными культурами переходного от бронзового века к железному периода, указывается на влияние культуры саков и усуней и частичное включение среднеазиатского населения в состав большереченцев.

Антропологический материал Новосибирского Приобья изучался В. А. Дремовым³¹, который также отмечает местные корни большереченского населения, частичное включение в его состав отдельных монголоидов центрально-азиатского типа и усиление европеоидного элемента в могильниках III—II вв. до н. э. (Быстровка-1).

Отсутствие в течение долгого времени четкого определения признаков большереченской культуры, близость ее керамических комплексов сосудам соседних, особенно более южных, культур привели к неправильному представлению о ее распространении. К ней были отнесены отдельные памятники предгорья Алтая, например, поселения Лебядь на Катунь, Кара-Тенеш на Куюсе³². С. Н. Киреев отнес к большереченской культуре комплексы Майма I и II, полагая, что их появление связано с миграцией большереченцев во второй половине I тыс. н. э. под давлением тагарских и кулайских племен и кочевников Восточного Казахстана³³. О возможности продвижения большереченцев в предгорья говорит и Д. Г. Савинов³⁴. Аморфное определение большереченской культуры позволило А. С. Суразакову отнести к чумышско-ишинскому кругу, сконцентрированному по р. Чумышу у слияния Бии и Катунь, памятники «равнинного Алтая территории юга Новосибирской области и части Павлодарского края»³⁵.

Выдвинутая М. П. Грязновым схема развития большереченской культуры, соответствующая уровню знаний его времени, по мере накопления новых материалов оказалась несостоятельной. Исследования показали: то, что называли большереченским этапом является самостоятельной культурой, близкой завьяловской³⁶. М. П. Грязнов, ранее считавший Томский могильник памятником большереченского этапа, в 1983 г. счел возможным отнести его к завьяловской культуре³⁷.

Отсутствие широких публикаций раскопанного материала и неполное его соответствие схеме М. П. Грязнова привели к оживленной дискуссии. Она была начата в 1980 г. А. П. Уманским и В. А. Могильниковым, выделившими в лесостепном Приобье новую, каменскую культуру и сделавшими о ней доклады: А. П. Уманский в Барнауле³⁸, В. А. Могильников в Кемерове³⁹. В 1981 г. вышла их совместная работа⁴⁰. Авторы полагают, что большереченская и каменская культуры — самостоятельные явления. Первая локализуется по долинам рек Барнаулки, Алея и лесного правобережья Оби. На основании материала погребений (без учета поселений) А. П. Уманский и В. А. Могильников приходят к заключению, что для ка-

менской культуры характерно полукочевое скотоводство с преобладанием в стаде овец, а для большеереченской культуры — комплексное хозяйство с преобладающей ролью охоты и рыболовства, лишь под влиянием каменной культуры в ней начинает возрастать роль скотоводства. Оба автора считают большеереченскую культуру местной, а каменскую — пришедшей с запада или юго-запада. А. П. Уманский указывает на возможные места исхода каменных племен к IV—III вв. до н. э. — это Восточное Приаралье. Элементы каменной культуры, по мнению авторов, проникают в большеереченскую, которая к концу I тыс. до н. э. утрачивает свою оригинальность.

Выступления А. П. Уманского и В. А. Могильникова вызвали критику со стороны ряда исследователей. Т. Н. Троицкая в докладе на первых Окладниковских чтениях выступила с отрицанием существования параллельных культур: каменной и большеереченской⁴¹. Она предложила сохранить за единой культурой название большеереченской и отметила наличие развитого скотоводства у большеереченского населения еще в VI—V вв. до н. э. По ее мнению, слабым звеном в утверждении отдельной каменной культуры является отсутствие у А. П. Уманского и В. А. Могильникова ее сравнительной характеристики с большеереченской культурой.

Особенно бурно развернулась дискуссия в 1986 г. в Барнауле на конференции, посвященной памяти С. И. Руденко. Ю. П. Алехин высказался за признание единой большеереченской культуры и отрицал наличие в ней локальных вариантов⁴². Против существования двух параллельных культур — каменной и большеереченской — и о местном происхождении последней высказался Ю. Ф. Кирюшин⁴³. Выделение большеереченского этапа в самостоятельную культуру не вызвало возражения. Однако осталось неясным, как ее назвать. Т. Н. Троицкая предложила включить ее в состав завьяловской культуры как локальный вариант, а за культурой раннего железного века сохранить название большеереченской. А. Б. Шамшин предложил сохранить за большеереченским этапом название большеереченской культуры, а единую культуру раннего железа назвать каменной. Об этом же говорил в своем докладе В. А. Могильников⁴⁴, предложивший сохранить за культурой VII—VI вв. до н. э. название большеереченской, а последующую назвать каменной и разделить ее на два этапа: бийский и березовский. А. П. Уманский в докладе продолжал утверждать, что «каменная культура — это не вариант большеереченской культуры, это культура пришлых племен, ассимилировавших большеереченцев», а березовский этап является вариантом каменной культуры⁴⁵. Эту же точку зрения о «правильности выделения нами каменной культуры из массы большеереченских племен» он сохранил и в 1987 г.⁴⁶ Таким образом, вопрос о взаимоотношении большеереченской и каменной культур продолжает оставаться дискуссионным.

Накопление новых материалов привело к публикации ряда статей по отдельным вопросам большеереченской культуры: о восточной границе ее распространения⁴⁷, об оружии⁴⁸, изобразительном искусстве лесостепного Алтая⁴⁹, керамическом производстве⁵⁰, поселениях⁵¹ и др. Вопросы экономики лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. исследованы Е. А. Сидоровым. В своих статьях он анализирует и хозяйство большеереченских племен⁵². Ранний железный век Барабинской лесостепи изучен Н. В. Плососьмак, в ее обобщающей монографии наряду с саргатской и новочекинскими культурами дается описание большеереченских памятников этого региона и делаются определенные исторические выводы⁵³.

К настоящему времени накоплен значительный материал по большеереченской культуре, однако отсутствие подробных его публикаций дает возможность различного толкования.

ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ

В данной главе мы даем обобщенное описание поселений и могильников лесостепного Приобья. Памятники в каждом разделе приводятся в хронологическом порядке, их нумерация (первая цифра для поселений и вторая, приведенная в скобках, для могильников) соответствует номеру на карте (табл. 1). Подробное описание погребений, материалы которых лишь частично опубликованы или не введены в научный оборот (Новый Шарал-1 и 2, Милованово-2 и 3, Быстровка-1 и 3), дано в приложении.

ПОСЕЛЕНИЯ

В настоящее время известно значительное количество поселений, расположенных на берегах Оби и ее притоков. Однако исследования проведены лишь на 12 памятниках, на остальных собран подъемный материал.

Общая особенность всех известных поселений — отсутствие оборонительных сооружений, что можно считать характерной чертой именно большереченской культуры, так как на синхронных поселениях лесостепного Приобья, относящихся к кижировской (VI—IV вв. до н. э.¹) и кулайской (с III—II в. до н. э. по III—IV вв. н. э.²) культурам, почти всегда имеются рвы и валы.

1. Ордынское-9 (О-9). Памятник расположен к югу от Новосибирска, у р. п. Ордынское, на левом берегу Оби и левом берегу Ордынского залива (ранее — р. Орда), на территории индивидуальных огородов. Открыт в 1963 г. Т. Н. Троицкой, охранные работы проводились ею в 1965—1975 и 1986 гг., а в 1987 г. — С. Г. Росляковым. Берег интенсивно разрушается водами Новосибирского водохранилища: за указанное время под воду ушла полоса шириной около 50 м. Материал частично издан³.

Поселение возникло в середине I тыс. до н. э. и занимало площадь не менее 11 тыс. м², включая остатки небольшого поселка эпохи ранней бронзы. На рубеже первых тысячелетий западная окраина опустевшего поселения была занята городищем кулайской культуры, с XVIII—XIX вв. остатки поселения заняты огородами.

Материал поселения в основном большереченской культуры (70 %), к кулайской культуре относятся 27 % находок, остальное — керамика ранней бронзы и XVIII—XIX вв. Раскопками и зачистками вскрыта площадь более 570 м². Оборонительные сооружения ограждают лишь кулайскую часть поселения, обнаружены остатки шести большереченских и двух кулайских жилищ, а также недатированный открытый очаговый комплекс.

Культурный слой — темная супесь почти черного цвета, толщина его 40—60 см, средняя насыщенность находками — 28 на 1 м². Из них керамики — 41 %, костей — 57, прочих находок — 2 %.

Жилище 1 (табл. 1, 1). Оно углублено в материк на 10—30 см; учитывая наличие почвенного слоя, можно считать, что жилище врезалось в землю на 40—60 см. Оно частично обрушилось вместе со входом. Сохранились два помещения с узким переходом шириной 1,45 м, который шел вдоль общих стен камеры. Меньшая камера неправильной формы, имеет площадь 6 м². Она отапливалась наземным очагом без бортиков, в нем жгли дерево и кости. Рядом находилась яма, в которую сбрасывали золу,

уголь и мусор. Находок в малой камере найдено меньше, чем в большой, видимо, это было подсобное помещение.

Вторая камера частично обрушилась в воду. Она, вероятно, была квадратной (4×4 м) и предназначалась для жилья. Углублена в материк ступенькой, которая могла быть остатками нар. В камере находилась яма глубиной 68 см от уровня пола, забитая обломками костей. Обнаружены два очага. Один из них, подквадратный (60×60 см), имел хорошо сохранившиеся глиняные бортики и дно. Заполнение его (зола с пережженными костями) спеклось в плотную массу. Рядом найдены капельки пролитой бронзы. Этот очаг, скорее всего, имел производственное назначение. Во втором очаге, наземном, без бортиков, жгли дерево. Около него найдены обломки керамики и костей, остатки глиняной формы. В полу обнаружены ямки с обломками посуды и раздробленными костями. На полу и выше него найдены бронзовые шило и нож (табл. III, 10, 12), обломки посуды, разбитые кости, каменные грузила для сетей, пряслица, коростяные изделия.

Жилище 2 и 4. Они почти полностью обрушились. В обрыве видны котлованы шириной около 4 и 3 м, они углублены в материк на 30—50 см (табл. II, 3, 4), прослежены очаг и яма. В одном из них стенки спускались ступенькой.

Жилище 3 (табл. II, 2). Оно овальной формы (3,5×4,0 м), углублено в материк на 20—25 см. Перерезано поздней узкой канавой, стенки пологие. На полу найден разбитый сосуд (табл. III, 2) и прослежены пятна сажи. Сам очаг, видимо, был уничтожен канавой.

Жилище 5. Оно двухкамерное, аналогичное жилищу 1. Углублено в материк на 40—50 см. Часть южной стенки осыпалась. Размер большой камеры 6,6 × 6,0 м. Выход был обращен в сторону реки. Один очаг (наземный, без бортиков, 60 × 75 см) был расположен у входа, впритык к стене, он слегка возвышался над полом. Второй находился в восточной части камеры, от него сохранилась груда обмазки. Вторая камера трапециевидная, 4×2 м, очаг в ней не прослежен. Видимо, это было подсобное помещение. Обе камеры перерезаны поздней узкой канавой.

Жилище 6. Его северная граница испорчена поздними ямами, южная осыпалась. Размер сохранившейся части 6,0×3,4 м, глубина 20—30 см от уровня материка. Выявлены остатки двух очагов. Один из них (50×70 см) имел глиняные бортики, в его заполнении сохранились пережженные кости и зола. Рядом найдены капли пролитой бронзы, куски шлака и закопанный в землю скелет барана без черепа. Второй очаг плохо сохранился, в нем жгли дерево.

В целом находки на поселении представлены обломками костей домашних и меньше — диких животных, обломками не менее 278 сосудов (табл. III, 1, 2), каменными грузилами, мотыгой и пестом, глиняными пряслицами, бронзовыми ножами и шилом, различными костяными изделиями (табл. II, 5—7; III, 3—22). Весь материал хорошо датируется двумя роговыми изделиями. Одно из них короткое с круглым и овальным отверстиями, с одним суженным и загнутым концом (табл. III, 17). Обломок такого изделия найден в землянке 2 переходного периода (от бронзового века к железному) поселения Ближние Елбаны I⁴. Другое — трехдырчатый псалий с отломанными концами (табл. III, 11). Псалии с тремя отверстиями были распространены в VIII—VI вв. до н. э.⁵ Наиболее близкий аналог ордынского псалия опубликован К. Ф. Смирновым — это псалий из хутора Карнауховского, также имеющий в центре овальное отверстие, а по краям — восьмеркообразные⁶. По мнению Н. Л. Членовой, самый поздний сибирский трехдырчатый псалий относится к VI—V вв. до н. э.⁷ Подтверждают эту дату и единичные сосуды, сохраняющиеся в орнаментации традиции завьяловской культуры (VIII—VI вв. до н. э.): нанесение двух рядов «жемчужин» и разделение «жемчужин» оттисками крестового штампа (табл. III, 1; IV, 14).

2. Ближние Елбаны I (БЕ I). Поселение раскопано и детально описано М. П. Грязновым⁸. Расположено в 60 км от Барнаула, на правом берегу Оби, у впадения в нее р. Б. Речка, на дюнном всхолмлении. Возникло на месте поселения переходного периода (VIII—VII вв. до н. э.). Большеере-

ченская керамика (табл. V, 9—17) встречена на широкой площади. Выявлена часть землянки, разрушенной выдувом, с остатками двух очагов. Длина ее по линии обрыва 10 м, вскрыто около 20 м². Эта землянка перерезала другую, менее глубокую, относящуюся к переходному периоду. От последней сохранилось менее 5 м². В ней близ границ с большереченской землянкой найден бронзовый трехлопастный черешковый наконечник стрелы с узкой головкой⁹ (табл. V, 18). Основные его аналоги датируются VI—V вв. до н. э.¹⁰ и, следовательно, он не мог относиться к переходному периоду и дает дату большереченского поселения — не позже V в. до н. э. Судя по большому числу керамики этого периода, культурный слой поселения был сильно насыщен находками.

3. Ближние Елбаны XII (БЕ XII). Это комплекс памятников, открытый и исследованный М. П. Грязновым¹¹. В его состав входят остатки поселения большереченской культуры с литейной мастерской. Выявлено два кострища. В одном из них и рядом с ним найдены обломки глиняных литейных форм для отливки двухшковых илиновидных кельтов, ножей и других мелких предметов, роговой двухдырчатый псалий и два баночных сосуда, орнаментированных «жемчужинами» (табл. V, 1—6). Кельты, подобные тем, что отливали на этом поселении, найдены в Тисульском могильнике, который А. И. Мартынов относит к V—IV вв. до н. э.¹² Примерно этим же временем датируются ножи с крупным каплевидным отверстием¹³.

4. Ближние Елбаны XV (БЕ XV). Это остатки выветренного поселения¹⁴. М. П. Грязнов указывает на наличие обломков сосудов, трех бронзовых наконечников стрел (табл. V, 7, 8) и обломков глиняных литейных форм для отливки кельтов. Наконечники стрел датируются V в. до н. э.¹⁵ Однако в описи материала поселения и коллекции, хранящейся в Эрмитаже, эти наконечники отсутствуют, а керамика относится к более раннему времени.

5. Крохалевка-11а (Кр-11а). Поселение раскопано Е. А. Сидоровым в 1986 г. Оно расположено у с. Крохалевка, в 15 км от Новосибирска, на краю обской надпойменной террасы, над системой стариц рек Чик и Чаус. Поселение содержит слои от эпохи ранней бронзы до середины II тыс. н. э. Значительное количество находок относится к большереченской культуре. Найден очаг с разрушившимися глиняными бортиками и рядом с ним миниатюрный бронзовый трехгранный наконечник стрелы (табл. VI, 5), который может быть датирован V—IV вв. до н. э.¹⁶ Керамический комплекс этого времени представлен обломками не менее чем 200 сосудов (табл. VI, 1—4, 6—11), свидетельствующих о слиянии здесь большереченских и более северных кижировских традиций: около половины сосудов относятся к кижировской культуре (табл. VI, 9—11), а на отдельных большереченских сосудах четко видны элементы кижировской орнаментации. Многослойность памятника не дает возможности отнести другие предметы к большереченской культуре, определить цвет культурного слоя (он всюду темно-серый, почти черный) и насыщенность его находками; можно отметить, что, судя по количеству найденной керамики, она была большой.

6. Мереть-1. Поселение расположено на дюне у с. Мереть, на самом юге Новосибирской области, на берегу р. Меретка, протекающей в обской пойме. Открыто и исследовано в 1953 г. М. Н. Комаровой. Вскрыто 40 м². Культурный слой насыщен находками, цвет его не отмечен. Найдено много обломков костей и сосудов, обломок глиняной льячки, бронзовый нож, лезвие его идет под небольшим углом к рукояти, в которой имеется отверстие для подвешивания (табл. VII, 1—5). Такие ножи широко известны в тагарской культуре, они появляются в V в., существуют до III в. до н. э. и являются особенно характерными для лесостепной тагарской культуры¹⁷.

7. Кротово-7, 8. Это комплекс археологических памятников, в состав которого входит большереченское поселение. Он расположен на самом юге Новосибирской области, на р. Кротовка, протекающей в пойме правого берега Оби, на дюнном всхолмлении. Памятник открыт М. Н. Комаровой в 1953 г., обследован В. И. Молодиным в 1969—1970 гг. Найдены обломки сосудов и бронзовый трехгранный наконечник стрелы (табл. VII, 6—9) V—IV вв. до н. э.¹⁸

8. Ирмень-1 (Ир-1). Это комплекс памятников на левой обской террасе, в нижнем течении р. Ирмень, в 60 км к югу от Новосибирска, открытый и исследованный М. П. Грязновым в 1952—1953 гг. Среди находок встречены обломки не менее чем 36 большеереченских сосудов (табл. VIII, 1—5), которые по характеру орнаментации совпадают с описанными выше комплексами и датируются не позже чем V—III вв. до н. э.¹⁹

9. Ирмень-5 (Ир-5). Поселение расположено рядом с Ирменью-1. Оно открыто и исследовано в 1953 г. М. П. Грязновым. Раскопаны две землянки и одно наземное жилище. Основная часть керамики относится к большеереченской культуре (не менее 100 сосудов, или около 70 % комплекса) (табл. VIII, 6, 7, 9—13), найдены каменные грузила и глиняное пряслице. В землянке 2, где собрано около половины всей большеереченской керамики, в том числе два целых сосуда, обнаружен небольшой железный нож (табл. VIII, 8), который, скорее всего, также относится к большеереченскому комплексу и датируется не ранее III в. до н. э. Л. Р. Кызласов полагал, что керамика этого поселения совпадает с таштыкской и свидетельствует о контактах большеереченского населения с таштыкскими уграми²⁰.

10. Милованово-3а (М-3а). Поселение расположено у с. Милованово Ордынского района, на правом берегу Оби, в 150 м от края надпойменной террасы. Оно распахивается и размывается Новосибирским водохранилищем. Памятник открыт и исследован Е. А. Сидоровым в 1984 г.²¹, вскрыто 328 м². Выявлено одно жилище и длинный вход во второе. На поверхности прослеживается цепочка из семи западин.

Культурный слой — серый суглинок — на периферии поселения достигает 10—15 см, в межжилищном пространстве — 30 см. Сохранился участок со следами бронзолитейного производства, толщина слоя на нем 40 см. Выявлены остатки очага с глиняными бортиками, капли пролитой бронзы, обломки бронзового лома и тигля. Насыщенность культурного слоя в межжилищном пространстве — две находки на 1 м², в жилище и на производственной площадке — более 10.

Одно жилище почти полностью обрушилось в Обь. Сохранился длинный вход (4,70×1,50 м) с расширением на его конце, в нем много саж, угля и золы. Можно полагать, что жилище погибло от пожара. Второе жилище раскопано полностью (табл. IX, 1). Первоначально жилище, видимо, имело подквадратную форму. Площадь его 61 м², глубина от уровня материка 60 см. Стенки близки к вертикальным, пол ровный, слегка углубляющийся к стенкам. Жилище имело два выхода, хотя, возможно, один, прослеженный лишь у северо-восточной стенки, был переходом во вторую, обрушившуюся камеру. Второй выход раскопан полностью, длина его 3 м, ширина 1,5 м, уровень пола постепенно повышался, в конце выхода имелась ступенька, от которой начиналось расширение — результат вытаптывания земли у входа. В центре жилища выявлен очаг (60×70 см), он углублялся в материк на 30—40 см. Заполнение — сажа, уголь, зола. В верхней части ямы найдены обломки глиняной обмазки, в глину добавлены мелкие обломки пережженных костей и зола. Похоже, что обмазка образовывала перекрытие ямы и рухнула в нее. У одной стенки находилась большая овальная яма (4,80×2,40×0,28 м) с пологими стенками, в ней найдены обломки керамики и раздробленные кости.

При раскопках найдены обломки не менее чем 88 сосудов, каменная зернотерка, заготовки, отбойники и грузило, глиняное пряслице, раздробленные кости и железный нож (табл. IX, 2—12), что позволяет отнести поселение ко времени не ранее III в. до н. э. Насыщенность слоя находками, особенно костями, здесь ниже, чем на поселении Ордынское-9.

11. Х Кордон-4 (ХК-4). Памятник расположен на 43-м километре шоссе Новосибирск — Колывань, на краю надпойменной террасы, раскапывался Е. А. Сидоровым в 1986 г. Выявлена керамика различных культур. С одицовской культурой, видимо, связаны невысокие оборонительные сооружения. Раскопано одно большеереченское жилище, испорченное современной ямой (табл. X, 1).

Жилище подквадратное (7,30×6,30 м), глубина 10—30 см от уровня материка. Стенки отвесные, пол ровный. Очаг не выявлен, видимо, он разрушен современной ямой; на ее краю сохранились обломки переженной глиняной обмазки. Жилище имело два выхода, один из них мог быть переходом во вторую камеру, оставшуюся за пределами раскопа. Заполнение жилища и культурный слой межжилищного пространства — серая супесь. Насыщенность слоя находками небольшая, особенно мало встречено костей. Найдены обломки более 40 сосудов, близкие по орнаментации комплексу из Милованова-За (табл. X, 2—9).

Датирующим материалом являются отдельные сосуды, имеющие венчики с внутренним или внешним бортиком и сглаженные изнутри сосуда бугорки от нанесенных на внешнюю поверхность ямок. Эти явления отмечены в кулайской керамике не ранее II—I вв., точнее — I в. до н. э.²²

12. Ордынское-2 (О-2). Поселение находится в лесу на гриве на расстоянии не менее 200—300 м от ныне затопленного края невысокой надпойменной террасы. Впадины от жилищ расположены цепочкой. В 1987 г. Т. Н. Троицкой вскрыто 56 м². Выявлено жилище, перерезанное современной ямой (табл. X, 1).

Жилище однокамерное, подквадратное (5,20×5,00 м). Площадь жилой части 17,5 м². Она примыкает к западной и северной стенкам и отстоит от южной и восточной на 0,80 и 1,10 м. Глубина жилой части 70 см от уровня материка. Стенки почти отвесные, пол несколько пониженный в центральной части у очага. Заполнение этой части жилища — сажа, зола, уголь: видимо, после того как жилище было покинуто, произошел пожар и балки крыши рухнули. В центре находился очаг, частично поврежденный современной ямой. Он овальный (60×70 см), углублялся в пол на 15—16 см, толщина заполнения — 22 см. Песок вокруг обожжен, найдены обломки глиняной обмазки. Часть очага рухнула в расположенную рядом с ним яму (1,08×0,80×0,60 м). Основная часть находок найдена в яме, возле нее и очага, иногда немного выше уровня пола. Выявлены три ямы диаметром около 60 см, в двух из них найдены обломки сосудов.

За пределами жилища культурный слой фактически отсутствует, он почти полностью сливается с материковым светлым песком, находок в нем не было. Насыщенность находками в жилище слабая — восемь находок на 1 м². Кости почти не встречались: найдены всего три обломка, один из них — часть конского зуба. В жилище выявлены обломки шести сосудов (табл. X, 11—14), каменные оселки, отбойники, обломки зернотерки, глиняное пряслице.

Остальные поселения в лесостепном Приобье лишь разведаны, на них собран незначительный материал.

13. Раздумье-1. Это комплекс археологических памятников у с. Дресвянка, в состав которого входит поселение большереченской культуры. А. П. Уманский частично раскопаны ров и вал городища, которое он относит к раннему железному веку²³. С этим трудно согласиться: среди находок есть керамика верхнеобской культуры (V—VIII вв. н. э.) и XVI—XVII вв. Культурный слой перепахан, находки перемешаны. Большереченские городища не известны, а поселения V—VIII вв. н. э. и II тыс. н. э. имеют оборонительные сооружения.

14. Ирмень-2. Это комплекс памятников. Среди находок — несколько обломков сосудов большереченской культуры (табл. XI, 1—3). М. П. Грязнов в отчете за 1953 г.²⁴ указывает на наличие следов литейного производства бийского этапа.

15. Верх-Тула. Сборы были проведены у одноименного; ныне затопленного села на левом берегу Оби близ Новосибирска. Среди находок — обломки большереченских сосудов и глиняной формы для литья кельта (табл. XI, 4—6).

16. Старый Шарап. В насыпи позднего кургана у с. Старый Шарап на левом берегу Оби встречены обломки большереченских сосудов.

17. Завьялово-5. Городище завьяловской культуры расположено у впадения р. Каракан в Обь. В обрыве восточной части городища подобраны один целый и обломки нескольких сосудов бийского этапа (табл. XI, 7—9).

18. Черное Озеро-1. Это комплекс памятников к северо-западу от Новосибирска. В насыпи позднего кургана найдены обломки сосудов бийского этапа.

19. Крохалевка-4. Комплекс памятников находится у с. Крохалевка. Среди многочисленной керамики разных эпох найдено несколько обломков большереченских сосудов того же типа, что и на поселении X Кордон-4²⁵.

20. III Кордон-1 (IIIК-1). Памятник расположен у с. Соколово Новосибирской области, на правом берегу надпойменной террасы над системой речек и стариц рек Чик и Чаус в 5 км к северу от поселения Крохалевка-11а. Памятник исследовался в 1988 г. С. Г. Росляковым. Это мощное городище кулайской культуры, датируемое временем не ранее рубежа I в. до н. э. — I в. н. э. Под валом в погребенной почве и в нижнем слое рядом с ним найдены обломки не менее чем 20 большереченских сосудов такого же типа, что и на памятнике X Кордон-4 (табл. XI, 10—12).

21. Милованово-6. Памятник расположен рядом с поселением Милованово-3а, почти полностью размытым Обью. Собран подъемный материал — обломки большереченских сосудов того же типа, что и в Милованово-3а (табл. XI, 13, 14), и каменное грузило.

22. Шелганушка-1. Городище начала II тыс. н. э. находится на краю обской надпойменной террасы, на севере Новосибирской области, на берегу р. Уени (обская протока). Найдены железный нож и обломки более чем 20 большереченских сосудов (табл. XI, 15—18). Слой с этими находками датируется временем не ранее III—II вв. до н. э.

23. Батурино-3. Поселение расположено на берегу р. Уени, на границе Томской и Новосибирской областей. Памятник представлен несколькими холмиками. При земляных работах в одном из них найдено несколько обломков большереченских сосудов (табл. XI, 21).

24. Боровое-2. Поселение находится на левом берегу р. Ини, в ее среднем течении. Найдено несколько обломков большереченских сосудов, один из них реконструируется (табл. XI, 20).

25, 26. Кротово-2 и 4. Комплексы памятников находятся на р. Кротовке. Среди находок — несколько обломков большереченских сосудов (табл. VII, 10, 11).

27. Каргаполово-2. Поселение расположено на правом берегу Оби у с. Каргаполова Сузунского района, в 35 км к юго-востоку от г. Камня-на-Оби. Собрана большереченская керамика.

28. Верхний Сузун-7. Поселение находится у с. Верхний Сузун, в 15 км к юго-западу от с. Каргаполова. Собрана большереченская керамика.

29. Иня II. Поселение эпохи неолита и бронзы расположено близ впадения р. Ини в Обь (Алтайский край). В зольнике собрана большереченская керамика (табл. XI, 19) и обломки глиняных литейных форм.

30. Вятский Камушек. Поселение находится на правом берегу Оби, на севере Новосибирской области. В обрыве у пристани выявлен незначительный культурный слой с обломками большереченских сосудов.

31—40. Серия поселений с керамикой большереченской культуры, выявленных на территории Барнаула и в его окрестностях. Собранный материал очень фрагментарен и не дает возможности судить об особенностях этих поселений. В литературе указываются Бельмесово, Крутой Лог, «Цветы Алтая», Береговая ул., Турина Гора, Каменная Заимка, Ляпиха, Научный Городок, Галашкин Лог-1 и ряд других памятников²⁶.

Выводы:

1. Все большереченские поселения являются неукрепленными. Они расположены на обской надпойменной террасе, часто на мысу у впадения в Обь небольших рек или на возвышениях-елбанах в самой обской пойме. На тех памятниках, где можно проследить рельефные признаки жилищ, последние расположены цепочкой²⁷.

2. Рассмотренные жилища являются полуземлянками. Ни в одном из них, вырытых в различных грунтах (песке или суглинке), не выявлены ямы от опорных столбов, видимо, дома были срубными. При сооружении котлована земля выбиралась до твердого грунта. Неслучайно самые глубокие жилища (70 см от уровня материка или около 1 м от дневной поверх-

ности) встречены при рыхлом песчаном материке (О-2). Вырытый котлован в основном совпадал с жилой площадью, но мог быть и больше нее (О-2). В ряде случаев стены углубляются в материк ступенькой (О-9). Жилища на одном и том же поселении могли быть одно- и двухкамерными (одна из них подсобная). Их площадь колеблется от 12 до 61 м². Отдельные жилища имели выход длиной до 3—4 м.

3. Встречены очаги трех типов. Первый — наземный, с глиняными бортиками, а иногда и глиняным дном, в них наряду с деревом жгли кости, такие очаги могли иметь производственное назначение. Второй тип обычный, наземный, реже углубленный, иногда встречаются следы глиняной обмазки, такие очаги топили дровами. При наличии очага с бортиками в жилище имелся и очаг второго типа, на нем, видимо, готовили пищу (О-9, жилища 1 и 6). Очаг же второго типа мог быть единственным в жилище. Именно такой очаг являлся основным центром жилища и помещался в середине него. Производственный очаг мог помещаться у стенки. Третий тип представлен одним очагом (М-3а). Это яма, в которой жгли дерево, она имела перекрытие из глиняной обмазки, в которую добавлялись перешаженные косточки и зола. Подобный материал для изготовления крупных овальных плит на каркасе из веток, перекрывающих яму-очаг, встречен и в открытом очажном комплексе на памятнике Ордынское-9 (он не датирован и, скорее, относился к кулайскому периоду поселения).

4. Насыщенность слоя находками и характер самого культурного слоя со временем меняется. На самом раннем поселении (О-9) он сильно гумусирован, имеет темный цвет, средняя насыщенность находками за пределами жилищ и в них — 28 находок на 1 м², преобладают обломки костей. Значительная насыщенность большереченской керамикой отмечена и на таких ранних поселениях, как Ближние Елбаны I и Крохалевка-11а (поскольку эти памятники многослойные, судить о цвете их культурного слоя нельзя, он для всех слоев был темно-серым). В Мерети-1 также отмечено большое количество обломков сосудов и костей. На несколько более позднем поселении Милованово-3а (не ранее III в. до н. э.) культурный слой серый и темно-серый, насыщенность слоя костями ниже, чем в Ордынском-9, в жилищах встречено значительное количество находок, а в межжилищном пространстве толщина слоя достигает всего 10—20 см и средняя насыщенность его находками — две на 1 м². На поселении Ордынское-2 прослеживается дальнейшее сокращение насыщенности слоя. За пределами жилища этот слой почвы не отличается от материка, и находок он не содержит, а в жилище насыщенность находками — всего лишь восемь на 1 м², костей же почти нет. О самом позднем поселении (ХК-4) судить трудно, так как подстилающий слой — ирменский — имеет очень темную окраску.

МОГИЛЬНИКИ

Основная часть могильников представлена курганами. Только на самом юге лесостепи, в районе Барнаула и южнее его могильники были грунтовыми. Описание памятников дается под двойной нумерацией: первая цифра — это номер могильника, вторая (в скобках) — номер памятника по карте (продолжение нумерации поселений) (табл. I). Памятники 1—21 расположены в хронологическом порядке, последующие не имеют датирующего материала.

1 (41). Ордынское-1 (О-1). Это комплекс разновременных памятников, в состав которого входят большереченские курганы. Он расположен на левом берегу Оби у р. п. Ордынское, на высокой надпойменной террасе. Памятник открыт в 1953 г. М. П. Грязновым. В 1954 г. им исследована западная часть комплекса, к настоящему времени полностью затопленная. На оставшейся размываемой части памятника производились охранные работы: с 1962 по 1970 г. Т. Н. Троицкой, в 1972—1974 гг. В. А. Захом, в 1984 г. Е. А. Сидоровым и в 1987 г. А. В. Новиковым. Материал опубликован²⁸.

Сохранность памятника плохая: он подвергался регулярному разграблению, а после наполнения водохранилища интенсивно размывается водой. Раскопано 24 насыпи, содержащие не менее 27 могил, и 6 грунтовых погребений (табл. XII). Последние, возможно, имели насыпи, расплывшиеся к настоящему времени. Более половины курганов (60 %) имели рвы, диаметр которых колебался от 6 до 9 м, средняя ширина рва 50 см, глубина 20—100 см. Рвы прерывались чаще всего на юго-востоке и востоке. На дне водохранилища во время спада воды выявлено три таких соприкасающихся кольца в виде темного заполнения на фоне светлого песка (табл. XII, 9).

Под насыпью обычно находилась одна могила, в одном случае их было две, в другом — три, но в этом кургане обнаружены остатки двух самостоятельных рвов. Глубина могил 0,4—2,0 м. Одна могила имела в верхней части по две ступеньки на двух примыкающих друг к другу сторонах (табл. XII, 7), на ее стенках прослежены наклонные борозды, вероятно, следы узкой лопаты или мотыги. Перекрытие представляло собой накат из нескольких продольных рядов бревен, положенных на два коротких поперечных бревна. В одном случае на поперечных бревнах лежали доски, на них — тонкие продольные бревна, а затем ряд толстых бревен, все это было перекрыто берестой (табл. XII, 10).

Погребенные были захоронены в вытянутом положении на спине головой на юго-восток (6 скелетов), юго-юго-восток (2) и юго-юго-запад (1). Разграбленные могилы вытянуты по линии северо-запад — юго-восток и северо-северо-запад — юго-юго-восток. Как видно, преобладала ориентация на юго-восток. Среди погребенных девять мужчин, одна женщина, пять детей и десять взрослых, пол которых из-за фрагментарности костей не был определен. В могилах лежало по одному скелету, в одном случае их было три, причем у среднего череп отсутствовал, хотя погребение не было разграблено.

Следы огня на уровне материка встречены в одном случае, остатки жертвенной пищи (ребра барана) обнаружены в одной могиле. Инвентарь беден: несколько бронзовых и костяных наконечников стрел, колчаный крючок (у правого бедра), бронзовые бляшки, бронзовые гривна, ручка зеркала, бронзовые ножи, глиняные пряслица, каменное точило, каменные алтарики, бусы-глазчатки, 26 сосудов и др. (табл. XIII, XIV).

Датирующий материал — бронзовые наконечники стрел. Трехлопатный черешковый наконечник (табл. XIII, 3) имеет аналогии в материалах тасмолинской культуры VII—VI и V—III вв. до н. э. Южного Приуралья²⁹. Н. Л. Членова относит этот тип наконечников к VI—V вв. до н. э.³⁰ Второй наконечник втульчатый, миниатюрный (табл. XIII, 5). По К. Ф. Смирнову, подобные наконечники изящных очертаний с узкими лопастями, срез которых перпендикулярен втулке, известны в комплексах VI и V вв., Н. Л. Членова также относит их к VI—V вв. до н. э.³¹ Все это дает возможность датировать курганы VI—V вв. до н. э.

2 (42). Усть-Алеус-3 (УА-3). Курганный могильник расположен на левом берегу Оби у с. Усть-Алеус Ордынского района. Состоит из 36 крупных насыпей, все они имеют следы разграбления. В 1975 г. Т. Н. Троицкой раскопан один курган с рвом, диаметр которого 10—11 м, ширина и глубина 50 и 80 см (табл. XV, 1). Выявлена могила 2,4×1,1 м глубиной около 1 м. Она перекрыта тремя накатами из крупных продольных бревен, лежащих на срубе в один венец, в одном углу прослежено их соединение в лапу. В могиле лежал скелет погребенного в вытянутом положении головой на юго-западо-запад, найдена крупная галька. В насыпи обнаружен наконечник стрелы в виде конического острия (табл. XV, 4) и несколько обломков сосудов. Такие наконечники стрел встречаются редко. К. Ф. Смирнов подобные пулевидные наконечники относит к V в. до н. э., а Г. Е. Иванов — к VI—IV вв. до н. э.³²

3 (43). Курганы «26 июня». Курганный могильник расположен на правом берегу Оби, на Чингисском острове, интенсивно размывается Новосибирским водохранилищем. Состоит из семи насыпей. В 1984 г. Е. А. Сидоровым раскопано пять курганов. Насыпь — черная супесь. Диаметр курганов 7—11 м, высота — 18—67 см. Рвы не прослежены (табл. XV, 2, 3).

Под насыпью находилась одна могила с погребением взрослого (могила разграблена, поэтому пол определить невозможно). Глубина могил 60—95 см. Сохранились остатки бревен, лежавших вдоль длинных или коротких стенок. Могилы вытянуты по линии запад — восток, северо-восток — юго-запад. Один скелет был ориентирован на юго-восток, другой — на северо-восток. Найдены пять сосудов в обломках, каменный алтарик, бронзовое шило, костяная проколка и семь костяных наконечников стрел (табл. XV, 5—19). Курганы датируются костяным трехгранным черешковым наконечником стрелы с дугообразной выемкой (табл. XV, 7). Такие бронзовые наконечники, по А. М. Кулемзину, относятся к V—III вв. до н. э.³³

4 (44). Старая Алейка II (СтА II). Грунтовый могильник расположен у впадения р. Алей в Обь. Раскапывался в 1979 г. Б. Ф. Бородаевым и в 1982 г. Ю. Ф. Кирюшкиным³⁴. Перекрытия лежали на конструкции из четырех боковых досок или плах, расположенных на ребре у стен могилы. Нижний ряд мог состоять из продольных плашек, верхний — из продольных бревен. Иногда сверху клали слой травы или бересты. Верхние ряды бревен в ряде случаев обожжены. В заполнении могильных ям прослежены угольки. В одной могиле скелет лежал по диагонали.

В могилах найдены бронзовый и железный кинжалы, бронзовые наконечники стрел, модели лука, колчанные крючки³⁵, бронзовые бабочковидные бляхи от пояса, бляшки в зверином стиле, браслеты, серьги, петельчатые зеркала, бронзовые и железные булавки для волос. Керамика представлена баночными сосудами, украшенными пояском из «жемчужин», и кувшинчиками с орнаментом из заштрихованных треугольников.

Ю. Ф. Кирюшин относит могильник к V—III вв. до н. э. Опубликованные бронзовые кинжал и наконечники стрел (табл. XVI, 2, 5), как указывает Г. Е. Иванов, датируют могильник V—IV вв. до н. э.

5 (45). Обские Плесы. Грунтовый могильник находится у с. Бобровка на правом берегу Оби, близ Барнаула. Исследован в 1978 г. Ю. Ф. Кирюшкиным. Вскрыты два погребения. В одном найдены бронзовый нож, сосуд и глиняное пряслище, в другом (детском) — наборный пояс с бронзовыми бабочковидными бляхами, четыремья бляшками, изображающими тигра, кабана и змею (табл. XVI, 13—15)³⁶. Ю. Ф. Кирюшкин датирует памятник V вв. до н. э.

6 (46). Новый Шарап-1 (НШ-1). Курганный могильник расположен на левом берегу Оби к северу от р. п. Ордынское (подробное описание см. в приложении). Он состоял из 20 насыпей, в настоящее время вся территория обрушилась в Обь. Нами исследован один целый и остатки 14 курганов (табл. XVII). В 25 могилах выявлено 18 скелетов: пять мужских, три женских, восемь взрослых (пол не определен) и два детских. Материал частично опубликован³⁷.

Диаметр курганов колебался от 7,5 до 20 м, высота — от 0,6 до 1,0 м. В полностью раскопанном кургане было три могилы, указать их точное число в остальных случаях нельзя, так как к моменту раскопок все насыпи частично обрушились. Вероятно, их было от одной до четырех. Глубина могил 0,3—1,2 м от уровня материка. Ров прослежен лишь в обрыве кургана 8. Могилы имели подпрямоугольную форму. Перекрытие представляло собой накат из двух-трех рядов продольных бревен, опирающихся на два поперечных бревна или на сруб в один венец. Погребенные были уложены в вытянутом положении, головой на юго-восток, с отклонениями на юг и восток.

В могилах и в осыпи под курганами найден разнообразный инвентарь: костяные наконечники стрел, железный кинжал, железные чеканы с втоками, бронзовые бляхи уздечного и поясного набора, обломки железных удил, крупные бронзовые бляхи, среди них одна с изображением хищника, терзающего голову барана, бронзовая гривна, серьги, бусы-глазчатки, глиняные пряслища, каменные алтарики, ребра коровы и 34 сосуда (табл. XVIII—XXI).

Датирующий материал — костяные наконечники стрел, железный кинжал и бронзовые бляхи. Костяной наконечник стрелы, трехгранный, с

внутренней втулкой и дуговидным вырезом базы (табл. XX, 5), имеет аналоги среди бронзовых наконечников V—IV вв. до н. э.³⁸ Особенно часто они встречаются в материалах IV в. В Сибири такие наконечники найдены в Туэктинских курганах, в кургане 2 Бийского могильника и т. д.³⁹ Второй наконечник, трехгранный черешковый (табл. XX, 6), относится к числу распространенных в Сибири в V—III вв. до н. э. Железный кинжал из кургана 19 (табл. XIX, 10) датируется V в. до н. э. аналогичным мечом из Исикая и другими савроматскими мечами⁴⁰. Не противоречит этой дате бронзовая налобная уздечная бляха (табл. XIX, 4) и другие предметы. Все это дает возможность датировать могильник Новый Шарап-1 V—IV вв. до н. э.

7 (47). Крохалевка-5 (Кр-5). Разновременный курганный могильник находится у с. Крохалевка на краю обской надпойменной террасы, над системой рек и озер Чик—Чаус. В 1975 г. при земляных работах разрушена одна насыпь. В насыпи собраны самусьская керамика, обломки костей скелета, бронзовый наконечник стрелы, крючок для подвешивания колчана и поясная бабочковидная (двухлопастная) бляха, обломок деревянного изделия — палочки, покрытой бронзовой фольгой с тисненым узором (табл. XXII, 13—16). В 1982 г. И. Г. Глушков провел здесь исследования самусьского поселения. В раскопе выявлены участок рва и разграбленная могила. Рядом с ней на уровне дневной поверхности обнаружены три опрокинутых вверх дном сосуда и обломок четвертого (табл. XXII, 17—20). Позже под обрывом найдены вывалившиеся из кургана горшок кижировского типа (табл. XXII, 21) и небольшой каменный алтарик. Бронзовая двухлопастная бляха аналогична железным бляхам из кургана 19 Нового Шарапа-1. Бронзовый черешковый наконечник стрелы датируется, как уже указывалось, в пределах V—III вв. до н. э. Видимо, могильник синхронен курганам Нового Шарапа-1 и датируется V—IV вв. до н. э. Сочетание кижировского сосуда с типично большебереченскими дает возможность полагать, что этот могильник относится к поселению Крохалевка-1а, для которого характерны подобные сочетания.

8 (48). Высокий Борок (ВБ). Могильник расположен на левом берегу р. Уень, протекающей в пойме Оби, в 3 км к югу от с. Вьюны. Исследован в 1987 и 1988 гг. А. А. Адамовым. Основная часть погребений относится к II тыс н. э. В четырех курганах встречены большебереченские могилы. Это самый северный могильник данной культуры. Один курган содержал четыре могилы, расположенные кольцом вокруг центральной (табл. XXIII, 1). По два параллельных погребения найдено в двух курганах, в четвертом — одно. Все они разграблены, кроме одного детского с бронзовыми бляшками и ножом (табл. XXIII, 6, 8, 10). Истлевший скелет ребенка был ориентирован на север. В насыпях и могилах найдены бронзовые кельты, пряжка и согнутый наконечник стрелы, имитирующий костяные наконечники (табл. XXIII, 5, 7, 9, 11, 12), и восемь сосудов, из них пять по своей выделке относятся к большебереченской культуре (табл. XXIII, 13—15, 18), а два — к кижировской (табл. XXIII, 16, 17). Тагарские аналоги бронзовых ножей и бляшек датируют погребения концом IV в. или рубежом IV—III вв. до н. э.⁴¹

9 (49). Погребение на ул. Станиславского в г. Новосибирске. Оно выявлено при земляных работах в 1964 г. Обнаружены обломки баночного сосуда, два костяных псаля и костяная подпружная пряжка, две бронзовые подвески в виде клыка кабана, шесть костяных наконечников стрел (табл. XXII, 1—12) и несколько костей человека. Предметы, аналогичные найденным, бытовали длительное время. Так, украшения узды в виде клыка кабана известны по материалам и I Туэктинского кургана (VI в. до н. э.), и могилы у Бийска (II в. до н. э., по М. П. Завитухиной)⁴². Так что данное погребение можно ориентировочно датировать в пределах V—III вв. до н. э.

10 (50). Каллистратиха. Грунтовый могильник расположен к юго-западу от Барнаула у с. Каллистратиха. При земляных работах на склоне лога на глубине 2,5—3 м обнаружены скелеты, следы дерева, обломок кинжала, бронзовые пряжки, круглая бляха и наконечник стрелы (табл. XVI, 7—10). Материал издан А. П. Уманским, который датирует погребения IV в. до н. э.⁴³

11 (51). Новый Шарап-2 (НШ-2). Курганный могильник был на левом берегу Оби, между с. Новый Шарап и р. п. Ордынское. В настоящее время вся его территория залита Новосибирским водохранилищем. Памятник открыт М. П. Грязновым и исследован Т. Н. Троицкой в 1960 г. и В. А. Дремовым в 1962 г. Ими раскопано три кургана (табл. XXIV, 1, 2). В них открыто 27 могил (до 15 в одном кургане), в которых было захоронено не менее 30 чел.: семь мужчин, семь женщин, четыре взрослых, пол которых не определен, и 12 детей. Остатки неглубокого рва прослежены в кургане 1, в нем найдены череп и несколько костей коня. Материал частично опубликован⁴⁴ (описание курганов и могил см. в приложении).

Строение могил и перекрытий такое же, как в Ордынском-1 и Новом Шарапе-1 (табл. XXIV, 3—10). В отдельных случаях между рядами бревен найдены следы бересты. На нескольких накатах сверху выявлены следы обожжения. Над детскими скелетами обычно находился один накат, над взрослыми — два-четыре. В могиле 5 кургана 2 захоронение мальчика 12—14 лет было совершено в срубе из нескольких венцов, это наиболее богатое погребение было засыпано речным песком (табл. XXV, 1). Встречено одно парное захоронение взрослых и одно мужчины с младенцем. Один погребенный (кург. 2, мог. 9) был уложен на спине с согнутыми в локтях и коленях конечностями.

В кургане 1 обнаружено 10 могил. Они расположены кольцом вокруг центральной: все погребенные, за исключением одного, ориентированы против часовой стрелки. Центральная разграбленная могила вытянута с северо-запада на юго-восток. В кургане 2, где имелось не менее 15 могил, не было столь четко выраженного кольцевого расположения, в двух могилах скелеты ориентированы по часовой стрелки, в пяти — против. При этом явно преобладала ориентация на юго-восток с отклонениями на юг и восток.

Почти все погребенные сопровождалась сосудами, стоящими в изголовье или ногах покойного (табл. XXVI, 13—37). Найдены костяные наконечники стрел, бронзовый чекан, роговые бляхи уздечного набора, бронзовые серьги, раковины каури, каменные алтарики, бронзовые подвески-костыльки, глиняное пряслице, один железный нож и 27 сосудов (табл. XXV, XXVI). В двух случаях покойному была положена курдючная часть барана, в одном — ребра барана, в другом — ребра коровы.

Датирующий материал — костяной наконечник стрелы, втульчатый, трехгранный, с выемкой на базе, полностью совпадающий с наконечником из Нового Шарапа-1 (табл. XXVI, 9). Как указывалось выше, подобные наконечники встречаются в V—IV, особенно в IV в. до н. э. Однако появление кругового расположения могил заставляет считать этот могильник более поздним по сравнению с Новым Шарапом-1 и датировать его в пределах IV—III вв. до н. э.

12 (52). Милованово-2 (М-2). Курганный могильник находится на правом берегу Оби около с. Милованова в Ордынском районе. Исследован Е. А. Сидоровым в 1984 г., раскопано два кургана, содержавшие 2 и 11 могил с круговым расположением. В каждой могиле был погребен один человек: двое мужчин, две женщины, один взрослый, пол которого не определен, и шесть детей. Насыпи, как и во всех предшествующих могильниках, сложены из темной супеси, сливающейся с дерном и с погребенной почвой. Описание погребений дано в приложении.

В кургане 1 рва не было (табл. XXVII, 1). Могилы расположены двумя полукольцами вокруг центрального погребения, ориентированного на восток, семь могил направлены по часовой стрелке, две — против. Заплечики прослежены в девяти случаях (табл. XXVII, 2, 4, 6), они расположены на высоте 20—30 см от уровня дна. Стены заплечиков закреплены горбылями. Поверх них находилось перекрытие из ряда продольных бревен, иногда покрытых берестой. В двух могилах перекрытия сверху имели следы огня. В четырех могилах погребенные лежали в ящике без дна — прямоугольной раме из горбылей или плах, поверх которых было положено перекрытие (табл. XXIX, 3, 7).

В курганах найдены бронзовые псалии, железные удила, костяные наконечники стрел, бронзовые гривна, серьги, заколки, глиняное пряслице,

железные пряжка и нож, 20 сосудов, кусок известки и галька (табл. XXVIII, XXIX, 2—19). Остатки жертвенной пищи представлены ребрами коровы и курдючной частью барана. Сосуды стояли в ногах и изголовье. Курганы, видимо, синхронны Новому Шарану-2. Об этом говорит наличие кругового расположения могил, сочетание бронзовых псалиев с единственным в могильнике железным ножом.

13 (53). Аткуль. Это курган, разрытый при земляных работах у с. Аткуль Каргатского района близ одноименного озера на восточной границе Барабинской лесостепи. В могиле лежали три скелета, ориентированные на юго-запад. С ними сохранились обломок стенки большереченского сосуда и два маленьких наконечника стрел: костяной черешковый трехгранный и бронзовый трехлопастный с дугообразной выемкой базы (табл. XXIII, 3, 4). Такие наконечники найдены в сарматских могилах IV—III вв. до н. э.⁴⁵

14 (54). Быстровка-1 (Б-1). Курганный могильник расположен на окраине с. Быстровка Искитимского района на правом берегу Оби. Состоит из 21 насыпи. Т. Н. Троицкой в 1973 г. и 1978—1980 гг. раскопано 14 курганов. В них выявлено 64 могилы, от 1 до 11 под насыпью (табл. XXX, XXXI). Из 71 погребенного 18 были мужчинами, 19 — женщинами, 3 — взрослыми, пол которых не определяется, и 31 — детьми. Материал могильника частично опубликован⁴⁶.

Насыпи сложены из черной супеси. Ров прослежен в 12 курганах (85 %), он чаще всего имел один разрыв (въезд) с восточной стороны, в одном случае разрывов два. Один ров был сплошным, другой состоял из двух половинок, концы которых заходили друг за друга. Иногда два кургана имели общую систему (кург. 11, 12), а ров кургана 10 явно был пристроен к курганам 4 и 9 (табл. XXX, 2). Ширина рва колебалась от 50 до 90 см, глубина от уровня материка 7—50 см, диаметр площадки, ограниченной рвом, 9—15 м. Некоторые рвы представляли собой прерывистые канавки.

В отдельных насыпях встречены следы тризн. Это обломки баночных сосудов крупного размера, отдельные кости животных. Следы кострища прослежены в одном случае.

Почти во всех курганах встречено кольцевое расположение могил вокруг центральной, имевшей большей частью широтную ориентацию. Лишь в кургане 15, раскопанном наполовину, все вскрытые могилы были расположены в один ряд (табл. XXX, 6). Могилы углублялись в материк на 10—165 см, одна могила была впускной. Ямы большей частью слегка сужались книзу, иногда они имели приступочку с одной, двух (узкой и длинной) или трех сторон (табл. XXX, 7—13). Три могилы (5 %) имели заплечики, высота их от уровня дна колебалась от 20 до 30 см.

Перекрытия представляли собой настил из продольных или поперечных бревен, горбылей (со следами коры) или плах. Они лежали на срубе в один венец, на заплечиках, на двух поперечных бревнах на краях ямы или на четырех плахах, окаймлявших покойного в виде рамы, которая всегда была у же и короче могилы (табл. XXX, XXXI).

Умерших клали на спину с вытянутыми руками и ногами, в трех случаях — с согнутыми в коленях ногами. В могиле 3 кургана 4 у погребенного отсутствовал череп, вместо него был положен наконечник стрелы (табл. XXXI, 5). Большинство захоронений одиночные, встречено семь парных, из них три погребения взрослого с ребенком. В отдельных курганах преобладали захоронения взрослых (кург. 1, 4, 7), в остальных — детей. В кургане 12 было погребено девять детей и двое взрослых. Есть погребение ребенка к взрослому (кург. 9, мог. 2).

В могилах и в заполнении ям встречаются куски охры, мела, а также угольки. В одном случае (кург. 11, мог. 4) отмечена меловая подсыпка по контуру могилы сверху ее заполнения. В могиле 1 кургана 1 мел лежал рядом с зеркалом и каменным алтариком. В 14 могилах встречены кости барана, крестец и ноги, в одной — позвонки коровы.

Вооружение представлено многочисленными костяными и отдельными бронзовыми наконечниками стрел (табл. XXXII, 1—35). В неразграбленных могилах они лежали кучками по семь, пять, три наконечника и по од-

ному. Могли быть направлены остриями к ногам или голове погребенного. Встречены бронзовые колчаные крючки, бронзовый кельт, железные удила, костяной псалий, костяные накладные пластинки, подвески-костыльки, уздечные бляшки, сбруйные застёжки и пряжки (табл. XXXII, 36; XXXIII; XXXVI, 14, 15, 19, 20). К числу украшений относятся бронзовые двухставная гривна, браслет, проволочные серьги, нашивные бляшки, шпильки для волос, рубчатая обойма-наконик и разнообразные бусы, в том числе позолоченные (табл. XXXIV), бронзовое зеркало (табл. XXXV), каменные курильницы (табл. XXXVI, 11—13). Многочисленны орудия труда: железные ножи, золотая игла, оселки, костяные проколки (табл. XXXIV, 11; XXXVI, 1—10, 16, 17), глиняные пряслица и грибообразные предметы (табл. XXXVII, 1—17; 37). Керамика представлена не менее чем 91 сосудом (табл. XXXVIII—XL).

Датирующий материал могильника — бронзовое зеркало, наконик, наконечники стрел и стеклянные позолоченные бусы. Аналогом бронзового зеркала с ручкой (табл. XXXV) является зеркало из кургана 2 Кара-бутика⁴⁷. Бронзовый и три костяных наконечника стрел (табл. XXXII, 32—35) небольшие, втульчатые, с острой треугольной выемкой базы, в южном Приуралье такие наконечники встречаются в комплексах III—II вв. до н. э.⁴⁸ Аналоги костяного наконечника, плоского, зажимного (табл. XXXII, 31), известны по материалам тагарских курганов, они бытовали вплоть до IV—III вв. до н. э.⁴⁹ Бронзовые обоймы-наконики (табл. XXXIV, 10), исключительно близкие быстровской, встречаются в могильнике III—II вв. до н. э. Каменный Мыс. Техника изготовления стеклянных позолоченных бус была освоена не ранее III—II вв. до н. э.⁵⁰ Весь комплекс находок позволяет в целом датировать могильник Быстровка-1 в пределах III—II в. до н. э.

15 (55). Камень II (К II). Курганный могильник расположен на левом берегу Оби в 3 км к северо-северо-востоку от г. Камня-на-Оби. Он исследован в 1974—1976 гг. В. А. Могильниковым. В дальнейшем изложении мы основываемся на публикации материала раскопок 1976 г.⁵¹

Исследовано за все время 26 курганов, около половины из них имеет ров. Под насыпями находилось от одной до восьми могил, расположенных кольцом вокруг центральной по часовой стрелке и против (табл. XLI, 1). Захоронения в основном индивидуальные, имеются парные (мужчины или женщины с ребенком). Среди захороненных было 19 мужчин, 12 женщин и 10 детей. Отмечены случаи подзахоронения детей к взрослым. Выявлены два диагональных погребения в квадратных ямах. Основная часть могил не имеет заплечиков, лишь 27 % ям была с ними. Перекрытие представляло собой накат в один-семь рядов из продольных или поперечных бревен. Иногда сверху прослеживаются следы огня. Использовались в перекрытиях и береста. Перекрытия лежали на заплечиках, срубах в один-два венца или на деревянных столбиках. При раскопках 1975 г. выявлены остатки осои, которая застилала нижние бревна перекрытия. Отдельные могилы перекрытия не имели. В заполнении ям встречены угольки, зола, куски охры. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, некоторые умершие положены с согнутыми в коленях ногами, один — на левом боку.

Вооружение представлено костяными наконечниками стрел и железным чеканом. В. А. Могильников предполагал, что скопление сильно корродированных железных предметов, вероятно, является остатками железных наконечников стрел, однако эти остатки в действительности настолько корродированы, что их фактически нельзя отнести к наконечникам.

Найдены железный колчаный крючок, удила, костяные псалии и сбруйные пронози и пряжки, бронзовое зеркало, золотые и бронзовые проволочные серьги, железные и бронзовые булавки, бусы, каменные и глиняные курильницы, гальки и необработанные камни, глиняные и сланцевые пряслица, железные ножи, 20 сосудов (табл. XLI, 2—26). Остатки мясной заупокойной пищи, иногда на деревянных блюдах, встречены в 19 могилах. Это таз, ноги и позвонки барана и крупные ребра лошади, причем кости барана иногда лежали поверх последних. Рядом с костями часто находились железные ножи.

В. А. Могильников датирует курганы в пределах IV—II вв. до н. э. Как нам кажется, эту датировку можно сузить до III—II вв. до н. э., поскольку основные аналогии в инвентаре ведут к могильнику Быстровка-1.

16 (56). Ближние Елбаны (БЕ) III, VII, XII. Грунтовые могильники расположены к югу от Барнаула, на правом берегу Оби, у впадения в нее р. Большая Речка. Исследованы М. П. Грязновым, материал издан⁵². Раскопано 13 могил. Они однотипны по своему устройству и инвентарю и хронологически близки друг к другу. Захоронения индивидуальные, одно—парное. Всего выявлено восемь захоронений мужчин, шесть — женщин, одно — юноши, детских нет. Одна могила с заплечиками. Перекрытие состояло из досок, поверх которых лежало несколько накатов продольных бревен. Оно покоилось на срубе в два-три венца. В могильнике Ближние Елбаны XII все погребенные лежали головами на юго-запад, могилы были расположены попарно, а три в один ряд. В могильнике Ближние Елбаны III прослеживается круговое расположение пяти могил (табл. XLII, 1): две по часовой стрелке, три — против. Центральное погребение либо отсутствовало, либо им была могила 3, не отличающаяся от других по своему инвентарю. Жертвенная пища почти во всех могилах представлена курдючной частью барана, рядом лежали железные ножи. Найдены: костяные наконечники стрел, железные поясная обойма и колчаный крючок, бронзовые серьги, гривна, глиняные пряслица, каменные алтарики и 13 сосудов (табл. XLII).

М. П. Грязнов датирует могильник II—I вв. до н. э. и относит его к березовскому этапу большебереченской культуры. Однако сравнение материала могильника и главным образом керамики с комплексами самых поздних могильников (Милованово-8, Быстровка-3) заставляет нас считать могильники более ранними и ориентировочно датировать их в пределах III—II вв. до н. э.

17 (57). Соколово (Сок.). Курганный могильник расположен на самом юге Новосибирского водохранилища у с. Соколова Алтайского края. Состоит из 32 насыпей. В 1965—1966 г. А. П. Уманским было раскопано два кургана. Материал частично опубликован⁵³.

Выявлено 12 могил. Центральные могилы имели широтную ориентацию. А. П. Уманский отмечает неустойчивую ориентацию погребенных. Видимо, могилы имели кольцевое расположение и были ориентированы по часовой стрелке и против. Глубина могил колебалась от 1,40 до 2,65 м от уровня погребенной почвы. Все могилы имели с четырех сторон заплечики, в 10 могилах стенки ниже заплечиков были укреплены березовыми жердями. Перекрытия состояли из одного—трех накатов продольных или поперечных бревен. На дне в отдельных случаях прослежен тлен, видимо, след войлока или шкуры. В заполнении могильных ям встречены кусочки мела и угольки.

В могилах найдены костяные наконечники стрел, сбруйные пронизи, бронзовые проволочные серьги, гривна, плоское зеркало с боковой ручкой, каменные алтарики, пастовые и бронзовые бусины и 14 сосудов (табл. XLIII, 2—20). А. П. Уманский датирует курганы III—II вв. до н. э.

18 (58) Рагозиха-1. Курганный могильник расположен в 3 км к северо-западу от с. Рагозиха Павловского района. Открыт в 1980 г. А. Б. Шамшиным. В 1985 г. аварийные раскопки проводились им и А. П. Уманским⁵⁴. Могилы (от 2 до 18) расположены кольцом вокруг центральной. Глубина погребений до 3 м от уровня дневной поверхности. Перекрыты одним—пятью накатами бревен. Часто фиксируются обкладки могилы в виде рамы. Многие разграблены. Найдены сосуды, каменные курильницы, глиняные пряслица, различные бусы, золотая и бронзовые проволочные серьги, булавки (шпильки) для волос, костяная игольница, железные удила, чекан, обкладки щита. Встречаются кости козы, лошади и барана, меловая подсыпка, угли, некоторые перекрытия обожжены. А. П. Уманским найдено бронзовое зеркало с изображением слона. А. П. Шамшин датирует могильник в пределах IV—II вв. до н. э., А. П. Уманский — IV—III вв. до н. э.

19 (59). Милованово-8 (М-8). Курганный могильник расположен на правом берегу Оби у с. Милованова Ордынского района. Состоит из восьми

насыпей. В 1982 г. Т. Н. Троицкой раскопаны четыре насыпи⁵⁵. Под насыпями выявлены 34 могилы (табл. XLIV, XLV), в которых было захоронено не менее 37 чел.: пять мужчин, девять женщин, пять взрослых, пол которых не определяется, 18 детей. Подробное описание могильника дано в приложении.

Два кургана окружены рвами с двумя разрывами (входами) (на западной и восточной сторонах и на северной и юго-западной). Диаметр площадки, ограниченной рвом, 10—13 м. Под насыпью находилось от 3 до 17 могил. Они расположены кольцом или полукольцом вокруг центральной, обычно полностью разграбленной. Могилы подпрямоугольные, реже овальные. Размеры могил колебались от 0,63×0,34 м до 3,10×1,30 м, глубина — от 4 до 172 см от уровня материка. Заплевички прослежены в двух случаях (табл. XLIV, 3, 9).

Перекрытие чаще всего состояло из двух коротких бревен, положенных по узким сторонам могилы, поверх которых лежали продольные бревна. В центральном погребении кургана перекрытие было из бревен в три наката. Реже поперечные бревна или горбыли лежали на двух продольных бревнах. На двух хорошо сохранившихся перекрытиях сверху находилось еще одно дополнительное бревно, продольное или диагональное. Продольное бревно (табл. XLIV, 7) упиралось в специально врытые на уровне дневной поверхности по краям могилы деревянные плашки. Характерно появление узких и длинных могил (табл. XLV, 3). Встречен один подбой с детским захоронением, он отходил от длинной стенки разграбленной могилы взрослого и был отгорожен от нее стенкой из вертикально поставленных плашек (табл. XLV, 1), поверх детского скелета лежали жерди перекрытий. Часто в могилах прослеживались четырехугольные рамы из горбылей и бревен (табл. XLIV, 4). Захоронения обычно индивидуальные. Встречено три парных погребения (двух мужчин и мужчины с женщиной). Выявлен один кенотаф (табл. XLV, 5). Все погребенные были захоронены в вытянутом положении.

Инвентарь захоронений беден. Найдены костяные наконечники стрел, железный колчанный крючок, крупная прямоугольная железная пряжка, несколько золотых пронизей, золотая фольга — обкладка плоской деревянной фигурки барана, глиняное пряслице, каменные алтарики и 32 сосуда, отличающиеся грубостью изготовления и асимметричностью формы (табл. XLVI, XLVII). Интересно отметить малое количество железных ножей. Заупокойная пища представлена в двух могилах: это череп и курдючная часть барана.

Могильники датируются II—I вв. до н. э. железной прямоугольной пряжкой (табл. XLVI, 23). Такие пряжки известны в тагарских погребениях с тесинского этапа (II—I вв. до н. э.)⁵⁶.

20 (60). Новотроицкие курганы I и II (Нтр). Они расположены на р. Чумыш, правом притоке Оби, у с. Новотроицкого Алтайского края. Исследовались А. П. Уманским в 1978—1986 гг.⁵⁷

Раскопано 26 курганов, содержащих около 140 погребений. Диаметр курганов 8—19 м, высота 50—120 см. Под насыпью находилось от 3 до 16 могил. Могилы располагались по часовой стрелке и против одним и двумя кольцами вокруг центральной, имевшей широтную ориентацию. Глубина могил колебалась от 20 до 220 см. Почти все они имели заплевички. Стенки ниже заплевичков упрядлялись горбылями, соединявшимися между собой срезом в 45° или пазами. В результате этого получались ящики без дна, или рамы. Перекрытие состояло из продольных, реже поперечных бревен или горбылей, иногда встречается несколько их накатов. Среди могил — четыре подбоя. Если могилы располагались двумя кольцами, подбой сооружали во внешнем кольце. Вход в подбой — узкие и длинные шахты, подбой находился с их внешней стороны. Встречены два погребения младенца в колоде и три кенотафа. В заполнении могил имелись угольки. Захоронения в основном индивидуальные, встречено несколько парных, в одной могиле было погребено 8 чел. Покойники были погребены в вытянутом положении, некоторые с согнутыми в коленях ногами. Встречено два диагональных погребения.

Инвентарь разнообразен (табл. XLIII, 21—33). Это костяные и железные наконечники стрел, железные колчаные крючки, костяная булава, три железных кинжала прохоровского типа, обломки железных удил, бронзовые уздечные бляхи. Украшения представлены золотыми, серебряными и бронзовыми проволочными серьгами, бронзовыми и железными заколками, головным убором с пластинками из золотой фольги, разнообразными бусами, в том числе янтарными, четырьмя золотыми бляшками с изображением в фас морды хищника, подвеской из стекла в виде парных конских голов, пластиной из гешира с изображением рогатого львиного грифона, бронзовой гривной и др. Найдены каменные алтарики, кусочки охры, глиняные пряслица, железные ножи, сосуды. Заупокойная пища представлена костями барана (крестцы и позвонки), лежавшими в изголовье вместе с железным ножом.

По погребальному обряду могильник близок к Милованово-8: подбоями, кенотафами, узкими и глубокими могилами. О поздней дате погребения свидетельствуют и мелкие железные наконечники стрел. Таким образом, курганы, скорее всего, относятся к II—I вв. до н. э. Не исключено, что некоторые из них более ранние.

21 (61). Быстровка-3 (Б-3). Курганный могильник расположен на правом берегу Оби, у с. Быстровка Новосибирской области. Состоит из четырех насыпей. В 1981 г. Т. Н. Троицкой раскопаны два кургана с одной и 17 могилами, расположенными двумя кольцами по часовой стрелке и против вокруг центральной (табл. XLVIII, 1, 2). Под обоими курганами выявлены неглубокие рвы с разрывами (входами) на западной и восточной сторонах. Диаметр площадки, ограниченной рвом, в одном случае 11 м, в другом — 12 м. Подробное описание могильника дано в приложении.

Размеры могил колебались от 1,53×0,60 м до 2,75×1,50 м, глубина от 22 до 122 см от уровня материка. Перекрытия и заплечики не прослежены (табл. XLVIII, 3—8). В могилах обнаружено не менее 30 скелетов: мужчин — 15, женщин — 4, взрослых, пол которых не определяется, — 5, детей — 6. Захоронения преимущественно индивидуальные, есть могилы с двумя, тремя и четырьмя погребенными. Умершие были захоронены в вытянутом положении на спине. В двух случаях обнаружены только черепа детей.

Характерные для могильника черты погребального обряда: могилы расположены почти вплотную ко рву (в одном случае могила даже врезается в него), могильные ямы размещены очень компактно и иногда перерезают внешние границы друг друга (табл. XLVIII, 5, 6).

В курганах найдены костяные наконечники стрел, серебряные и бронзовые проволочные серьги, бронзовые пронизи, два обрывка золотой фольги, разные бусины, железные пряжки, ножи, сосуды, грубые по выработке и часто асимметричные (табл. XLIX).

Погребения датируются двумя небольшими круглыми железными пряжками с иглой (табл. XLIX, 12). В тагарских могилах они появляются с тесинского этапа, т. е. со II—I вв. до н. э., известны они в Тулхарском и других могильниках⁵⁸.

Таким образом, курганы Быстровка-3 не могут датироваться временем ранее конца II в. до н. э. Видимо, это один из самых поздних большебереченских памятников.

22 (62) Камышенка-1. Курганный могильник расположен на правом берегу Оби, на юге Новосибирской области. В настоящее время почти полностью уничтожен вспашкой. В 1953 г. М. Н. Комаровой раскопан один курган. Судя по приведенному в отчете разрезу⁵⁹, курган был окружен рвом. Выявлено парное захоронение, ориентированное на восток, и детское погребение в неглубокой могиле. Сохранились остатки перекрытия: продольные бревна были положены на поперечные. Найдены три сосуда (табл. L, 1—3).

23 (63). Верх-Сузун-5. Курганный могильник расположен на берегу р. Верхний Сузун близ ее впадения в Обь, на юге Новосибирской области⁶⁰. В 1982 г. А. В. Новиковым раскопан осыпающийся курган. Длина его по линии обрыва 16 м, высота 70 см. Выявлены участок рва и три могилы.

Две из них разграблены, наполовину осыпались, в одной имелись заплечики на высоте 20 см от дна ямы. Третья могила (1,90×0,84×1,11 м) не подвергалась разграблению. Перекрытие состояло из 16 поперечных плашек, лежавших на двух крупных продольных плахах, поставленных на ребро. Скелет ориентирован на северо-восток. У правого локтевого сустава сохранился тлен деревянного блюда, на котором лежали ребра коровы или лошади. В кургане найдены два сосуда и пряслице (табл. L, 4, 10).

24 (64). Кротово-1. Комплекс археологических памятников, исследованный М. Н. Комаровой в 1953 г.⁶¹, расположен у с. Кротова на правом берегу Оби. В Новосибирском областном краеведческом музее экспонируется зачищенное местными жителями погребение с остатками бревенчатого наката и одним сосудом.

25 (65). Морайка. Разновременный грунтовой могильник находится на правом берегу Оби у с. Морайка Алтайского края, к юго-востоку от с. Кротова. В 1953 г. М. Н. Комаровой раскопана могила с парным погребением (мужчины и женщины), ориентированным на запад, и баночным сосудом⁶². Второй сосуд обнаружен в ямке. На поверхности найдена небольшая мисочка. Находки см. на табл. L, 5—8.

26 (66). Быстровка-4. Это поселение ирменской культуры. В его зольник было впущено погребение, зачищенное Т. Н. Троицкой в 1973 г. Оно разграблено. Сохранились отдельные кости скелета, обломок сосуда, три костяные наконечника стрел и костяной предмет, концы которого представляют собой небольшие наконечники стрел (табл. L, 17—18). Видимо, тут находился могильник, полностью рухнувший к настоящему времени в воду.

27 (67). Новосибирский могильник. Он обнаружен при строительстве железнодорожного моста через Обь в 1896 г. Описание погребений отсутствует. В Археологическую комиссию поступил ряд находок, которые к настоящему времени не сохранились⁶³. Вряд ли все они относятся к одному комплексу. К большереченской культуре предположительно могут быть отнесены бронзовое зеркало с петелькой в центре, бронзовые подвеска-колокольчик и фигурка горного барана (табл. L, 13—15).

28 (68). Завьялово-19. На правом берегу Оби у с. Завьялова в 1983 г. Т. Н. Троицкой при раскопках позднекулайского городища на краю осыпающегося обрыва была обнаружена пустая разграбленная могила и рядом с ней два сосуда (табл. L, 11—12).

29 (69). Красный Яр. У с. Красный Яр Ордынского района на левом берегу Оби под обрывом берега школьниками подобраны сосуд и бронзовая проволочная серьга (табл. L, 9, 16).

30 (70). Родниковское-1. Курганный могильник находится на берегу р. Ини в Тогучинском районе. В 1981 г. В. А. Захом был раскопан курган с разграбленной могилой и гладкими баночными сосудами.

31 (71). Старая Алейка I (Ста I). Грунтовой могильник расположен на левом берегу Оби, у впадения р. Алёй в Обь. Исследован В. Б. Бородаевым и А. Л. Кунгуровым в 1978 г.⁶⁴ Раскопано одно погребение, частично разграбленное. В яме находилась рама из горбылей, соединенных между собой пазами. Она перекрыта горбылями с прослойкой травы (осоки, хвоща и др.). В могиле обнаружены кости женщины старше 40 лет, обломок сосуда с имитацией шва, бисеринка, железный нож, бронзовая заколка для волос, гранатовый гематит и охра (табл. XVI, 11, 12). Заупокойная пища представлена курдючной частью барана.

32—41 (72—81). Курганные группы лесостепного Алтая. Одни из них лишь упоминаются в литературе, материалы других опубликованы в последнее время. Это Елунино⁶⁵, Раздумье IV, Гоньба, Зайцево, Кочки, Дресвянка, Нечунаево, Камень I, Андроновое, Масляха и др.⁶⁶ Как указывают авторы публикаций, все они датируются в пределах III—I вв. до н. э. и по своему погребальному обряду и инвентарю аналогичны памятникам Камень II, Соколово, Новотроицкое. Опубликовано зеркало из могильника Раздумье IV (табл. XLIII, 1).

Случайные находки. Под Ордынском найдены два бронзовых ножа и обломки бронзового браслета с концами в виде голов оленей (табл. LI,

2—4). Бронзовые котлы (табл. LI, 6, 7) обнаружены у с. Кирза близ Ордынского (хранится в Омском краеведческом музее) и у г. Болотного к северо-востоку от Новосибирска (хранится в Новосибирском музее). У с. Борового на Оби, на одном из островов подобран сосуд в виде стаканчика (табл. LI, 5). Особое место занимает бронзовый чекан с изображением медведя на обухе (табл. LI, 1), почти полностью повторяющий чекан из Нового Шарапа-1, втулка его не имеет отверстия.

В лесостепной части Алтайского края найден ряд предметов вооружения, опубликованных Г. Е. Ивановым⁶⁷.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Приводимый ниже анализ дан на основании 31 могильника, в которых было исследовано 126 курганов, содержащих не менее 432 могил, и около 50 грунтовых погребений. Общее число погребенных — не менее 536 чел. Устройство могил и инвентарь погребений в синхронных грунтовых и курганных захоронениях одинаковы. Грунтовые могильники встречены на юге изучаемого региона: Обские Плесь, Старая Алейка II, Ближние Елбаны, Морайка. Они датируются V, V—IV вв. и III—II вв. до н. э. Кроме того, они встречены между курганами могильника Ордынское-1, возможно, что над ними были насыпи, которые не сохранились.

Строение курганов. Все курганы сложены из темно-серой, почти черной супеси, слабо отличающейся от дерново-гумусного слоя и погребенной почвы. Вероятно, они были сооружены из пластов дерна и имели какую-либо геометрическую конфигурацию и лишь позже приобрели современный вид. Курганы располагались по краям надпойменных террас или на высоких гривах, вытянулись вдоль них. Следы тризн в насыпях прослежены лишь в нескольких курганах. Это обломки сосудов большого диаметра, в которых помещались еда или питье на несколько человек.

На 11 могильниках во многих раскопанных курганах выявлены кольцевые рвы, а в отдельных курганах этих же могильников они не обнаружены. В самом раннем могильнике Ордынское-1, где под насыпью находилась одна могила, диаметр площадки, ограниченной рвом, небольшой — 8—10 м, а вокруг двух могил ров был вырыт по овалу (табл. XII). В более поздних курганах диаметр площадки, ограниченной рвом, не зависел от количества могил под насыпью и в среднем колебался от 9 до 13 м. Так, в Быстровке-3 он был почти одинаковым (10—11 м) в кургане с двумя и 17 могилами. Ширина рва колебалась от 40 до 90 см, глубина — от 7 до 100 см от уровня материка. Почти все рвы, за исключением трех (один в О-1 и два в Б-1), имели перерывы-входы, расположенные чаще всего на восточной или юго-восточной стороне. Иногда имелось два входа на противоположных сторонах. В отдельных случаях рвы были прерывистыми, причем глубина коротких дуг постепенно выклинивалась в отличие от окончания дуг у входов, имевших почти вертикальную стенку. Создается впечатление, что в местах таких перерывов ров перерезал лишь почвенный слой и не достигал материка. Видимо, земля, вынутая из рва, составляла валик с его внешней стороны: в трех случаях, где рвы одного кургана пристраивались к другому (Б-1, кург. 4, 9, 10, О-1 — кольца рвов на дне реки, табл. XII, 9; XXX, 2), полукольцо одного рва не доходило до другого рва примерно на 60—100 см, т. е. на ширину вала. В разрезах курганов этот вал не прослеживается.

Ров, или точнее вал из вынутой земли, имел значение ограждения мира мертвых и, следовательно, был характерной чертой погребального обряда. Его отсутствие в ряде курганов может быть объяснено двумя причинами: в одних случаях рвы не были оквачены раскопом (например, в кург. I4 НШ-1 границы раскопа лишь оконтурили могилы), в других — рвы, вероятно, углублялись лишь в почву. Рвы долгое время оставались открытыми, они были видны на поверхности, поэтому могилы не выходили за его пределы.

В трех курганах (НШ-2, кург. 2, Б-1, кург. 4 и 5) у входа во рву, чуть выше уровня дна, обнаружены конские черепа. Видимо, головы были выставлены у входа на шестах, а позже упали вниз, когда дно рва частично затянулось землей.

Вопрос о происхождении обычая делать рвы вокруг могил дискусионен. Рвы обнаружены в отдельных ирменских курганах лесостепного Приобья и Барабы (Милованово-1, Черное Озеро-1)⁶⁷. Поэтому не исключены и местные корни данного обычая. Известны рвы в раннем железном веке у саргатских племен. Л. Н. Корякова полагает, что рвы и канавки как устойчивый признак являются чисто саргатскими и появляются не ранее IV в. до н. э.⁶⁸ Однако этот признак устойчивый и для большереченской культуры и бытует с VI—V по II—I вв. до н. э. Интересно отметить, что наибольшее число саргатских курганов со рвами расположено в восточной части занятой ею территории (Среднее Прииртышье)⁶⁹. Так что для саргатской культуры этот обычай был связан либо с влиянием большереченских племен, либо с едиными истоками данного обряда.

Земляной вал и ров, ограждающие могилы, перекликаются с каменными кольцами, одинарными или двойными, характерными для многих культур, входящих в состав скифо-сибирского культурно-исторического единства. Как указывает А. Д. Грач, они известны у европейских скифов, савроматов, саков Средней Азии и Казахстана, у пазырыкцев Алтая, в Туве⁷⁰. А в курганах Таласской долины вместе с каменными кольцами прослеживаются и рвы⁷¹. Из-за отсутствия камня большереченские и саргатские племена делали кольца в виде валов и рвов.

Расположение могил. Курганные могильники VI—V вв. и V в. до н. э. (О-1, УА-3, «26 июня») содержат под насыпью одну, редко две могилы. Преобладает ориентация погребенных на юго-восток. Курганы VI—V и IV вв. до н. э. содержат по две-три могилы, реже одну или четыре (НШ-1). По-прежнему преобладает ориентация погребенных на юго-восток. В грунтовых могильниках этого времени (СтА II) отмечена ориентация на юго-запад. Характерная черта этого времени — малое количество детских захоронений, они чаще сопровождают взрослых.

С IV и IV—III вв. до н. э. происходит значительное изменение в расположении могил: появляется их круговое размещение вокруг центральной, чаще всего имеющей широтную ориентацию (указать более точно ориентацию нельзя, так как центральные погребения почти всегда разграблены). Новой чертой обряда является наличие детских захоронений, их в среднем около 40 % от общего числа погребенных, в отдельных могилах хоронят даже новорожденных.

Самые ранние курганы с кольцевым расположением могил отмечены на рубеже IV—III вв. до н. э.: в Высоком Борке в одном кургане три могилы располагались полукольцом вокруг центральной. Два же других кургана содержали по две параллельные могилы. В курганах IV—III вв. до н. э. (НШ-2) уже виден переход к круговому расположению: в кургане 2, содержащем 14 могил (табл. XXIV, 2), часть погребений расположена полукольцом вокруг центральной могилы, а некоторые могилы находятся рядом друг с другом. При этом сохраняется обычная для ранних курганов ориентация погребенных на юго-восток с отклонениями на юг и восток. В кургане 1 (табл. XXIV, 1) представлено четкое кольцевое расположение захоронений вокруг центральной могилы. Во всех последующих курганах подобное расположение могил является основным. Отмечено оно и в грунтовом могильнике Ближние Елбаны III. Однако в отдельных курганах имеются отклонения от этого принципа. Так, в Быстровке-1 встречаются сочетание кругового расположения с параллельным (табл. XXX, 5) и расположение могил в один ряд (табл. XXX, 6). Встречаются курганы с одной могилой. Круговое расположение могил типично для М-2, М-8, К II, Б-3, Нтр и др. Отмечено оно и в большереченских курганах Барабы⁷².

Кольцевое расположение могил с IV—III вв. до н. э. типично не только для большереченских могильников. Оно наблюдается в саргатских курганах Барабы, в Абатских курганах⁷³, у сарматов с IV—III вв.

н. э. (Мечетсайский могильник)⁷⁴, известно оно и в Бишунгарских курганах на Южном Урале⁷⁵. Причем на Урале самое раннее кольцевое расположение могил отмечено на Альмухаметовском могильнике VI—IV вв. до н. э.⁷⁶

Исследователи подобных курганов обычно отмечают неустойчивость ориентации погребенных и пытаются выделить преобладающие направления для конкретных территорий. Однако детальное изучение обряда говорит о том, что нельзя считать ориентацию погребенных неустойчивой; она была строго определенной, но не в сторону какой-либо части света, а по часовой стрелке и против вокруг центральной могилы. Это, скорее всего, может быть объяснено представлением о связи жизни и смерти человека с движением светил в небесной сфере. Судить о специфике ориентации погребенных можно лишь по центральной могиле, которая, к сожалению, почти всегда бывает разграблена. В каждом из раскопанных курганов можно проследить участок, от которого идут два витка могил с разной ориентацией погребенных (по часовой стрелке и против). Причем это место чаще всего не совпадает с входом через ров и может быть расположено на любом участке. Число могил в витке различно. Одно из направлений может иметь от половины до полутора витков, другое содержит одну, две и большее число могил.

Одним из наиболее ярких примеров кругового расположения могил является курган на могильнике Быстровка-3 (табл. XLVIII, 1). В нем могилы расходятся от восточного входа витками. В западной части кургана витки заходят друг за друга. Центральное разграбленное погребение, видимо, имело западную ориентацию. По часовой стрелке направлено семь могил, против — тоже семь, в двух могилах ориентация не установлена, так как они разграблены.

Только в отдельных случаях виток бывает сплошь заполнен могилами. Большой частью в нем есть пустые места, которые могут находиться в начале витка, его середине или конце. Стратиграфические наблюдения показывают, что последовательность сооружения могил не совпадает с последовательностью их расположения в витке. Это можно объяснить лишь тем, что каждому члену семьи предназначалось определенное место на участке, огражденном ровиком, точнее — валом вынутой из него земли.

К сожалению, разграбленность центральных могил не позволяет дать их четкую характеристику. В рассмотренных нами курганах 16 центральных погребений было мужскими, иногда парными — мужчины с женщиной (М-8, кург. 4). Вокруг них располагались захоронения мужчин, женщин и детей. Два центральных могилы были женскими (Б-1), но вокруг них находились погребения женщин и детей (кург. 9) или только детей (кург. 11). Поэтому мы не можем согласиться с утверждением А. П. Уманского о том, что центральные погребения принадлежали только женщинам и это свидетельствует о пережитках матриархата⁷⁷. На могильнике Камень II (раскопки 1976 г.) ряд центральных погребений оказался неразграбленными. Все они не были богатыми, но имели свои отличительные особенности. Так, в кургане 16 на стенках могилы прослеживались пятна обожженной глиняной обмазки, а сам погребенный был обильно посыпан мелом. В кургане 21 погребенный мужчина лежал на меловой подсыпке, а в кургане 25 с погребенным найдена глиняная курильница и бронзовая гривна.

Прослеживается еще одна закономерность при круговом расположении могил. В большинстве случаев детские могилы группировались в восточной части кургана или располагались по восточной дуге, иногда перемежаясь с захоронениями взрослых. Имеются исключения из этого. Так, в Новом Шарапе-2 в кургане 1 детские захоронения имелись не только в восточной, но и в западной дуге, в кургане 2 они были сосредоточены в южной части кургана. В Быстровке-3 в кургане 2 детей хоронили по западной дуге.

Как указывалось выше, диаметр площадки, ограниченной ровом, не зависел от количества могил в отличие от высоты. Это хорошо видно по дан-

ным могильника Быстровка-1. Видимо, над каждой могилой насыпался отдельный холмик, позже они слились в одну насыпь. Поэтому курганы с большим числом могил имели большую высоту.

Таким образом, появление курганов со значительным числом могил — эпохальное явление, характерное для ряда памятников скифо-сибирского круга. Оно совпадает по времени с появлением кольцевого расположения могил в саргатской культуре, у сарматов, в Приуралье. Коллективные погребения отмечены и у носителей тагарской культуры с V—IV вв. до н. э.⁷⁸

Сооружение могил. Погребения совершались в прямоугольных, реже овальных могилах, углублявшихся в материк на 20—175 см. Впускные погребения очень редки. На могильниках VI—V и V—IV вв. до н. э. (О-1, УА-3, СтА II и др.) заплечики не отмечены. В IV—III вв. до н. э. появляются ямы с заплечиками. В Новом Шарапе-2 они прослежены только в одной могиле, в Милованово-2 (IV—III вв.) все ямы имели по периметру заплечики. На ряде других могильников, даже более поздних, они прослеживаются лишь в отдельных случаях (Б-1, К II, БЕ). В других же синхронных курганах заплечики встречены, как и в Милованово-2, в каждой могиле (Сок., Нтр и др.). Высота заплечиков от уровня дна примерно одинаковая: 20—40 см, изредка 15 см.

В некоторых случаях отсутствие заплечиков может быть связано с характером грунта. Так, в Высоком Борке материк представлен песком, в котором заплечики неизбежно должны были бы осыпаться. Не этим ли объясняется то, что в ряде курганов стенки камер ниже заплечиков укреплялись досками или горбылем? В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в ранних курганах, где не было заплечиков, стенки могил были вертикальными. А в более поздних наряду с могилами с вертикальными стенками и могилами с заплечиками встречаются и сужающиеся книзу ямы или ступенька только с одной стороны (Б-1). Не исключено, что заплечики в них обрушились. Как бы то ни было, заплечики и сужающиеся книзу могилы, вероятно, появляются одновременно с кольцевым расположением погребений (с IV—III по II—I вв. до н. э.).

В двух поздних могильниках встречены единичные подбой (М-8, Нтр). Вход в них был отгорожен вертикально стоящими горбылями или плашками. В Милованово-8 подбой с захоронением ребенка отделялся такой стеной от разграбленной могилы взрослого.

Одновременно с подбоями во II—I вв. до н. э. изредка встречаются узкие щелевидные могилы, ширина которых относится к длине как 1 : 3 или 1 : 4 (М-8, кург. 1, мог. 14, 17 и Б-3, мог. 4 и 10).

Почти все могилы имели перекрытия. Обычно это один или несколько накатов бревен, лежавших на расположенных на дне могилы двух поперечных, реже продольных бревнах или на срубе в один-два венца. Бревна в срубе могли соединяться пазами, «в лапу» (УА-3) или были срезаны под углом 45°. Подобные перекрытия характерны для VI—V и IV—III вв. до н. э. Отдельные могилы имели отклонения от этого канона. Так, в Ордынском-1 (кург. 4, 1954 г.) на короткие бревна был положен досчатый настил, подстилавший два наката бревен. Иногда прослеживаются слои бересты между накатами или поверх них. В Старой Алейке II помимо бересты отмечен и слой травы. Особняком стоит богатое погребение мальчика в Новом Шарапе-2 (кург. 2, мог. 5), захоронение совершено в срубе из пяти-семи венцов тонких бревен, а сама могила была засыпана чистым песком с вкраплением охры. Там, где это удалось проследить, нижние поперечные и продольные бревна или сруб лежали на дне могилы. Таким образом, нижняя часть стенок ямы была забрана с двух или четырех сторон бревнами.

С III—II вв. до н. э. наряду с упомянутым типом перекрытия встречаются и новые, которые явно доминируют на отдельных могильниках. Это могилы с заплечиками. Перекрытие лежало на них. В ряде случаев стенки камеры ниже заплечиков были забраны горбылями или досками. В многих могилах с заплечиками и без них погребенные лежали как бы в ящике без дна, составленном из четырех бревен или гор-

былей, отстоящих на 10—20 см от стенок камеры. Перекрытие могло лежать на них, на заплечиках, а в отдельных случаях на вертикально поставленных бревнах. Само перекрытие состояло из горбылей или одного-нескольких накатов бревен, иногда перекрытых или разделенных берестой. В отдельных случаях сохранилась прослойка травы. В Камне II это осока, в Старой Алейке I — осока, хвощ и другие травы. На Новотроицком могильнике выявлено два погребения младенцев в колодах. Остатки перекрытия прослежены и в подбоях (М-8). В заполнении большинства могил встречаются угольки, реже кусочки охры и мела. В отдельных могилах погребенные лежали на подсыпке из мела либо были посыпаны им (К II). Меловое кольцо в верхней части могилы встречено в Быстровке-1. В ряде случаев отмечено обожжение поверхности перекрытия. Вероятно, могилы имели отличительный знак на поверхности, только этим можно объяснить, что даже при большом количестве могил в кургане они не перерезали друг друга. Скорее всего, это были земляные насыпи, позже слившиеся в курган. А. П. Уманским на дне могил отмечен коричневый тлен — остатки войлока или шкуры. Как считает В. А. Могильников, погребенные могли покрываться шкурой барана, о чем свидетельствуют остатки ее в виде лежащих по обеим сторонам погребенного параллельно ему костей ног барана.

Положение погребенных и инвентаря в могиле. Почти все погребения были индивидуальные. Есть парные захоронения: двух мужчин, мужчины и женщины, взрослого с ребенком. Есть случаи подзахоронения ребенка к взрослому (Б-1, К II). В нескольких могилах было погребено по три человека. С VI—V по III—II вв. до н. э. они встречены в единичных случаях, а в II—I вв. до н. э. такое явление становится частым (Б-3), а в Новотроицком А. П. Уманский отмечает могилу с восемью скелетами.

Погребенные в основном лежали в вытянутом положении на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. С IV—III вв. до н. э. появляются отдельные захоронения в скорченном положении. Большею частью это умершие, положенные на спину с согнутыми в коленях ногами. В Камне II один погребенный лежал на левом боку. Отмечено несколько диагональных погребений в квадратных могилах (К II, СтА II). Встречено четыре кенотафа (М-8, Нтр).

Не исключено, что в отдельных случаях захоронения являются вторичными. Так, в Милованово-2 могила б в кургане 1 (табл. XXVII, 4) не имеет следов разграбления, а скелет был не полным. Однако сильная разграбленность курганов не дает возможности определить число таких захоронений. О повторном захоронении может свидетельствовать небольшая высота перекрытий: высота отдельных заплечиков всего лишь 15 см, на такой же высоте находятся некоторые перекрытия, лежащие на двух коротких бревнах, расположенных в торцах могилы.

Особо можно обратить внимание на два погребения без черепа. В Ордынском-1 в могиле с тремя захороненными средний скелет мужчины не имел черепа, следов разграбления в могиле нет. В Быстровке-1 (кург. 4, мог. 3) в одиночном погребении воина вместо черепа лежал костяной наконечник стрелы (табл. XXXI, 5). А в отдельных могилах со скелетом взрослого находился только череп ребенка (Б-3, кург. 2, мог. 2).

Состав погребенных различен на разных этапах. В VI—V и V—IV вв. до н. э., когда под насыпью обычно было по одной, реже по две три могилы, детей хоронили очень редко, обычно это были погребения взрослого с ребенком. С IV—III вв. до н. э. (НШ-2) с появлением кольцевого расположения могил выявляются захоронения детей всех возрастов, начиная с новорожденных. Детские погребения отличаются упрощенностью конструкции, бедностью инвентаря, а подчас и его отсутствием.

Ориентация погребенных не стабильна. В VI—V и V—IV вв. до н. э. на северной и центральной территории распространения большереченской культуры погребенных клали чаще всего головами на юго-восток

с небольшими отклонениями. В одном из ранних курганов с кольцевым расположением могил (НШ-2) явно преобладала ориентация на юго-восток с отклонениями на восток и юг. Как указывалось выше, при кольцевом расположении многие погребенные ориентированы по часовой стрелке и против, а в центральных могилах преобладала широтная ориентация.

В Барнаульском Приобье и в прилегающем к нему районе покойников клали головой на юго-запад (СтА II, БЕ).

Прослеживается определенный порядок в расположении инвентаря. Сосуды помещались в изголовье и чаще в ногах; если их было три-четыре, то по углам могилы. Куски мяса клали обычно в изголовье, иногда прослеживаются остатки деревянного блюда, на котором оно лежало. Реже кости лежали рядом с погребенным, но всегда выше его таза. В поздних могилах рядом с мясом часто клали железный нож. Наконечники стрел найдены у таза или рядом с костями ног, чаще справа. Они могли быть направлены острием к ногам и к изголовью.

Выводы:

1. Общей чертой всех большеереченских погребений являются перекрытия в виде бревенчатых накатов, положенных на сруб в один-два венца, пару поперечных, реже продольных бревен или на заплечики.

2. Для преобладающей части территории распространения большеереченской культуры характерно наличие курганов. Часто встречаются рвы. На юге есть грунтовые могилы.

3. Наблюдаются хронологические особенности погребального обряда. С конца VI до середины IV в. до н. э. под курганами находилась вначале одна могила, позже — две-три. Захороненные ориентированы головой в основном на юго-восток, на юге ареала данной культуры — на юго-запад. Детские погребения в курганах единичны. С IV—III вв. до н. э. появляется кольцевое расположение могил вокруг центральной. В курганах стали хоронить всех членов семьи, включая маленьких детей. Могилы ориентированы по часовой стрелке и против. Появляются могилы с заплечиками, суживающиеся книзу ямы. Для II—I вв. до н. э. зафиксированы подбой и узкие щелевидные ямы.

Глава 2

ИНВЕНТАРЬ

Для проникновения в мир изучаемого населения очень важен многогранный анализ инвентаря, найденного на поселениях и в погребениях. Непосредственное, утилитарное назначение вещей дает нам возможность реконструировать занятия общества. Выявление знакового аспекта инвентаря, его принадлежности конкретным владельцам раскрывает социальное положение определенных групп населения. Анализ оформления вещей, в том числе и предметов искусства, дает представление об эстетических и мифологических воззрениях.

В данной главе мы ставим своей задачей дать подробное описание предметов, определить их датировку и круг распространения, выявить их половозрастную принадлежность и тем самым дать возможность в последующих главах привлечь их для характеристики социально-экономических и мировоззренческих аспектов жизни большеереченского населения

УКРАШЕНИЯ, ОРУДИЯ, ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ДРУГОЙ ИНВЕНТАРЬ

Украшения. Они входят в состав одежды и тем самым имеют большое значение для определения половозрастного и социального статуса человека.

Серьги. Это наиболее распространенный вид украшений. Нами учтено более 20 бронзовых, золотых, серебряных и проволочных серег. Большая часть их однотипна: проволока свернута в 1—1,5 оборота, на конце имеется петелька (табл. XXVI, 12, 13 и др.). Они встречаются в памятниках большереченской культуры с V—IV вв. до н. э. В самых ранних курганах (О-1, «26 июня») такие серьги не выявлены. Иногда на петельку бывает надета бусина. Подобные проволочные серьги широко известны в лесостепи Западной Сибири¹, Предгорном и Горном Алтае, Туве². В тагарской культуре они не зафиксированы. Две проволочные серьги из Милованово-2 завершаются трубочкой из проволоки, свернутой спиралью (табл. XXVIII, 3, 4). Аналогии им ведут в ананьинскую культуру, где подобные серьги датируются IV—III вв. до н. э.³ От серьги из Камня II спускается цепочка из двух круглых звеньев (табл. XLI, 21). Как указывает В. А. Могильников, серьга имеет аналогии в усуньских памятниках III—II вв. до н. э.⁴ Судя по описанию А. П. Уманского, на Новотроицком могильнике встречаются серьги с конусовидными и биконическими подвесками с пирамидкой из золотой зерни. Стерженек одной серьги был обернут рубчатой золотой фольгой, на него были нанизаны янтарные и стеклянные бусины⁵. Встречены две серьги в виде несомкнутого кольца (табл. XLI, 20). Подобные серьги известны в лесостепи еще с эпохи бронзы.

Серьги были и мужским, и женским украшением. Чаще всего их носили по одной, возле трех скелетов найдено по две серьги. В могилах, где определен пол умершего, серьги найдены в пяти женских погребениях (по одной), в трех погребениях мужчин и подростков (по одной и две серьги).

Гривны. Они встречены в 10 погребениях. Все изготовлены из бронзового жгута. Четыре из них (табл. XIII, 23; XXVIII, 2) состоят из двух полуколец, заходящих друг на друга. На гривне из Милованово-2 сохранились остатки кожи, видимо, следы ремешка, которым связывались эти половинки. Гривны могли иметь расплющенные концы. Две гривны представляли собой несомкнутое кольцо (рис. XLII, 9), причем одна из них имела квадратное сечение. Упоминаются находки гривен и в лесостепной части Алтайского предгорья. По А. П. Уманскому, в Новотроицких курганах была обнаружена гривна с схематичным изображением баранов на концах. Все гривны найдены в мужских захоронениях. Обычай использования этого украшения широко известен у многих народов, в том числе Западной и Южной Сибири.

Браслеты. Это редкое украшение в большереченских курганах. Их известно всего три. Один, из Быстровки-1, изготовлен из бронзового жгута, концы его заходят друг за друга (табл. XXXIV, 2). Второй браслет найден в Старой Алейке II. Интересна случайная находка под Ордынском (табл. LI, 4). Это обломки несомкнутого кольца диаметром около 11 см, его концы представляют собой изящно выполненные головки косуль. У ряда соседних племен, в том числе тагарских, браслеты не встречаются.

Бусы. В погребениях до III в. они встречаются в небольшом количестве. Это белые бусины из глушеного стекла с синими глазками и коричневыми ободками (табл. XIII, 10; XX, 11—14). Они типичны и для Южной Сибири раннего железного века⁶. В Новом Шарпе-1 найдена костяная боченкообразная бусина с круглыми ямками (табл. XIX, 12).

В большом количестве встречены бусы в Быстровке-1 (III—II вв. до н. э.). Они были сосредоточены в восьми могилах, причем большая часть их найдена в погребении женщины (кург. 4, мог. 1). Форма и материал разнообразны (табл. XXXIV, 22—38). Сохранность их очень плохая, многие из них распались. Чаще всего встречается бисер из глушеного стекла, рубленный и линзовидный. Они лежали в два-три ряда, судя по их расположению, ими обшивали верхнюю одежду. Бусы-глазчатки (около 20) сильно расслоились. Видимо, они имели два или три глазка, окаймленные коричневой линией. Найдено несколько пронизей и шаровидных

бусин без глазков, одна четырехдольчатая и две позолоченные. Хорошо сохранились небольшие черные бусы с красными полосками, крупная шестигранная пронизь из зеленого прозрачного стекла и пронизь из яшмы (табл. XXXIV, 22, 23). Как указывалось при датировке могильника Быстровка-1, техника изготовления стеклянных позолоченных бус была освоена не ранее III—II вв. до н. э. Встречаются бронзовые пронизи (табл. XLIX, 15). А. П. Уманский подробно описывает бусы из Новотроицкого⁷, где в одной могиле было найдено ожерелье из 250 разноцветных бусин из глушеного стекла, в другой — ожерелье из сердоликовых и янтарных бусин. Встречены стеклянная подвеска в виде пары конских голов и 17 гофрированных золотых пронизей. Такие же пронизи обнаружены в синхронном могильнике II—I вв. до н. э. Милованово-8 (табл. XLVI, 15).

подавляющее большинство бусин найдено в женских погребениях, в мужских они встречены в единичных экземплярах.

Пуговицы. Они чаще всего роговые, уплощенные, с одним круглым отверстием в центре. Основная часть пуговиц найдена в Быстровке-1 (табл. XXXIII, 7, 14—16). Некоторые из них лежали на ребрах погребенного.

Наборные пояса. В Новосибирском Приобье они встречены в Новом Шарапе-1 (кург. 19) и в Крохалевке-5. Пояса состоят из бронзовых и железных бляшек. Судя по описанию Ю. Ф. Кирюшина, подобные бляхи встречены в Старой Алейке II и Обских Плесах.

В кург. 19 могильника Новый Шарап-1 бляхи поясного набора лежали в одной кучке справа от погребенного мужчины. В состав пояса входило десять железных двухлопастных или бабочковидных блях с перемычкой посередине. Сзади каждой из них имелись дужки для узенького ремешка, при помощи которого они крепились к широкому поясному ремню (табл. XIX, 15, 16). Эти бляхи, видимо, были позолоченные, так как под коррозией местами прослеживаются золотые блески. На обратной стороне некоторых блях сохранились остатки ткани. В разграбленном кургане могильника Крохалевка-5 найдена одна такая же, но бронзовая бляха с сквозной втулкой в центре (табл. XXII, 15). Аналогичные железные и бронзовые бляхи известны в комплексах Предгорного и Горного Алтая (Березовка-1⁸ и Саглы-Бажи II⁹), отличаются они от описанных большей ажурностью.

К поясному набору из Нового Шарапа-1 относились также бронзовая четырехугольная обойма с отверстием для подвешивания ремешка, орнаментированная тремя рядами выгнутых линий, и висящая на конце этого ремешка круглая крупная бронзовая бляха, покрытая таким же орнаментом (табл. XIX, 7, 8). Вторая бронзовая поясная обойма из Нового Шарапа-1, найденная под обрывом, гладкая (табл. XX, 17). В Ближних Елбанах такая обойма была железной (табл. XLII, 4). Подобные поясные обоймы известны в Предгорном и Горном Алтае и Туве¹⁰. Возможно, что к поясному набору относятся 13 бляшек из Высокого Борка (табл. XXIII, 8).

Вероятно, с поясным набором могут быть связаны крупные бронзовые бляхи из Нового Шарапа-1: с изображением рогатого хищника, прямоугольная с квадратными отверстиями и две бронзовые умбонovidные бляхи, украшенные по краям пятнадцатую кругами (табл. XVIII, 1—3). Их анализ будет дан в разделе об искусстве.

В кургане 19 могильника Новый Шарап-1 обнаружено несколько крупных железных блях. Три из них, большие почти плоские прямоугольные бляхи, обломаны, ширина их 7—8 см (табл. XIX, 18). Они были обкладкой какого-то предмета, может быть ремня, толщина которого, судя по сохранившейся скобке и следам на обратной стороне блях, достигала 2—3 мм, а ширина 6 см. На внутренней стороне обкладки видны отпечатки ткани, такой же, как и на двухлопастных бляхах. Один из обломков имел закругленный край. Подобная бляха-обкладка найдена в Камне II¹¹ и в кулайском могильнике III—II вв. до н. э. Каменный Мыс¹².

Непонятно назначение двух круглых железных блях. Обе не имеют скобок для крепления. Одна из них ажурная, другая — сплошная (табл. XIX, 19; XXV, 5). В Обских Плесах, как указывает Ю. Ф. Кирю-

шин, в состав наборного пояса входили бронзовые бляхи: бабочковидные, с изображениями тигра, кабана и змеи (табл. XVI, 13—15).

Наборные пояса являются принадлежностью мужчины-воина.

Костыльки. Это художественно оформленные подвески с отверстием для продергивания ремешка с одного конца. Они бытовали на протяжении всего периода существования большебереченской культуры. Нами учтено шесть костыльков. В Ордынском-1 костылек был косяным (табл. XIII, 1). В Новом Шарапе-2 пара подвесок завершается изображением голов птиц (табл. XXVI, 10, 11). В Быстровке-1 встречены один косяной и пара бронзовых костыльков (табл. XXXIII, 8, 9). Подобные подвески были широко распространены во второй половине I тыс. до н. э. в лесостепи Западной Сибири, в Предгорном и Горном Алтае¹³, в Туве¹⁴. В тагарской культуре они не встречены. Костыльки являются принадлежностью мужского туалета. Назначение их не ясно.

Заколки для волос. Они встречены в погребениях IV—III и III—II вв. до н. э. Заколки найдены в изголовье погребенных. Обычно они встречаются парой, причем одна заколка меньше другой. Они отличаются большим изяществом. Особенно красивы бронзовые заколки из Быстровки-1 (табл. XXXIV, 17, 18). На одном конце они заострены, другой представляет собой туалетную ложечку. В верхней трети каждой заколки расположены четыре группы из трех узеньких валиков. По своей форме они совпадают с античными и средневековыми стилями¹⁵. Длина заколок 18 и 13,5 см. Найдены по одной в могиле. Две бронзовые заколки с круглыми головками длиной 6 и 9,8 см найдены в Милованово-2 (табл. XXVIII, 5, 6). Более разнообразны заколки в Камне II: бронзовые с бронзовой или стеклянной головкой, железные с бронзовой головкой и др. (табл. XLI, 7, 8). По описанию А. П. Уманского, заколки из Новотроицкого бронзовые и железные. У некоторых стержни были обернуты гофрированной золотой фольгой, а головки — золотой фольгой с тисненым узором. Заколки для волос были широко распространены в раннем железном веке у различных племен Западной и Южной Сибири. Перечисленные заколки найдены в четырех женских и одной мужской могилах.

Бляшки и подвески, обоймы. Нашивные бляшки найдены в Высоком Борке (IV—III вв. до н. э.) в детском погребении. Они представляют собой комплект из одной крупной солярной бляхи и 13 более мелких (табл. XXIII, 6, 8), которыми, видимо, был обшит подол одежды. Все они имеют скобочку с обратной стороны. Бляшки орнаментированы концентрическими линиями (крупная) и рядом мелких окружностей (мелкие бляшки). Они имеют аналогии в лесостепной тагарской культуре¹⁶. Разнообразные нашивные бляшки найдены в Быстровке-1. Мелкие полусферические бляшки имеют отверстия для пришивания, их размер колеблется от 0,7 до 3 см (табл. XXXIV, 19—21). Первые были найдены в области черепа и, видимо, нашивались на головной убор. Массивная бронзовая бляшка с дужкой с обратной стороны состоит из пяти выпуклых кругов (табл. XXXIV, 14), рядом с ней лежали две тоненькие листовидные бляшки (табл. XXXIV, 15, 16). По описанию А. П. Уманского, большое количество бляшек найдено в Новотроицком. Это четыре золотые тисненные бляшки в виде морды хищника семейства кошачьих и круглые штампованные. Головной убор женщины был обшит пластинами из золотой фольги. Обрывок золотой фольги с тисненым узором найден в Быстровке-3 (табл. XLIX, 11).

Обнаружены три подвески в виде колокольчиков (табл. XXXIV, 12, 13; L, 14), подвеска-амулет из рога оленя, бронзовая ажурная подвеска или пронизь (табл. XIII, 9), подвеска из гешира с изображением рогатого грифона (Новотроицкое) и др.

Прямоугольная рубчатая обойма с вырезом с обратной стороны (табл. XXXIV, 10) являлась наконечником¹⁷. Как указывалось при описании Быстровки-1, она имеет аналогии на Урале, в Каменном Мысу и датируется III—II вв. до н. э. К числу украшений надо отнести золотую фольгу из Милованово-8, обкладку деревянной фигурки козла (табл. XLVI, 14) и деревянную палочку, обернутую в бронзовую тисненую фольгу (табл. XXII, 16). В нескольких могилах найдены раковины каури.

Круглые маленькие железные пряжки с подвижной иглой из Быстровки-3 (табл. XLIX, 12) являются самыми поздними датированными находками и относятся, как указывалось при описании памятника, к II—I вв. до н. э.

Основная масса украшений является характерной для всей второй половины I тыс. до н. э. В украшениях четко прослеживается связь населения лесостепной части Западной Сибири и лесостепного Приобья с населением Предгорного и Горного Алтая и Тувы и в меньшей степени — с носителями тагарской культуры.

Орудия и предметы быта. Они представлены в поселениях и могильниках.

Ножи. Самое распространенное орудие. Бронзовые ножи представлены 12 экз. На поселении Ордынское-9 найдено четыре бронзовых ножа и обломок пято. Все они пластинчатые и по своим очертаниям восходят к ножам ирменской культуры и переходного периода¹⁸. Спинка у них прямая, у одного слегка выгнутая (табл. III, 10, 18—21). Слабо выделяющаяся ручка вставлялась в костяную или деревянную обкладку. Длина самого крупного ножа 12 см, самого маленького — 5,5 см. На могильнике Ордынское-1 найдены аналогичные ножи, но с более широкими лезвиями, один из них целый, второй — поломанный (табл. XIII, 14, 25). Три ножа обнаружено в Высоком Борке. Один из них имеет скальпелевидное лезвие, встречающееся в тагарских памятниках V—IV вв. до н. э. Однако отсутствие отверстия для подвешивания дает возможность связать его с местными пластинчатыми ножами. Два ножа с прямыми спинками, слабо выделяющейся ручкой (один имеет небольшое отверстие для подвешивания). Аналогии им известны в материалах V—IV и IV—III вв. до н. э.¹⁹ Остальные три бронзовых ножа имеют аналогии в комплексах лесостепной тагарской культуры. Нож из Мерети-1 коленчатый, с расширяющейся сверху ручкой с отверстием, типичен для V—III вв. до н. э.²⁰ Два других ножа — случайные находки под Ордынском (табл. LI, 2, 3). Один из них относится к типу прямых, его пластинчатая ручка почти не отделяется от лезвия, отверстие для подвешивания маленькое, каплевидное. Второй относится к типу особых или скальпелевидных с овальным отверстием на ручке. Оба они датируются в пределах V—III вв. до н. э. на основании аналогий в Ачинско-Мариинской лесостепи и Минусинской котловине²¹.

Значительно полнее представлена коллекция железных ножей. Их найдено более 40, однако из-за плохой сохранности мы можем судить о форме лишь 23 ножей. Самый ранний нож — из богатого погребения мальчика в Новом Шарапе-2 (табл. XXV, 3). Он небольшой, пластинчатый, полностью повторяющий по форме пластинчатые бронзовые ножи. У него, как и у ножа из Ордынского-1, чуть загнут назад конец лезвия. Широко представлены ножи в Быстровке-1. Они несколько крупнее более ранних (табл. XXXVI, 1—7). Большая часть их найдена близ костей барана. Один найден около пяточной кости и три в области пояса. Рядом с одним из последних лежали два железных кольца, железная пластинка и обломок крючка, возле другого — костяная пуговица.

Найдены ножи в Камне II, Быстровке-3, Новотроицком и на других могильниках, датируемых начиная с III—II вв. до н. э. Все они однотипные: рукоять не выделяется. Встречаются ножи с кольчатым навершием. Железные ножи встречены на поселениях Ирмень-5, Милованово-3а и Шелганушка-1 (табл. VIII, 8; IX, 2; XI, 18).

Таким образом, единичные железные ножи появляются в V—III вв. до н. э. в более богатых могилах. Массовое употребление железных ножей начинается в III—II вв. до н. э.

Шилья. Найдено 3 экз. На поселении Ордынское-9 оно бронзовое, квадратное в сечении (табл. III, 12). У бронзового шила из кургана могильника «26 июня» рабочая часть округлая, а верхняя — квадратная, второе шило или стержень из этого же кургана железное (табл. XV, 12, 13).

Игла. Найдена одна, золотая, квадратная в сечении, с ушком. Конец ее намеренно перекурчен (табл. XXXIV, 11).

Пряслица. Нами учтено 43 экз. из раскопок в Новосибирской области, Камне II 1976 г. и Ближних Елбанах. Судя по описанию, пряслица часто встречаются и в других могильниках. Глиняных пряслиц 36, одно изготовлено из стенки сосуда и шесть каменных — из сланца. Последние появляются не ранее III в. до н. э. (К II, Сок., Б-1, БЕ) и сосуществуют с глиняными. Такое же явление прослеживается на кулайском могильнике III—II вв. до н. э. Каменный Мыс, где половина пряслиц были каменными²². Диаметр пряслиц 5—3 см, высота — 0,5—3 см. Каменные пряслица тонкие, плоские (табл. XXXVII, 3). Глиняные имеют разнообразную форму: они в разрезе овальные, биконические, подпрямоугольные, сложные (табл. XXXVII, 1, 2, 4—10). Ряд пряслиц с поселения Ордынское-9 имеет форму сосуда (табл. III, 13—16). Большая часть пряслиц орнаментирована точками, штрихами и мелкими окружностями, все они расположены кольцами. Одно пряслице роговое (табл. XXXIII, 6).

С погребенными женщинами найдено 10 пряслиц, мужчинами — 4, остальные происходят с поселений или из могил, где пол погребенного не определен.

Каменные орудия представлены оселками, грузилами, зернотерками и мотыжкой. Учтено 11 оселков вытянутой прямоугольной формы, они просверлены с двух сторон (табл. XXXVI, 9, 10).

Каменные грузила встречены на поселениях Ордынское-9 и Милованово-3а. Они изготовлены из плоских камней с подтесами для веревки с двух сторон (табл. III, 3, 5, 6; IX, 5). В Ордынском-9 найдены каменная мотыжка и целая зернотерка размером 36×26 см (табл. III, 4, 8). Обломки разбитой зернотерки обнаружены в яме жилища поселения Ордынское-2.

Встречены два целых каменных песта (табл. III, 7; XVIII, 4) и несколько поломанных. Длина целых 19 и 25 см. На поселении найдены отбойники со следами ударов.

Костяные орудия разнообразны. Наиболее часто встречаются на поселениях проколки, иногда это просто заостренный обломок кости. В могилах найдены две проколки, одна с отверстием для подбешивания (табл. XXXVI, 16, 17). Интересно орудие из тазовой кости, найденное в Ордынском-9 (табл. II, 6). Судя по трассологическому анализу, произведенному Е. А. Сидоровым, оно являлось сельскохозяйственным орудием типа тяпки²³. Среди находок из Ордынского-9 два крупных орудия из конских челюстей (табл. II, 7). Зубы из них выбиты, закругленная часть имеет следы сработанности, анализ которых на одном из них позволяет отнести его к сельскохозяйственным орудиям типа серпа или косы для срезания крупных стеблей: камыша, тростника, осоки и т. д.²⁴ М. П. Грязнов полагал, что орудия из челюстей являлись трепалами и служили для изготовления пряжи²⁵. Здесь же найдено орудие, похожее на псалий с заостренным концом (табл. III, 17). Для псалия оно слишком плоское, одно отверстие очень маленькое. Следы потертости обих отверстий отсутствуют, на остром конце отмечена небольшая залощенность. Найдена заготовка из рога лося (табл. II, 5).

Глиняные орудия представлены пятью изделиями в виде грибков на короткой ножке. На «шляпках» имелись одно или три сквозных отверстия, на трех изделиях их не было (табл. III, 9; XXVI, 16; XXXVII, 12—14). Этнографические аналоги этих находок и экспериментальная проверка позволяют предположительно отнести их к орудиям типа наковален для выделки поверхности сосуда²⁶. Подробно этот вопрос рассмотрен в главе об экономике.

Предметы домашнего обихода. В двух курганах сохранились остатки овальных деревянных блюд. Это древесный глен в Верхнем Сузуне-5 и остатки блюда в Камне II²⁷.

Среди находок два целых бронзовых котла (табл. LI, 6, 7). Один из них найден у с. Кирза близ р. п. Ордынское. Он имеет дуговидные ручки с гвоздевидным выступом и два горизонтальных валика. Второй найден у г. Болотного. У него ручки гладкие, без выступа, горизонтальный валик на тулове был один. Котел долгое время использовался и имеет многочисленные латки. Оба относятся, по классификации Н. А. Боковенко, к первому

типу котлов и, видимо, связаны с производством их в Минусинской котловине; Н. Л. Членова датирует котлы с дуговидными ручками V — рубежом IV—III вв. до н. э.²⁸

Предметы вооружения. Они представлены в ряде могил. Однако большая часть мужчин была погребена без предметов вооружения.

Наконечники стрел. В ранних курганах они встречаются в единичных экземплярах, с III—II вв. до н. э. количество их возрастает. Наконечники встречаются в могилах по 1, 3, 5 и 7 экз. В памятниках Новосибирского Приобья два бронзовых наконечника обнаружены на поселениях (Кр-11а и Кротово-7—8; табл. VI, 5; VII, 9) и шесть на могильниках (УА-3, О-1, Аткуль, Кр-5, Б-1). Из них один редкой формы — в виде острия (УА-3, табл. XV, 4), два черешковых (табл. XIII, 3; XXII, 13) и три втульчатых (табл. VII, 9; XXIII, 3; XXXII, 32), один из последних — с выступающей втулкой (табл. XIII, 5). Черешковые наконечники встречаются в Старой Алейке II, Крохалевке-5, Ближних Елбанах I и на кижировском поселении Дубровинский Борок-1 (табл. V, 18; XVI, 4). Видимо, они были широко распространены в VI—V и V—IV вв. до н. э. Аналогии всех перечисленных наконечников даны при описании памятников. Уникальным является бронзовый наконечник из Высокого Борка. Он был отлит по образцу костяного ромбического в сечении черешкового наконечника и согнулся при ударе (табл. XXIII, 7).

В Новосибирском Приобье учтен 101 костяной наконечник. Некоторые из них повторяют по форме бронзовые черешковые и втульчатые наконечники (табл. XX, 5, 6; XXVI, 9; XXXII, 33—35)

Зажимный наконечник встречен в Быстровке-1 (табл. XXXII, 31). Остальные обычные, черешковые. Значительно преобладают небольшие наконечники. В ранних погребениях их длина колеблется от 3,5 до 7 см, и лишь один достигает 9 см (табл. XV, 9). С III—II вв. до н. э. в Быстровке-1 появляются наконечники длиной до 16 см (табл. XXXII, 18—21), причем они сосредоточены в двух могилах, а в остальных встречены мелкие. Наконечники найдены в основном в мужских погребениях, лишь в двух случаях — в женских. Особое место занимает костяной предмет — двусторонний наконечник, причем оба конца палочки завершаются наконечниками, аналогичными бронзовым (табл. L, 19). Назначение его неясно.

Колчаные крючки. Нами зафиксировано 7 экз.: три бронзовых (табл. XIII, 19, 20; XXXII, 36), один костяной (табл. XXXVI, 15) и три железных (табл. XLI, 4; XLII, 7; XLIII, 21). Все они встречены в мужских могилах.

Чеканы. Учтено 5 экз. Два бронзовых чекана почти одинаковые, отличаются размерами. Один из них (табл. XXV, 11) найден в богатом погребении мальчика (НШ-2, кург. 2, мог. 5). Ударная часть его рифленая, у рукояти изображена миниатюрная голова орла. На обухе отлиты три стоящие друг над другом рельефные фигуры медведей, четвертый медведь повернут в противоположную сторону, отлита только голова. Второй чекан — случайная находка при земляных работах в Новосибирской области (табл. LI, 1). Он отличается от описанного выше меньшим размером, отсутствием изображения головы орла и тем, что втулка не была полой, она отлита без отверстия. Датированные аналоги этих чеканов нам не известны. Иконографический анализ изображений дан в разделе об искусстве.

На могильнике Новый Шарап-1 найдены два почти одинаковых железных чекана с втулками (табл. XIX, 9; XXI, 1). Длина их 21 и 22 см. Такой же чекан найден в Камне II (табл. XLI, 2). Среди случайных находок предметов вооружения Г. И. Ивановым опубликован бронзовый чекан (табл. XVI, 1). Сама форма чекана связана с районами распространения тагарской культуры, где чеканы встречаются очень часто. Чеканы найдены в мужских погребениях с V—IV по III—II вв. до н. э.

Кельты. Они были распространены в это время. Формы для отливки бронзовых кельтов найдены в Ближних Елбанах XII, Верх-Туле и на других памятниках (табл. V, 5; XI, 4). В них отливались двуушковые и кельты без ушек. Кельт последней формы встречен в Высоком Борке

(табл. XXIII, 12). К III—II вв. до н. э. относится кельт из Быстровки-1 (табл. XXXIII, 1). Он принадлежит к западно-сибирскому типу, подшестиугольный в разрезе, с внутренней поперечной перегородкой. В. Н. Чернецов относит такие кельты к III типу²⁹. Верхняя часть кельта укреплена тремя выпуклыми валиками на средней грани, от них вниз отходят три перпендикулярных валика. Наиболее близкие аналоги — случайная находка из Каинского округа и кельт из насыпи позднего кургана на среднем Чулыме³⁰.

Кинжалы и мечи. В могилах встречены единичные экземпляры. В Новом Шарапе-1 в самом богатом погребении мужчины найден железный кинжал плохой сохранности. Длина его 31 см. Массивный клинок, шириной 6—7 см у перекрестия, резко сужается книзу. Перекрестие узкое, бабочковидное. Навершие зооморфное, на нем изображены две обращенные клювами друг к другу орлиные головы (табл. XIX, 10). Подобные навершия являются характерными для южных районов Сибири³¹. В Скифии этот мотив встречается на акинаках V в. до н. э.³². Аналоги среди сарматских мечей (у с. Осьмушкина, Кара-Оба, Исикай) датируют меч V—IV вв. до н. э.³³ Судя по сохранившимся остаткам дерева, он находился в ножнах, к которым, возможно, относился небольшой железный предмет в форме полушария со следами дерева и поперечной перегородкой внутри (табл. XIX, 13).

О находках более поздних кинжалов пишет А. П. Уманский. Среди случайных находок лесостепного Алтая известны бронзовые кинжалы (табл. XVI, 2) и длинный меч сарматского типа из с. Ключи Алтайского края (табл. XVI, 6).

Редкие находки этого вида оружия свидетельствуют о высоком социальном статусе его владельца.

Предметы конского снаряжения. Среди находок имеются три комплекта уздечного набора. Набор из кург. 19 могильника Новый Шарап-1 лежал в могиле компактной кучкой. В него входили пять круглых блях для перекрещивающихся ремней, три небольшие бляшки с изображением свернувшихся зверей, две восьмеркообразные бляхи для соединения двух ремешков в один, две подковообразные бляхи и бляшка в виде запятой (табл. XIX, 1—6). Последняя, видимо, была налобной. Удлиненные бляхи, близкие нашей, с изображением головы грифона или орла известны в ряде комплексов Приуралья: могильника на Алебастровой горе (V—IV вв. до н. э.), Мачетсайского кургана (VI—V вв. до н. э.) и др.³⁴ Наша бляшка отличается от них более сильной стилизацией, что является характерным для Южной Сибири³⁵.

Интересны две подковообразные бляшки с неясным растительным орнаментом. В центре видны следы пригоревшего железа и небольшая потертость с выпуклой стороны. Бляшки имели по две дужки для продерживания узких ремешков, идущих, судя по потертости, под углом друг к другу. Их аналоги неизвестны. Восьмеркообразные бляхи для соединения ремней встречены и в других курганах Новосибирского Приобья (табл. XX, 4; XXXVI, 14). Удила в этих погребениях не найдены, возможно, они входили в состав кучки из железных различных предметов.

Второй набор выявлен в кургане 2 могильника Новый Шарап-2 (рис. 1). Это три роговые пряжки: две нащечные для перекрещивающихся ремней, в виде запятых, и одна круглая, налобная (табл. XXV, 8—10). Здесь же найдена кучка разрушившихся железных предметов. Мотив в виде запятых или пальметок, связанный с стилизованным изображением головы грифона, широко распространен в Южной Сибири³⁶.

Третий набор обнаружен при земляных работах в Новосибирске. Он состоит из двух двудырчатых костяных псалиев, костяной подпружной пряжки и двух бронзовых подвесок в виде клыка кабана (табл. XXII, 1, 2, 9—11). Все они имеют широкий круг аналогий с VI—V по конец I тыс. до н. э.³⁷

Разрозненные предметы уздечного набора найдены в разграбленных курганах могильника Быстровка-1. Железные удила обнаружены в двух

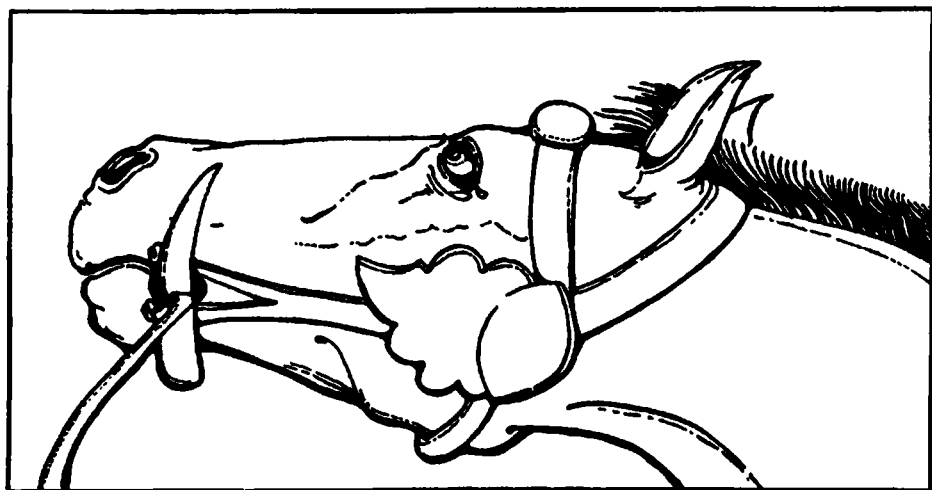

Рис. 1. Реконструкция уздечного набора (НШ-2, кург. 2, мог. 5).

могилах, одни из них сохранились вместе с обломком костяного псаляя. Хорошо представлены сбруйные обоймы, застёжки и пряжки. Небольшая костяная обойма (табл. XXXIII, 19), видимо, по своей форме восходит к бронзовым ногтевидным обоймам, встреченным в савроматских погребениях³⁸. Найдены конические костяные и бронзовая ворворки и плоские «пуговицы» (табл. XXXIII, 14—18), застёжка с косо срезанным краем (табл. XXXIII, 20), несколько роговых пряжек: с языком-застёжкой у переднего края, блокообразные с перехватом посередине и с вытянутым носом (табл. XXXIII, 11—13). Все они имеют широкие аналогии на протяжении всей второй половины I тыс. до н. э. Подобные пряжки и застёжки представлены и в Камне II (табл. XLI, 19, 22—24), и в Соколово, и в Новотроицком (табл. XLIII, 6, 22, 23).

Обломок костяного трехдырчатого псаляя найден на поселении Ордынское-9 (табл. III, 11). Детальный его анализ дан выше при обосновании датировки поселения. В осыпи курганов могильника Новый Шарап-1 подобраны обломки железных удиц.

Оригинальные бронзовые псаляи найдены вместе с железными удилами в насыпи разграбленного кургана могильника Милованово-2. Они имеют дисковидные окончания (табл. XXVIII, 9, 10). Самый поздний предмет конского набора встречен в Милованово-8. Это очень крупная железная прямоугольная пряжка с неподвижным шпеньком (табл. XLVI, 23), имеющая, как указано при описании могильника, аналоги в поздних тагарских погребениях.

Таким образом, предметы конского снаряжения широко представлены в большереченских комплексах с VI—V вв. до н. э. по II—I вв. до н. э.

К числу предметов неясного назначения можно отнести две костяные пластины, длина их 20 и 13 см, имеются отверстия для прикрепления к основе. Одна имеет восьмеркообразную форму, другая — вытянутую подтреугольную (табл. XXXVI, 19, 20). По форме пластины совпадают с роговыми накладками на седельные луки из Пазырыкских курганов³⁹, но найдены по обеим сторонам таза скелета, изготовлены не из рога, а из тонкой костяной пластины и поэтому вряд ли могли быть седельными луками. Похожи на них четыре более мелкие костяные пластины (длина от 4 до 10 см), три из которых имеют отверстия для прикрепления (овальная, восьмеркообразная и подтреугольная пластины), четвертая, трапециевидная, без отверстия (табл. XXXIII, 4, 5). Они

лежали в одной кучке: две шлифованной поверхностью вниз, две — вверх. Между ними сохранились следы железа. Может быть, это части костяного доспеха.

Предметы ритуального назначения встречаются редко. Они представлены зеркалами и курильницами.

Зеркала. Они являются не только предметами туалета, но, в первую очередь, ритуальными. Как культовый атрибут, зеркала теснейшим образом связаны с каменными алтариками: они всегда сопровождаются алтариками, а последние могут встречаться и без зеркал.

Самое раннее зеркало — случайная находка из разрушенного могильника при строительстве моста через Обь (табл. L, 13). Диаметр его 12 см, в центре имеется ручка в виде петельки. Зеркало орнаментировано concentрическими кругами и группами маленьких кружков. Подобные китайские зеркала (типа Чжань-Го) датируются V—III вв. до н. э.⁴⁰ Небольшое круглое зеркало с ручкой-дужкой в центре подобрано в обрыве под курганами могильника Ордынское-1 (табл. XIII, 6). По А. И. Мартынову, подобные «соляные бляхи» характерны для тагарской культуры и встречаются на протяжении всего периода ее существования⁴¹.

Бронзовое зеркало из Быстровки-1 (табл. XXXV) найдено в ногах погребенного мужчины, на зеркале лежал каменный алтарь, рядом — куски мела. Оно имело вид плоского диска диаметром 13,5 см с длинной припаянной боковой ручкой. Зеркало поломано и имеет следы починки железной проволокой, продернутой сквозь просверленные отверстия, и бронзовой латкой. Одна сторона диска гладкая, другая двумя concentрическими окружностями в виде двух валиков делится на гладкий ободок, основное поле и центральную часть, заполненную геометрическим орнаментом. Узкий валик проходит по краю диска. Основное поле занято фигурами трех тигров. Иконографический анализ изображений дан в разделе об искусстве. Зеркала подобной формы известны по материалам савроматских могил с IV по рубеж IV—III вв. до н. э.⁴² К. Ф. Смирнов относит их к первому типу зеркал (в виде диска с длинной ручкой) и указывает, что родиной этого типа были Средняя Азия и Иран, а савроматы, в первую очередь живущие в Оренбургской степи, заимствовали эту форму. Нашему зеркалу среди савроматских наиболее близко зеркало из Тара-Бутака⁴³, датируемое IV в. до н. э. По своей форме полностью совпадает с быстровским зеркало из Новоचेкинского могильника в Барабе⁴⁴.

В материалах Камня II и Соколово опубликованы зеркала в виде диска диаметром около 20 см с боковой ручкой (табл. XLI, 6; XLIII, 9). По сарматским аналогам они, как и быстровское, датируются IV в. до н. э. Зеркала из Быстровки-1 и Камня II найдены с погребенными мужчинами.

А. П. Уманский указывает на серию зеркал из раскопанных им курганов⁴⁵. Среди них явно импортное зеркало из Рагозики. Зеркало из Раздумья IV с боковой ручкой в виде головы грифона орнаментировано группами отрезков, выполненных, как и быстровские изображения, коротенькими зигзагообразными линиями⁴⁶ (табл. XLIII, 1). Группа зеркал имеет ручки в виде петелек (табл. XIII, 6).

Курильницы. Учтено 19 каменных курильниц-алтариков. Они могут быть овальными, круглыми, подквадратными. Среди них есть изготовленные очень тщательно, например, алтарь на кольцевой подставке из Быстровки-1 (табл. XXXVI, 11—13), есть очень грубо выполненные, причем это не является хронологическим признаком. Ареал распространения алтариков очень широк. Они восходят к савроматским и сарматским жертвенникам⁴⁷ и таким же алтарикам из Средней Азии и Казахстана⁴⁸. Известны они и в саргатской культуре⁴⁹.

Глиняные курильницы — небольшие сосудики с уплощенным или плоским дном и наклонными невысокими стенками. Они выполнены из грубого теста и имеют сквозное отверстие у дна. Нами учтено 3 экз. (табл. XXI, 30; XXIX, 14). Подобные курильницы известны в саргатской культуре⁵⁰, у сарматов и, по типологии М. Г. Мошковой, относятся к IV типу курильниц⁵¹. Только в 10 могилах удалось связать

курильницы с полом погребенного: семь найдены с мужчинами, три — с женщинами.

Прочие находки. С культом связаны куски мела и охры, найденные в ряде курганов. К их числу относятся гальки и отдельные необработанные камни. Они встречаются на протяжении всего периода бытования большереченской культуры (УА-3, М-2, Б-1 и др.). Особенно много кусков мела и охры в Камне II, где они встречены в 12 могилах, причем в двух случаях были обожженными. Раковины каури могли относиться к украшениям или предметам культа. В одном детском погребении встречены просверленные бараньи астрогалы (табл. XLVI, 13), свидетельствующие об игре в альчики.

Таким образом, инвентарь памятников большереченской культуры разнообразен. Предметы вооружения, особенно мечи, чеканы, кельты, встречены лишь в отдельных могилах. Основные аналогии инвентарю ведут на Алтай.

КЕРАМИКА

Характерной особенностью большереченской керамики является значительное различие между поселенческими и погребальными комплексами. Это было отмечено М. П. Грязновым, который справедливо полагал, что данный факт связан с обычаем снабжать умершего пищей в дорожных сосудах, не имевших широкого распространения в быту⁵². И действительно, на поселениях резко преобладают сосуды баночных форм (от 87 % до 98 %), а в могильных комплексах — кувшинчики (от 43 % до 63 %). Поэтому ниже мы даем отдельно анализ поселенческих и погребальных комплексов. Подобное различие в керамике присуще не только большереченской культуре. Так, например, оно наблюдается в андроновских памятниках, где в совершенно различных пропорциях встречаются изящные горшки и грубые баночные сосуды с простым орнаментом.

В целом для большереченской керамики характерны следующие признаки. Поверхность сосудов большей частью хорошо заглажена, обжиг неравномерный, часто встречаются сосуды красного и светло-коричневого цвета. Венчик округлый, реже прямой, иногда слегка утолщенный. Основные формы сосудов: баночные и кувшины. Значительно реже встречаются открытые миски, единичны горшки с слегка отогнутым венчиком, сосуды в виде бочонков и стаканов. В формовочную массу добавлялась дресва с включениями слюды и органики.

Орнамент чаще всего состоял из одной строки, редко из 2—4 строк. Поэтому в последующем анализе орнамента мы не даем его композиционного построения и подсчета орнаментальных мотивов по строкам, а учитываем их лишь по сосудам. Сосуды анализировались по следующим параметрам: форма, способ нанесения орнамента, основные орнаментальные мотивы.

Комплексы поселений. Анализу подверглись материалы Новосибирского Приобья и Ближних Елбан I. Остальная керамика из Барнаульского Приобья очень фрагментарна и представлена в основном сборами. В изложении мы не учитываем материала так называемого большереченского этапа (по М. П. Грязнову), выделяемого нами в самостоятельную культуру, и той малочисленной группы керамики, которую М. П. Грязнов отнес к началу бийского этапа. Речь идет о памятниках Ближние Елбаны II, V, VII, X, XI, XV⁵³, для которых характерна керамика, продолжающая традиции переходного этапа (два ряда «жемчужин», четыре — шесть строк орнамента, прочерченные линии, сеточка и т. д.). Именно такая керамика была найдена на Бийском городище, что дало М. П. Грязнову основание для названия бийского этапа. Крайне незначительные находки этой керамики не сопровождаются датирующим материалом и поэтому не могут быть отнесены к V—IV вв. до н. э. Исключение составляет памятник Ближние Елбаны

XV, М. П. Грязнов опубликовал наконечники стрел из него (табл. V, 7, 8). Но, как указывалось выше, в описи находок и в Эрмитаже эти наконечники отсутствуют, и вопрос о датировке данной группы керамики остается открытым.

Нами учтены обломки более чем 1000 сосудов. Статистической обработке подверглось 837, происходящих из комплексов, которые насчитывают от 30 до 278 сосудов. Комплексы с меньшим числом обломков лишь сопоставлялись с остальными. Подсчет сосудов велся по венчикам.

Поскольку на поселениях часто отсутствует датирующий материал, очень важно проследить хронологические изменения в керамических комплексах, чтобы иметь возможность использовать их в качестве критерия для датирования, а не только индикатора культурной принадлежности поселения.

В связи с этим ниже мы даем в первую очередь анализ керамики тех поселений, где имеется четкий датирующий материал. Большереченская керамика встречается и в кижировских памятниках Томского и севера Новосибирского Приобья, где она четко выделяется благодаря ее форме, орнаментации, выделке и обжигу. Поэтому мы привлекаем материалы однослойных кижировских памятников Дубровинский Борок-1, Каменный Мыс (рис. 2, 3), имеющих твердую датировку. Керамические комплексы этих поселений содержат соответственно 12 % и 17 % большереченских сосудов. Городище Каменный Мыс датируется бронзовой цилиндрической обоймой для перекрешивающихся ремней (рис. 2, 7). Ее аналоги известны в комплексах VI—V вв. до н. э.⁵⁴ Поселение Дубровинский Борок-1 датируется бронзовым черешковым трехлопастным наконечником стрелы (рис. 3, 7), который, как уже указывалось, датируется в пределах V—IV вв. до н. э. Среди большереченской керамики этих поселений встречаются сосуды, орнаментированные оттиском многозубой гребенки и очень крупными «жемчужинами».

Анализируемые ниже комплексы относятся непосредственно к большереченской культуре (табл. 1).

Ордынское-9. Найдены обломки более 300 сосудов, анализируются 278, среди которых явно преобладали плоскодонные (табл. III, 1, 2). Три сосуда имели поддон. К большереченскому типу относится 88 % всей керамики, к синхронной ей кижировской — 12 % (табл. IV, 5).

По форме сосуда условно можно разделить на две группы: баночные — 90 % (табл. III, 1, 2) и сосуды с профилированной шейкой (табл. IV, 2), к которым в зависимости от диаметра могли относиться горшки (9 %) и кувшинчики (1 %). Венчики обеих групп были округлыми, реже срезанными. Орнамент однотипен, средний индекс орнаментированности — 0,9 строк на один сосуд (или 252 строки на 278 сосудов). Не имеют орнамента 20 % сосудов, с одним пояском узора — 74 % комплекса, с двумя-тремя — 6 %.

Способ нанесения орнамента однообразен. Отмеченный в табл. 1 фигурный штамп представлен косым крестом, бобовидным, веретенообразным и ромбовидным оттисками штампа (табл. IV, 7, 11, 12). Некоторые «жемчужины» крупные — 1—1,3 см в диаметре (табл. IV, 1). Гребенка могла иметь крупные и мелкие зубья, иногда почти точечные. Многозубой гребенкой орнаментировано 11 % сосудов, двузубой — 21 %. Оттиски гребенки прокатанные (без оттисков ее основания) с равномерным нажимом, гребенка ставилась прямо.

«Жемчужины» чаще всего были отделены друг от друга несколькими вертикальными линиями, оттисками угла палочки, которые иногда сливались в арки, реже — полулунками и ямками. С традициями переходного периода — завьяловской культурой — связаны сосуды с двумя рядами «жемчужин», веерным расположением оттисков гладкой палочки (на последнем сосуде имеются еще один ряд ямок и ряд «жемчужин») и сосудов с оттисками косоугольного креста (табл. III, 1; IV, 10, 11).

Наличие в комплексе отдельных элементов орнаментации, широко представленных в завьяловской культуре (VIII — начало VI вв. до н. э.), свидетельствует о ранней датировке поселения, что подтверждается находкой трехдырчатого псаля, относящегося к времени не позже VI—V вв. до н. э.

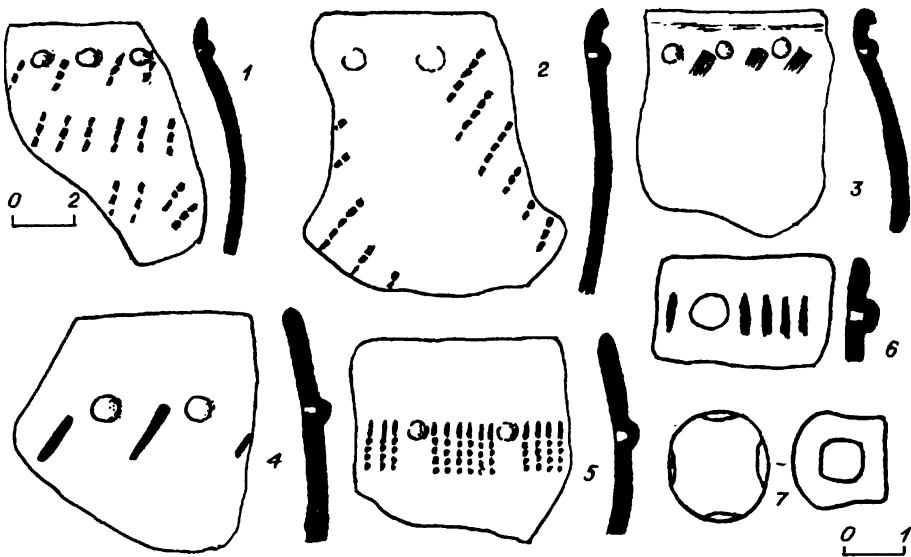

Рис. 2. Находки с памятника Каменный Мыс:
1-3 — кижировская керамика; 4-6 — большереченская; 7 — бронза.

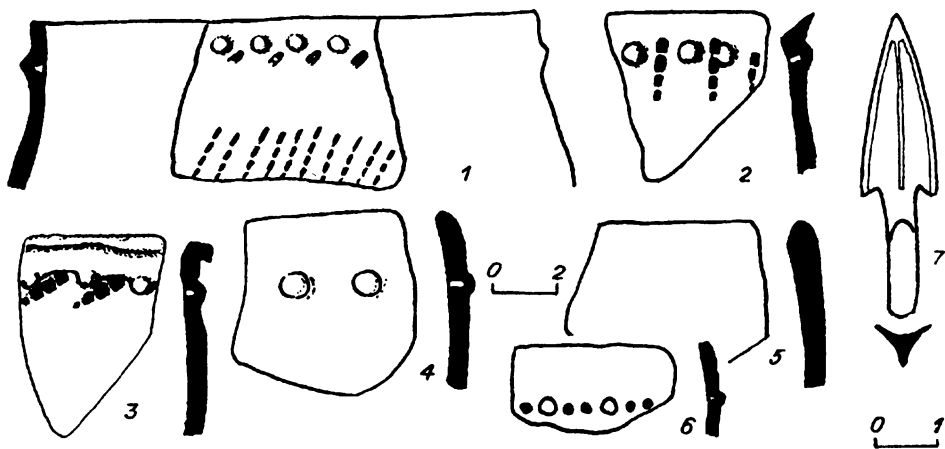

Рис. 3. Находки с памятника Дубровинский Борок-1.
1-3 — кижировская керамика; 4-6 — большереченская; 7 — бронза.

Крохалевка-11а (табл. VI). Памятник датируется V—IV вв. до н. э. Керамический комплекс состоит из обломков не менее чем 200 сосудов, относящихся к кижировской и большереченской культурам (примерно по 50 %). В отличие от материала Ордынского-9, а также керамики Дубровинского Борка-1 и городища Каменный Мыс, в которых большереченские и кижировские сосуды четко отделяются друг от друга, в Крохалевке-11а большереченские традиции переплетаются с кижировскими элементами (заостренный, чуть отогнутый венчик, более грубая обработка поверхности, две и более строк орнамента и т. д.).

Статистической обработке подверглись обломки 90 большереческих сосудов, из которых 15 имеют некоторые кижировские черты. Баночных сосудов — 87 %, горшков с отогнутым венчиком — 12 %, мисок — 1 %. Способ нанесения орнамента в целом совпадает с ордынским. Резко преобладают «жемчужины», ямки встречаются реже. Есть отдельные сосуды с крупными «жемчужинами». Более трети сосудов орнаментировано гребенчатым штампом, имеются оттиски гладкой палочки, ее угла, орнамент, нанесенный «тычком» (накольчатый). Фигурный штамп представлен оттисками в виде петельки. Единичны фрагменты с полулунным и ногтевым орнаментом. Особенностью данного комплекса является преобладание многозубчатой гребенки (30 %) над двузубой (8 %) и меньшее количество неорнаментированных сосудов (3 %), что связано с северным, кижировским влиянием. Основной орнаментальный мотив — «жемчужины», отделенные друг от друг черточками, оттиском угла палочки и т. д. (62 %), и ряды наклонных и вертикальных линий (60 %). Неразделенных «жемчужин», как и в Ордынском-9, мало. Остальные мотивы единичны.

Ирмень-1 (табл. VIII, 1—5). Статистической обработке подверглись 36 сосудов (банок — 94 %, кувшинов — 3, горшков — 3 %). Датирующий материал раннего железного века отсутствует. Керамический комплекс, как видно из табл. 1, исключительно близок двум описанным выше, что позволяет отнести его к времени не позже IV в. до н. э. Самый распространенный способ орнаментации — «жемчужины» (64 %). Имеются крупные «жемчужины». Часто встречаются оттиски многозубой гребенки (11 %), реже — двузубой. Распространены оттиски гладкой палочки, которые иногда наносились «тычком». Не имеют орнамента 9 % сосудов.

Кротово-7-8, Мереть-1 (табл. VII, 6—9). Оба памятника датируются наконечником стрелы и бронзовым ножом в пределах V—III вв. до н. э. Коллекция керамики незначительная. В кротовском комплексе почти все сосуды имеют «жемчужины», в том числе крупные. Есть оттиски многозубой гребенки, в Мерети-1 — гладкого штампа.

Милованово-3а (табл. IX, 6—12). Железный нож, найденный на поселении, позволяет считать, что оно относится ко времени не ранее III в. до н. э. Керамический комплекс представлен обломками не менее чем 62 сосудов, статистической обработке подверглись 52 (банок — 98 %, кувшинов — 2 %). Оттиски многозубой гребенки не встречены, двузубой гребенкой орнаментировано 38 % сосудов, с пояском из ямок — 21 % сосудов, а с оттисками гладкой палочки чуть меньше. Средний индекс орнаментированности — 0,7 (строк на один сосуд). «Жемчужины» не встречены. В отдельных случаях отмечено сглаживание изнутри сосуда выпуклостей, образовавшихся при прodelывании ямок с наружной стороны. Это явление отмечается с конца I тыс. до н. э.⁵⁵ Орнаментальные мотивы очень бедны: ряды наклонных линий или ямок. Характерная особенность комплекса — сильная разреженность орнамента.

Особняком стоит крупный толстостенный кувшин с диаметром горла около 20 см, с отверстием для подвешивания (табл. IX, 11). Он отличается от остальных составом теста (без дресвы), темной подлощенной поверхностью и мотивами орнамента, нанесенного длинной гладкой палочкой: сверху располагается крупная сетка, ниже, на плечиках, идут ряды наклонных линий. Сохранилась верхняя треть сосуда, найденная на дне жилища. Сосуд явно входит в состав единого керамического комплекса. Можно предполагать, что он связан с саргатской культурой.

Т а б л и ц а 1

Характеристика керамических комплексов с поселений Новосибирского Приобья и Ближние Елбаны

Признаки		О-1 (278 экз., VI-V вв. до н. э.)	Кр-11а (90 экз., V-IV вв., до н. э.)	И-1 (36 экз.)	И-5 (68 экз., не ранее III в. до н. э.)	М-3а (62 экз., не ранее III в. до н. э.)	ХК-4 (30 экз., не ранее II-I вв. до н. э.)	БЕ-1 (263 экз., VI-V вв. до н. э.)
Форма	банки	90 %	87 %	94 %	94 %	98 %	93 %	94 %
	горшки	8 %	12 %	3 %	5 %	—	—	1 %
	кувшины	1 %	—	3 %	1 %	2 %	7 %	3 %
	миски	1 %	1 %	—	—	—	—	2 %
Индекс орнаментированности		0,9	1,0	0,9	0,6	0,7	1,2	1,0
Способ орнаментации	без орнамента	54/19	3/3	3/8	28/41	18/29	—	4/1,5
	«жемчужины»	124/45	64/70	23/64	3/4	—	1/3	251/96
	ямки разные	20/7	3/3	2/5	9/13	13/21	4/13	13/5
	ребенка многозубая	30/11	27/30	4/11	—	—	—	—
	ребенка двузубая	59/21	7/8	1/3	9/13	26/42	1/3	—
	оттиски палочки	48/17	13/14	9/25	18/26	5/8	25/83	4/1,5
	накольчатый	39/14	17/19	7/22	2/3	1/1	2/6	5/2
	фигурный штамп	4/1,5	3/3	—	—	—	—	—
полулунный штамп	4/1,5	1/1	—	—	—	—	—	
ногтевой	1/0,3	1/1	—	2/3	—	—	—	
Мотивы орнамента	«жемчужины» разделенные	98/35	56/62	19/53	3/4	—	—	221/84
	«жемчужины» неразделенные	26/10	8/9	4/11	—	—	1/3	30/12
	ряды наклонных и прямых линий	59/21	54/60	8/12	17/22	26/49	10/33	—
	ряды точек и ямок	27/10	3/3	1/3	2/3	12/22	6/20	—
	«елочки»	12/4	—	1/3	5/7	—	15/50	—
	косой крест	2/0,7	—	—	—	—	—	—
	веер	1/0,3	—	—	—	—	—	—
группа ямок	—	—	—	—	—	—	—	

Примечание: числитель — количество экземпляров, знаменатель — процент.

Ирмень-5 (табл. VIII, 6—13). Как указывалось выше, в землянке 2, в которой выявлено более половины всех большереческих сосудов, в том числе два целых, найден железный нож, что дает позднюю датировку комплексу. Статистический анализ проведен по 68 сосудам (банок — 94 %, кувшинов — 1 %, горшков — 5 %). «Жемчужины» встречены лишь на 4 % сосудов, крупные «жемчужины» отсутствуют. Ямками орнаментированы 13 % сосудов, в отдельных случаях изнутри заглажены выпуклости от них. Оттисков многозубой гребенки нет, а оттиски двузубой отмечены на 13 % сосудов, иногда зубья очень крупные. Характерной особенностью комплекса является значительное число сосудов без орнамента, из-за чего индекс орнаментированности низкий — 0,6. Мотивы орнамента — ряды наклонных линий, «елочки», ряды ямок. Ямки иногда расположены группами.

X Кордон-4 (табл. X). Обработано 30 сосудов (банок — 93 %, горшков — 7 %). Они очень близки двум предшествующим комплексам. На ряде сосудов отмечены сглаженные изнутри бугорки от ямок и внешние или внутренние бортики на венчиках. Этот признак появляется не ранее I в. до н. э.⁵⁶ В орнаментации сосудов оттиски многозубой гребенки не встречены, «жемчужины» редки (3 %). Характерная особенность данного комплекса — значительное преобладание сосудов с оттисками гладкой палочки, образующими ряды наклонных линий и «елочки». Индекс орнаментированности — 1, 2.

Из проведенного анализа семи керамических комплексов можно сделать следующие выводы.

1. Керамика с поселений Новосибирского Приобья по своим особенностям делится на две хронологические группы (табл. 2): раннюю, до III в. до н. э., и позднюю — III—I вв. до н. э. Процентное соотношение сосудов разной формы для обоих периодов одинаково: значительно преобладают банки (87—98 %).

2. Для ранней группы характерно значительное количество сосудов с «жемчужинами» (45—70 %), причем среди последних встречаются очень крупные. Гребенчатый штамп был не только двузубым, но и многозубым (11—30 %). Фигурный штамп встречен только в самых ранних комплексах (О-9, Кр-11а) в единичных случаях (1,5 % — 3 %).

3. В поздних комплексах орнаментация «жемчужинами» резко сокращается (до 3 %) или отсутствует совсем. Многозубый штамп не встречен. Крупные «жемчужины» отсутствуют. Сокращение числа сосудов с «жемчужинами» является общим для Новосибирского Приобья. Оно отмечено и для кулайской культуры⁵⁷. В самых поздних комплексах наблюдаются слу-

Т а б л и ц а 2

Хронологические особенности керамики поселений

Поселение	Датирующий материал	*Жемчужины*	Крупные «жемчужины»	Многозубчатая гребенка	Венчик с карнизом	Сглаженные следы ямок
Ордынское-9	VI—V вв.	45 %	—	11 %	—	—
Крохалевка-11а	V—IV вв.	70 %	—	30 %	—	—
Кротово-7,8	V—IV вв.	+	—	+	—	—
Мереть-1	V—III вв.	+	—	?	—	—
Ирмень-1	Нет	64 %	—	11 %	—	—
Верх-Тула	V—III вв.	+	—	?	—	—
Ирмень-2	Нет	—	—	—	—	—
Завьялово-5	Нет	+	—	—	—	—
Ирмень-5	Не ранее III в. до н. э.	4 %	—	—	—	—
Милованово-3а	»	—	—	—	—	—
Ордынское-2	Нет	—	—	—	—	—
X Кордон-4	II—I вв.	3 %	—	—	—	+

чаи сглаживания изнутри выпуклостей, образованных при проделывании ямок с наружной стороны, и отдельные венчики с бортиками.

4. Помимо хронологических особенностей каждый комплекс имеет свои черты: разреженность орнамента в Милованово-3а, преобладание сосудов без орнамента в Ирмени-5 и с оттисками гладкой палочки в X Кордоне-4 и т. д.

Все это позволяет отнести к первому периоду поселения Ирмень-2, Верх-Тула, Завьялово-5 и Черное Озеро-1, в орнаментации керамики которых встречены крупные «жемчужины» и оттиски многозубой гребенки. Ко второму периоду относится поселение Ордынское-2 (заглаживание изнутри бугорков).

Керамический комплекс раннего железного века из Ближних Елбан I состоит более чем из 300 сосудов. Статистической обработке подверглось 263 сосуда (целые и сохранившиеся на 1/2 или 1/3). Как уже указывалось, комплекс хорошо датируется бронзовым наконечником стрелы временем не позже V в. до н. э. Он состоит из 94 % банок, 1 % кувшинов, 3 % мисок и 2 % слабопрофилированных горшков. Почти все сосуды (96 %) орнаментированы одним рядом «жемчужин», среди последних есть очень крупные. «Жемчужины» отделены друг от друга оттисками гладкой палочки, ее угла, накольчатым орнаментом. Оттиски гребенчатого штампа, столь распространенные в Ближних Елбанах I в переходный период и в описанных выше большеереченских памятниках, здесь полностью отсутствует. Не исключено, что это является особенностью не только данного памятника, но и всего южного региона большеереченской культуры. Аналогичная керамика встречена на поселении Ближние Елбаны XII, датируемом формами для отливки кельтов и ножей V—IV вв. до н. э.

Комплексы могильников. Они отличаются от посуды с поселений не только преобладанием кувшинчиков, но и значительно более низким индексом орнаментированности. Хронологические изменения в орнаментации сосудов комплексов почти не прослеживаются. Поэтому мы даем анализ не по отдельным памятникам, а в целом и лишь в отдельных случаях по могильникам. Статистической обработке подверглись комплексы, содержащие не менее 20 сосудов. Всего нами учтен 331 сосуд, общий анализ всех комплексов дан на основе 307 целых или почти целых сосудов.

По своей форме керамика делится на несколько групп (табл. 3). Связать форму сосуда с его расположением в могиле не удалось: банки и кувшинчики могут стоять как в ногах, так и в изголовье.

Баночные сосуды (119 экз., 39 %). Все они (по шкале В. Ф. Генинга⁵⁸) чаще всего средней высоты, широкогорлые, плечики средней высоты или высокие, выпуклость их очень слабая, дно широкое. Изредка встречаются высокие и очень высокие банки (табл. XV, 16; XXXVIII, 12). Диаметр венчиков сосудов из могильников около 20 см. Более крупные, диаметром около 40 см, относятся к тризнам и найдены разбитыми в насыпях курганов (табл. XXI, 13). Банки в подавляющем большинстве орнаментированы. Отдельные сосуды имеют сливы. Выделяется небольшая группа — баночные сосуды на поддонах, высота которых бывает различной.

Число баночных сосудов в ранних и поздних комплексах различно. Так, в Ордынском-1 (VI—V вв до н. э.) их было 57 %, в Новом Шарпе-1 (V—IV вв. до н. э.) — 47 %, в Милованово-8 (II—I вв. до н. э.) — 28 %, т. е. число их постепенно сокращается. Эта группа сосудов явно восходит к слабопрофилированным горшкам и банкам переходного периода (VIII—VI вв. до н. э.)⁵⁹ Можно отметить широкое распространение этой формы и в тагарских памятниках.

Кувшинчики (166 экз., 54 %). Это сосуды, имеющие шейку и плечики. Для большинства характерно низкое горло средней ширины или широкое. Профилировка шейки сильная, реже средняя. Плечики очень низкие, реже средние, выпуклость их слабая или очень слабая. Треть сосудов не орнаментирована. Количество кувшинчиков в комплексах, в отличие от банок, возрастает в хронологическом порядке: от 43 % в Ордынском-1 до 65 % в Милованово-8. Это походная посуда, ряд кувшинчиков имеет отверстия для подвешивания, иногда укрепленные наклепом (табл. XXVI, 34). Иногда под

Т а б л и ц а 3

Характеристика керамики из могильников

Признаки		О-1 (27 экз.)	НШ-1 (34 экз.)	НШ-2 (27 экз.)	М-2 (20 экз.)	Б-1 (83 экз.)	КП (20 экз.)	М-8 (29 экз.)
Форма	банки	16/10	16/47	8/32	5/25	37/45	2/10	8/28
	кувшины	11/40	15/44	16/64	12/60	42/51	15/75	19/65
	миски	—	3/9	1/4	2/10	1/1	3/15	2/7
	горшки	—	—	—	1/5	2/2	—	—
	бочонки	—	—	—	—	1/1	—	—
	стаканы	—	—	—	—	—	—	1/3
	резко отогнутый венчик	—	—	—	—	—	—	5/17
	вмятина на днище	—	1/3	2/6	1/5	8/10	—	—
сквозные отверстия, налпы	—	3/9	4/15	1/5	7/8	2/10	2/7	
Индекс орнаментированности		0,6	0,8	0,3	0,3	1,2	0,15	0,2
Кол-во орнаментированных сосудов		10/37	17/50	4/15	6/30	52/63	3/15	5/17
Способ орнаментации	ямки, точки	5/19	7/20	1/4	3/15	19/23	1/5	1/3
	многозубая гребенка	—	—	—	—	—	—	—
	двузубая гребенка	—	2/6	—	2/10	2/3	1/5	2/7
	«жемчужины»	—	—	1/4	1/5	1/1	—	—
	гладкая палочка	—	2/6	—	—	9/11	—	—
	угол палочки	—	—	—	—	1/1	—	—
прочерчивание	—	2/6	—	—	5/6	—	—	
Мотивы орнамента	ряды наклонных и вертикальных линий	1/4	2/6	—	3/15	8/10	1/5	2/7
	горизонтальные линии ямок, «жемчужин» и др.	9/33	11/32	4/15	4/20	10/12	2/10	3/10
	«елочки»	—	2/6	—	—	5/6	—	—
	имитация швов	—	2/6	—	—	5/6	—	—
	группа ямок	—	—	—	—	4/5	—	—
	свисающий узор	—	—	—	—	3/4	—	—
	заштрихованные треугольники	—	—	—	—	1/1	—	—

П р и м е ч а н и е: числитель количество экземпляров, знаменатель — процент.

венчиком сосуда есть две-четыре небольшие ручки для продергивания веревочки (табл. XL, 10, 12). Отличительная черта орнаментации — отсутствие «жемчужин», их невозможно наносить при узком горле.

По своей высоте и характеру днища кувшинчики делятся на четыре подгруппы (у 9 % дно не сохранилось):

1) плоскодонные (90 экз., 54 % кувшинчиков). Дно широкое или среднее, в редких случаях узкое. Встречаются асимметричные, грубо выполненные;

2) круглодонные высокие и средней высоты с округлым или приплюснутым туловом (37 экз., 22,5 % группы, табл. XXXIX, 5, 6, 12 и др.). Среди них также встречаются асимметричные сосуды, но их меньше, чем в первой подгруппе;

3) круглодонные высокие и очень высокие, с округлым или вытянутым туловом (23 экз., 14 % группы, табл. XXXIX, 1—4). Некоторые имеют очень высокое горло. Поверхность либо не имеет орнамента, либо украшена узором, имитирующим швы на кожаных сосудах (табл. XXXIX, 4; XL, 5). Выполнены очень тщательно, некоторые покрыты ангобом, симметричные. У отдельных сосудов на дне имеется небольшое вдавление, связанное со способом формовки (табл. XXVI, 20, 37; XXXIX, 2, 4; XLIII, 10—12). Эта подгруппа представлена в небольшом числе в комплексах с V—IV вв., чаще встречается в комплексах III—II вв. до н. э.;

4) кувшинчик с поддоном (1 экз., 0,5 % группы, табл. XIV, 21).

Кувшинчики широко известны в Предгорном и Горном Алтае на протяжении всего раннего железного века⁶⁰, а также у сакских племен Средней Азии и Центрального Казахстана⁶¹, а позже у усуней⁶².

Миски круглодонные с широким горлом (14 экз., 4,5 %), Тулово приплюснутое. Эти сосуды преимущественно небольших размеров (табл. XXVI, 33).

Горшки (4 экз., 1,2 %, табл. XXIX, 13). Слабопрофилированные, горло низкое и широкое. Плечики высокие и слабовыпуклые. Диаметр плоского дна всегда меньше диаметра горла. Эта форма восходит к завьяловской культуре или могла быть связана с влиянием кижировской культуры.

Бочонок (0,3 %, 1 экз., табл. XXXIX, 18). Найден в Быстровке-1. Его аналоги известны в более южных районах. Как указывает А. П. Уманский, такие бочонки найдены на могильнике Раздумье, который он датирует IV—II вв. до н. э.⁶³, в Камне II⁶⁴, в раннетащтыкских могильниках⁶⁵. Эти формы близки деревянным сосудам-бочонкам из Тувы (II в. до н. э.)⁶⁶. Из южных районов этот тип сосудов проникает и в более северные. Так, глиняный бочонок был найден в кулайском могильнике Каменный Мыс (III—II вв. до н. э.)⁶⁷.

Стаканы (4 экз., 1,2 %). Небольшие сосуды с плоским или уплощенным дном и вертикальными стенками. Встречены на могильниках II—I вв. до н. э. (табл. XLIII, 31; XLIX, 26; LI, 5). Подобная керамика была у усуней⁶⁸.

Орнаментация сосудов с могильников в целом совпадает с орнаментацией керамики с поселений, но в погребениях больше сосудов без орнамента (132 экз., 43 %). Хронологическая зависимость в степени орнаментированности не прослеживается (см. табл. 3). Не исключено, что степень орнаментированности обусловлена локальной традицией. Так, самый высокий индекс орнаментированности имеют два разновременных, но расположенных рядом комплекса — Быстровка-1 (1,2) и 3 (1,6).

«Жемчужины» встречены в единичных случаях и только на баночных сосудах и горшках. Узор наносился в виде точек, ямок, оттисков двузубой гребенки, гладкой палочки и т. д. Оттиски многозубой гребенки встречены на сосуде кижировского типа из Крохалевки-5 и на сосуде такого же типа из Милованово-2 (табл. XXIX, 13). Использование штампа, близкого многозубой гребенке — «щучьей челюсти» — отмечено в самом позднем могильнике Быстровка-3 (табл. XLIX, 28). Подобный

штамп известен в Новосибирском Приобье в кулайских памятниках II—I вв. до н. э.⁶⁹

Основные элементы орнамента однообразны. Это ряды наклонных линий, точек, неглубоких ямок, «елочки» и т. д. Интересны сосуды с имитацией швов на кожаных сосудах. Различные виды этого орнамента опубликованы⁷⁰. Таких сосудов встречено девять. Все они вытянутые, круглодонные, имеют на дне небольшую вмятину.

Особняком стоят сосуды из Быстровки-1 и 3. Они имеют высокий индекс орнаментированности (1,2 и 1,6). В отдельных случаях сосуды покрыты шестью рядами «елочек» (табл. XXXIX, 5; XLIX, 25). На одном сосуде были беспорядочно расположенные ямки (табл. XL, 2). Встречаются вертикальные и наклонные линии ниже основного узора (табл. XXXVIII, 5; XXXIX, 22). В одном случае от плечиков вниз спускаются фестоны в виде заштрихованных треугольников (табл. XL, 4). Эти орнаментальные мотивы явно не являются чисто большебереченскими, а заимствованы у соседей. Скорее всего, с влиянием саргатской культуры связаны беспорядочно расположенные ямки и свисающие вниз треугольники⁷¹. Вертикальное и наклонное расположение орнаментальных мотивов встречается на керамике кулайской культуры III—II вв. до н. э.⁷² С ней же связано расположение ямок группами⁷³ (табл. XXXVIII, 1, 4). Орнаментация сосудов из Быстровки-3 часто столь же небрежная, как и их форма.

Хронологические особенности погребальных комплексов прослеживаются менее отчетливо, чем поселенческих. В могильниках VI—V и V—IV вв. до н. э. банки встречаются чаще, чем кувшинчики. Поддоны известны в ранних комплексах, во II—I вв. до н. э. их нет, тогда же исчезают днища с вмятиной, появляются стаканы и сосуды с резко отогнутым венчиком (табл. 4).

Итак, керамика поселений и могильников отличается различным соотношением банок и кувшинов: на поселениях резко преобладают банки, в могильниках — кувшины. Индекс орнаментированности в основном меньше единицы. Для орнаментации ранних комплексов характерно наличие отгисков многозубой гребенки и отдельных крупных «жемчужин». С III—II вв. до н. э. появляются бочонки, начинает прослеживаться влияние саргатской и кулайской культур, орнаментация «жемчужинами» резко сокращается. К II—I вв. до н. э. появляются отдельные сосуды в виде стаканов, венчики иногда имеют карнизики, выпуклости от ямок с внутренней стороны сосуда часто сглаживаются. Генетически отдельные типы керамики восходят к сосудам переходного времени, завьяловского типа, а также к среднеазиатским комплексам.

Таблица 4

Хронологическая характеристика керамики могильников

Могильник	Датировка	Соотношение банок и кувшинов	Поддоны	Днища с вмятиной	Бочонки	Стаканы	Отогнутые венчики
Ордынское-1	VI—V вв.	б > к	—	—	—	—	—
Новый Шарап-1	V—IV вв.	б > к	—	—	—	—	—
Новый Шарап-2	IV—III вв.	б < к	—	—	—	—	—
Милованово-2	IV—III вв.	б < к	—	—	—	—	—
Быстровка-1	III—II вв.	б < к	—	—	—	—	—
Соколово	III—II вв.	б < к	—	—	—	—	—
Камень II (1976)	III—II вв.	б < к	—	—	—	—	—
Милованово-8	II—I вв.	б < к	—	—	—	—	—
Новотроицкое	II—I вв.	б < к	—	—	—	—	—
Быстровка-3	II—I вв.	б < к	—	—	—	—	—

ЭКОНОМИКА

Природная среда, земля во многом определили занятия людей. Ведь земля является одновременно и предметом, и орудием труда. «... Земля ... всеобщий предмет человеческого труда — земля есть средство труда»¹. Когда мы работаем над землей, она выступает как предмет труда. Но при помощи земли мы получаем определенный продукт, и в данном отношении она является средством труда. Маркс писал: «Пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как естественно возникшее орудие производства»². И если орудия труда включаются в состав экономических отношений, то «в понятие экономических отношений включается далее и географическая основа, на которой эти отношения»³.

В этом свете мы постараемся рассмотреть экономику населения лесостепного Приобья в скифскую эпоху. Опыт подобного подхода к более широкой территории и более длительному отрезку времени имеется в работах М. Ф. Косарева⁴. Очерк природных условий мы предворяем непосредственному обзору экономики.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ

Верхнее лесостепное Приобье представляет собой часть Приобской и Предсалаирской равнины с однородными почвенным покровом и растительностью. Здесь широко развит гривный рельеф. Приобская равнина непосредственно переходит в Западно-Сибирскую. Местность здесь слабонересеченная, к югу и востоку нересеченность усиливается, а к северу и западу рельеф становится более ровным. Характерной чертой является наличие хвойно-березовых боров, тянущихся по берегам Оби и ее притоков в нижнем течении. Эти боры, носящие название приобских, как и ленточные, тянущиеся вдоль старых русел Оби, соединяющих ее с Иртышом, являются реликтовыми лесами. Микроклиматические условия в них отличаются от окружающей лесостепной полосы большей влажностью⁵. Широкая лесная лента являлась той привычной территорией, по которой продвигались к югу северные лесные племена. За пределами боров тянется обычная лесостепь с полосами и колками лиственного леса.

Основным природным богатством этих мест был лес. Он давал населению топливо, строительный материал и пищу (дичь и продукты собирательства). Имеется достаточное количество глины и суглинка, которые вплоть до настоящего времени обеспечивают нужды керамического производства. Елбашское месторождение (Искитимский район) давало минеральные краски. Выходы камня имеются на Берди, Ине и в других местах. Кольвано-Томская складчатая зона богата гранитом, который и сейчас употребляется в качестве бутового камня. Почвенный покров достаточно плодороден.

Основная водная артерия — Обь. Ее правый берег, высокий и крутой, постепенно разрушается. Обская обширная пойма расположена в основном на левом берегу. Высокая обская терраса, идущая вдоль поймы, покрытая лесами, в ряде мест, особенно над системами речек и озер, сохранившимися от когда-то многоводного обского рукава, являлась местом постоянного обитания людей, начиная с неолита. Они оставили здесь комплекс памятников. На свободных от деревьев участках можно было заниматься земледелием. Пойма после спада воды покрывалась сочной травой, а водная система была богата рыбой и водоплавающей птицей. Значительную роль в жизни древнего населения сыграли такие притоки как Большая Речка, Чумыш, Каракан, Бердь, Иня и др. (на правом берегу), Алей, Орда, Ирмень,

система стариц и проток Чик — Чаус — Уень и др. (на левом). Древние поселки обычно располагались в нижнем течении малых рек, чаще у их устья.

Верхнее Приобье делится на три части: Барнаульское, Новосибирское и Томское, каждое из которых имело свои исторические и природно-географические особенности. Мы остановимся на первых двух, поскольку именно в этих районах и была распространена большереченская культура.

Барнаульское Приобье начинается от образования Оби и тянется до г. Камня-на-Оби. Местность отличается наличием большого количества увалов. Реки Бия и Катунь обеспечивали тесные контакты с горными алтайскими племенами, а долины рек Алея и Кулунды связывали местное население с жителями Северного Казахстана и Средней Азии.

Протяженность Новосибирского Приобья в меридиональном направлении около 300 км. Северная граница проходит на широте р. Уени. С запада Новосибирское Приобье переходит в Барабинскую лесостепь, с населением которой поддерживались постоянные контакты, а на востоке — в Ачинско-Мариинский лесостепной коридор.

Для изучения процесса развития населения особенно большое значение имеет реконструкция палеоклиматических условий. Вопрос о климате в ту или иную эпоху пока еще является дискуссионным, единая точка зрения по нему отсутствует. Вне зависимости от того, принимаем мы или нет мнение ряда ученых, согласно которому в интересующее нас время зона леса располагалась южнее современной⁶, надо констатировать, что значительная часть Новосибирского и Барнаульского Приобья приходилась на лес.

Как указывают А. М. Малолетко и Л. А. Орлова⁷, на юге Западной Сибири и Алтае в V в. до н. э. вследствие потепления климата поймы рек стали регулярно заливатьсЯ водой, создаются условия, максимально способствующие развитию скотоводческих культур. Близкую к этому точку зрения высказывает Л. Н. Гумилев⁸. Он полагает, что в IV—III вв. до н. э. наблюдался период увлажнения степей, вызванный прохождением циклонов.

Таковы природные условия, на фоне которых протекала жизнь племен скифского круга в лесостепи Западной Сибири. Ряд вопросов экономики этого региона X—I вв. до н. э. рассматривался Е. А. Сидоровым⁹.

ПРОИЗВОДСТВО И ДОБЫЧА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Скотоводство. Ведущую роль в хозяйстве играло скотоводство, которое на протяжении развития большереченской культуры претерпело определенные изменения, детальной картины которых мы не можем проследить, так как поселения чаще всего были многослойными и привязать остеологические материалы к определенному слою невозможно. Поэтому мы используем данные поселений Ордынское-9 (IV—V вв. до н. э.) и Милованово-3а (не ранее III в. до н. э.).

Как видно из табл. 5, в остеологическом материале поселений значительно преобладали кости домашних животных. По числу особей в стаде на первом месте стоит крупный рогатый скот, на втором — лошадь, на третьем — мелкий рогатый скот. Такое же соотношение прослежено и на большереченском поселении Барабы Каргат-4¹².

Одним из важных факторов для реконструкции скотоводства является окраска культурного слоя, зависящая от степени унавоженности, и его насыщенность находками, связанная с длительностью проживания на одном месте¹³. В Ордынском-9 культурный слой почти черный, средняя насыщенность его находками — 28 на 1 м², 57 % находок — обломки костей. В Милованово-3а культурный слой тоньше, цвет его серый, насыщенность находками в межжилищном пространстве — 2 находки на 1 м², в жилище и на производственной площадке — 10. Костей встречено меньше, чем в Ордынском-9. На самом позднем поселении Ордын-

ское-2 культурный слой светло-серый, за пределами жилища он практически отсутствует. Насыщенность заполнения жилища — 8 находок на 1 м². Из костей животных найдены лишь обломки конского зуба.

Подобное изменение в окраске культурного слоя связано с сокращением времени пребывания стада на поселении, а уменьшение насыщенности слоя — с ростом подвижности населения, с возрастанием роли отгонного скотоводства. По данным Ордынского-9 по сравнению с ирменской культурой происходит изменение в содержании стада. Судя по площади жилищ (средний размер их около 30 м²), его нельзя было содержать в жилых помещениях. Можно предполагать, что летом лошади и мелкий рогатый скот (частично или полностью) перегонялись на пастбища, а крупный рогатый скот оставался на выпасах в речной пойме, дававшей обильный корм летом и запасы сена на зиму. На ночь стадо возвращалось в поселок. На зиму дальние стада возвращались, поголовье резко сокращалось, оставшаяся часть содержалась отдельно от людей. В условиях длительной и холодной зимы требовались значительные запасы сена. При заготовке сена траву, скорее всего, резали ножом или орудиями из нижних челюстей крупных копытных. Лошади могли тебеневать.

Челюсти лошади и коровы были многофункциональными орудиями. Они могли служить трепалом, тупиком и орудием для сенокосения. Американский исследователь Дж. Браун, проводя целую серию экспериментов с орудиями этого типа, получил очень близкое трассологическое соответствие работанности археологических образцов и их экспериментальных реплик¹⁴. Нами также был проведен ряд экспериментов по выяснению возможностей использования коровьих челюстей в качестве серпов для заготовки травы. Была взята левая ветвь нижней челюсти коровы, прошедшая цикл естественного обезжиривания и освобождения от мягких тканей после падежа животного весной 1986 г. Экспериментальная реплика не подвергалась больше никакой другой обработке. Рабочее положение орудия в руке было установлено, исходя из удобства захвата правой рукой и эффективности в работе. Орудие удерживалось за губной отросток, где ряд зубов выпал естественным путем при разъединении сочленения ветвей челюстей (рис. 4). Экспериментальная заготовка травы велась в сезон сенокоса на лугах двух типов — верховых с сухой низкорослой травой и пойменных с высокой богатой растительностью. Разнообразие мест

Т а б л и ц а 5

Соотношение между видами домашних животных *

Поселение	Костей домашних животных, %	Крупный рогатый скот		Лошадь		Мелкий рогатый скот		Свинья	
		на поселении	в стаде, %	на поселении	в стаде, %	на поселении	в стаде, %	на поселении	в стаде, %
Ордынское-9	93	10/26	41,2	11/28	33,4	16/41	24,2	1/2,5	1,2
Милованово-За	90	6/67	75,0	2/22	18,8	1/11	6,2	—	—

* П р и м е ч а н и я: 1) соотношение особей в стаде определено при помощи поправочного коэффициента по первой методике Ю. А. Краснова¹⁰. Исправленные таким образом данные Ордынского-9 взяты по расчетам И. Е. Гребнев¹¹, по Милованово-За перерасчет произведен нами; 2) в числителе указано число особей, в знаменателе — процент.

заготовки было необходимо для определения оптимальности использования орудия.

Исходя из установленных нормативов производительность одного человека для получения средней копны сена¹⁵ при использовании серпа из нижней челюсти коровы могла быть следующей: для получения одной

копны (с 1120 м²) на верховых лугах одному человеку требовалось 23 часа, в пойменных лугах — 31 час. Качество сена с верховых лугов было значительно ниже, чем с пойменных, оно было более сухим.

Величина несжатого остатка на лугах обоих типов — от 10 до 25 см — не так сильно отличается от стандарта остатка при выкашивании литовкой и сенокосилкой (6—10 см). Проведенные эксперименты показывают достаточную производительность этого орудия, которая, конечно, была значительно выше при наличии навыков и коллективной организации сенозаготовительных работ. В результате экспериментов на используемом серпе образовалась залощенность со следами от грубых травянистых стержней, такая же, как на археологических образцах. Зубы в ветвях нижних челюстей при кошении являлись главным рабочим краем, который подрезал стебли травы. Рабочее положение орудия было близко к естественному положению челюсти животного, поэтому зубы в альвеолярных отверстиях не расшатывались.

Сравнение толщины и цвета культурного слоя поселений Ордынское-9 и Милованово-За свидетельствуют о возрастании доли отгонного скотоводства. Этому способствовали те особенности климата, которые реконструируются А. М. Малолетко и Л. А. Орловой. В V в. до н. э. поймы регулярно заливались водой, в них было выгодно пасти скот, особенно крупный рогатый. Подвижность населения была ограниченной. К концу I тыс. до н. э. с ростом засушливости роль отгонного скотоводства возрастает.

Скотоводство в лесостепном Приобье развивалось на местной основе, оно было традиционным и восходило к развитому скотоводству эпохи поздней бронзы. Не случайно уже в VI—V вв. до н. э. (О-9) оно достигло высокого уровня.

Земледелие. Конкретных данных для определения его характера мало. Известны орудия земледельческого труда. В Ордынском-9 найдены каменная и костяные мотыжки (табл. II, 7; III, 4). Первая изготовлена из известняка путем скальвания, лезвие широкое, рабочая часть заострена. Она крепилась к деревянной рукояти при помощи углублений, выбитых по краям ее верхней части. Е. А. Сидоровым проверена эффективность использования подобных мотыг для обработки почвы. Выяснилось, что они пригодны лишь при прополке и для разбивания комьев земли, т. е. для вторичной обработки почвы при ее вспашке. Таково же было назначение и костяной мотыжки. Судя по характеру ее заполировки (интенсивной на одной стороне орудия), она имела колечатую рукоять, прикрепленную к орудию с тыльной стороны. Подобные мотыги из бараньих лопаток найдены и на поселениях тагарской культуры¹⁶.

Урожаи могли собирать при помощи ножей и описанных выше орудий из нижних челюстей крупных копытных животных. Удельный вес земледелия в это время не мог быть большим из-за нехватки свободных земель: на террасах они были заняты в основном лесом, а в поймах — лугами.

О переработке зерна можно судить по каменным зернотеркам. В Ордынском-9 найдена одна целая нижняя плита (35×25 см, табл. III, 8) и обломок верхней — куранта шириной около 12 см. Обломки зернотерок найдены на поселениях Милованово-За, 6 и Ордынское-2. Эти находки свиде-

тельствуют о занятии большемеренцами земледелием с VI—V по II—I вв. до н. э.

Вопрос о характере земледелия носителей большемеренской культуры является дискуссионным. Большинство исследователей полагают, что оно было мотыжным, так как в археологических материалах есть мотыги и отсутствуют орудия для вспашки земли. По мнению Е. А. Сидорова, земледелие в лесостепном Приобье еще в эпоху поздней бронзы было пашенным: древнейшие рала могли изготавливаться из дерева и потому не сохранились, а каменные зернотерки с курантами подобных размеров известны у населения с пашенным земледелием и достаточно производительны¹⁷. Однако это высказывание, хотя и интересно, но все же является предположительным. И вопрос о наличии или отсутствии пашенного земледелия остается открытым.

Охота и рыбная ловля. Судя по остеологическому материалу поселения Орданское-9, лишь 7 % костей принадлежало диким животным, а в Милованово-3а — 10 %. Это кости лося, зайца и бобра. Охота имела лишь вспомогательное значение. Крупных наконечников стрел для самострелов, широко распространенных в синхронных памятниках кулайской культуры¹⁸, у большемеренцев не было. Охота давала мясо (лось) и пушнину (бобр). Можно полагать, что последняя не только употреблялась для собственных нужд, но и шла на обмен.

О наличии рыбной ловли свидетельствуют каменные грузила уплощенной формы с выбитыми с двух сторон углублениями для перехвата их веревкой. Грузила найдены как на ранних большемеренских городищах (О-9), так и на поздних (М-3а, 6, ХК-4). Однако удельный вес рыболовства в хозяйстве не был таким большим, как у носителей кулайской культуры, при раскопках поселения которой (Дубровинский Борок-3) в среднем на каждый квадратный метр площади приходилось одно грузило. В большемеренских памятниках не найдено ни одного гарпуна, столь распространенных у кулайцев.

Определенную роль в хозяйстве, очевидно, играло и собирательство, хотя материальные остатки его не обнаружены. Боровая терраса обеспечивала жителей ягодой, кедровыми орехами, кореньями и т. д.

РЕМЕСЛО

Металлургия. Она занимает особое место и дает довольно четкое представление об уровне развития производительных сил.

Достаточно полно сохранились остатки бронзолитейного производства. Их можно разделить на две группы: следы литья бронзы и меди, имеющиеся во многих жилищах, и специальные производственные участки. В целом ряде жилищ встречены капельки пролитой бронзы, обломки небольших глиняных формочек. Они обнаружены возле очагов с глиняными бортиками, иногда и с глиняным дном. Высота бортиков доходит до 10—12 см (табл. II, 1). Заполнение очагов (зола с пережженными костями) спеклось в единую массу.

Известны и специальные производственные участки. В Ближних Елбанах XII выявлены остатки литейной мастерской, представленные кострищем, обломками литейных форм, большим количеством керамики и костей. Особенно интенсивно они залегали на участке площадью 36 м². Культурный слой — песок, перемешанный с золой, сажой и большим количеством истолченного угля¹⁹. Глиняные формы многочисленны и разнообразны. Среди них четко различимы не менее четырех форм для кельтов, восемь — для ножей и т. д. (всего для 40 предметов). Совершенно очевидно, что здесь располагалась мастерская. Она была наземной, возможно, имелся навес, но поскольку позже территория была занята могильником, ямы от опорных столбов могли не сохраниться.

Второй производственный участок — на поселении Милованово-3а. В межжилищном пространстве со слабо насыщенным культурным слоем выявлен участок с такой же насыщенностью, как в жилищах. Здесь найдены

остатки кострищ, обломки глиняной обмазки, кусочки бронзового лома, пролитые капли, обломки тиглей²⁰. Следы бронзолитейного производства обнаружены на поселениях Ближние Елбаны XII и Верх-Тула, где были найдены обломки формы для литья кельтов.

Литье производилось в небольшом масштабе для домашних нужд во многих жилищах в специальных очагах, где жгли кости. В литературе обычно указывается, что для плавки металла необходимо дутье, создающее высокую температуру²¹. В жилище поселения Ордынское-9, где прекрасно сохранился очаг с бортиками и дном, никаких следов сопел не было обнаружено. Скорее всего, высокая температура достигалась благодаря сжиганию костей. В более широком масштабе бронзовые изделия изготавливались на специальных площадках. Можно говорить об определенной специализации среди жителей поселка.

Интересно отметить, что все найденные формы были керамическими, каменные формы неизвестны. Материалы из Ближних Елбан XII дают возможность воспроизвести процесс изготовления кельтов и ножей в разъемных глиняных формах и получить отливки из них.

Проведенные В. А. Галибиным анализы бронзовых изделий, хотя и не указывают на источники сырья, все же дают очень интересную картину состава бронзовых и медных изделий²². Выяснилось, что основная часть оружия и орудий изготовлена из меди или бронзы с низким (до 5 %) содержанием олова, в то время как многие украшения сделаны из бронзы с высоким содержанием олова. Пластинчатые ножи с прямой спинкой, восходящие к ирменским формам, сделаны из меди (содержание олова в них 0,06 и 0,03 %). Об их местном изготовлении свидетельствует почти полное совпадение состава металла, из которого сделаны нож и бляшка из кург. 6 могильника Ордынское-1 (табл. 6, № 5, 6). Два других ножа тагарского типа, с отверстием для подвешивания (табл. 1, 1, 2), изготовлены из слабо оловянистой бронзы и имеют близкий состав, видимо, они были сделаны в одном месте.

Парные украшения (поясная обойма и бляха с одинаковым орнаментом) имели идентичный состав и, вероятно, изготавливались одновременно. Бляхи одного и того же конского набора (НШ-1, кург. 19) имеют различный состав. Так, налобная бляха чисто медная, круглые и восьмеркообразные — бронзовые, подковообразные имели значительную примесь железа (до 2,7 %). Они явно изготавливались не одновременно, а подбирались владельцем из различных партий.

Особняком по своему составу стоят два бронзовых изделия: зеркало и чекан. Бронзовое зеркало с изображением тигров имеет необычный состав: 18 % олова. Так что его можно отнести к импортным не только по характеру изображений, но и по составу. Латка на нем содержит 11 % олова, но и это для лесостепной Сибири высокий процент.

Второе изделие — чекан с изображением медведей на обухе — случайная находка. Он изготовлен из бронзы, в состав которой входит 3 % цинка. Это редкое явление для раннего железного века. Цинк отмечен еще в двух изделиях (табл. 6, № 5, 6), но в значительно меньшем количестве. В Новосибирском Приобье цинк в качестве легирующего компонента появляется лишь в середине I тыс. н. э.²³ К сожалению, анализ второго чекана не производился. В Минусинской котловине 4 % цинка содержит один из кельтов²⁴.

Изготовление орудий из меди характерно не только для большереченской культуры. Это явление отмечено и для кулайской культуры²⁵, известны тагарские ножи, наконечники стрел и кинжалы из меди²⁶. Как полагает Е. А. Сидоров, изготовление ряда предметов вооружения и орудий из меди или слаболегированной бронзы было вызвано острой нехваткой лигатурных материалов²⁷. Это вполне вероятно, но не объясняет, почему орудия чаще изготавливались из меди, а украшения — из бронзы. Как нам кажется, ножи и стрелы из меди и слаболегированной бронзы было легче заточивать, а в украшениях олово давало красивый блеск, особенно в полированном виде.

Таблица 6

Результаты количественного спектрального анализа, % (основа — медь)

№	Предмет	Табл., позиция	Место находки	As	Sn	Pb	Sb	Bi	Ag	Fe	Ni	Co	Zn
1	Нож с петелькой	LI, 4	Ордынск, сборы	1,00	2,4	0,1	0,035	0,04	0,2	0,07	0,05	0,014	—
2	Нож с петелькой	LI, 5	Ордынск, сборы	0,38	2,0	0,065	0,022	0,021	0,007	0,008	0,011	0,006	—
3	Обломок ножа	XIII, 14	О-1, мог. А	0,41	0,009	0,18	0,32	0,009	0,04	0,004	0,008	—	—
4	Обломок ножа	,	О-1, сборы	0,5	0,03	0,09	0,45	0,008	0,02	0,005	0,007	—	—
5	Нож пластинчатый	XIII, 15	О-1, кург. 6	0,7	0,06	0,3	0,5	0,01	0,03	0,005	0,004	—	0,0
6	Бляшка	XIII, 25	О-1, кург. 6	0,7	0,06	0,5	0,4	0,02	0,03	0,014	0,083	—	0,11
7	Обломок браслета	LI, 6	Ордынск, сборы	0,2	12,0	0,4	0,007	0,008	0,006	0,026	0,008	—	—
8	Чекан	LI, 1	Случайная находка	0,8	5,0	2,2	0,17	0,025	0,002	1,5	0,32	0,01	3,0
9	Обойма поясная	XIX, 7	НШ-1, кург. 19, мог. 2	0,5	7,0	0,09	0,38	0,022	0,02	0,2	0,06	—	—
10	Бляха поясная	XIX, 8	То же	0,55	8,0	0,14	0,05	0,032	0,02	0,23	0,05	—	—
11	Бляха налобная	XIX, 4	»	0,5	0,7	0,08	0,16	0,044	0,02	0,023	0,055	0,007	—
12	Бляха подковообразная	XIX, 1	»	0,6	3,0	0,3	0,18	0,032	0,02	2,7	0,04	0,009	—
13	Бляха 8-образная	XIX, 6	»	0,15	9,0	0,09	—	0,008	0,02	0,35	0,006	—	—
14	Бляха круглая	XIX, 2	»	0,12	7,2	0,085	—	0,007	0,008	0,3	0,008	—	—
15	Бляха круглая	XIX, 3	»	0,15	10,0	0,08	0,01	0,011	0,006	0,6	0,017	0,007	—
16	Обломок гривны	XX, 15	НШ-1, сборы	0,32	9,0	0,18	0,11	0,055	0,03	0,013	0,16	0,014	—
17	Обойма поясная	XX, 17	То же	0,48	0,45	0,14	0,19	0,042	0,03	0,005	0,08	—	—
18	Ворворка	XX, 16	»	0,45	0,9	0,14	0,24	0,03	0,03	0,016	0,075	—	—
19	Бляха поясная	XX, 15	Кр-5	2,0	0,05	0,08	0,4	0,05	0,02	0,02	0,06	0,022	—
20	Крючок	XX, 14	Кр-5	0,55	0,11	0,003	0,14	0,009	0,01	0,05	0,12	0,016	—
21	Зеркало	XXXV	Б-1, кург. 1, мог. 1	0,08	18,0	0,035	—	0,033	0,003	0,7	0,08	0,065	—
22	Латка на зеркале		То же	0,45	11,0	0,08	0,18	0,018	0,004	0,42	0,016	0,027	—
23	Браслет	XXXIV, 2	»	0,25	5,0	0,25	0,16	0,02	0,008	0,014	0,032	0,006	—
24	Наконечник стрелы	XXIII, 1	Аткуль	0,19	0,011	—	—	0,011	0,002	0,06	—	—	—
	Чувствительность анализа			0,05	0,002	0,006	0,006	0,001	0,003	0,003	0,003	0,004	0,03

В середине I тыс. до н. э. происходило постепенное овладение железом. В памятниках VI—V вв. до н. э. (О-1, О-9) железных предметов не найдено, ножи были бронзовыми. В V—IV и IV—III вв. до н. э. продолжают сохраняться бронзовые ножи (поселение Мереть, курганы в Высоком Борке), но наряду с ними уже появляются железные предметы. Они найдены в богатом погребении V—IV вв. до н. э. (НШ-1, кург. 19). Это кинжал, чекан с втоком, бляхи наборного пояса, повторяющие по форме бронзовые, крупные бляхи, удила и целый ряд других потерявших форму коррозированных железных предметов. В богатом погребении мальчика (IV—III вв., НШ-2) также были железные предметы: крупная бляха и нож, повторяющий форму бронзовых пластинчатых ножей.

Таким образом, в лесостепном Приобье изделия из железа появляются в богатых могилах V—IV и IV—III вв. до н. э. В основном это предметы вооружения, известны и украшения. В V—III вв. до н. э. начинается период вытеснения бронзовых изделий железными и, хотя производство последних не стало массовым, оно уже было достаточно широким и доступным для более зажиточных людей. В могильниках III—II вв. (Б-1, К II, Сок.) железные ножи — самая распространенная находка: орудия из железа вытеснили бронзовые.

Железный век в лесостепном Приобье наступил позже, чем в Европе, где железные предметы известны с VII—VI вв. до н. э. У непосредственных соседей, племен Казахстана, отдельные железные предметы известны с VII—VI вв. до н. э.²⁸, но и там в V—IV вв. до н. э. еще отчасти сохраняются бронзовые орудия (ножи). На Алтае среди многочисленного инвентаря курганов пазырыкского типа не обнаружены железные орудия, но они известны: в I Тузуктинском кургане был найден железный меч, а С. И. Руденко полагает, что обработка бревен производилась при помощи железных орудий²⁹. У тагарцев первые железные изделия также появляются в V—IV вв.³⁰, но железо еще долго не могло вытеснить бронзу, и в погребениях лесостепной тагарской культуры железные ножи отмечены лишь с I в. до н. э.³¹ Сравнивая эти данные с материалами Верхнего Приобья, мы видим, что первые железные изделия в Южной и Западной Сибири появляются примерно в одно время — с V в. до н. э. Но интенсивность их распространения в разных районах в зависимости от местных условий была различной. В лесостепном Приобье, не имеющем своей сырьевой базы для изготовления бронзовых изделий, железо в V—IV вв. до н. э. начинает шире распространяться, хотя еще и не вытеснило бронзу. А в III в. до н. э. оно стало обычным материалом.

Железодельное производство имело свою сырьевую базу. Ею здесь могла быть болотная руда. О том, что местные мастера постепенно овладевали процессом получения железа и изготовления из него изделий, свидетельствуют анализы железных ножей, произведенные Н. А. Зиняковым (табл. 7). Самый ранний нож из Нового Шарапа-2 (IV—III вв. до н. э.), повторяющий по своей форме бронзовые пластинчатые ножи, изготовлен из мягкого железа, плохо освобожденного от шлаков. Столь же низким качеством отличаются ножи с поселений Шелганушка-1 и Милованово-За. Несколько лучше качество ножей из Быстровки-1. Они изготовлены из стали, причем два ножа из низкоуглеродистой стали со шлаковыми включениями имеют низкое качество, и лишь один нож выполнен из среднеуглеродистой стали хорошего качества.

Все сказанное выше свидетельствует о достаточно высоком уровне металлургического производства и появлении в нем определенной специализации.

Изготовление керамики. Для большебереченских сосудов характерно тесто, в состав которого входила дресва. Как показали исследования А. В. Новикова³², для самого раннего поселения Ордынское-9 типична примесь дресвы, шамота и органики, для более поздних — дресвы и органики (М-3а, ХК-4). Примесь дресвы придавала керамике характерный слюдяной блеск. Этим сосуды резко отличались от синхронной кижировской керамики, встреченной на одном и том же поселении. Большебереченское и кижировское население сохраняло свои традиции изготовления теста (с дресвой

Т а б л и ц а 7

Результаты анализа железных ножей

№ анализа	Место находки	Микроструктура	Содержание углерода	Качество	Феррит	Перлит	Структура после обжига	Вывод
365	Новый Шарп-2	Ферритная	—	Низкое, шлаковые включения	Зерна 4—7 баллов, 136—152 кг/мм ²	—	—	Мягкое железо, плохо освобождено от шлаков
366	Шелганушка-1	Ферритная	—	То же	Зерна 3—4 балла, 104—114 кг/мм ²	—	—	Мягкое железо, плохо проковано
367	Милованово-3а	Однородная ферритная	—	Низкое, шлаковые включения округлых и неправильных форм	Зерна 4—5 балла, 127—136 кг/мм ²	—	—	Плохо прокованное кричное железо
362	Быстровка-1	Неравномерная углероженность, феррит и феррито-перлит	0—0,1 %	Низкое, шлаковые включения	Зерна 6—7 баллов, 122—136 кг/мм ²	152—172 кг/мм ²	—	Неравномерно науглероженная сталь
364		Феррито-перлитная	0—0,1 %	То же	136—158 кг/мм ²	165—245 кг/мм ²	—	Низкоуглеродистая сталь
363			0,3—0,4 %	Хорошее, шлаковых примесей мало	141—172 кг/мм ²	—	Феррито-перлитная с выделением цемента в виде сетки	Среднеуглеродистая сталь

и без нее) и там, где большеереченцы резко преобладали (О-9), и там, где их было мало (Дубровинский Борок-1, Каменный Мыс). А в Крохалевке-11а, где население явно было смешанным, встречается большеереченская орнаментация на сосуде из теста, типичного для кижировской керамики, и наоборот.

Керамика изготовлялась ленточным способом, мелкие чашечки выбивались из комка глины. Поверхность сосудов хорошо сглажена, некоторые кувшинчики покрыты ангобом.

Обращает на себя внимание группа сосудов, имеющих в центральной части плоского дна небольшие полусферические углубления диаметром 2—3 см. Это отпечатки пальца гончара, они свидетельствуют об изготовлении сосуда от горла к днущу³³. Подобные днища обнаружены пока только в могильниках начала березовского этапа. Они отмечены в Новом Шарапе-1 (1 экз.) и 2 (2 экз.), в Милованово-2 (1 экз.), Быстровке-1 (8 экз.), найдены они в Соколово (табл. XXI, 21; XXVI, 20, 37 и др.). Все эти сосуды являются плоскодонными кувшинами вытянутой симметричной формы. Они либо без орнамента, либо с имитацией швов на кожаной посуде (8 экз.). Кувшины выполнены методом ленточного налепа. Их формовочная масса содержит значительное количество дресвы, что характерно для всей большеереченской керамики. Такой способ лепки встречен в комплексах IV—III и III—II вв. до н. э.

Среди инструментов керамического производства особое внимание привлекают грибообразные глиняные наковаленки. Пять таких предметов встречено в комплексах Быстровка-1, Новый Шарап-2 и Ордынское-9 (табл. III, 9; XXVI, 16; XXXVII, 12—14). Т. Н. Троицкая относила их ранее к ритуальным предметам. Однако сейчас можно говорить о них, как об орудиях для изготовления сосудов — наковаленках.

Предметы изготовлены из цельной глиняной лепешки, они имеют широкую шляпку и короткую ножку. В тесто изделия добавлена мелко толченая кварцевитная крошка. Форма наковаленок при общем сходстве имеет ряд особенностей. Основная плоскость изделия бывает выпуклой или уплощенной. Ножка представлена монолитным выступом с углублением в центре или без него. Иногда в наковаленке сделано несколько отверстий (от одного до трех).

Глиняные грибообразные наковаленки используются в настоящее время при утончении и заглаживании стенок керамических сосудов в различных районах мира — Мексике, Северной Америке³⁴ и Средней Азии³⁵. Для уточнения их функций в большеереченском керамическом производстве А. П. Бородовским совместно с А. В. Новиковым был проведен ряд экспериментальных работ. Использование наковаленок для обработки стенок сосудов упрощало эту операцию и повышало качество изделий. Как показал эксперимент, при работе наковаленку держали большим, указательным и средним пальцами левой руки и вплотную прижимали к внутренней стороне стенки сосуда. По наружной стороне в этом месте правой рукой наносили удары деревянной или костяной колотушкой (рис. 5). Это равномерно уплотняло стенки сосуда, придавая ему необходимую форму и уничтожало вмятины на стенках, оставшиеся от пальцев рук и инструментов. При выбивании работали практически все части грибообразной поверхности наковаленки. Изменение положения наковаленки в процессе работы позволяло изменить угол стенки сосуда и соотносилось с определенными этапами его изготовления. Например, работа краями наковаленки осуществлялась в придонной (рис. 5, Б) и горловинной части сосуда. Работа грибообразной поверхностью инструмента велась в основном на тулове (рис. 5, А). Косвенным свидетельством употребления наковаленок является сглаженность внутренней поверхности многих сосудов и хорошая обработка внешней поверхности. Из опыта работы среднеазиатских гончаров видно, что углубление на ножке наковаленки используется для того, чтобы закреплять ее пальцем при проталкивании в узкое горло сосуда³⁶ (рис. 5, В).

В конце существования большеереченской культуры наблюдается резкое огрубение керамики.

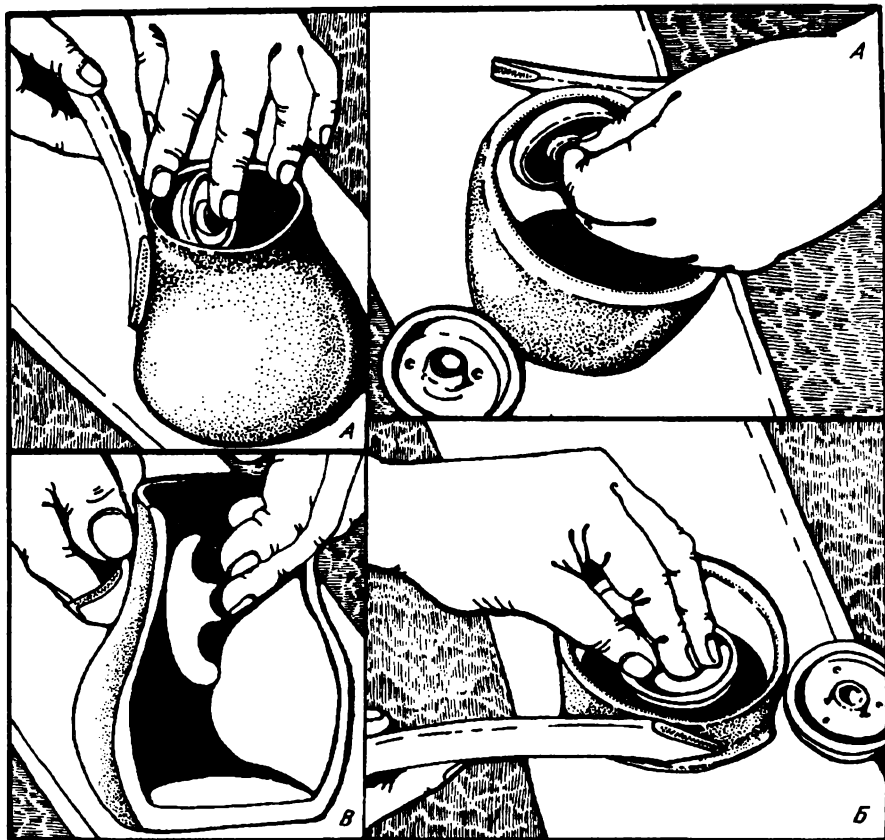

Рис. 5. Работа при помощи наковаленок.

А — при выравнивании стенок тулова сосуда; Б — при выравнивании стенок у дна; В — пропускание наковаленки в горло сосуда.

Прядение и ткачество. Основным свидетельством развития ткачества являются пряслица. Число их по сравнению с эпохой бронзы и переходного периода резко возрастает, а крупные пряслица диаметром 4 см и более исчезают. Пряслица были изготовлены из глины, в III—II вв. до н. э. появляются плоские каменные. Пряслица различаются по форме, орнаментации и размерам, что связано с их функциональным назначением. В этом отношении очень интересна работа, проведенная В. Поньрко под руководством Е. А. Сидорова³⁷. Они рассмотрели 40 различных пряслиц и определили кинетическую энергию каждого из них (по принципу расчета энергии маховичка). Приблизительно определены затраты энергии на прядение шерстяной и растительной нитей. Пряслица разбиты на три группы: одни предназначены для обработки шерсти, другие — растительного волокна, третьи — для сучения ниток. Можно полагать, что резкое увеличение количества пряслиц к раннему железному веку связано с развитием ткачества и изготовлением нитей из растительного волокна.

Как уже отмечалось выше, в ряде случаев пряслица были обнаружены в мужских захоронениях. Объяснение этому можно найти в этнографических параллелях. Оказывается, у таджиков, ранних узбекских племен и среднеазиатских арабов грубую шерстяную пряжу на шнурки изготовляли мужчины, существовали даже специальные мужские веретена, а у современных памирских таджиков долины р. Хуф мужчины прядут из козьей шерсти, женщины — из овечьей³⁸.

Об изготовлении нитей из растительного волокна говорят и другие данные. В комплексах поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа встречаются, как уже указывалось, орудия из нижних челюстей крупного рогатого скота и коней. Они использовались в качестве тупиков для обра-

ботки кожи³⁹, трепал для стеблей конопли или льна⁴⁰ и орудий сенокосения. Как показали исследования Е. А. Сидорова, при одинаковом внешнем облике все эти орудия отличаются друг от друга различным характером сработанности⁴¹. Для трепал характерна сильная заполированность всего орудия при наибольшей сработанности в углублениях неровной рабочей поверхности.

Отпечатки ткани обнаружены на нижней стороне железных блях из кургана 19 могильника Новый Шарап-1. Это ткань простого полотняного переплетения плотностью до 20 нитей на 1 см², что говорит о достаточной тонкости полотна. Для шитья употребляли иголки с ушками, одна из них, золотая квадратного сечения, найдена в Быстровке-1.

Обработка кожи и изготовление кожаных изделий. Они занимали в хозяйстве значительное место. Из кожи изготовляли одежду, ремни для конской упряжи, поясов и других целей, походные флаги и т. д. До нас дошли ремешки от пояса (НШ-1, кург. 19). Шкуры обрабатывали при помощи каменных скребел, они найдены на ряде поселений. Могли использоваться костяные скребки типа лопаточки с коленчатой ручкой из кижировского городища Каменный Мыс (V—IV вв. до н. э.), которая использовалась для пушения бухтармы⁴².

Употреблялись в качестве тупиков нижние челюсти крупного рогатого скота. От других орудий из этой же кости, по Е. А. Сидорову, они отличаются незначительной заполировкой задника и сильной сработанностью бугорков на рабочей поверхности. С. А. Семенов полагал, что рабочей частью двуручных тупиков были зубы с твердыми коронками. От продолжительного употребления они стирались и выпадали, а стенки челюстных ветвей продолжали изнашиваться⁴³. Это положение вызывает сомнения, поскольку прочность зубов при стирании значительно выше костной ткани. А процесс расшатывания зубов после разложения мягких тканей и усыхания кости нижней челюсти необратим и отрицательно влияет на рабочие качества такого орудия, как тупик. Так, выпадение одного из зубов не только сразу же снижало общее качество рабочей поверхности, но и требовало дополнительных усилий либо для его закрепления на месте, либо на удаление оставшихся зубов. К тому же рабочее положение орудия и направление, в котором производились технологические операции, никак не соответствовали естественному положению зубов в челюсти, работа в параллельно-поперечном направлении по отношению к ним сильно расшатывала зубы в альвеолярных отверстиях. Поэтому, скорее всего, для изготовления тупиков использовались челюсти с предварительно удаленным рядом зубов. Их относительно ровный край был более пригоден для волосогонной обработки, тем более что шкура для этого, как правило, предварительно подготавливалась⁴⁴.

Несмотря на отсутствие сохранившихся в памятниках большебереченской культуры образцов кройки и шитья кожаных изделий, мы можем судить об этом по керамическим сосудам, имитирующим кожаные флаги. Их детальное изучение показало, что степень соответствия крою и шитью на сосудах-имитациях очень высока⁴⁵. Поэтому они могут служить своеобразным источником по такой разновидности домашних производств.

Орнамент в виде клиньев у горловины на сосудах из Соколова, Быстровки-1 (рис. 6, 1, 2; табл. XXXIX, 4; XLIII, 10) отражает не только способ раскроя, но и общее использование исходной кожи, как для сосуда, так и для других нужд. Согласно этнографическим данным, при раскрое кожаного сосуда к материалу относились бережно, все обрезки кожи, как правило, шли в дело⁴⁶. Подобную черту отмечает и С. И. Руденко, анализируя кожаную одежду из Башадарских и Туэктинских курганов⁴⁷. В целом сами клинья-вставки необходимы для существующих шаблонов выкроек сосудов. Этот факт дает редкую возможность подойти к одной из исходных операций — раскрою кожаного сырья (рис. 6, 9).

Клин-вставка — это элемент выкройки, который наиболее характерен для конструирования стыковочных частей одежды (рукава, подол, спинка, штанина и т. д.) и расшивания узких частей изделий. Такие элементы, су-

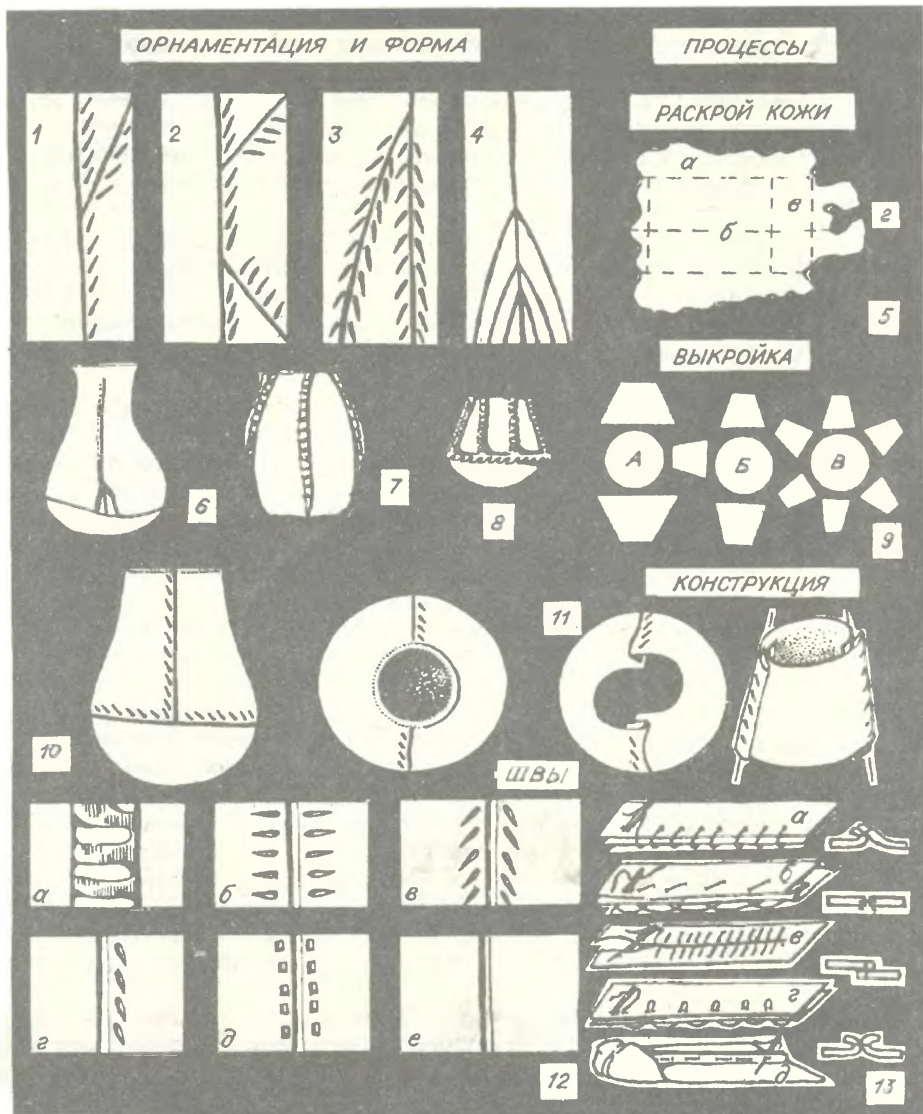

Рис. 6. Отражение процесса кройки и шитья керамики, имитирующей кожаные сосуды.
 1—4 — орнаменты, отражающие раскрой, на сосудах из Быстровки-1, Соколово и Раздумье; 5 — топография раскроя шкуры (по А. В. Валеевой); 6 — сосуд из раскопок Н. С. Гуляева (по А. С. Суразакову); 7 — сосуд из-под Бийска (по М. П. Завитухиной); 8 — сосуд из Быстрянского (по М. П. Завитухиной); 9 — типы выкроек сосудов (А — двухклинный, Б — четырехклинный, В — шестиклинный); 10 — сосуд из Быстровки-1; 11 — ось жесткости кожаной горловины сосуда; 12 — орнаменты, имитирующие швы; 13 — реальные швы.

для по имитационному керамическому материалу, были хорошо известны в домашнем производстве большереченцев. Наблюдение за общей композицией имитационных швов на сосудах позволяет выделить несколько шаблонов выкроек. Правда, они построены по единому принципу — сложносоставное горло и цельное дно (рис. 6, 6—9). Судя по шаровидным очертаниям дна, можно предположить, что большереченцы достаточно свободно владели искусством придания коже определенной формы при сырой формовке и просушке. Близкая технология обработки кожи известна по этнографическим данным⁴⁸. Ведущим шаблоном выкройки был вытянутый подтрапециевидный клин с отношением высоты к основанию 1:1, 1:2 и 2:1. Он воспроизведен практически на всей группе имитационной керамики. Различается только количество клиньев в горловине, которое имеет определенные особенности. Пропорция клина 1:1 соответствует уменьшению количества элементов выкройки горловины до двух. На археологическом материале это представлено на сосудах из Быстровки-1, Нового Шарапа-1 и Соко-

ле это представлено на сосудах из Быстровки-1, Нового Шарапа-1 и Соколова. Увеличение высоты клина по отношению к его основанию вело к увеличению их общего числа в выкройке горловины. Так, тулово сосудов из Бийска и Быстрианского с подобной пропорцией клина «составлено» уже из четырех и шести элементов (рис. 6, 7, 8). При выполнении операции раскроя кожи основным орудием, вероятно, служил остро отточенный нож, которым и вырезались все элементы выкроек, отраженные в сосудах-имитациях.

Для достижения жесткости конструкции кожного сосуда края элементов кроя тулова накладывались друг на друга особым образом. После чего сосуд приобретал две оси жесткости, компенсирующие внешние сжатия. Подобная деталь также нашла отражение в керамике, имитирующей кожаные сосуды: расположение стежков-имитаций по разным сторонам прочерченной линии шва на сосудах (рис. 6, 10, 11).

Представленная серия опосредованных образцов кроя и шитья характеризует этот вид домашнего производства не только в Верхнем Приобье. Отдельные большеереченские образцы имитационных орнаментов имеют аналогии в среднеазиатских, сакских материалах и Горном Алтае. Например, вариант штуковочного шва, воспроизведенный в орнаменте на сосуде из Нового Шарапа-1, близок к фрагментам сшитых тканей из раннесакского могильника Сакар-Чага-3 в Северной Туркмении⁴⁹. Внутренний стачной шов и шов со стежками узелком, имитированные на сосудах, имеют широкие территориальные аналогии. Они существуют в материалах из Горного Алтая, Казахстана (могильник Сары-Тогай) и Памиро-Алая (могильник Джергес)⁵⁰. Такое сходство или совпадение неудивительно, потому что единство культурно-хозяйственной базы первобытных обществ порождало единство инструментального набора и технических приемов производств.

Скрепление частей выкроек производилось разнообразными видами швов. Об этом свидетельствуют орнаменты на имитационной керамике: прочерченные линии с точками или нарезками, рассеченные валики и т. д. (рис. 6, 12а). Не повторяя аргументов обоснования соответствия орнамента и конкретного шва, чему посвящена специальная работа⁵¹, остановимся непосредственно на их разновидностях. Это швы через край (рис. 6, 12а, 13а), внешний стачной (рис. 6, 12в, г, 13б), штуковочный (рис. 6, 12б, 13а), со стежками узелком (рис. 6, 12д, 13г), внутренний стачной (рис. 6, 12е, 13д).

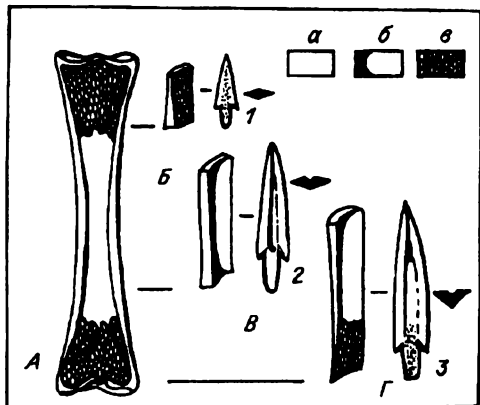
Некоторые из этих швов имеют почти прямые соответствия в этнографических кожаных сосудах⁵². Не исключено, что каждый вариант шва имел свое определенное назначение: конструктивное или отделочное. Такую особенность отмечал С. И. Руденко, описывая кожаные пазырыкские фляги. В качестве ниток, вероятно, употреблялись тонкие сухожильные волокна, которые использовались при шитье предметов из Пазырыкских курганов⁵³.

Иглы и проколки из кости и металла были главными инструментами при шитье. Особое внимание привлекает золотая игла из Быстровки-1. Односторонняя выпуклость ее ушка, вероятно, восходит к петельчатым гнутым ушкам верхнеобских иголок⁵⁴. При работе с толстым, прочным материалом игла могла сломаться или согнуться, как это произошло со стержнем иглы из Быстровки-1. Поэтому применение шильев и проколок из кости или металла было просто необходимо, особенно при скреплении отдельных частей выкроек сосуда, где требовалось прошить несколько слоев кожи.

Обработка кости. Она представляет часть общего процесса утилизации органического сырья. Источники его формирования достаточно традиционны. Это остаточные продукты скотоводства и охоты. Причем первый источник явно преобладающий и более устойчивый. Остеологические материалы поселенческих комплексов дают многократное превышение домашних животных над дикими. Дело тут не только в преобладании скотоводческой базы хозяйства носителей большеереченской культуры над охотой. Просто сам процесс утилизации костного сырья при этих укладах имеет свои особенности. Так, кости домашних животных, получаемые при их разделке на поселениях во время сезонного забоя, представлены более полно. А эпизодич-

Рис. 7. Изготовление костяных наконечников стрел.

А — структура длинной трубчатой кости;
 Б — Г — исходные пластины-заготовки.
 1 — наконечник из краевой пластины;
 2 — наконечник из центральной пластины;
 3 — наконечник из половинной пластины. а — компактное вещество кости; б — мозговой канал; в — пористое вещество.

ность охоты и хаотичность мест разделки добычи сокращают количество костного сырья для переработки.

Процесс накопления рогового сырья имеет другую закономерность. Основным источником для его получения являлась охота на косуль, лосей, оленей. Но это далеко не единственный источник. Использование при изготовлении изделий сброшенных рогов свидетельствует о сборе рогового сырья.

Структурные особенности сырья для косторезной обработки позволяют уточнить не только источники его накопления, но и многие технологические детали. Фрагментарная представленность заготовок наконечников, характеризующих этапы расщепления длинных трубчатых костей, дополняется сохранением структурных рудиментов костного сырья в готовых изделиях. К ним относятся остатки мозгового канала, надкостницы, пористого вещества и других признаков, которые отражают исходный тип заготовки. Для изготовления костяных наконечников использовалось несколько разновидностей костяных пластин. Одной из них была центральная пластина, которая получалась при удалении краевых предэпифизных участков с обильным содержанием пористого вещества (рис. 7, В, 2). Основным рудиментом здесь являлся мозговой канал. Другая разновидность заготовки — половинная пластина (рис. 7, Г, 3). Она получалась при раскалывании длинных костяных пластин пополам с сохранением мозгового канала и пористого вещества с одной из сторон. Краевая пластина изготавливалась из предэпифизных окончаний, где как основной рудиментарный признак сохранилось только пористое вещество (рис. 7, Б, 1). Типы исходных пластин влияли на форму готовых наконечников. Из центральных и половинных пластин изготавливались длинные наконечники, а из краевых — короткие. От исходной толщины пластины зависело сечение готового костяного наконечника. Треугольное и ромбическое сечения выполнялись в основном на толстых участках компактного вещества кости, которыми являлись мышечные гребни. Уплощенно ромбическое сечение изготавливалось из более тонких частей костяных заготовок, у таких наконечников верхняя плоскость не обрабатывалась, на ней сохранялась неповрежденная надкостница.

При изготовлении наконечников либо сначала оформлялось перо, после чего подрезались шипы или плечи и подсекался насад, либо параллельно отделялись перо и черенок наконечника. Из костяных пластин изготавливались и другие предметы. Так, например, краевые костяные пластины были сырьем для костыльков. Из центральных и половинных пластин делали проколки, они также иногда выполнялись из целых костей подходящей формы. У длинных трубчатых костей использовались не только пластины, которые получились при расщеплении тела диафазы, но и отдельные части эпифазов. Головки бедренных костей крупного рогатого скота шли на изготовление полусферических пуговиц (рис. 8). Кроме длинных трубчатых костей использовались еще и ребра. Из них изготовлена целая серия накладок (рис. 9).

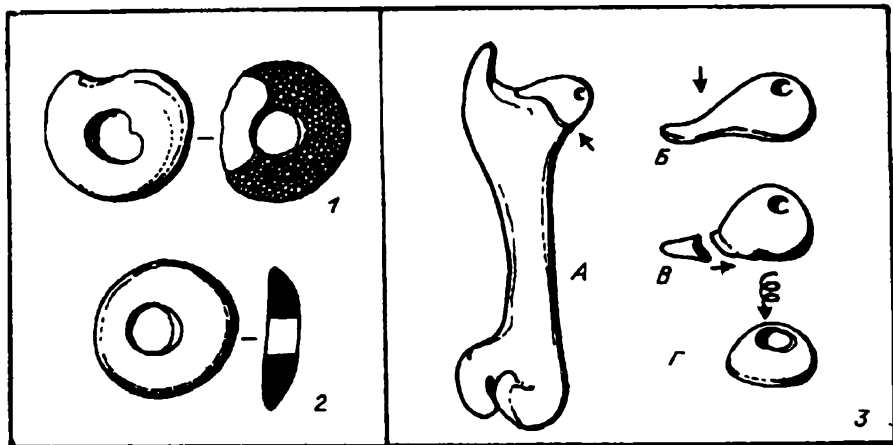

Рис. 8. Изготовление пуговиц из головок бедренной кости.
1, 2 – пуговицы из Быстровки-1 и Нового Шарапа-2; 3 – реконструкция процесса изготовления.

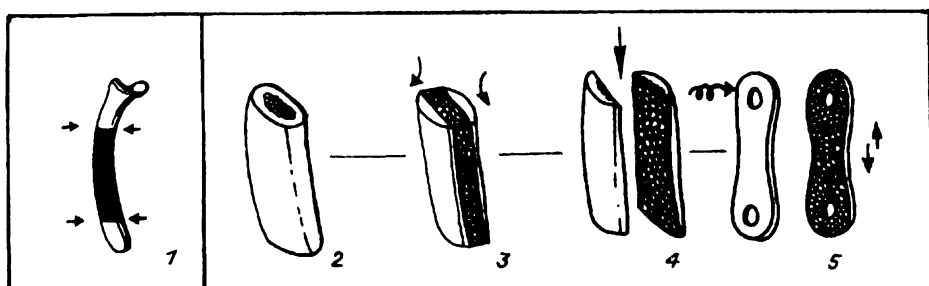

Рис. 9. Изготовление накладок из ребра.
1, 2 – участок ребра как исходная заготовка для накладки; 3 – стесывание краевой поверхности; 4 – расщепление заготовки; 5 – подрезка краев накладки и просверливание отверстия.

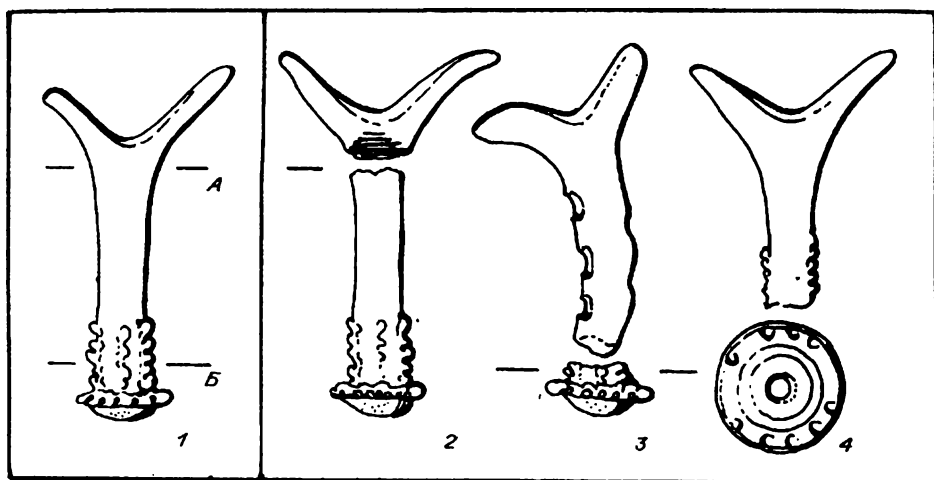

Рис. 10. Раскрой рога косули.
1 – схема членения (А, Б – линии членения); 2 – рогулька (Ордынское-1); 3 – псалий (Бийск-1); 4 – пряслице (Быстровка-1).

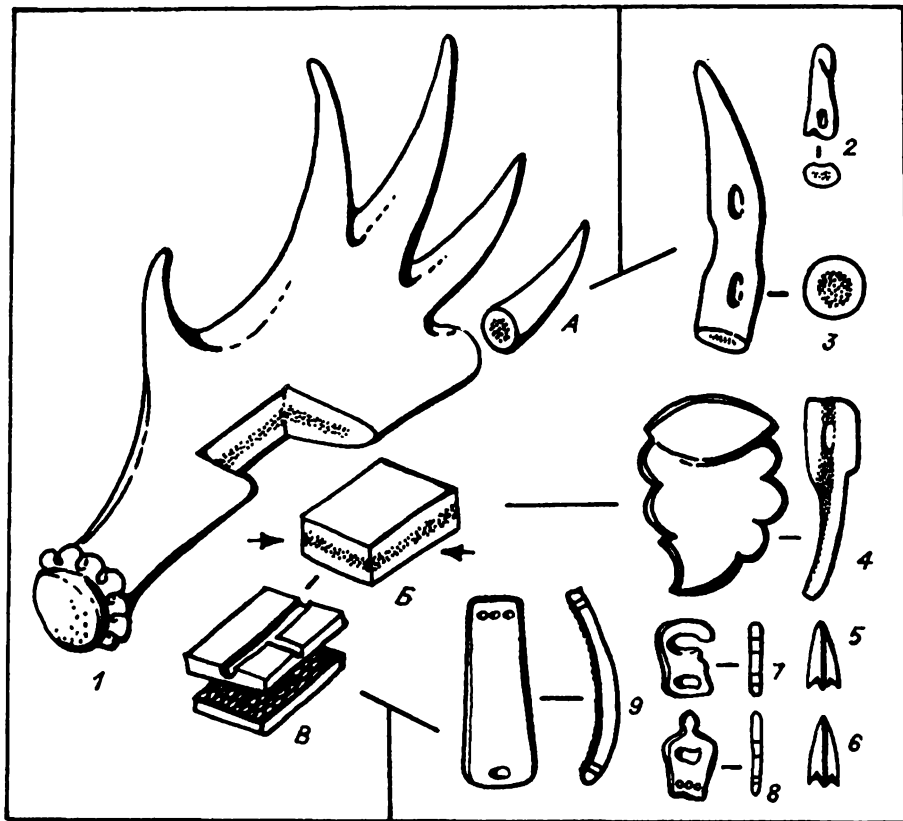

Рис. 11. Раскрой рога лося.

1 — схема раскрой (А — В — заготовки); 2-9 — готовые изделия (2, 5, 6, 8, 9 — Быстровка-1; 3, 7 — Новосибирск; 4 — Новый Шарап-2).

Использование рогового сырья предполагает его предварительный раскрой, после чего и начинается изготовление предметов. Раскрой рога во многом определяется его структурой, которая у косули и лося существенно различаются. Рог косули имеет преимущественно ветвистое строение. Поэтому его расчленение велось по линиям разветвления роговой спицы и розетки. Этот процесс можно проследить по отходам и готовым предметам (рис. 10).

Рог лося членился по иной схеме (рис. 11): Роговые отростки, как правило, отделялись для изготовления двудырчатых псалий и стержневых подпружных крючков. Лопатка лосиного рога разрезалась вдоль и поперек на пластины. Они могли использоваться целиком (роговые украшения узды из Нового Шарапа-2) или члениться на две части по пористому веществу. Длинные пластины резались еще на более мелкие, которые шли на изготовление подпружных пряжек и других предметов. Из роговых пластин изготавливались трехгранные втульчатые наконечники стрел с опущенными вниз шипами, а также обоймы и штампы для орнаментации керамики.

Для обработки рога и кости использовался целый ряд приспособлений, инструментов и приемов. Кость и рог перед обработкой предварительно подготавливались путем размягчения при варке или увлажнении. Об этом свидетельствует глубина надрезов, которая в сухом состоянии материала будет значительно меньше. Размачивание применялось не только для размягчения, но и для распрямления роговых и костяных пластин. Один из таких примеров отмечался Е. А. Сидоровым в связи с наконечником из Быстровки-1. Он был изготовлен из естественно изогнутого материала, а затем размочен и высушен в распрямленном состоянии. В земле после воздействия сырости он опять приобрел первоначальную форму⁵⁵. Такая же операция была проделана с длинными роговыми поясными накладками из

Быстровки-1. Приспособлением для распрямления заготовок, скорее всего, были щемилки.

Рубящая, режущая и скобящая обработка были основными видами технологических операций по изготовлению роговых и костяных предметов. Они выполнялись кельтами и ножами различной величины. При этом нож был наиболее универсальным инструментом. Им можно было не только резать, но и пилить, а также высверливать отверстия. Существовала и специализированная сверловка. Рабочий диаметр сверла, судя по отверстиям, составлял 3—5 мм. Головка сверла иногда имела уплощенно-цилиндрическую форму. Вероятно, это было лучковое сверло, широко распространенное в этнографических материалах и известное с глубокой древности. Следует подчеркнуть, что сверление применялось не только для проделывания одиночных отверстий, но и для выборки крупных полостей в предметах (отверстия псалий, подпружных пружек, блоков повода). Для этого высверливался ряд отверстий, которые затем при подрезке ножом соединялись в одну полость. Абразивно-шлифовальная обработка выполнялась на последнем этапе изготовления изделия. Для нее использовались крупно- и мелкозернистые абразивы и другие подручные средства⁵⁶.

В целом обработка кости и рога в большеереченской культуре была частью домашних производств. Однако процесс развития специализации косторезного дела, как и других промыслов, находился в эпоху раннего железного века в стадии становления. Так, ряд предметов, по мысли М. П. Грязнова, могли изготовить только опытные и знающие это дело мастера⁵⁷. В подтверждение этому можно привести этнографическую аналогию. Так, у ваховских хантов некоторые наконечники стрел изредка изготавливались особыми мастерами. Хотя основную массу их делали сами охотники⁵⁸.

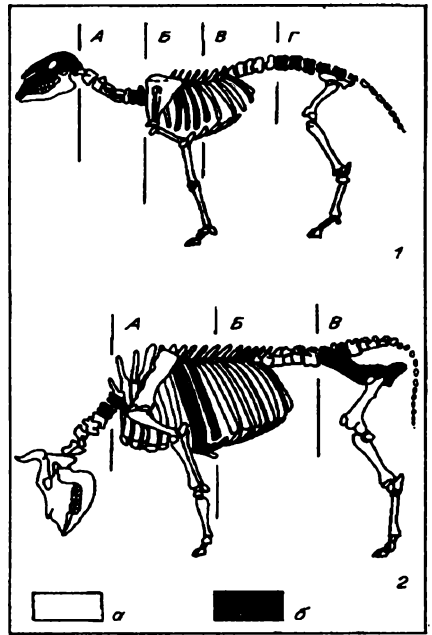
Поэтому, говоря о домашнем характере косторезного производства большеереченцев, не следует забывать о потенциальных возможностях его специализации.

Разделка туш домашних животных. Обработка продуктов скотоводства занимала одно из важных мест в структуре большеереченского хозяйства. Однако главный источник по этому вопросу — остеологический материал — подвергся в пределах поселений (как открытых комплексов) многократным перемещениям, которые затрудняют его использование. Например, один из основных процессов переработки продуктов скотоводства — разделка туш домашних животных — на поселениях представлен довольно слабо. В основном разделка на поселениях косвенно находит отражение в преобладании длинных костей конечностей, которые удалялись, когда снималась шкура. Более полно систему разделки отражают погребальные комплексы, где встречаются остатки «сопроводительной пищи» в виде костей животных. Достоверность этого источника выгодно отличается от поселенческого материала тем, что находится в рамках закрытого единовременного археологического комплекса. «Сопроводительная пища» в большеереческих погребениях — достаточно массовое явление. Частота встречаемости таких находок позволяет подметить частное и общее в процессе разделки. Кроме того, видовой состав погребального остеологического материала позволяет ориентировочно представить разделку туш различных животных, которая вплоть до настоящего времени имеет свои особенности, причем не только на этнографическом уровне⁵⁹. В целом «сопроводительная пища» в большеереческих погребениях представлена костями коровы и овцы. Поэтому систему разделки можно проследить в основном по этим животным.

Разделка туши овцы. Мелкий рогатый скот в стаде имеет больший удельный вес в силу своей многочисленности. Поэтому он подвергался забоям и разделке несколько чаще, чем крупный рогатый скот. В скотоводческой среде, как правило, было два срока забоя овец — летом и осенью. Летом, когда мясо быстро портится, было рационально резать баранов, которых можно съесть за короткое время⁶⁰. То, что баранов забивали чаще, нашло отражение и в материалах погребений, где различные кости овцы встречаются более часто, чем кости животных других видов. В погребальных комплексах могильника Быстровка-1 зафиксированы следующие разделочные стати — голова, отчлененная от позвонков шеи, отдельные расчле-

Рис. 12. Схема разделки туш домашних животных.

1 — овцы; 2 — коровы; А — Г — линии разделки. а — кости, отсутствующие в погребениях; б — кости, представляющие остатки «сопроводительной пищи».

ненные позвонки шеи, спинные позвонки с длинным отростком, ребра (отчлененные — от одного до нескольких и полные бока) и курдючные кости от крестца с несколькими хвостовыми позвонками. Реальное анатомическое положение этих костей в скелете овцы позволяет наметить следующие принципиальные оси разделки туши (рис. 12, 1): А — головная часть, Б — шейная, В — спинная, Г — поясничная, или курдючная, часть. Разделка конечностей в большереченских погребениях представлена более фрагментарно. Указанные линии разделки часто совпадают с теми, по которым и сейчас разделяют бараньи туши: линии А, Б — с зарезом и шеей, линия В — со спинной и лопаточной частью и т. д.⁶¹

Разделка туши коровы. Она представлена эпизодично. Это, видимо, связано с большей ценностью крупного рогатого скота в большереченском хозяйстве, который имел в живом виде более комплексное использование. Забивали его, за редким исключением, лишь осенью при массовой заготовке мяса. Разделка крупного рогатого скота представлена в Быстровке-1 шейными позвонками, парой ребер и тазом. Поэтому система основных разделочных линий коровы имеет менее полный вид (рис. 12, 2): А — шейная часть, расчлененная на отдельные позвонки; Б — боковая часть, где бок резался на куски не меньше, чем по два ребра; В — поясничная часть с расчлененным тазом. Эти основные линии разделки имеют также определенные соответствия в современной практике. Линия А соответствует зарезу, линия Б — лопаточной части, а линия В — кострецу.

Система разделки лошади по материалам большереченских погребений пока не представлена достаточно полно. Видимо, это связано с большой ценностью этого животного.

Говоря о системе разделки туш животных у большереченцев, нельзя не упомянуть о значимости отчлененных частей. Например, голова и курдюк имели, согласно этнографическим данным, особое значение⁶². Довольно часто это были наиболее престижные части животного. Они использовались для приготовления блюд, которые предлагались гостям. В погребальном контексте такая параллель может быть далеко неслучайной, поскольку усопшие в первобытную эпоху имели определенную стратификацию относительно живых. Более того, сам момент дороги в загробный мир в погребальном обряде большереченцев, вероятно, требовал более тщательного отбора пищи, чем в обыденной ситуации. Здесь мы вплотную подходим к системе запретов (как определенных норм разделки) и влиянию ритуала на разделку туши животного, известных этнографически⁶³. Однако довольно четкое соответствие схемы разделки туш, реконструируемой по остаткам «сопроводительной пищи» и ныне существующей, отражает формирование у большереченцев представленных принципов разделки не в культовой, а в бытовой, хозяйственной среде.

Обработка дерева. Предметы деревообработки наиболее часто сохраняются в погребальных комплексах. Это перекрытия, колоды, остатки сосудов и вещи, имеющие к деревообработке косвенное отношение. Перекрытия большереченских погребений выполнялись из бревен или плах, уложенных

вдоль или поперек могильной ямы. Стандартизация их размеров зависела от характера использования в могильной яме. Для перекрытий был необходим припуск для опоры на стенки ямы или сруб. В случае использования бревен для сруба или обкладки по дну могилы требовалось почти точное соответствие ее размерам. Поэтому длина бревен составляет от 0,5 до 2 м. Сечение их в комлевой части — 16—25 см — свидетельствует об использовании нетолстых деревьев, как и в пазырыкских погребальных конструкциях⁶⁴. Скрепление срубов из бревен осуществлялось в обло, как это представлено на могильнике Усть-Алеус-3. На бийском этапе перекрытия делались из бревен, на березовском этапе, особенно с III в. до н. э., часто употреблялись плахи или горбыли. Типы деревянных конструкций показаны на рис. 13.

Из бревен получали плахи, которые имели длину от 0,5 до 1,5 м, ширину — от 5 до 15 см, сечение — от 3 до 5 см. Они изготавливались, вероятно, при помощи известных этнографически деревянных или костяных клиньев, которыми расщепляли бревно. Плахи также использовались либо как перекрытия, продольные и поперечные (рис. 13, 1, 2), либо как рама обкладки стенок у дна ямы (рис. 13, 5). Разнообразие типов перекрытий могильных ям большереченских погребений демонстрирует различные способы изготовления горизонтальных плоскостных конструкций. Наряду с простым перекрытием, состоящим из ряда плах, встречаются сложные — с поперечными центральными опорами. Так выполнено перекрытие могилы 7 кургана 1 Милованово-8 (рис. 13, 4). Первоначально на края могилы по длинной оси продольно были положены два бревна диаметром около 8—10 см, поверх них — плотно друг к другу 13 поперечных плах шириной около 10 см, толщиной до 3 см, образовавших перекрытие. По краям его перпендикулярно были поставлены плахи для упора, между которыми было вбито еще одно продольное бревно, фиксировавшее перекрытие сверху. Таким способом (исключая упоры) вполне могли делать потолки, деревянные навесы, платформы для самых разнообразных нужд. В ряде могил на дне была рама из плах, внутри которой лежал погребенный. Образец возведения вертикальной стенки из плах представлен в Милованово-8 (рис. 13, 6). Вход в подбой этой могилы был перекрыт стенкой из семи плах, которые доходили до потолка подбоя (54 см) и имели ширину 25 см.

У носителей большереченской культуры была распространена деревянная посуда, в том числе блюда, аналогичные пазырыкским. Древесный тлен от такого блюда зафиксирован в одной из могил на памятнике Верхний Сузун-5, обломки плоского овального блюда со слегка выступающим бортиком найдены в Камне II⁶⁵. Они изготавливались путем долбления. О существовании деревянных бочонков свидетельствуют керамические бочонки, копирующие деревянную посуду (табл. XXXIX, 18). Как уже отмечалось выше, они имеют аналоги среди деревянных изделий раннего железного века Тувы и из раннеташтыкских могил. Это достаточно сложные предметы, изготовление которых требовало по крайней мере трех операций деревообработки: долбления основной полости, изготовления боковых стенок и заупорки полости бочонка, прорезания отверстия и изготовления вставки горловины. Не исключено в этой связи и существование бочонков больших размеров с наборными стенками. Такие известны по материалам Шестаковского могильника в Ачинско-Мариинской лесостепи⁶⁶.

Говоря о деревообработке, следует упомянуть и художественную резьбу. Пока до нас не дошли сами оригиналы, а лишь только их реплики в других материалах: роговые уздечные бляхи из Нового Шарапа-1 имеют аналогии в коллекции пазырыкских деревянных предметов.

Инструментальный набор деревообрабатывающих производств состоял в основном из костяных и деревянных клиньев, долот, ножей и кельтов из бронзы и железа. Можно отметить изготовление рукоятей для кельтов из веток с естественной колочатостью.

Следует сказать, что уровень деревообработки в период существования большереченской культуры соответствовал общему развитию этого промысла в эпоху раннего железного века в Сибири. Широкое внедрение в погребальную обрядность деревянных конструкций отражает не только возрос-

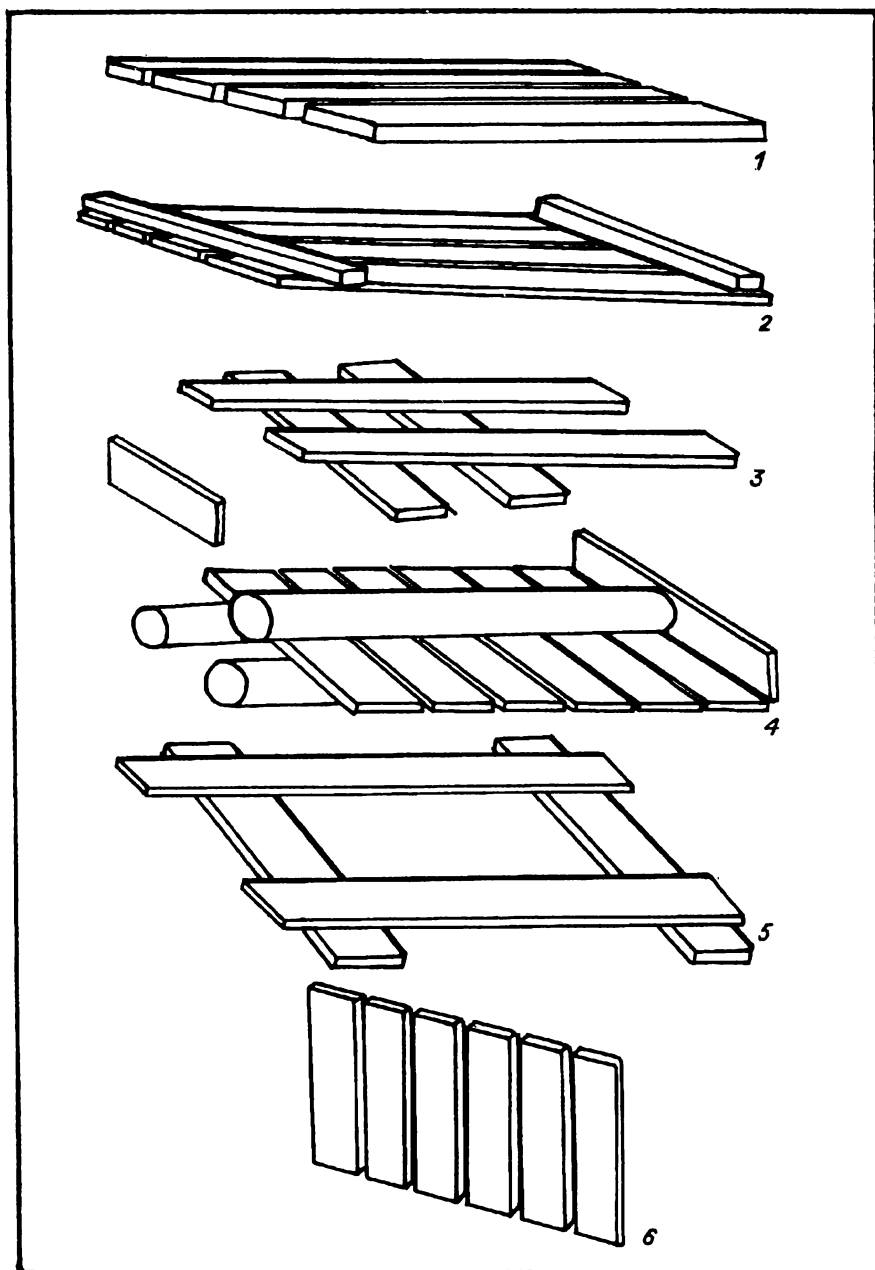

Рис. 13. Типы деревянных конструкций в погребениях.
1, 2, 4–6 — Милованово-8; 3 — Быстровка-1.

ший уровень технических возможностей, но и значение распространения железных орудий. Не случайно конструкции из плах совпадают по времени с началом широкого распространения железных ножей. Можно предполагать определенную специализацию при изготовлении сложных или художественных изделий.

Обработка камня. Из камня делали такие изделия, как зернотерки, песты, курильницы, оселки, отбойники, грузила и мотыги. Использовались в основном три породы камня: гранит, песчаник и известняк, имевшие местное происхождение. Их выходы известны на побережье Оби⁶⁷.

Не требуют обработки отбойники — крупные речные гальки, на которых сохранились следы многочисленных ударов. Скребла для обработки ко-

жи также не требуют тщательного изготовления. Это удачно подобранные отщепы зернистого известняка, иногда слегка подправленные. Грузила тоже подбирали из отщепов известняка или плоских слегка окатанных известняковых камней. На противоположных узких гранях камня выбивали углубления для захвата веревкой. Примерно также изготавливались мотыги.

Зернотерки и песты делались из прочного материала — гранита. Вероятно, гранит откалывали путем забивания в трещины деревянных клиньев и дальнейшим их размачиванием. Затем при помощи молотков и отбойников получали подходящие по размеру заготовки. Несколько небольших заготовок найдено на поселении Ордынское-9. Дальнейшая обработка шла методом пикетажа. Окончательная доводка пестов и оселков производилась шлифованием при помощи мокрого песка, особенно тщательно шлифовались оселки. Зернотерки не шлифовались, сглаживание их поверхности происходило в процессе растирания зерна. У каменных алтариков обычно шлифовалась внутренняя поверхность, внешняя обрабатывалась лишь в некоторых случаях, в результате чего появлялись курильницы на поддонах.

Употреблялся камень в виде дресвы на добавку в керамику. Для придания граниту рассыпчатости его надо было нагревать в огне, временами охлаждая в воде. После этого легко было дробить на мелкие крошки.

Из прочих видов домашнего ремесла надо указать рытье земли для нижней части жилищ, могил, рвов и т. д. В кургане 2 могильника Ордынское-1 на плотных стенках могилы 4 обнаружены узкие наклонные борозды — следы лопаты или мотыги с шириной лезвия около 3—4 см.

Обмен. В материалах погребений имеются отдельные привозные изделия. Это бронзовое зеркало из Быстровки-1 с изображением тигров, явно связанное со Средней, а возможно и Передней Азией. Зеркало из Разоихи, на котором среди изображений выделяется фигура слона⁶⁸, восходит к традициям Индии или, скорее всего, соседних с ней стран. Импортным является и зеркало с ручкой в виде головы грифона (табл. XLIII, 1). Бляха с рогатым тигром могла быть вывезена из Горного Алтая. К импорту относятся бусы (стеклянные позолоченные, глазчатки из глушеного стекла, сердоликовые) и бронзовые художественно выполненные заколки для волос (табл. XXXIV, 17, 18). Ряд керамических сосудов явно имеет неместное происхождение (бочонки, стаканы, отдельные кувшины), но они выполнены из обычного для большереченцев керамического теста и предметами обмена не являются. Исключение составляет сосуд саргатского типа из Милованово-3а, изготовленный из характерного для саргатской культуры теста.

Таким образом, обмен не был интенсивным. Он велся в основном с населением более высокого уровня развития, жившего к югу (Алтай) и юго-западу (Казахстан, Средняя Азия) от большереченского региона. В обмен могла идти пушнина.

Выводы:

1. Хозяйство племен большереченской культуры было многоотраслевым, комплексным.

2. Ведущее место в экономике принадлежало скотоводству, которое на протяжении развития большереченской культуры претерпело изменения в сторону все большего увеличения доли отгонного скотоводства.

3. Вопрос о характере земледелия (плужное или мотыжное) остается открытым, но на данном уровне наших представлений оно больше соответствует мотыжному.

4. В ремесле наблюдается определенная специализация в металлургическом производстве, в изготовлении отдельных глиняных сосудов и, возможно, сложных изделий из кости. Остальные его виды носят домашний характер и были доступны каждой семье.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Территория распространения. С VI—V вв. до н. э. в лесостепном Приобье и близлежащих районах проживали носители большереченской культуры. Четкой границы между ними и соседними племенами не было. На окраинах наблюдается чересполосное размещение памятников разных культур и встречаются отдельные памятники смешанных культур. Большереченские племена не жили постоянно на одном месте, прослеживается их передвижение в определенные отрезки времени.

Северная граница проходила по стыку Новосибирского и Томского Приобья, она разделяла большереченскую и кижировскую культуры и не была стабильной. Как показали исследования на р. Уени, здесь в VI—V вв. до н. э. была распространена кижировская культура (городища Каменный Мыс и Батурино-2, поселение Дубровинский Борок-1)¹. С IV—III вв. до н. э. на этой же территории появляются чисто большереченские памятники (курганы Высокий Борок, поселения Шелганушка-1, Вятский Камушек и др.), без следов влияния кижировской культуры. Косвенным доказательством отсутствия здесь в III в. до н. э. кижировских племен является кулайский могильник Каменный Мыс². Он возник на базе слияния большереченских и пришлых северных кулайских племен, следов влияния кижировской культуры в его керамических комплексах нет. Поэтому с достаточной уверенностью можно говорить о том, что ко времени проникновения кулайцев (III—II вв. до н. э.) здесь уже не было кижировских племен, а жили большереченские, с которыми пришлое население вступило в тесные контакты.

Следовательно, северная граница территории распространения большереченской культуры в IV—V и V вв. до н. э. проходила к югу от р. Уени, чуть позже она передвинулась на север. Граница не была четкой, наблюдается взаимовлияние культур и встречаются смешанные комплексы (Кр-11а). С наступлением северных кулайских племен их граница с большереченцами стала постепенно передвигаться на юг. Свидетельством этому является кулайское городище III Кордон-1, сооруженное около I в. н. э. на месте большереченского поселения, культурный слой которого сохранился под валом и рядом с ним.

На западе большереченские племена граничили с саргатскими. Как указывает Н. В. Полосьмак, западную часть Барабы занимали саргаты, восточную — большереченцы, в центральной части они жили чересполосно³. Передвижение границы во времени не отмечено.

На востоке соседями большереченцев были тагарские племена. В начале 1980-х гг. самым восточным памятником считалось поселение Боровое-2, расположенное в среднем течении р. Ини. Последние исследования на Ине и Томи позволили передвинуть эту границу дальше на восток. На левом берегу Томи в ее среднем течении выявлено большереченское поселение Лачиново II, где найдено не менее 48 сосудов бийского этапа⁴. Такое же поселение (Лебядь V) обнаружено на Ине. Как полагают В. В. Бобров и В. Н. Добжанский, большереченская культура могла распространяться до предгорий Кузнецкого Алтая⁵.

Южная граница проходила к югу от Б. Речки (памятники Ближние Елбань) и могла доходить до слияния Бии и Катунь. Здесь большереченская культура граничила с близкой ей кара-абызской⁶. Отдельные памятники на юго-западе (Леонтьевка на Иртыше⁷ и Кирилловка III в Кудунде близ границы с Павлодарской областью⁸) указывают не на границу большереченской культуры, а на возможное продвижение в юго-западном направлении отдельных групп большереченских племен. Точно так они могли продвигаться по долинам Бии и Катунь.

Таким образом, большеереченская культура была распространена не только в Приобье, но и за его пределами. Примерная протяженность занятой ею территории с запада на восток 420—450 км, с юга на север — 300 км.

Основные особенности культуры. Большеереченская культура входит в состав скифо-сибирского культурно-исторического единства и поэтому имеет общие с ним черты (скифская триада, бронзовые котлы, развитое скотоводство и др.). Однако можно отметить и специфические особенности.

1. Для погребального обряда характерно наличие глубоких могил. Погребения перекрыты одним или несколькими накатами бревен, положенными на два поперечных или продольных бревна, на сруб из одного или двух венцов или на заплечики. Резко преобладают погребения в курганах. Часты рвы, прерывающиеся с одной или двух сторон. С IV—III вв до н. э. появляется кольцевое расположение могил вокруг центральной.

2. Жилища представлены полуземлянками, они углублялись в землю на 50—100 см. Встречены двух- и однокамерные жилища, некоторые из них имели вход длиной до 3 м. Поселения, как правило, были неукрепленными.

3. Керамика изготовлялась из глины с примесью дресвы и органики. Внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена. Обжиг неравномерный, встречаются сосуды с красноватой и светло-коричневой поверхностью. Основные формы: баночные (резко преобладают на поселениях) и кувшины (преобладают на могильниках). Венчик округлый, реже — прямой, иногда слегка утолщенный. Индекс орнаментированности (число строк на один сосуд) низкий, в среднем менее 1. Наиболее часто встречающиеся орнаментальные мотивы: «жемчужины», ряды наклонных линий или «елочек» из оттисков двузубой гребенки и гладкой палочки. С III—II вв. до н. э. форма и орнаментация сосудов становятся более разнообразными.

4. Хозяйство производящее, комплексное, с ведущей ролью скотоводства, отгонный характер которого со временем возрастает.

5. Четко выраженное преобладание связей с южными соседями: населением Горного Алтая, Казахстана и Средней Азии.

Локальные варианты. В предшествующих работах Т. Н. Троицкой говорилось о двух вариантах большеереченской культуры: новосибирском и ближнеелбанском с границей в районе г. Камня-на-Оби⁹. Однако дальнейшее изучение материала говорит об ошибочности такого мнения. Расположенные к югу от этой предполагаемой границы курганные могильники Камышенка, Морайка, Новотроицкое, Раздумье и др. совершенно не отличаются от более северных (М-2 и 8, Б-1 и 3, НШ-2 и др.) и даже от самого северного могильника на р. Уени — Высокого Борка.

Предположительно можно говорить об особенностях группы памятников у Барнаула и к югу от него. Для нее характерны бескурганые могильники (Старая Алейка-2, Обские Плесы, Гоньба, Каллистратиха, комплекс Ближних Елбан). Не исключено, что здесь имеются особенности и в керамике: более длительное время сохраняются «жемчужины» и, судя по комплексу Ближних Елбан, отсутствуют оттиски гребенчатого штампа. Однако почти полная неизученность поселений и отсутствие публикаций материалов могильников не дают нам возможности выделить ближнеелбанский вариант большеереченской культуры.

Н. В. Полосьмак говорит о барабинском варианте, для которого характерно сильное саргатское влияние. В. В. Бобров, В. Н. Добжанский и Г. С. Мартынова ставят вопрос о выделении восточного варианта большеереченской культуры. В таком случае можно будет говорить и об особенностях кулундинских памятников, которые, судя по описанию В. А. Могильникова (Кирилловка III), отличаются отсутствием баночных сосудов¹⁰. Однако во всех этих случаях речь идет не о вариантах самой большеереченской культуры, а о влиянии в пограничных районах культур соседних племен.

Связи большеереченской и соседних культур. Хорошо прослеживаются связи с носителями кижировской культуры, характеристика которой дана Л. М. Плетневой¹¹. Она указывает, что в кижировских комплексах довольно часто встречается большеереченская керамика. Нами проведен подсчет

керамики в кижировских памятниках Новосибирского Приобья. Так, в комплексах Каменного Мыса и Дубровинского Борка-1 содержится 17,5 и 12 % большеереченской керамики, а на большеереченском поселении Ордынское-9 12 % керамики относилось к кижировской. Подобное взаимопроникновение свидетельствует о тесных контактах между носителями этих культур, о возможности заключения браков между ними (ведь сосуды изготовлялись в привычной для каждой группы технике, столь различной в большеереченских и кижировских комплексах). Поселение Крохалевка-11а принадлежало смешанному населению: количество большеереченской и кижировской керамики здесь почти одинаковое. В ряде случаев на одном сосуде встречались те и другие черты: кижировская затертость поверхности пучком травы и большеереченское расположение орнамента в одну строку на далеком расстоянии от края венчика и т. д. Столь же смешанную картину дал и могильник Крохалевка-4, где, видимо, хоронили умерших жителей поселения Крохалевка-11а. С северным кижировским влиянием связан орнамент, нанесенный многозубчатой гребенкой, в ранних комплексах. На юге, в Ближних Елбанах I, на бийском этапе отгиски подобного штампа не встречены. Эти контакты прослеживались в VI—V и V—IV вв. до н. э., позже кижировская культура прекращает свое существование.

С III—II вв. до н. э. выявляются связи с пришедшими с севера кулайцами. Могильник Каменный Мыс двухкомпонентен¹². В нем в одной могиле могут находиться большеереченские и кулайские сосуды, встречаются типичные по форме большеереченские кувшинчики с кулайской орнаментацией «уточками» и т. д. Надо отметить, что кулайцы больше заимствовали черты большеереченской культуры, чем большеереченцы кулайской. Это могло быть обусловлено более высоким уровнем экономики большеереченцев с прогрессивным скотоводческим хозяйством, интенсивное развитие которого у кулайцев связано с большеереченским влиянием. Кулайские племена, у которых значительное место в экономике занимало присваивающее хозяйство, неприемлемое для более развитой большеереченской культуры, не могли оказать на последнюю сильного влияния. С кулайской культурой связана орнаментация ряда сосудов из Быстровки-1 и 3; видимо, в этом районе наблюдалось родственное смешение кулайского и большеереченского населения, о чем уже говорилось при анализе керамики. Возможно, с влиянием кулайской культуры также связано преобладание на сосудах с поздних большеереченских поселений орнамента, нанесенного гладкой палочкой.

Западными соседями большеереченцев были носители саргатской культуры. Вопрос о их взаимоотношениях подробно рассмотрен Н. В. Полосьмак, предполагающей наличие брачно-родственных связей между этими племенами. Связи с саргатской культурой прослеживаются не только в Барабе, где они были неизбежными, но и в Приобье с III—II вв. до н. э. О них уже говорят трехугольные заштрихованные фестоны и беспорядочные ямки на сосудах из Быстровки-1 и один саргатский сосуд, найденный на дне жилища Милованово-3а. В. А. Могильников отмечает саргатское влияние на большеереченскую культуру в районах вплоть до низовий Катуня и полагает, что оно было связано с миграцией какой-то части саргатцев в III—II вв. до н. э. под давлением пришедших в Барабу северных племен¹³.

Отмечаются определенные связи и с савромато-сарматами. Об этом говорят каменные алтарики, меловая подсыпка могил, особое назначение зеркал, изредка встречающиеся диагональные погребения и т. д. Но это не было результатом непосредственного влияния сарматов. Данные черты присущи широкому кругу памятников и являются общими для группы племен, проживавших на Южном Урале, в Зауралье, Казахстане и Западной Сибири.

Слабее прослеживается связь с тагарской культурой. Материалы восточных большеереченских памятников пока не изданы. От приобских большеереченцев тагарцы отличаются значительно. В памятниках тагарской культуры не встречены браслеты, проволочные сережки с петелькой, шпильки-заколки для волос. Видимо, оформление одежды и прически большеереченцев отличалось от тагарского и было ближе к одежде жителей Горного Алтая, его предгорья, Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири.

Сближает тагарскую и большебереченскую керамику наличие баночных сосудов. Но вряд ли они связаны между собой. Баночные сосуды были широко распространены у разных народов в различные времена, а большебереченские банки имеют местное происхождение и связаны с керамикой переходного периода. Нельзя согласиться с мнением А. И. Мартынова о том, что в III—II вв. до н. э. тагарские племена продвигаются на запад на места обитания носителей большебереченской культуры¹⁴. Исследования материалы не подтверждают этого. Отмеченные А. И. Мартыновым ножи с каплевидной прорезью, двуобушковые топоры, небольшие умбовидные бляшки с точечными выпуклинами по краю, бусы-пронизи и другой инвентарь не являются характерными лишь для Ачинско-Мариинской лесостепи, а известны далеко за ее пределами на определенных хронологических этапах.

Основные связи большебереченской культуры прослеживаются на юге и юго-западе. Тесные контакты имелись с населением предгорного Алтая — носителями кара-кобинской культуры¹⁵. Керамика из их погребений очень близка по форме кувшинчиков, их обжигу и обработке поверхности¹⁶. Но кара-кобинскую керамику отличает украшение валиками, полностью отсутствующими в большебереченских комплексах.

Тесные контакты прослеживаются с пазырыкской культурой. Именно в материале Горного Алтая находят себе аналоги различные бляшки, предметы уздечного набора. Имеются общие черты и в керамических комплексах: на Алтае встречаются гладкие узкогорлые кувшины и широкогорлые баночные сосуды, орнаментированные «елочкой» и наклонными линиями¹⁷. Эти связи сохраняются и на шибинском этапе (II в. до н. э. — I в. н. э.), что видно на примере керамики Уландрыка, среди которой встречаются очень близкие большебереченским кувшинчики, но основная их часть отличается наличием валиков¹⁸. Погребальный обряд предгорного и Горного Алтая отличается от большебереченского захоронением коней и рядом других деталей.

Самыми сильными были связи с районами Казахстана и Средней Азии, с проживавшими здесь саками, а позже усунями. В погребальном обряде общими являются наличие каменных алтариков, подсыпка мела. Особенно близки керамические комплексы. Валики на сосудах не встречаются. Многие кувшинчики большебереченцев буквально неотличимы по своей форме от сакских и усуньских¹⁹. Отличие сводится к преобладанию у саков и усуней плоскодонных кувшинчиков и почти полному отсутствию баночных форм.

— Есть определенные связи с Тувинским горным районом, где погребения совершались в срубках, а среди керамики встречаются баночные сосуды и кувшинчики²⁰. Отличаются тувинские погребения скорченным положением захороненных и наличием на ряде сосудов налипших валиков.

Все это свидетельствует о тесных контактах большебереченской культуры с соседними.

Происхождение. Этот вопрос является дискуссионным. М. П. Грязнов говорит об автохтонности большебереченской культуры и развитию ее на местной базе²¹. В. А. Могильников в докладе в 1980 г. отделял большебереченскую культуру от синхронной ей каменной, а последнюю связывал с западом и юго-западом²². Позже, в 1986 г., он уже не считал возможным существование двух параллельных культур, а единую культуру предлагал назвать каменной. В ее происхождении он отмечает роль населения переходного периода (большебереченского этапа, по М. П. Грязнову), включенного в состав носителей каменной культуры, а также приток населения в V—IV вв. до н. э. с запада и юго-запада, о чем говорит связь с сако-усуньскими памятниками Казахстана²³.

А. П. Уманский в 1980 г. полагал, что каменная культура (в нашей интерпретации большебереченская) связана с миграцией в Западную Сибирь нового населения, пришедшего из Приуралья, где обитали прототохарские племена, оставившие джатысарскую культуру²⁴. Позже он продолжает разделять большебереченскую культуру на две (большебереченскую, имеющую местное происхождение, и каменскую, пришлых племен) и утверждает, что

«каменная культура это не вариант большереченской культуры, это культура пришлых племен, ассимилировавших большереченцев»²⁵.

По мнению Т. Н. Троицкой, большереченская культура генетически восходит к местным культурам поздней бронзы и переходного периода. Наряду с этим значительную роль в ее сложении сыграло включение культурных элементов и отдельных групп населения Казахстана и Средней Азии²⁶. Н. В. Полосьмак говорит о формировании большереченской культуры на базе позднерименской как в Приобье, так и в Барабе. Позднерименская культура явилась базой и саргатской культуры, это и объясняет, по мнению Н. В. Полосьмак, общность саргатской и большереченской культур²⁷.

В настоящее время в связи с накоплением материала уже можно более уверенно говорить о происхождении большереченской культуры. Для решения этого вопроса мы привлекаем такие источники, как керамика, которая обычно сохраняет преемственность традиций, и антропологические данные.

К сожалению, затруднено сравнение погребального обряда. К предшествующему переходному периоду относятся бескурганые могильники под Томском и Ближние Елбаны²⁸. Отличие между ними и самыми ранними большереченскими могильниками (О-1) в основном эпохальное. В погребениях переходного периода господствует скорченное положение захороненных, в Ордынском-1 все захоронены в вытянутом положении. В Томском и Ближнеелбанском могильниках в незначительном числе встречены трупосожжение или частичное обожжение, это отсутствует в большереченских курганах, в которых лишь иногда отмечаются следы огня на верхнем накате перекрытия. Общими чертами являются: преобладание могил глубиной около 40—80 см, деревянные перекрытия и обкладка отдельных могил деревом. Подобные различия между погребениями эпохи поздней бронзы и переходного периода и могилами скифо-сибирских культур с их новой идеологией являются распространенными.

Керамика, особенно поселенческая, восходит к традициям переходного времени (VIII — начало VI в. до н. э.). Так, в завьяловских комплексах имеется серия горшков со слабо выраженными плечиками, приближающихся к банкам, а в Ближних Елбанах I баночные формы уже достаточно часты²⁹. На самом раннем большереченском поселении (О-9) встречены отдельные сосуды с орнаментацией, перекликающейся с завьяловской. Это два ряда «жемчужин», оттиски крестового штампа. «Жемчужины», разделенные ямками, оттисками гребенчатого штампа, насечками и т. д. — основной элемент орнаментации как керамики эпохи финальной бронзы и переходного периода, так и баночных большереченских сосудов. Баночная форма, явно восходящая к переходному периоду, самая распространенная в большереченской культуре: на поселениях такие сосуды составляют более чем 90 %, в погребениях — около 40 %.

Вторая по численности группа — кувшинчики. Их можно лишь с натяжкой связать с узкогорлыми сосудами с раздутым туловом, встречающимися в ирменских комплексах и памятниках переходного периода. Но скорее всего они восходят к кувшинчикам Казахстана и Средней Азии, бытовавшим уже в переходный период³⁰, когда в Приобье их еще не было. Можно говорить о буквальном совпадении формы кувшинчиков из Уйгарака (VII—VI вв. до н. э.) и Ордынского-1 (VI—I вв. до н. э.). В Старой Алейке II найден точно такой, как в Уйгараке, кувшинчик с длинным круглым в сечении носиком. Это сходство с керамикой саков, а позже усуней, продолжает сохраняться на всем протяжении периода существования большереченской культуры. Причем новые формы, появляющиеся на юге и юго-западе, обнаруживаются и в Приобье (стаканы из Быстровки-3 и Новотроицкого). Схема развития большереченской керамики показана на рис. 14.

Как уже говорилось, в керамических комплексах прослеживается проникновение традиций соседнего населения. Это саргатские (в основном в Барабе и меньше в Приобье), кижировские (Новосибирское Приобье, до V—IV вв. до н. э.) и кулайские (там же, с III—II вв. до н. э.) традиции. Дальнейшие исследования должны выявить кара-кобинские черты на юге Приобья, особенности памятников в районе Кулунды, а также на Иче и в среднем течении Томи. Но эти проникновения были локальными, харак-

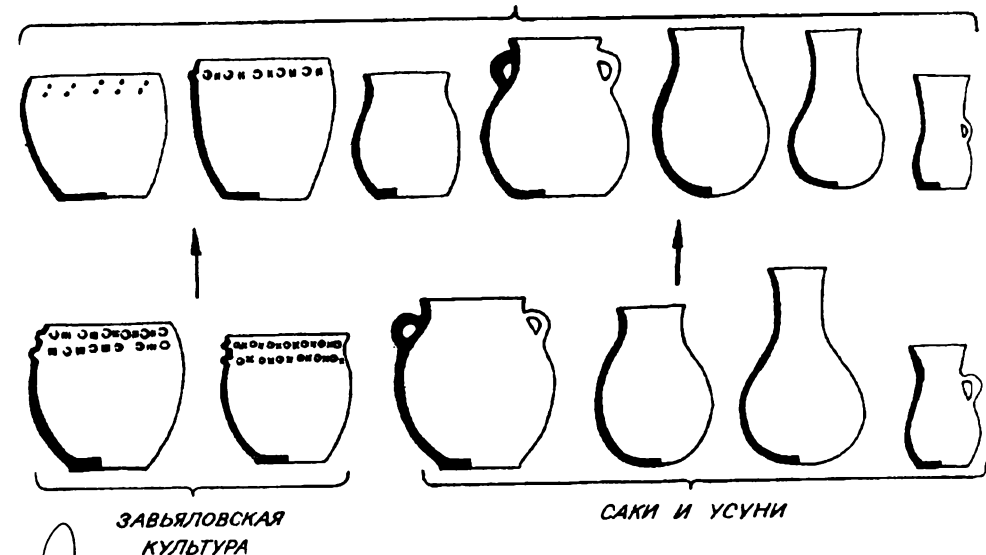

Рис. 14. Схема развития большереченской керамики.

терными для конкретных районов, а в целом большереченская культура непосредственно связана с культурами Казахстана и Средней Азии — саков и усуней.

Судя по анализу керамики, основной базой формирования большереченской культуры явилась местная среда переходного периода и пришлые элементы из районов Средней Азии и Казахстана. Последние появляются с VI—V вв., и эта миграция продолжается вплоть до II—I вв. до н. э.

Такую же картину дают и антропологические данные. В. П. Алексеев исследовал черепа переходного периода из Ближних Елбан, один череп из Ордынского-1 (раскопки М. П. Грязнова) и отдельные черепа из-под Бийска³¹. В. А. Дремов опубликовал заключение, сделанное на основе изучения 17 черепов из Нового Шарапа-1 и 2 и одного из Ордынского-1. Кроме того, им были просмотрены материалы из Быстровки-132.

Ирменское население лесостепных районов было смешанным. Европеоидный элемент в нем восходит к более раннему времени, а монголоидная примесь характерна для лесных районов: черепа отличались малым лицом и низкими глазницами³³. Такими же были черепа переходного периода из Ближних Елбан.

Большереченское население было также смешанным. Ряд черепов из Новосибирского Приобья европеоидные, у других при преобладании европеоидных элементов явно присутствовала монголоидная примесь. Но по своей совокупности они занимают промежуточное положение между монголоидными и европеоидными типами. Встречен череп, восходящий к низколицым монголоидам Верхнего Приобья эпохи бронзы и неолита. Ряд черепов отражает смешение европеоидов и низколицых монголоидов лесного происхождения. Отдельные черепа свидетельствуют о проникновении южного населения, имевшего в своем составе примесь центрально-азиатского монголоидного антропологического типа (НШ-2). Число европеоидных черепов резко возрастает с III—II вв. до н. э. (Б-1). Таким образом, антропологический материал свидетельствует о том, что в сложении большереченского населения приняли участие местные племена и пришлые южные элементы.

Хотя антропологический состав населения не был единым и в него неоднократно вливались группы южного и юго-западного происхождения, это не отразилось на материальной культуре, которая с VI—V по II—I вв. до н. э. оставалась в целом монолитной и сохраняла все перечисленные выше особенности. Пришлой население ассимилировалось местным. Значитель-

ный приток нового населения в III—II вв. до н. э., вероятно, был связан с внутренними событиями в Средней Азии, приведшими к смене сакского объединения племен усуньским и вытеснением отдельных групп населения.

Основной территорией сложения большереченской культуры было лесостепное Приобье. Мы не согласны с Н. В. Полосьмак, которая считает, что родина большереченской культуры — лесостепное Приобье и Бараба, и она, как и саргатская культура, развивается на базе позднейнеирменских традиций³⁴. В таком случае непонятно, как на одной базе развились две различные культуры. Некоторую ясность в этот вопрос вносит исследование керамического теста, традиционный состав которого довольно стабилен.

Изучение состава керамики переходного периода и раннего железного века лесостепного Приобья и Барабы указывает на две линии ее развития³⁵. В Барабе, где практически нет выходов камня, в позднейнеирменское время в керамическое тесто добавляли органику и шамот, дресва в нем отсутствовала. Эту же картину дает саргатская керамика (Каргат-4): в ее примесях на первом месте стоит шамот, на втором — органика, дресва отсутствует. В Приобье в керамике переходного периода (Завьялово-5) есть группа сосудов позднейнеирменского облика, в состав формовочных масс которых входили шамот и органика; во второй группе (в основном северного облика) примесь к тесту состояла из дресвы и органики. В большереченской керамике раннего и позднего времени (О-9, М-3а, ХК-4) примесь также представлена дресвой и органикой. Это вполне естественно для Приобья, богатого камнем. Однако и в Барабе формовочная масса большереченских сосудов (Каргат-4) имеет примесь дресвы, а также шамота и органики. Это явно свидетельствует о том, что большереченское население появилось в Барабе уже со своими традициями.

Анализ всех указанных данных приводит нас к следующему выводу. Большереченская культура сформировалась на территории лесостепного Приобья. Ее местной базой явилась завьяловская культура и исключительно близкая ей или даже тождественная культура ближнеелбанского облика. Некоторые отличия между последними могли породить особенности новосибирской и барнаульской групп памятников. В сложении большереченской культуры приняли участие группы населения, проникавшие с юга и юго-запада. Не исключено, что дальнейшее изучение памятников Среднего Притомья и Кулунды сможет внести уточнения в наши выводы.

Этапы развития. Большереченская культура прошла определенный путь развития, сопровождающийся некоторыми изменениями в материальной культуре и обрядах. Ее можно разделить на два этапа, за которыми сохраняются названия, данные М. П. Грязновым: бийский и березовский. Предлагаемая периодизация базируется на материалах могильников и поселений Новосибирского Приобья и могильников севера Барнаульского Приобья.

Бийский этап, с VI—V по начало IV в. до н. э. включительно, представлен поселениями Ордынское-9, Ближние Елбаны I, могильниками Ордынское-1, Усть-Алеус-1, «26 июня», Крохалевка-4, Новый Шарап-1 и др. Для погребального обряда основной территории характерны курганы с одной, реже двумя могилами под насыпью. Под Барнаулом отмечены грунтовые могильники. Погребенные ориентированы головами на юго-восток и юго-запад. Детей в курганах хоронили редко. В начале периода железные изделия неизвестны, позже они встречаются в богатых могилах и представлены предметами вооружения и украшениями. Распространены мелкие наконечники стрел. Керамика представлена гладкими или слабо орнаментированными сосудами (банками, кувшинчиками, изредка слабопрофилированными горшками). В орнаментации керамики часты «жемчужины», среди них встречаются крупные, имеются оттиски многозубой гребенки (кроме БЕ I).

Березовский этап, с конца IV по II—I вв. до н. э., представлен поселениями Милованово-3а, Х Кордон-4, Ордынское-2 и многочисленными курганными могильниками. Для погребального обряда характерны захоронения взрослых и детей под одной насыпью, круговое расположение могил

вокруг центральной. Погребенные ориентированы по ходу часовой стрелки и против. В конце этапа появляются единичные подбои и щелевидные могилы. Железо широко входит в быт населения, особенно с III—II вв. до н. э. (почти в каждой могиле взрослого найдены железные ножи). В вооружении наряду с мелкими наконечниками стрел чаще стали употребляться крупные. Резко сокращается число сосудов, орнаментированных «жемчужинами», исчезают отгиски многозубой гребенки. В конце этапа форма сосудов и орнаментация делаются более разнообразными. Усиливается приток европеоидного населения.

Таким образом, с VI—V по II—I вв. до н. э. на территории от севера Новосибирского Приобья до предгорья Алтая, от Ини и Томи в ее среднем течении до Барабинской лесостепи и степей Кулунды была распространена большереченская культура, входившая в состав скифо-сибирского культурно-исторического единства. Она сформировалась на базе местных культур завьяловского облика, в состав ее носителей вошли отдельные группы населения Казахстана и Средней Азии (саков и усуней), а также пограничных зон. Большереченская культура прошла два этапа развития: бийский и березовский. Хотя антропологический состав носителей большереченской культуры изменился, последняя сохраняла свой облик, что свидетельствует об ассимиляции пришлых элементов местным населением.

Глава 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В данной главе мы рассматриваем два вопроса: социальную дифференциацию и военное дело. Отсутствие полностью исследованных могильников и поселений, значительная часть которых разрушена Новосибирским водохранилищем, не дает возможности восстановить состав жившего вместе коллектива и решить ряд демографических вопросов.

ИМУЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Все исследованные могильники относятся к числу рядовых. Особо богатые погребения пока неизвестны, хотя можно предполагать, что они были, как и у саргатских племен, у которых на фоне многочисленных рядовых и относительно богатых захоронений резко выделяется курган Сидоровского могильника, раскопанный В. И. Матющенко¹.

Среди большереченских погребений есть бедные захоронения (без инвентаря или только с одним сосудом) и более богатые погребения воинов с предметами вооружения, конского снаряжения, зеркалами и отдельными золотыми изделиями. Они свидетельствуют об определенной имущественной дифференциации.

Материалы погребений дают сведения о характере семьи. Наличие под одной насыпью групп из 3—15 могил, в состав которых входили взрослые и дети, на первый взгляд свидетельствует о семейных захоронениях и, следовательно, о существовании малой семьи. Однако детальный анализ наиболее полно исследованного могильника Быстровка-1 говорит о другом. Под одной насыпью могло быть захоронено двое — трое мужчин разного возраста: так, в кургане 1 были погребены два мужчины 50—60 лет и третий — 35—40 лет. В кургане 7 двум мужчинам было около 50 лет, одному — 35—40 лет, а в кургане 2 могильника Быстровка-3 было погребено 14 мужчин в возрасте от 16—20 до 40—50 лет. В Быстровке-1 имеются курганы с

резким преобладанием детских захоронений, а в двух курганах погребены только женщины и дети.

Все это позволяет считать, что семья не могла быть малой, в ее состав входило два — три поколения, а хоронить членов одной большой семьи могли в разных, находящихся рядом курганах. Возможно, именно такие курганы имели общую систему рвов, как в курганах 4, 9 и 10 в Быстровке-1. Остается неясным, по какому принципу близости людей хоронили под одной насыпью, ведь состав погребенных в одном кургане был очень разнороден. Так, в кургане 1 обнаружены скелеты трех мужчин и одной женщины, в кургане 11 вокруг центрального захоронения женщины располагались могилы детей и т. д.

Не противоречит существованию неразделенной семьи и наличие жилищ с малой площадью, как например, жилище 1 на поселении Ордынское-9, имевшее жилую камеру площадью около 16 м². Многочисленные этнографические параллели свидетельствуют о том, что одна большая семья могла жить в нескольких расположенных рядом домах и иметь общее хозяйство.

Ведущее положение в семье занимал мужчина. Об этом говорит то, что центральное погребение, за исключением двух случаев, было мужским. Но не каждое центральное захоронение принадлежало главе семьи, поскольку члены одной семьи могли быть похоронены под несколькими насыпями. Этим можно объяснить тот факт, что одни центральные могилы были рядовыми, а другие принадлежали мужчине-воину и содержали значительное количество разнообразного инвентаря.

Одним из социальных делений является половозрастное. Оно имеет особенно большое значение в тех организациях, в которых еще не сложилось классовое общество и имущественная дифференциация не была еще отчетливо выраженной. Подобное деление на четко очерченные группы, имеющие свой статус в обществе, хорошо прослеживается на примере северных народов. Оно находит свое отражение в погребальном обряде, что детально рассмотрено на материале гнанасан Г. Н. Грачевой². Обряд захоронения самых маленьких детей не зависел от пола и отличался упрощенностью. Погребения подростков занимали промежуточное положение. Обряд погребения взрослых был усложненным и зависел от пола и возраста умершего. Особенно сложными были обрядовые действия при захоронении стариков. К сожалению, фрагментарность антропологического материала и разграбленность могил не позволяют дать четкую градацию деления людей по полу и возрасту. Более четко прослеживается деление на взрослых и детей.

Определение пола и возраста погребенных проведено в Томском университете В. А. Дремовым и А. Р. Кимом³. В ряде случаев при отсутствии удовлетворительного антропологического материала мы относили захоронения к мужским на основании сочетания в могилах предметов вооружения и конского снаряжения, к числу детских могилы небольших размеров. Общая сводка всех погребений дана в табл. 8. В число детских захоронений мы включали погребения детей до прохождения ими инициации, т. е. до 13—14 лет, так как начиная с этого возраста дети-подростки хоронились по взрослому обряду в больших могилах.

Анализ инвентаря погребений дает возможность выделить некоторые группы взрослого населения. Прежде всего это воины, о которых будет сказано в разделе о военном деле. Кроме того, выделяется еще одна группа погребенных мужчин. Она отличается наличием такого украшения, как гривна. Нами учтено в могильниках 10 гривен, из них пять найдены в неразграбленных мужских могилах. В женских погребениях они не были обнаружены. Видимо, гривны являлись чисто мужскими атрибутами. В трех из указанных неразграбленных погребениях вместе с гривнами найдены каменные или глиняные курильницы, причем в двух из них были глиняные пряслица и заколки для волос. Но ни в одной из них не обнаружено предметов вооружения или конского набора, а там, где были найдены наконечники стрел, чеканы или кинжалы, гривны не встречались. Таким образом, можно полагать, что гривна являлась атрибутом мужчины, но не воина. Социальный статус этой группы остается неясным.

Половозрастная характеристика могильников Новосибирского Приобья

Могильник	Датировка	Кол-во курганов	Кол-во могил	Число погребенных	взрослых			детей	
					мужчин	женщин	не определено	кол-во	%
Ордынское-1	VI—V вв.	20	24	25	9	1	10	5	20
Новый Шарап-1 «26 июня»	V—IV вв.	15	25	18	5	3	8	2	11
	V—IV вв.	5	5	5	3	—	2	—	—
Новый Шарап-2	IV—III вв.	3	27	30	7	7	4	12	40
Милваново-2	IV—III вв.	2	13	13	2	2	2	7	54
Быстровка-1	III—II вв.	14	65	71	18	19	3	31	44
Милваново-8	II—I вв.	4	34	37	5	9	5	18	50
Быстровка-3	II—I вв.	2	18	30	15	4	5	6	20

Отправление культа, скорее всего, было сосредоточено в руках определенной группы людей вне зависимости от их имущественного положения: каменные и глиняные курильницы найдены лишь в некоторых могилах, из них семь принадлежало мужчинам, три — женщинам. Среди этих погребенных были совсем бедные инвентарем и более богатые, с зеркалами и украшениями, но в известных нам могилах курильницы ни разу не встречались вместе с предметами вооружения. Видимо, в этой группе были люди с различным социальным положением.

Особое место в данной группе занимает погребение в кургане I могильника Быстровка-1. Это достаточно богатое захоронение двух мужчин, с которыми найдены гривна, браслет, бусы, сосуды, железный нож, два пряслица, два глиняных грибообразных предмета, два каменных алтарика (курильницы), бронзовое зеркало с изображением тигров и куски мела. Последние предметы свидетельствуют о причастности погребенных к отправлению культа. Отсутствие предметов вооружения и конского снаряжения, обычных для группы более богатых и отдельных рядовых погребений, заставляет нас предполагать связь захороненных здесь мужчин с явлением травестиизма. Поскольку этот вопрос был подробно рассмотрен Т. Н. Троицкой⁴, остановимся на нем кратко.

Явление травестиизма в скифском мире неоднократно отмечалось в литературе в связи с рассказом Геродота об энарях-прорицателях, женоподобных мужчинах (Геродот, 14, 57, 2). М. Н. Артамонов одним из первых связал энареев с травестиизмом, наблюдаемым у шаманов северных народов⁵. Существовавший у них обычай «превращения пола» подробно описан А. Н. Максимовым. «Превращенные» шаманы имели среди духов покровителя-мужа, который через свою «жену» передавал приказания, а во время камлания шаман входил в контакт с потусторонним миром через этого духа⁶. Исследователи видят в травестиизме шаманов пережитки матриархата, когда основные религиозные функции выполняли женщины. С переходом к патриархальным отношениям шаманы-мужчины у отдельных народов продолжали сохранять ряд женских черт в одежде, прическе и т. д.⁷ Явления травестиизма отмечены и у народов Средней Азии, в том числе и в сакское время⁸.

Перечисленный материал дает возможность интерпретировать захоронение из Быстровки-1 как шаманское. Для него характерно сочетание мужских скелетов с культовыми предметами и отсутствием предметов вооружения при относительном богатстве могилы. Наличие в погребении глиняных грибообразных предметов, которые, возможно, служили для изготовления сосудов, не вносит изменения в наше предположение. Не исключено, что с травестиизмом связаны и другие погребения, в которых встречены курильницы и, как правило, отсутствуют предметы вооружения.

Перейдем к характеристике детской группы погребений. Для бийского этапа характерно наличие одной, реже двух могил под насыпью, прослеживается преобладание мужских захоронений и малое количество детских могил (табл. 8). Это заставляет предполагать, что существовали отдельные женские кладбища и захоронения детей, особенно младенческого возраста,

не представленные на перечисленных могильниках. Подобное деление кладбищ отмечено М. П. Грязновым для переходного периода: Ближние Елбаны VII — это общее кладбище, Ближние Елбаны XII — погребения женщин и детей, Ближние Елбаны XIV — мужчин и детей⁹.

Видимо, дети в это время делились на следующие возрастные группы: младенцы до 2—3 лет, которых хоронили отдельно, вне общего кладбища, дети примерно до 12—14 лет, часть которых уже хоронили вместе со всеми, но по упрощенному обряду (неглубокая могила, один накат бревен) или вместе с взрослым. Третью, особую группу составляли подростки, видимо, прошедшие инициацию и получившие статус взрослых.

С IV—III вв. до н. э. происходит изменение в погребальном обряде: появляются круговое расположение могил вокруг центральной, захоронения в них детей. Так, в курганах Нового Шарапа-2 среди погребенных было семь мужчин, семь женщин, четверо взрослых, пол которых неопределен, и 12 детей, что составляет 40 % общего числа погребенных. Могилы детей упрощенные и более бедные по сравнению с захоронениями взрослых. Погребенные дети были всех возрастов: от новорожденных до 12—14 лет.

На могильнике Быстровка-1 детских могил 44 %. Соотношение женщин, мужчин и детей было естественным. Есть курганы, в которых преобладают погребения взрослых (кург. 1, 2 и др.), в других больше детских (курган 12 — два взрослых и семь детей). Такую же примерно картину дают могильники Милованово-2 и 8, где детские захоронения составляли 50 %. Несколько отличаются данные Быстровки-3: здесь только 20 % погребений детские. Это, скорее всего, может быть объяснено неполнотой картины, так как были раскопаны всего лишь две насыпи.

Ярким примером низкого статуса детей являются два захоронения: в кургане 2 могильника Милованово-2 могила взрослого окружена рвом, а ребенок был погребен за его пределами, в кургане 3 могильника Быстровка-1 останки младенца найдены во рву. Наблюдения за расположением могил показывают, что в курганах чаще всего могилы детей находились в восточной дуге, напротив выхода из кургана через ров, который в подавляющем большинстве случаев был на восточной стороне. Это вполне соответствует размещению детей в жилых помещениях. Этнографические данные свидетельствуют о том, что детям в жилищах обычно отводили самые неудобные места — напротив входа¹⁰.

Таким образом, судя по обряду погребения, на березовском этапе все дети, не прошедшие инициацию, представляли собой единую группу, которую хоронили на общем кладбище, но по упрощенному, по сравнению с взрослыми, обряду. Исключение составляет детское погребение в Высоком Борке, где помимо сосуда найдены бронзовый нож и бронзовые бляшки: одна крупная и ряд мелких орнаментированных, которые прикреплялись к подолу одежды или, скорее всего, к поясному ремешку.

Второе богатое детское захоронение, с могильника Обские Плесь, описано выше (раскопки Ю. Ф. Кирюшина). Но богатые детские погребения очень редки. Наличие их объясняется этнографическими параллелями. Как указывает Г. Н. Грачева, у нганасан известны исключительные случаи богатых захоронений детей, «которым на руду написано стать шаманом»¹¹. Видимо, и у большебереченцев исключительность богатых погребений детей связана с их особым предназначением.

К сожалению, трудно дать более полную характеристику отдельных групп населения. Можно лишь добавить сведения о мужчинах в связи с их отношением к военному делу.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Большебереченская культура являлась составной частью скифо-сибирского культурно-исторического единства, которое характеризуется рядом общих черт, в том числе и триадой, в состав которой входили единое оружие и конский набор. Эпоха военной демократии, эпоха войн обусловила необходимость заимствования у соседей всех новинок вооружения.

Соотношение погребенных мужчин с предметами вооружения и без них в могильниках

Погребенные	О-1	НШ-1	НШ-2	М-2	Б-1	М-8	Б-3	КМ **
Без оружия	3/50*	1/34	3/43	1/50	7/54	1/25	4/50	2/3
С оружием	3/50	2/66	4/57	1/50	6/46**	3/75	4/50	23/97
в том числе всадники	—	2/66	1/14	1/50	3/23	1/25	1/12	8/27

* Числитель — число погребенных, знаменатель — процент.

** Среди них одно погребение женщины.

*** КМ — Каменный Мыс.

Сильной интеграции культур скифского времени в военной области способствовало стремление «каждого общественного подразделения быть, если не сильнее во всех отношениях своих соседей, то, во всяком случае, и не слабее их»¹². Поэтому предметы вооружения и конского набора были одинаковыми на широкой территории, и можно говорить лишь об отдельных особенностях, характерных именно для большебереченской культуры.

Одной из таких особенностей является отсутствие городищ. Все известные нам большебереченские поселения (около 40) не имеют оборонительных сооружений. В тех случаях, когда прослеживаются рвы и валы, памятник оказывался многослойным. Так, на поселении X Кордон-4 наряду с большебереченской керамикой встречена верхнеобская, в Раздумье-1 — верхнеобская и начала II тыс. н. э. А поселения этих культур, как правило, имеют оборонительные сооружения.

В лесостепном Приобье традиция сооружения городищ восходит к позднеирменскому времени¹³, известны они и в переходный период (завьяловская культура¹⁴). Были городища и у соседей большебереченцев, к северу, где жили носители кижировской культуры. Это Батурино-2 с глубоким рвом и валом, Каменный Мыс с сложной системой оборонительных сооружений¹⁵ и др. Возникает впечатление, что кижировцы оборонялись от большебереченцев. В III—II вв. до н. э. на территорию распространения большебереченской культуры вторглись кулайские племена. Их появление было результатом именно вторжения, а не мирного проникновения, о чем говорят их городища с мощной системой оборонительных сооружений¹⁶, а почти все погребенные мужчины на могильнике Каменный Мыс сопровождалась предметами вооружения. Кулайцы постепенно продвигались на юг, сооружая городища иногда на месте неукрепленных большебереченских поселений (О-9, ПИК-1), а большебереченские поселения даже в это беспокойное время по-прежнему были неукрепленными. Данное явление остается непонятным. Имели рвы и валы саргатские городища¹⁷.

Понять причину отсутствия городищ у большебереченцев на данном уровне наших знаний трудно. Это нельзя объяснить тем, что тогда было спокойное для них время и они себя чувствовали уверенно и не нуждались в укреплениях. Ведь наступали кулайские племена и оттесняли большебереченцев все дальше на юг, спокойным такое время никак нельзя назвать. В какой-то мере отсутствие городищ можно связать с этническим составом. Как уже отмечалось, наблюдался пусть небольшой, но регулярный приток в лесостепное Приобье населения с юго-запада — саков, а позже — усуней. Эти племена были кочевыми, жили в степях и не имели городищ. Кочевать в лесостепи нельзя. Пришлое население сливалось с местным, живущим оседло и имеющим свои обычаи. Но часть традиций саков и усуней сохранялась, в их числе могло оказаться традиционное отсутствие укрепленных поселений. Однако и это предположение не является достаточно убедительным.

С отсутствием городищ в какой-то мере перекликается малое количество оружия в погребениях. Мы произвели расчет, исходя из общего числа погребенных мужчин с сохранившимся инвентарем на могильниках Ордынское-1, Милованово-2 и 8, Быстровка-1 и 3, Новый Шарап-1 и 2. Лишь 21 % из них имел более богатое (не рядовое) вооружение и относился к

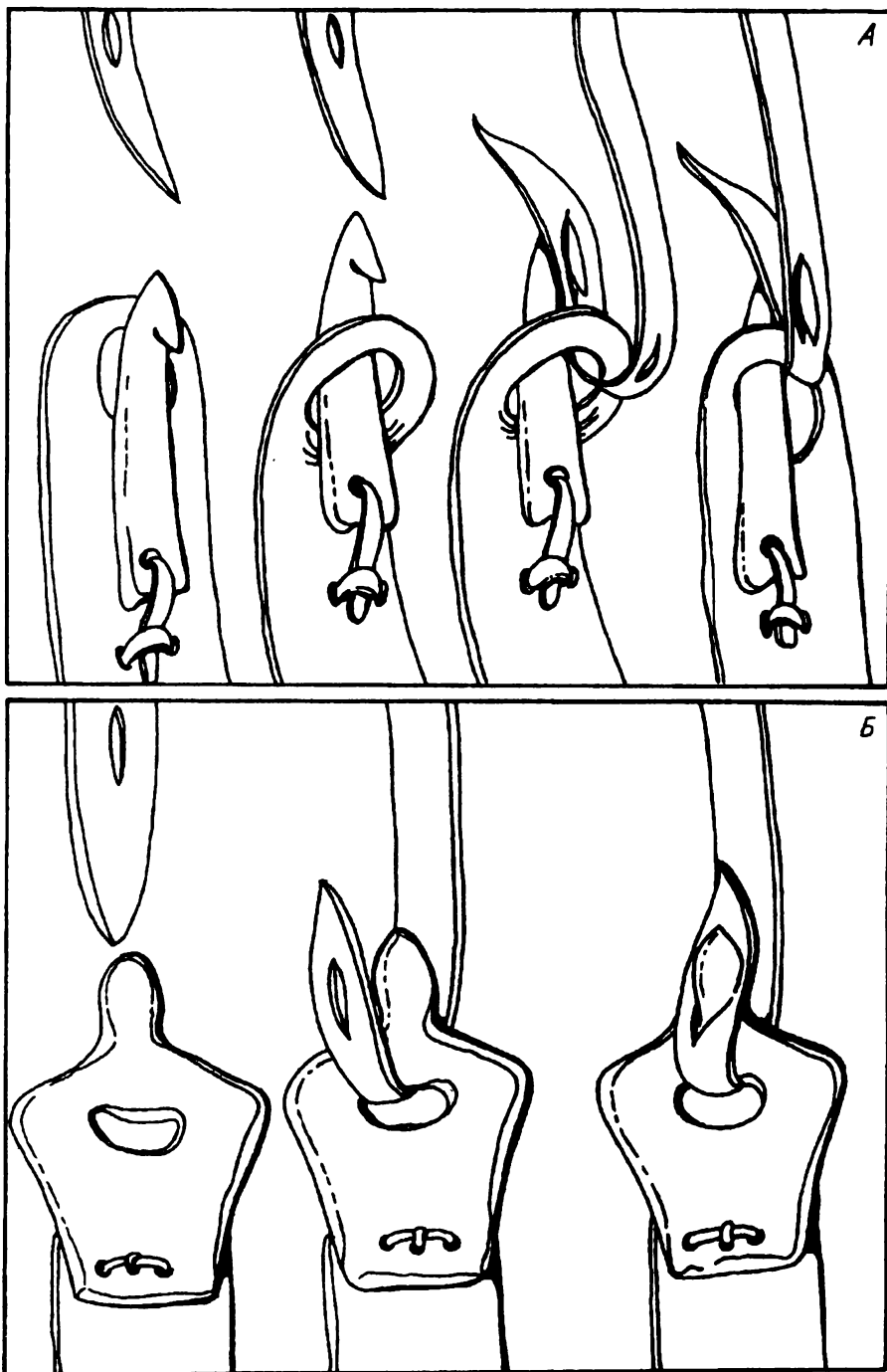

Рис. 15. Использование подпружных пряжек (Быстровка-1).

числу всадников. Рядовых воинов, захороненных только со стрелами, 32 % всех учтенных нами погребенных мужчин, а 47 % не имели вооружения (распределение по могильникам см. в табл. 9). Среди вооруженных была и одна женщина. А на кулайском могильнике Каменный Мыс 97 % погребенных мужчин сопровождалась предметами вооружения. Этот могильник датируется, как и ряд большереченских, III—II вв. до н. э.¹⁸ Сравнение явно свидетельствует о военном преимуществе кулайских племен, чем и объясняются их победы над большереченцами, а вот причина слабой воо-

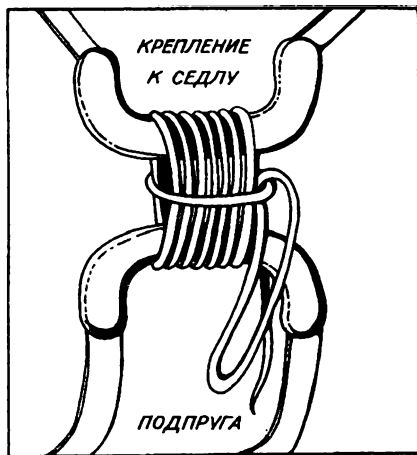

Рис. 16. Использование дугообразных пряжек для стягивания подпруги.

нечники найдены в могилах по 1, 3, 5 и 7 экз. В одном из погребений Быстровки-1 вместо отсутствующего черепа мужчины лежал наконечник стрелы, это говорит о том, что стрелы наделялись особой магической силой.

Имеющиеся материалы дают возможность представить себе облик вооруженного воина-всадника. Оружие было более разнообразным, чем у рядовых воинов. Кроме наконечников стрел использовались железные и бронзовые чеканы. Копья, как и вообще в восточном регионе скифо-сибирского мира, не встречены. А у кулайцев копья известны¹⁹, видимо, они и чеканы выполняли одинаковые военные функции. Обязательной принадлежностью воина был пояс с бронзовыми или железными бляхами. От него мог вниз свешиваться ремешок с бляхой на конце, как это было на погребенном воине из кургана 19 могильника Новый Шарап-1. Возможно, что с защитным вооружением связаны отдельные костяные бляхи из Быстровки-1 (табл. XXXVI, 19, 20).

Органической частью вооружения воина скифского времени, по справедливому замечанию М. И. Артамонова, является конь²⁰. Снаряжение верхового коня было неотъемлемой частью военной экипировки. Для управления применялись железные двукольчатые удила со стержневыми двудырчатыми псалиями из рога. Повод состоял из двух частей: ремня-повода и чумбура. Соединение их было подвижным в виде узла. Иногда вместо него, согласно пазырыкским материалам, применялся роговой блок повода. Подобные блоки встречены и в большереченских погребениях (табл. XXXIII, 11, 13). Они широко распространены в скифское время на различных территориях и нашли свое отражение в предметах искусства (например, на золотой бляхе из Сибирской коллекции «с отдыхающими под деревом»²¹, на бляхе из Сибирячихи²²). Чумбур, по этнографическим и экспериментальным данным, использовался и в качестве плети для перевода лошади в различные темпы движения.

Скрепление уздечных ремней производилось при помощи узлов и роговых округлых пуговиц, а также роговых и металлических блях (рис. 15, 16). В качестве застежек для ремней использовались роговые трубчатые обоймы с косо срезанным основанием, которые также были широко распространены (табл. XXXIII, 20). Седла имели, вероятно, костяные накладки наподобие пазырыкских²³ и одну подпругу с роговыми пряжками. Первый тип пряжки — роговой крючок, схожий с туэктинским (табл. XXXVI, 15). Второй тип — плоская роговая пряжка с выступающим язычком (табл. XXXIII, 12), имеющая также аналогии на Алтае. Способ их застегивания изображен на рис. 15.

В качестве подпружных застежек использовались бронзовые скобообразные предметы (НШ-1, табл. XIX, 1). Их применение отучало лошадь раздвигать живот, что она обычно делает при оседлании, и обеспечивало

равномерность натяжения подпруги (рис. 16). В этнографии подобный способ известен у киргизов.

В целом экипировка воина-всадника была обычной для скифо-сибирского мира.

Выводы:

1. Материалы большереченской культуры позволяют говорить о существовании у ее носителей большой матриархальной семьи.

2. Взрослые мужчины делились на четыре категории. Первая — воины-всадники с относительно богатым вооружением и предметами конского убора. Вторая группа, связанная с отправлением культа, не относилась к воинам. Среди нее были более богатые мужчины с отличительным знаком в виде гривны и бедные, сопровождаемые при захоронении лишь каменным алтариком и сосудом. Возможно, что в этой группе проявлялись черты транзитивизма. Третья группа — рядовые воины с небогатым вооружением, и последняя — совсем бедные члены семьи, не являющиеся воинами и не занятые в отправлении культа.

Среди женщин также прослеживается имущественная дифференциация, а в целом они имели зависимое положение. Дети в семейной иерархической лестнице занимали самую низкую ступень.

3. Характерной чертой военного дела большереченцев было отсутствие городищ и малое, по сравнению с соседними племенами, количество воинов.

Глава 6

ИСКУССТВО

Древнее искусство археологически всегда представлено незначительным количеством образцов. Можно только предполагать разнообразие его различных жанров, изучая при этом лишь какую-то его часть. Доступные нам материалы представляют в основном предметы декоративно-прикладного творчества, которое составляло органическую часть предметной среды древнего человека. В этой среде перед произведениями декоративно-прикладного искусства объективно стояла цель внесения эстетического и идейно-образного начала. Для этого необходимо иметь представления о всей совокупности связей между средой и человеком. Это синтетическое начало декоративно-прикладного искусства проявлялось в единстве художественной и утилитарной функций изделий.

Предметы декоративно-прикладного искусства большереченской культуры составляют небольшую, но достаточно выразительную серию. Они найдены на большинстве исследованных памятников (НШ-1, НШ-2, СтА-2, БЕ XII, ВВ, Раздумье и др.). Разнообразны материал, техника исполнения и изображенные сюжеты. Здесь представлены бронзовое литье,ковка по металлу, резьба по кости, гравировка по бронзе и рисунок по глине. Есть предметы местного изготовления, есть привезенные из различных районов, но почти во всех случаях это территории, входящие в ареал скифо-сибирского культурно-исторического единства.

Функциональное назначение предметов различно. Это поясные бляхи, зеркала, детали сбруи и их украшения, заколки, сосуды, предметы вооружения и т. д. Стилистически основная масса изображений объединена художественными особенностями скифо-сибирского звериного стиля, который декорировал характерную для скифской эпохи триаду (вооружение, упряжь, украшения). Являясь порождением эпохи древнейших кочевников, скифо-сибирский звериный стиль отражал ее важнейшие закономерности в условиях, когда «культурные достижения относительно быстро передавались на огромные расстояния, как бы по эстафете»¹. При этом произведе-

ния декоративно-прикладного искусства, несмотря на местное развитие, сильно тяготели к культурному синтезу. Эстетические идеалы этого времени, по мнению ряда исследователей, были связаны с возросшей подвижностью населения и возрастанием значения военного быта. «Красиво то, что в наибольшей степени способствует выживанию и победе (успеху) красивое — это прежде всего быстрое, сильное, стремительное»². Этой же идее подчинен и прием детализации, характерный для скифской эпохи. Он заключался в воспроизведении какой-то части образа, символизировавшей его в целом. Выделенные детали подчеркивали в основном «те органы животных, которые символизировали зоркость и остроту слуха, силу, ловкость и смелость в борьбе»³. В таком эстетическом идеале заключается определенная стадиальность, не только отражающая вполне определенные ориентации общества, но и в конечном счете определяющаяся уровнем его социального развития. При этом образы скифо-сибирского стиля имели сакрально-магический смысл⁴.

Все эти особенности в полной мере относятся как к формирующемуся, так и уже сложившемуся феномену скифо-сибирского звериного стиля. Конкретный материал большереченской культуры пока не дает нам возможности проследить формирование скифо-сибирского звериного стиля, поэтому в лесостепном Приобье он будет рассмотрен в уже сложившихся формах.

ДЕКОРИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ

К первой группе изделий, декорированных в зверином стиле, относятся предметы вооружения. Декор здесь имел свои особенности. Это как правило украшение рукояти кинжала в виде сомкнутых птичьих голов (табл. XIX, 10), обушка и ребер жесткости на чеканах (рис. 17, 1, 2). Многократно уже опубликованные чеканы с изображениями на обушке стоящих медведей интерпретировались с точки зрения северных культурных влияний⁵. Однако на их стилистически-художественную атрибуцию можно взглянуть иначе. Любопытно отметить, что сама форма изделия практически не имеет аналогов в культурах северного круга в эпоху раннего железа. Она, скорее всего, ближе к лесостепным тагарским чеканам⁶ и по форме, и по орнаментации ударной части рельефными глубокими желобами. Об определенной связи с тагарским миром говорит и редкий для раннего железного века состав бронзы чекана (случайная находка): как указывалось выше, он содержит 3 % цинка (см. табл. 6), что примерно соответствует его количеству (4 %) в кельте из Минусинской котловины⁷.

Интересно и само расположение фигур медведей на обушке чекана: один над другим. Они представляют зооморфный ряд, характерный для декора оружия в скифскую эпоху⁸ (рис. 17, 6—8). То же можно сказать и о помещении головки птицы на косынку жесткости чекана, выполненной по канонам скифо-сибирского звериного стиля. Аналогии образу медведя можно найти не только на севере, но и далеко на юге в пределах арсала скифо-сибирского звериного стиля. Близкое по композиции изображение медведей известно по материалам сакских могильников Памира⁹ (рис. 17, 3, 4). Изображение медведя в декоре оружия встречается даже в Афганистане на рубеже I тыс. до н. э. и I тыс. н. э.¹⁰ (рис. 17, 5).

В зверином стиле оформлялись и сопутствующие военному снаряжению предметы, к которым с полным основанием можно отнести предметы поясной гарнитуры и украшения. Бронзовые пряжки из Высокого Борка и Каллистратихи (рис. 18, 4—6) представляют собой сочетание зооморфных мотивов и их стилизации. По орнаменту и форме пряжку из Каллистратихи можно условно отнести к группе аналогичных предметов с рамкой, составленной из двух развернутых в противоположные стороны голов козлов «теке» или грифонов. Ажурные очертания пряжки из Высокого Борка могут связываться с образами козла или грифона. Такое взаимодействие формы и

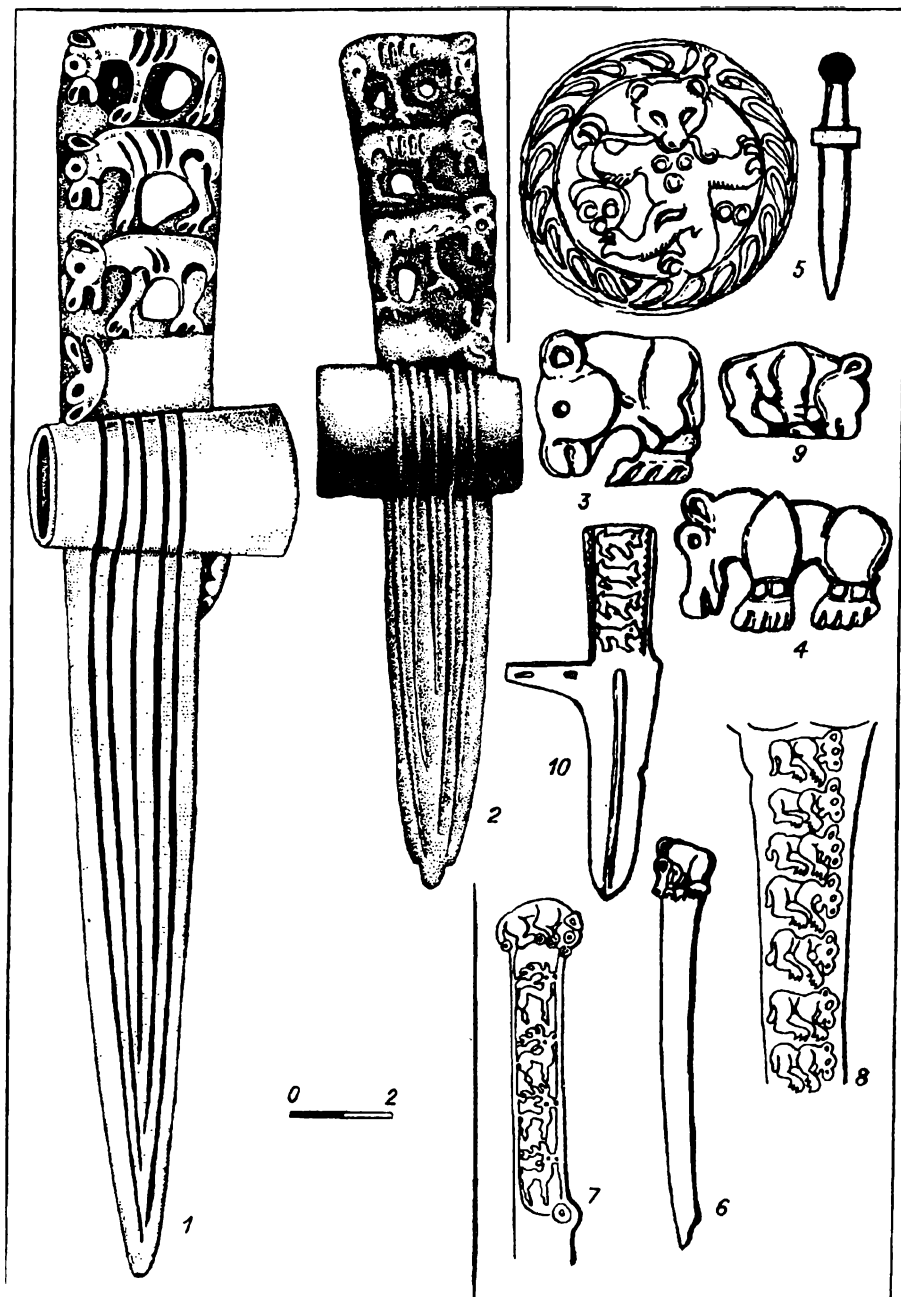

Рис. 17. Оформление большереченских чеканов (1, 2) и аналогии элементам и схеме их декора.

1 — чекан из Нового Шарапа-2; 2 — случайная находка; 3, 4 — Тамды (Памир, по М. И. Артамонову); 5 — Тиле-Тепе (Афганистан, по Саррианиди); 6, — Солонечный белок, Алтай (по С. И. Руденко); 7 — р. Абакан и г. Туран (по М. П. Грязнову); 8 — Курган Шумейка (Причерноморье, по М. И. Артамонову); 9 — Ботниковское поселение (Западная Сибирь); 10 — Наньшаньгань (Внутренняя Монголия).

зооморфных мотивов является характерным для скифо-сибирского прикладного искусства.

Особое внимание привлекает выполненная очень реалистично головка сайгака на щитке пряжки из Высокого Борка (рис. 18, 5, 6). Замечательны не только реализм изображения и воспроизведение характерных признаков этого животного по системе зооморфного кода (рог, нос), но и сама его видовая принадлежность. Сайгаки обитали южнее территории распростране-

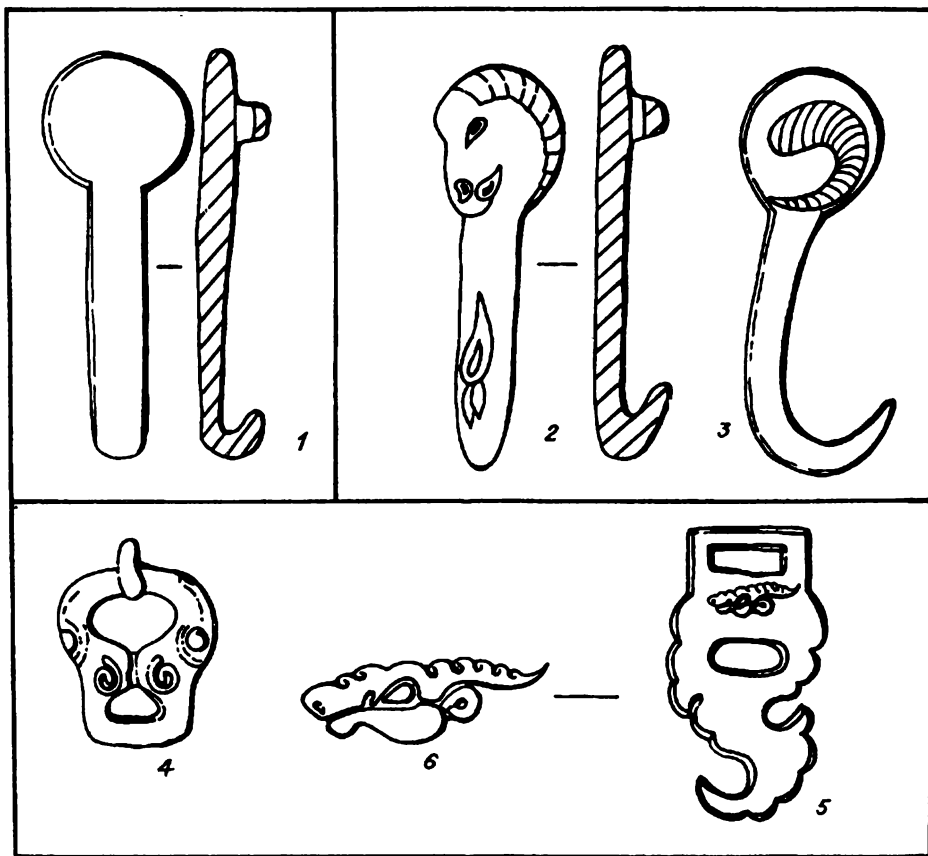

Рис. 18. Базовый элемент для декора (1) и декоративное оформление колчанных крючков и пряжек (2—6).

1 — Быстровка-1; 2 — г. Туран; 3 — Кетмень-Тюбе; 4 — Каллистратиха; 5, 6 — Высокий Борок.

ния большереченской культуры, что само по себе уже маркирует направленность заимствований этого образа.

Существует категория изделий, форма которых является «базовой» для композиционной компоновки изображений скифской эпохи. Один из таких предметов — крючок для подвешивания колчана (рис. 18, 1—3). Форма его округлого щитка является, вероятно, «базовой» для одного из образов скифо-сибирского звериного стиля. Это изображение головы козла или его рога¹¹.

Взаимосвязь формы и декора предмета не всегда достаточно жесткая. В одной и той же форме возможна компоновка различных изображений. Так, форма широко распространенных в скифскую эпоху бантообразных блях использовалась в качестве «фона» для разнообразных образов скифо-сибирского звериного стиля. Условно эти бляхи можно разделить на монолитные и ажурные (рис. 19, 1—3). К первой разновидности относятся железные поясные пластины из Нового Шарапа-1. Такая форма использовалась саками для изображения головы лося с рогами¹². Художественно-семантическая самостоятельность этой формы подчеркивается ее роговым исполнением в материалах саргатской культуры¹³ (рис. 19, 8). Ажурные бантообразные бляхи (рис. 19, 2, 3) представляют стилизацию сомкнутых голов грифонов, мотив которых также широко распространен, они изображались как в реалистической, так и схематической манере¹⁴. Среди ажурных блях по манере стилизации можно выделить еще две разновидности. Одна из них относится к уже рассмотренной группе, которая имеет стилизованный декор в рамках бантообразной формы, не изменяющий существенно ее очертания. Другая бляха из Березовки-1 (рис. 19, 2) представляет включение уже самого контура изделия в стилизованное изображение. В этих разновидно-

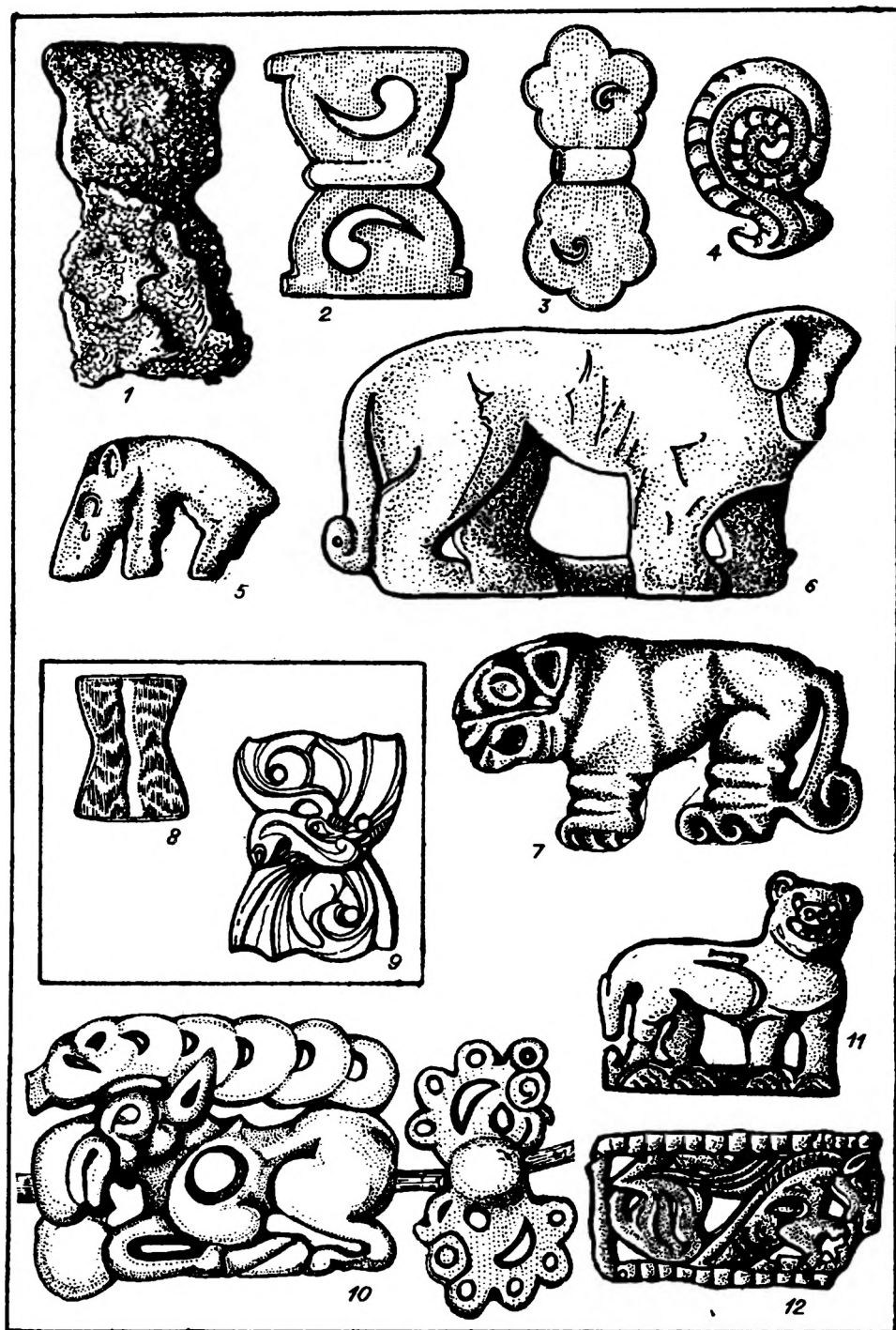

Рис. 19. Декор поясной гарнитуры.

1 — Новый Шаран-1; 2, 6 — Березовка-1; 3 — Крохалевка-4; 4, 5, 7 — Обские Плесы; 8 — Марково; 9 — Исык; 10, 11 — Почта-3; 12 — Новотроицкое II.

стях блях хорошо проявляется один из общих принципов декоративно-прикладного искусства — тесное взаимодействие изображения и формы предмета.

Поясная гарнитура из погребений могильников Обские Плесы, Новотроицкое II, Почта-3 отличается более выраженным зооморфным декором, где представлены различные образы: грифон, тигр, лось, кабан, лошадь

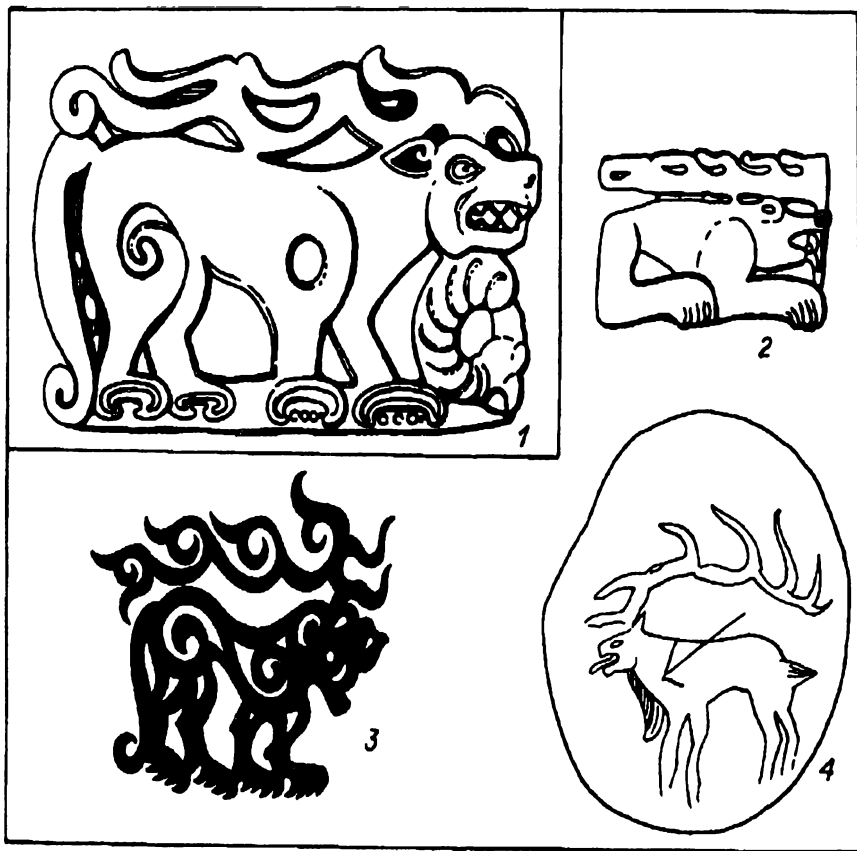

Рис. 20. Изображения рогатых хищников.

1 — Новый Шарап-1; 2 — Пригормье (по Л. М. Плетневой); 3 — Паэзырык (по С. И. Руденко); 4 — Саглы-Бажи VI (по А. Д. Грачу).

(рис. 19, 4, 7, 10—12). Подобное сочетание характерно для пояса, как одного из символов космограммы скифского времени¹⁵. Наиболее полно это раскрывает семантика конкретных изображений. Например, образ грифона, по мнению некоторых исследователей, маркирует верхнюю зону космической скифской модели мира¹⁶, близкую семантику имеют изображения лошади и лося. Образ плотоядного хищника (тигра) соотносится в этой связи с нижним миром, что задает определенную смысловую нагрузку расположению образа кабана. Он сочетает в себе как стилистически, так и физиологически признаки плотоядного и копытного животного¹⁷. Такой персонаж является своеобразным посредником, связующим звеном между верхним и нижним миром. По своей сути образ грифона в бантообразной композиции также синкретичен и сочетает в себе признаки верха и низа.

Представленная семантическая зональность изобразительных образов, объединенная единым функциональным назначением (декор пояса), несла в себе важную потенцию декоративно-прикладного искусства — внедрение идейно-образного начала в предметы материальной культуры. Это осуществлялось не только через отдельные образы, но и через их систему, в которой было заложено определенное содержание. Однако системность могла быть заложена и в отдельно взятые изображения. В связи с этим надо рассмотреть отдельные бляхи, которые условно соотносятся с поясной гарнитурой. Фрагмент изображения хищника семейства кошачьих из Березовки-1, вероятно, более структурно прост и соотносим с изображением этого животного с Обских Плесов, чем рисунок на бляхе Нового Шарапа-1 (рис. 19, 6, 7; 20, 1).

На бляхе из Нового Шарапа-1 схематично представлена сцена терзания, которая сама по себе имеет сложную структуру и семантику. В дан-

СЦЕНА ТЕРЗАНИЯ

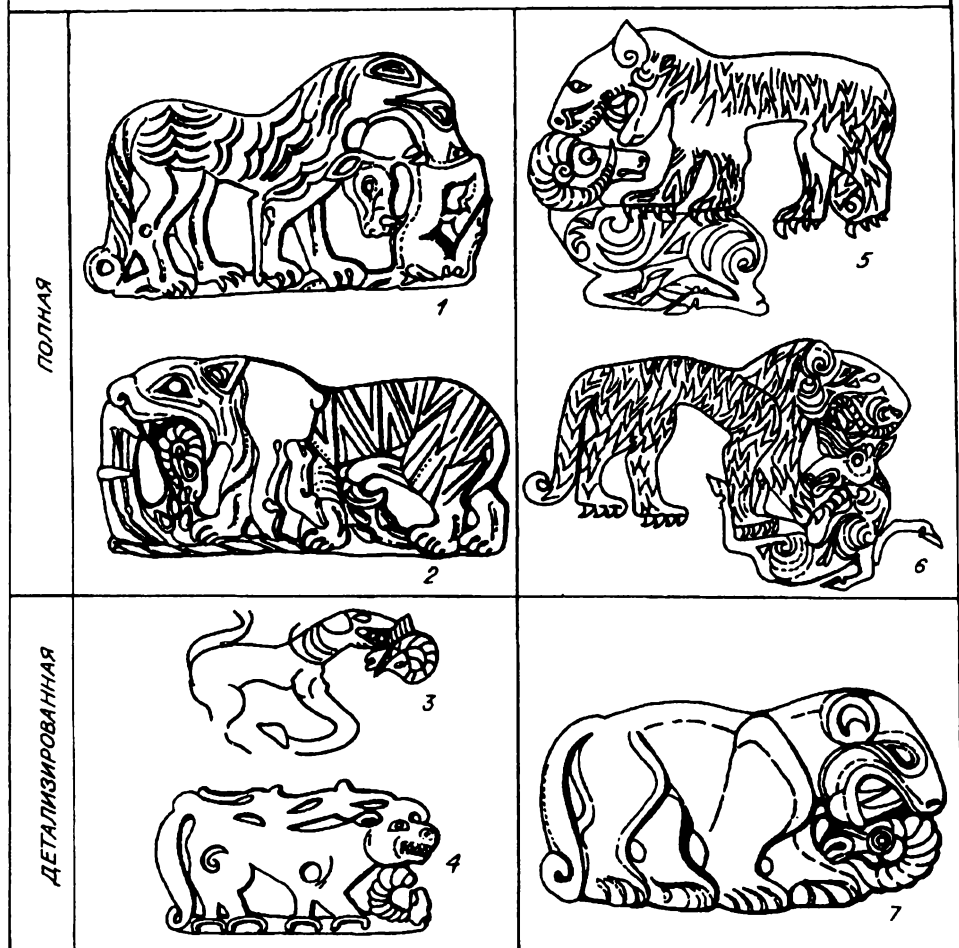

Рис. 21. Сцены терзания.

1, 2 — Ордос; 3 — Мажалык-Ховузу-1; 4 — Новый Шарап-1; 5, 6 — Башадар; 7 — Минуса.

ном случае для схематизации сцены терзания использован прием изображения хищника полностью, а копытного лишь одной деталью (голова). Существование в скифскую эпоху полного изобразительного контекста и его детализации хорошо иллюстрирует предположение о приеме кодификации в искусстве этого времени¹⁸. Очевидно, что детализация не ограничивалась только «зоологическим кодом», но и была способна кодифицировать еще и целые хорошо знакомые сюжеты. Это можно достаточно последовательно проследить на ряде как полных, так и схематизированных изображений (рис. 21).

Несмотря на схематизм изображения сцены терзания на бляхе из Нового Шарапа-1, голова барана, находящаяся под мордой рогатого хищника, дает возможность представить реальную позу терзаемого животного, в которой его голова могла оказаться именно в таком положении. Подтверждение этому можно найти в композициях с полным изобразительным контекстом (рис. 21, 2, 5). Голова жертвы оказывалась в перевернутом положении под пастью хищника, когда ее туловище было переброшено через спину хищника или находилось в пасти у него. При других позах расположение головы будет иным. Важно подчеркнуть, что парциальность образа жертвы на бляхе из Нового Шарапа-1 следует рассматривать значительно

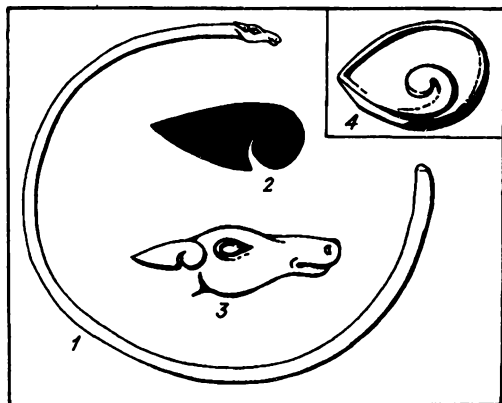

Рис. 22. Зооморфное оформление браслета.

1 — браслет (случайная находка, Ордынское); 2, 3 — прорисовки; 4 — резба по дереву, Пазырык.

шире. Это еще и прием передачи динамизма изображения, который кодифицируется через парциальность. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, так как внешне изображение из Нового Шарапа-1 отличается подчеркнутой статикой, как и другие предметы искусства из Верхнего Приобья. В литера-

туре даже появлялись определения «вялого обского стиля»¹⁹, что не совсем соответствует действительности, поскольку динамизм сцен здесь передавался через своеобразный зооморфный код.

Любопытен сам образ рогатого хищника, который заслуженно привлекает внимание исследователей²⁰. Полиморфизм хищника действительно проблематичен. В одном образе сочетаются противоположные начала животного мира — хищников плотоядных и копытных травоядных, причем важно подчеркнуть, что сочетания самые разнообразные. Это человек-зверь с оленьими рогами из IV Пазырыкского кургана, тигр с рогами оленя из I Туектинского кургана, рогатый волк из Томского Приобья (рис. 20, 2) и просто хищники неопределенной породы (Саглы Бажи-1)²¹. Оленьи рога — не единственный вариант полиморфизма этого образа. Встречаются и рога других животных²². Однако устойчивое сочетание именно рогов оленя и разнообразных их носителей нам кажется далеко не случайным. Явно неслучайно и включение рогатых хищников в сцену терзания. Логическим ее завершением (со всем подразумеваемым под ней космогоническим смыслом) является поглощение жертвы хищником, ради чего собственно и происходят нападения в живой природе. Поэтому роль пищевого акта в сцене терзания, вероятно, не следует обходить незаслуженным молчанием. Это фактически тот реальный путь, по которому может происходить и происходит соединение каких-то двух качеств и возникновение новых. Рассматривая хищных и копытных как семантических носителей идеологеммы с полярными знаками, вполне допустимо считать, что во время терзания хищник вместе со своей добычей, по представлениям древних, присваивал какие-то ее качества, в том числе и семантические²³. Это предположение имеет близкие аналогии в «бытовой» практике скифского времени. Так, по свидетельству Геродота, скиф, убив врага, пил его кровь, считая, что сила побежденного переходит в этот момент к нему. Причем важно подчеркнуть именно «пищевую» форму трансформации качеств. В подтверждение вы сказанного предположения можно привести и другие общие мифологические мотивы: а) пища служит средством перевоплощения; б) персонажи перевоплощаются в зооморфные (копытные) существа; в) при употреблении чего-либо в пищу вырастают рога. Эти мотивы встречаются практически во всех индоевропейских сказках. Приведенные семантические взаимосвязи вполне можно использовать для уточнения смыслового содержания изображения рогатого хищника из Нового Шарапа-1, образ которого, даже обособленный, сам мог быть тождественен сцене терзания, а в сочетании с ее реальными признаками должен еще дополнительно усиливать смысловую нагрузку изображения.

Зооморфными образами декорировали и другие украшения воина. Одним из таких предметов является бронзовый браслет из Ордынского, один конец которого оформлен в виде безрогой головки косули (рис. 22, 1). Головка отличается объемностью изображения, миниатюрностью и лаконизмом формы. Обращает на себя внимание и форма уха с завитком, который

достаточно часто встречается в скифо-сибирском стиле, но более характерен для резьбы по дереву, наиболее ярко представленной в Пазырыке. Композиционно браслет из Ордынского наиболее близок одной из гривн в материалах лесостепной тагарской культуры²⁴. По мнению некоторых исследователей, копытное в скифской картине мира маркирует мир живых, который одновременно мыслится как мир людей²⁵. Это один из вариантов зональности древнего мировоззрения, которое находило отражение на соответствующих функциональных предметах (пояс, украшения).

Однако такая зональность должна иметь какую-то связующую структуру, попытка вычленив которую уже делалась на примере образа кабана с пояса из Обских Плесов. Повсеместно в первобытных культурах подобную функцию выполнял образ мирового дерева²⁶. Этот мотив был широко распространен и в скифо-сибирском мире в нескольких ипостасях. У западно-сибирских аборигенов идея мирового дерева известна с глубокой древности²⁷. Одним из проявлений этого образа считается изображение ветвистых рогов, подобных тем, что представлены на бляхе из Нового Шарапа-1. Предполагается, что многократно повторяющийся S-образный мотив в завитках рогов отражает комплекс идей, связанных с обновлением и циклическим ростом²⁸.

Сцена терзания, по мнению некоторых исследователей, сама наделяется определенной цикличностью²⁹, которая могла быть усилена и конкретизирована через образ рогатого хищника. Цикличность сцены терзания представлялась как «космогонический акт творения и возрождения через уничтожение»³⁰, смерть, где, как уже упоминалось, акт поедания играл не последнюю роль. В этой связи стоит вспомнить описанный В. Я. Проппом сюжет о прорастании умершего через пищу в живом³¹. Другим символическим элементом, связанным с идеей мирового дерева в скифскую эпоху, является изображение лука³². Он фигурирует не только в мифологической, но и в изобразительной традиции. Косвенно с этим комплексом представлений можно связывать бронзовые миниатюрные модели луков, одна из которых найдена в Старой Алейке II (табл. XVI, 3).

ОФОРМЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ

Снаряжение верхового коня скифского времени является не только культурно-историческим атрибутом эпохи, но и сферой декоративной отделки в скифо-сибирском зверином стиле. Именно благодаря освоению лошади как верхового коня интегративные процессы в развитии культур значительно усилились в скифскую эпоху³³. Элементы декора скифо-сибирского стиля, помещенные на конской сбруе, близки к тем, что использовались при отделке предметов вооружения (рис. 23). Образы, включенные в оформление большереченской сбруи, можно условно разделить на пернатых и животных. Первые представлены бронзовой налобной бляхой в виде утиногo клюва из Ордынского-1 (рис. 23, 4). Изображения водоплавающих птиц встречаются на налобниках конской сбруи не только в парциальном, но и в полном виде, как на деревянном налобнике из Пазырыкских курганов. Сочетание изображений птиц и коня, видимо, имело свои глубокие семантические корни³⁴. Явно опять соединение двух различных стихий — суши и воды. Такой синтез косвенно присущ не только изображениям, но и скифской мифологии, дошедшей до нас во фрагментах. По одной из генеалогических легенд, в пересказе Геродота, «прародитель скифов получает во владение великолепных коней именно после связи с божеством с земноводными признаками.

Подвеска узды из Нового Шарапа-1 (рис. 23, 5) оформлена в виде головы грифона. Этот же мотив воспроизведен и в серии уздечных блях (рис. 23, 1—3). Близкие образы уже рассматривались в декоре поясной большереченской гарнитуры. В виде голов птицы, скорее всего хищной, оформлена пара подвесок-костыльков из Нового Шарапа-2 (табл. XXVI,

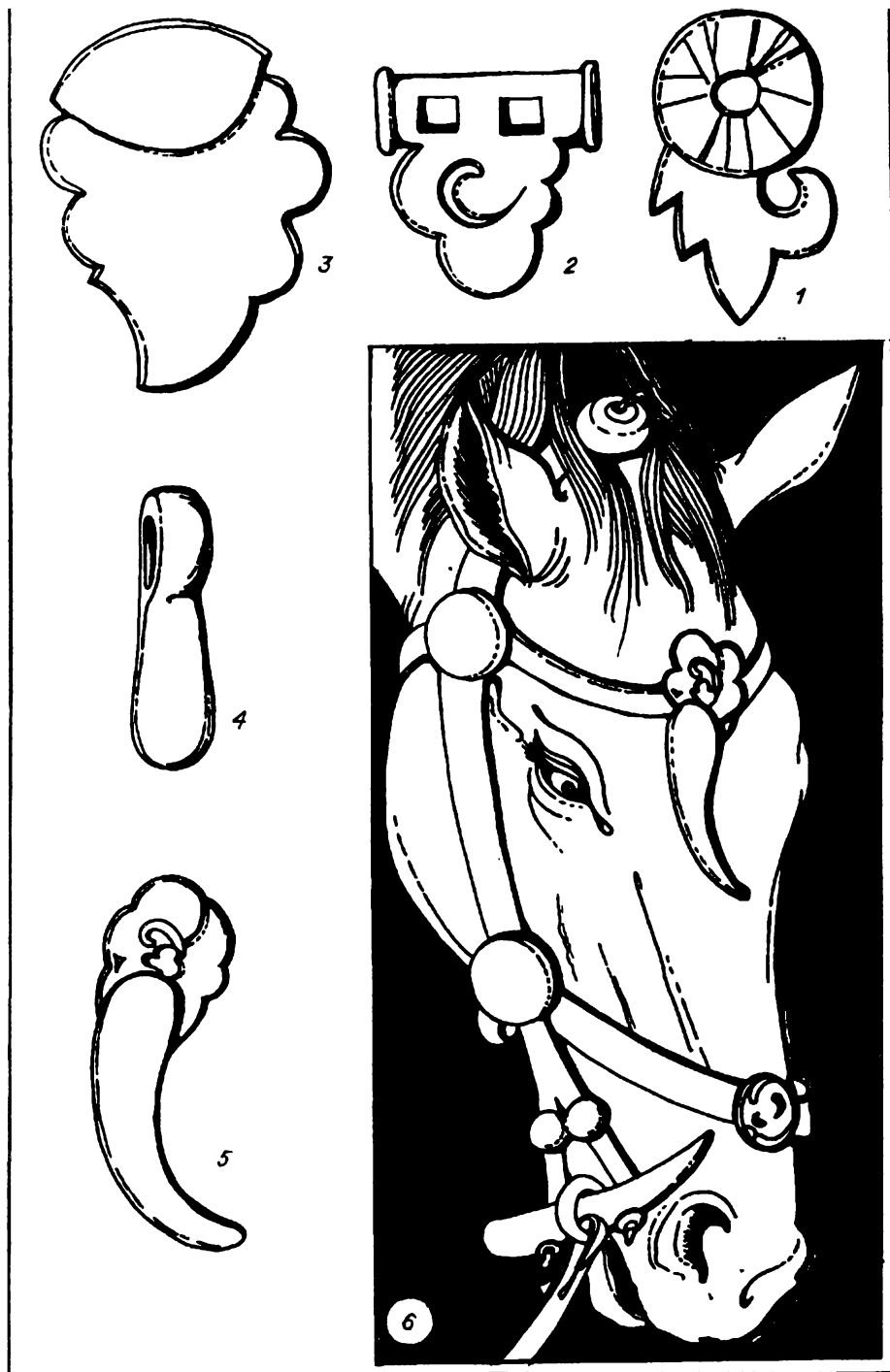

Рис. 23. Декор конской узды.

Раздумье; 2 – Березовка; 3 – Новый Шарап-2; 4 – Ордынское-1; 5 – Новый Шарап-1; 6 – реконструкция узды из кург. 19 могильника Новый Шарап-1.

10, 11). Общим в исполнении образа является его стилизация и парциальность, художественным воплощением которых служит включение в декор всего контура изделия, как и поясных бантообразных блях второй разновидности. Рассматриваемые предметы имеют широкие аналогии от Алтая до Памира. Любопытно отметить, что стилизация и порциальность, види-

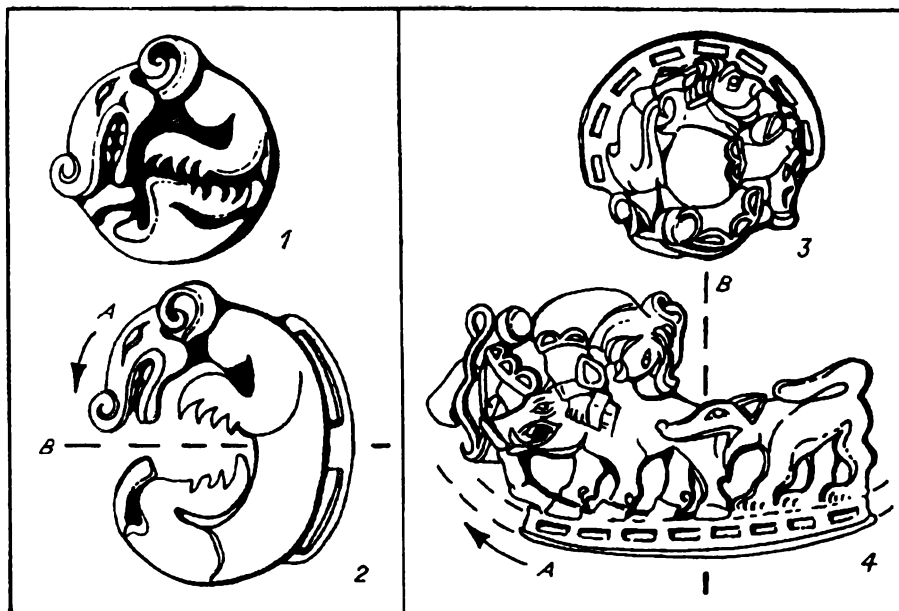

Рис. 24. Изображения свернувшихся зверей.

1, 2 — курган Иссык (по К. А. Акишеву); 3, 4 — курган Тээрге (по А. Д. Грачу). 2, 4 — развертки изображений (А — направление, В — ось скручивания).

мо, были достаточно традиционны для оформления конской сбруи, поскольку этот мотив неоднократно повторялся в различных ее деталях (бляхах, псалиях), изготовленных из разного материала (дерево, рог, металл). Говоря об утилитарном назначении рассматриваемых изделий, следует заметить, что функциональная форма уздечной бляхи играла подчиненную роль в процессе декорирования. Это касалось и самой необходимой детали бляхи — диска с петлей для крепления. Возвращаясь к конской подвеске в виде головы грифона с длинным клювом из Нового Шарапа-1 (рис. 23, 5), следует заметить, что в ряде случаев длинный изогнутый стержень связывается в литературе со стилизацией кабаньих клыков. Все это, безусловно, служило той же идее усиления семантики образа. Имитации кабаньих клыков, изготовленные из бронзы и входящие в состав предметов конского снаряжения, известны и в Новосибирском Приобье (табл. XXII, 9, 10).

Кроме уздечных блях декорировались и другие детали узды, такие как роговой двухдырчатый псалий из Ближних Елбан XII, конец которого оформлен в виде головы хищника (табл. V, 6).

Округлая форма ременных блях являлась организующим началом для вписывания в нее зооморфных изображений. Такая бляха, правда плохой сохранности, найдена в кургане 19 могильника Новый Шарап-1 (табл. XIX, 3). Мотив животного, свернувшегося в кольцо, характерен для скифо-сибирского искусства. Воплощение его представлено в основном двумя приемами. Первый мы видим в архаических и более поздних изображениях пантер: они свернуты вокруг воображаемой горизонтальной оси, причем дан вид сбоку (рис. 24, 1). Таково изображение на бляхе — распределителе ремней из кургана Иссык (рис. 24, 2). Другой способ — свертывание тела животного вокруг воображаемой вертикальной оси, при этом представлен вид сверху (рис. 24, 3). Именно так свернут хищник на бляхе из Нового Шарапа-1. Подобная компоновка не только отражает усложненность пространственных построений в предметах декоративно-прикладного искусства, оформленных в скифо-сибирском зверином стиле, но и тяготеет к синтезу элементов барельефа и даже округлой скульптуры, переложенных на плоскость.

ДЕКОР ПРЕДМЕТОВ САКРАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Следующая группа изделий, которые декорировались в зверином стиле, — предметы сакрального и социально-культурного назначения. За зеркалами в скифскую эпоху прочно утвердилась именно такая атрибуция³⁵. Бронзовое зеркало из Быстровки-1 (рис. 25, 1) с изображением тигров заслуживает самого пристального внимания. В публикациях, касающихся этого предмета, указывалось, что три выгравированных тигра изображены явно не в скифо-сибирском стиле: нет деталей, подчеркивающих мускулатуру, фантастических элементов, центр рисунка заполнен геометрическим узором. Отсутствие аналогий изображению тигров и общая форма предмета позволяют связывать его происхождение со Средней Азией или Ираном³⁶. В то же время данное зеркало является несомненным атрибутом культа большебереченцев. Учитывая это, следует отметить, что декоративное оформление ритуальных предметов, как правило, отражает культурно-художественные особенности определенной религиозной традиции, которая связана с конкретными территориями. Система композиций, символов, канонизация изображений являются внешними признаками, на которые можно опереться при поиске художественно-идеологических истоков того или иного изделия. Это особенно важно и интересно, если нет прямых аналогий, но очевидна связь предмета с определенным культурно-историческим ареалом. Осмысление изображенных персонажей — одно из центральных звеньев анализа, так как декор на ритуальных вещах (зеркалах) имел не столько эстетическое, сколько магическое значение, усиливающее их охранительное воздействие³⁷.

При анализе изображений тигров на зеркале особенно бросаются в глаза их реализм и динамичность, что проявляется как на уровне каждого конкретного изображения, так и во всей композиции. Фигуры расположены по кругу с ориентацией против часовой стрелки, если держать зеркало орнаментированной поверхностью к себе. Т. Н. Троицкой высказывалось мнение, что это три идущих тигра. Однако сравнение характерных деталей изображения ног, хвоста, головы, туловища, маскировочных полос и положения фигур над нижней линией кольца, в который они вписаны, с кинограммой движения хищников семейства кошачьих позволяет предполагать, что здесь показан прыжок, разложенный на три фазы: 1) сбор перед прыжком и отталкивание; 2) состояние свободного полета в прыжке; 3) приземление на передние конечности (рис. 25, 5, 6). Если рассматривать в свете этого предположения композицию всей сцены целиком, то получится бесконечное воспроизведение прыжков, где конец одного означает начало другого. Движение, переданное в одной или нескольких фигурах с разложением повествования на фазы, характерно для древневосточного искусства³⁸.

Изображения тигров были распространены в достаточно ограниченном поясе от Северного Кавказа до Ордоса. В ряду известных изображений быстровские — одни из самых северных. Если по линии запад — восток частота встречаемости изображений тигра велика, то в широтном направлении она значительно меньше. Однако наибольшее количество находок, представляющих этот образ, отмечается в Средней Азии и на прилегающих к ней с северо-востока территориях. Изображения тигров здесь наиболее реалистичны и точны, что, видимо, обусловлено непосредственным наблюдением природы. Декор с тиграми в этом районе представлен наиболее разнообразно, на самых различных культовых вещах и в разнообразной манере исполнения — объемное литье, гравировка по металлу, резьба по дереву, тиснение. При сравнении фигур тигров на быстровском зеркале с известными на Алтае, в Средней Азии и Ордосе поражает максимальный реализм первых в изображении маскировочных полос на теле животного (рис. 25, 2—4). Если в пазырыкском искусстве этот элемент достаточно сильно стилизован, то для быстровских изображений характерно воспроизведение малейших деталей, вплоть до изменения положения маскировочных полос на груди и теле животного с горизонтального на вертикальное.

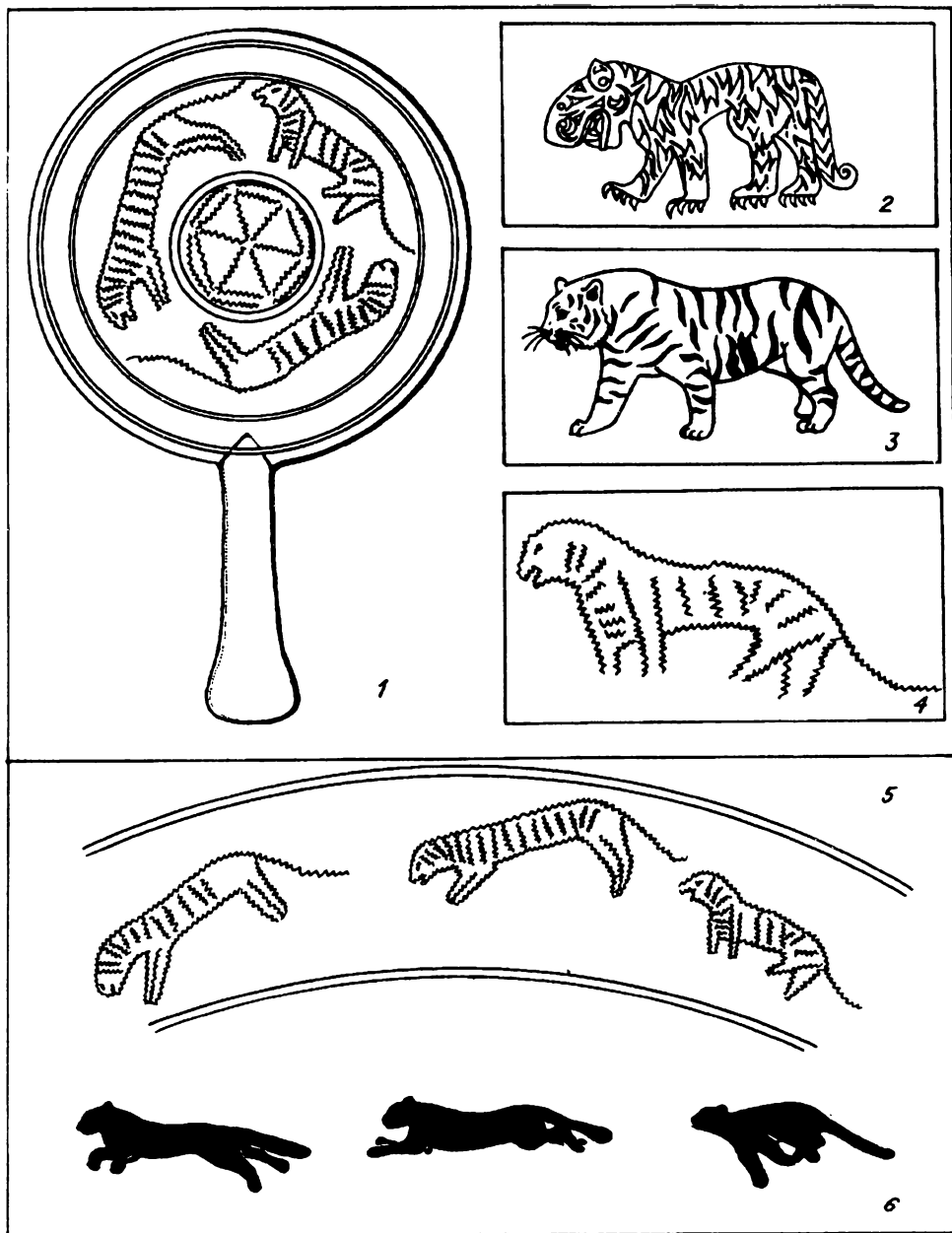

Рис. 25. Изображения тигров.

1 – Быстровка-1; 2 – Башадар; 3 – реальный тигр; 4, 5 – прорисовки изображений; 6 – кинограмма движения хищника семейства кошачьих.

Не исключено, что это могло быть связано с близостью крайних точек обитания тигра как вида на Балхаше и Алтае³⁹.

Динамизм сцены на исследуемом зеркале, ее компоновка и учет того, что направление движения фигур при функциональном использовании предмета изменится на противоположное, т. е. по часовой стрелке, находит аналогии в культовых предметах⁴⁰, в том числе и в бронзовых жертвенниках древних саков. Проведение такой аналогии достаточно обосновано, так как быстровское зеркало было найдено в комплексе с каменным алтариком, а ритуальное назначение этих предметов уже прочно утвердилось в литературе. Все приведенные соображения позволяют предполагать более определенные связи самого зеркала и изображений на нем с сакским миром.

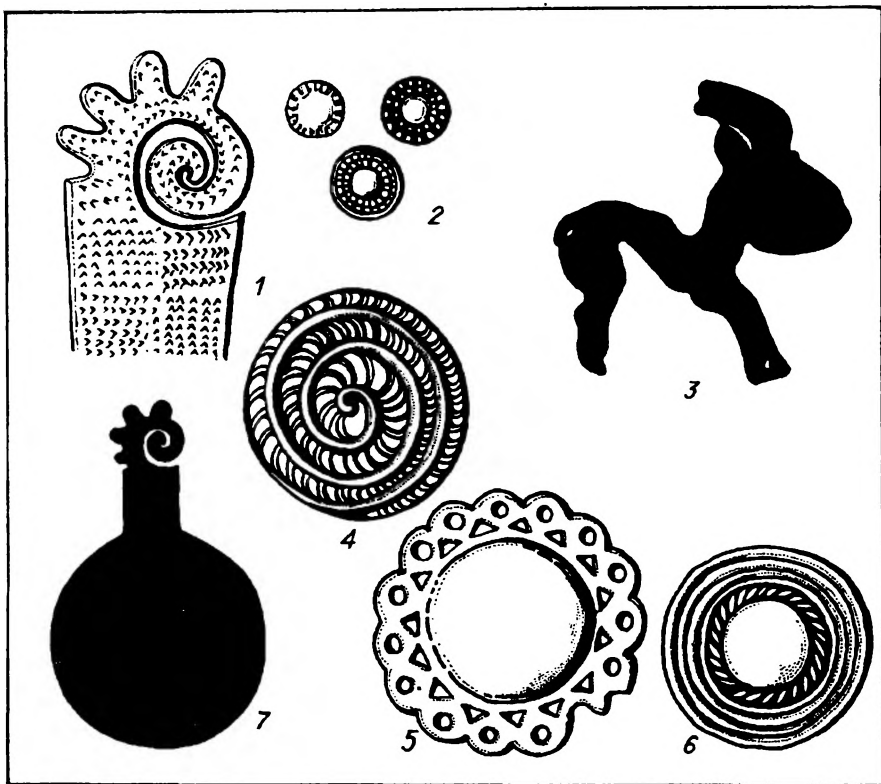

Рис. 26. Украшения с солярной символикой.

1, 7 — Раздумье (по А. П. Уманскому); 2, 6 — Высокий Борок; 3 — Милованово-8; 4, 5 — Новый Шарап-1 (3 — золото, остальное — бронза).

Необходимо упомянуть еще о двух зеркалах, найденных на территории распространения большереченской культуры, в Раздумье и Рагозихе. Их объединяет технический прием исполнения рисунков — гравировка по металлу. Причем сходство по этому признаку зеркал из Быстровки-1 и Раздумья еще ближе, так как в целом рисунки составлены из определенных «гравировальных элементов» — уголков. Ими как бы «набрано» каждое сложное изображение. Привлекает внимание и своеобразие оформления ручки зеркала из Раздумья. Ее конец оформлен в виде стилизованной головы грифона (рис. 26, 1). Следует отметить, что декорирование ручек зеркал зооморфными образами достаточно часто встречается в скифскую эпоху и, скорее всего, является традиционным.

Не менее интересна гравировка ручки зеркала линиями, выполненными из уголков и составляющими крестообразный орнамент. Эта деталь особенно любопытна, так как подобные фигуры семантически связываются с солярными и астральными культами. Солярной идее, вероятно, был подчинен декор быстровского зеркала в виде розетки в центре и концентрических кругов по краям, символика которых имеет глубокие исторические корни.

ДЕКОРАТИВНАЯ ОТДЕЛКА УКРАШЕНИЙ

С солярным и астральным культами, возможно, связан декор и ряда других предметов, таких как крестообразные бляхи из Быстровки-1 (табл. XXXIV, 14), дискообразная бляха с ажурным краем из Нового Шарапа-1 и бляшки из Высокого Борка (рис. 26, 2, 4—6). Крестообразные бляхи имели очень широкое распространение в культурах раннего железного века Сибири. Обращает на себя внимание составленность этой крестообразной солярной комбинации из пяти окружностей.

Образ козла и барана у ираноязычных народов достаточно прочно связывался с изображением фарна, сочетающего в себе абстрактные понятия — распространяющий свет, спутник победы, символ величия, славы, счастья, судьбы⁴¹. Этот образ, возможно, не только имел значение «оберега и покровителя», но и считался символом «обилия и плодородия»⁴². Небесная сопричастность образа барана или козла подчеркивалась помещением его на сакральных предметах у соседей большеберченцев не только в Средней Азии, но и на территории распространения лесостепной тагарской культуры⁴³. Учитывая среднеазиатские культурные связи большеберченцев, в таком же контексте можно рассматривать объемную фигурку козла из Новосибирска (табл. L, 15) и плоское изображение из Милованово-8 (рис. 26, 3), технический прием исполнения которого заслуживает особого внимания. Фигурка вырезана из тонкой золотой фольги. Такая техника была характерна для скифо-сибирских культур и их носителей в Средней Азии, что нашло отражение в письменных источниках и археологической литературе. По свидетельству Геродота, массагеты разнообразными предметами (пояса, головные уборы, перевязи, удила, привески) украшали золотом. Это, как справедливо отмечал М. И. Артамонов, возможно при широком использовании тонкой золотой фольги и листовых покрытий, что характерно для декоративно-прикладного искусства скифской эпохи⁴⁴. Фигурка козленка из Милованово-8 выполнена именно в такой традиции. Рассматривая художественные особенности изображения, стоит подчеркнуть передачу образа животного в динамике, о чем говорит положение ног, корпуса и шеи козла.

Изображение козлов, вписанных в круг (например, на бляшке из Старой Алейки II), по своей семантике близки к широко распространенным в скифскую эпоху бронзовым соляным кругам-колесам.

Отголоски религиозной мифологемы воплощались в искусстве не только в зооморфных образах, но и в орнаменте. Так, пряслица орнаментированы радиально расходящимися штрихами или округлыми ямками (табл. III, 13—16), расположение которых на плоскости в виде круга может быть увязано с соляными мотивами.

К числу декорированных предметов относятся бронзовые колоколовидные подвески. Особенно интересны изделия в виде прорезного пустотелого бубенчика с петлей (рис. 27, 3). Предметы такой формы (рис. 27, 3—16) имеют достаточно широкое распространение⁴⁵ и давно привлекают внимание исследователей⁴⁶.

Несомненно, что подвеска из Быстровки-1 представляет собой лишь косвенную реплику на серию предметов архаики скифского времени, которые связываются с ритуальными шумящими навершиями столбов или повозок. Трансформация этих предметов в подвеску в виде прорезных бубенцов началась уже в раннескифский период. К рубежу эр данный процесс зашел так далеко, что изделие почти полностью потеряло свои прежние функции и превратилось в подвеску. Место навершия в виде животного и втулки заняли кольцо и устье подвески-бубенчика. Однако важно отметить, что на начальном этапе существования прорезных наверший они очень часто сочетались в комплексе с элементами конской сбруи (удила), либо с сопроводительными погребениями коней, или с захороненными частями этих животных. Косвенные реплики на это содержатся и в большеберченском погребальном обряде. Так, в ряде курганов могильника Быстровка-1 во рвах встречены конские черепа. Как указывалось в разделе о погребальном обряде, можно полагать, что конские головы выставлялись на шестах у входа в курган.

Наличие корреляций с подобными обрядами, по мнению Е. В. Переводчиковой и Д. С. Раевского, может связывать шумящие навершия с комплексами шаманских представлений о мировом дереве: эти изделия помещались на столбы⁴⁷. Наличие у наверший «шумящих деталей», вероятно, должно было усиливать воздействие ритуала, одним из неотъемлемых компонентов которого было звуковое сопровождение. Однако, учитывая крайнюю рудиментарность данных признаков, воплощенных в большеберченском материале, весь комплекс этих представлений можно привлекать лишь предположительно.

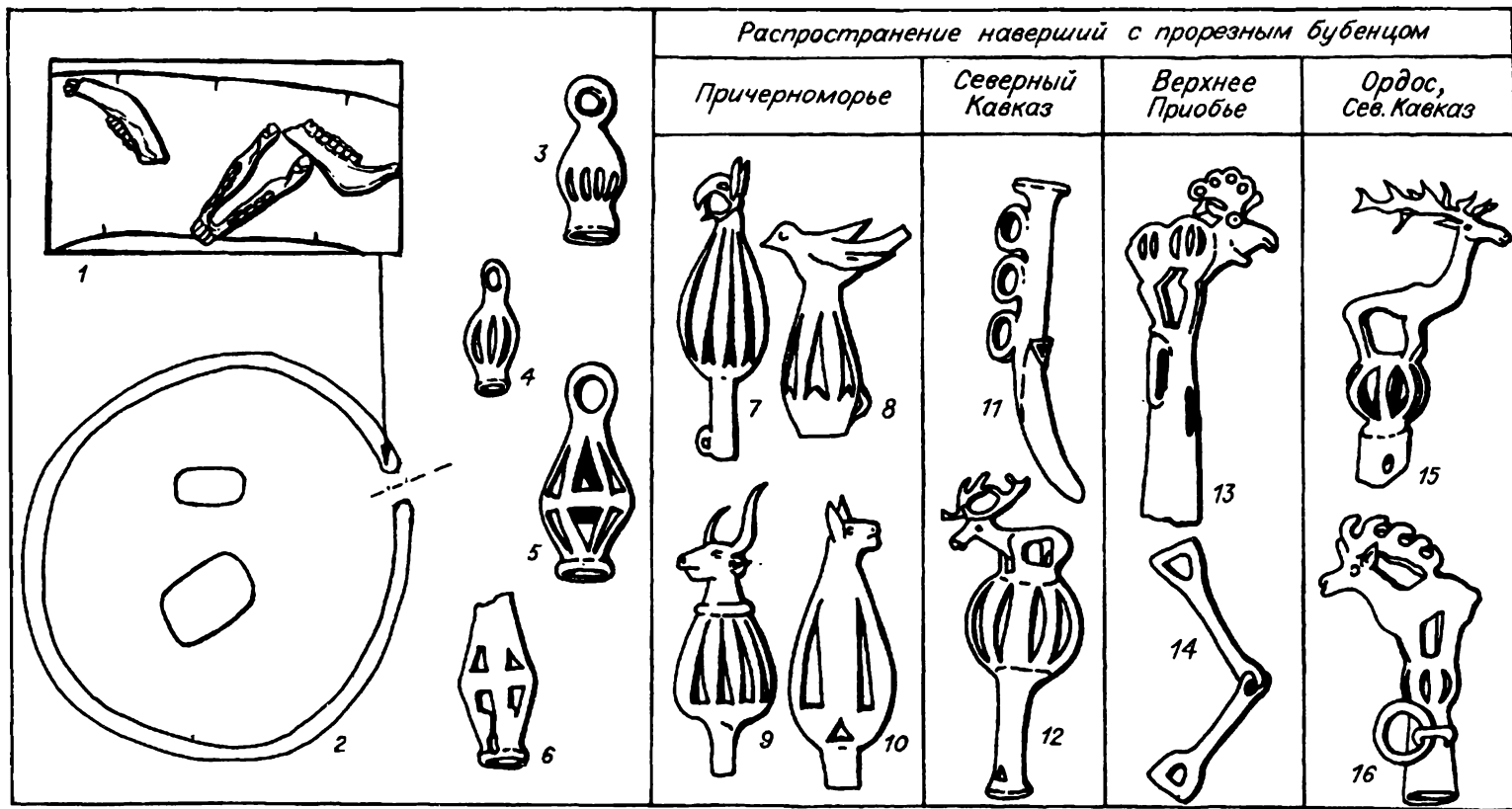

Рис. 27. Прорезные бубенчики (3—16) и план кургана 4 и деталь рва, где найдены челюсти коня (1, 2).

1—3 — Быстровка-1; 4 — Арчеркаский курган; 5, 6 — Айдашинская пещера; 7 — Келермес; 8 — Краснокутский курган; 9 — Ульский курган; 10 — курган у с. Будки; 11, 12 — Махшевский курган; 13, 14 — Штабка; 15 — Юлин-Фу; 16 — Ордос.

Кроме предметов декоративно-прикладного искусства, допускающих определенные семантические интерпретации, существует группа вещей, в оформлении которых использованы чисто геометрические орнаментальные элементы — это комбинации из кругов и зигзагов. Композиции из таких комбинаций, судя по скифским изображениям и находкам в пазырыкских курганах, часто использовались в украшении одежды. Бронзовая бляха зигзагообразной формы из Нового Шарапа-1 (табл. XVIII, 3) составлена из двух полос, композиционно близких металлическим пластинкам, использованным для обшивки штанов из пазырыкских курганов.

Вертикальная комбинация из уплощенных шариков использована и при оформлении головных бронзовых булавок. Они совпадают по схеме декора с аналогичными античными предметами. Это совпадение, вероятно, не только стадийное, оно обусловлено художественными особенностями предметов данной эпохи. Именно в это время распространяется так называемый «токарный орнамент», который воспроизводится на изделиях не только из дерева, но и из других материалов (кость, металл)⁴⁸.

Говоря о художественном оформлении предметов материальной культуры большереченцев, надо указать и керамику. Орнаментация ее бедна и неразнообразна. Это характерно для оформления всей глиняной посуды лесостепного и степного пояса Евразии в раннем железном веке. В основном декор представлен комбинациями таких элементов, как «жемчужины», уголки, наколы, прочерченные линии и т. д. В информационном плане такие орнаментальные схемы на древней посуде еще очень плохо «читаемы».

В несколько ином положении находится та группа большереченской керамики, которая отвечает принципам декоративно-прикладного искусства: она имитирует элементы сосудов из других материалов: дерева, кожи, металла (рис. 28). Вопросы имитации еще не в полной мере вовлечены в оборот исследований по древнему искусству.

Имитационная керамика более «читаема», поскольку мотивы и исходные оригиналы более или менее ясны и понятны. Сама имитация имеет непосредственное отношение к декоративно-прикладному искусству. Это его достаточно устойчивый художественный прием. В поддержку данного положения можно привести (с известной долей условности) современные примеры — имитационные окраски под дерево, существование разнообразных кожезаменителей с высокой степенью соответствия естественным особенностям кожи, а также воспроизведение на литых резиновых сапогах структуры кроя и шитья кожаной обуви. Современность этих примеров ни в коем случае не должна смущать, так как они привлекаются исключительно для подтверждения одного положения — имитационный момент в системе, базирующей свое производство на целом комплексе сырьевых материалов, скорее закономерен, чем случаен. По своему уровню производство большереченской культуры вполне подходит под это определение, поскольку эпоха раннего железа с распространением железных орудий еще более углубила и расширила переработку разнообразного сырья, известного в предшествующие эпохи.

Основными видами сырья для производства посуды в это время кроме глины являлись дерево, кожа, бронза и, возможно, береста. Дерево было одним из наиболее доступных материалов (после глины) для изготовления посуды. В контексте проблем имитации, как одного из приемов декоративной отделки, хотелось бы отметить бочонкообразный сосуд из Быстровки-1 (рис. 28, 9). В глине представлена совершенно чуждая ей форма, которая основана на долбленном деревянном кругляке, заделанном вставками-днищами с боков, с вставленной вырезанной горловиной (рис. 28, 10, 11). Поэтому очевидно, что имитация представлена только на уровне копирования общей формы.

На этом же уровне, вероятно, представлена имитация металлических вместилищ. К такой имитационной керамике с определенной долей осторожности можно отнести сосуды на поддоне. Некоторые из них достаточно сильно похожи по форме на широко распространенные бронзовые котлы скифского облика (рис. 28, 5—8), которые имели свою семантическую на-

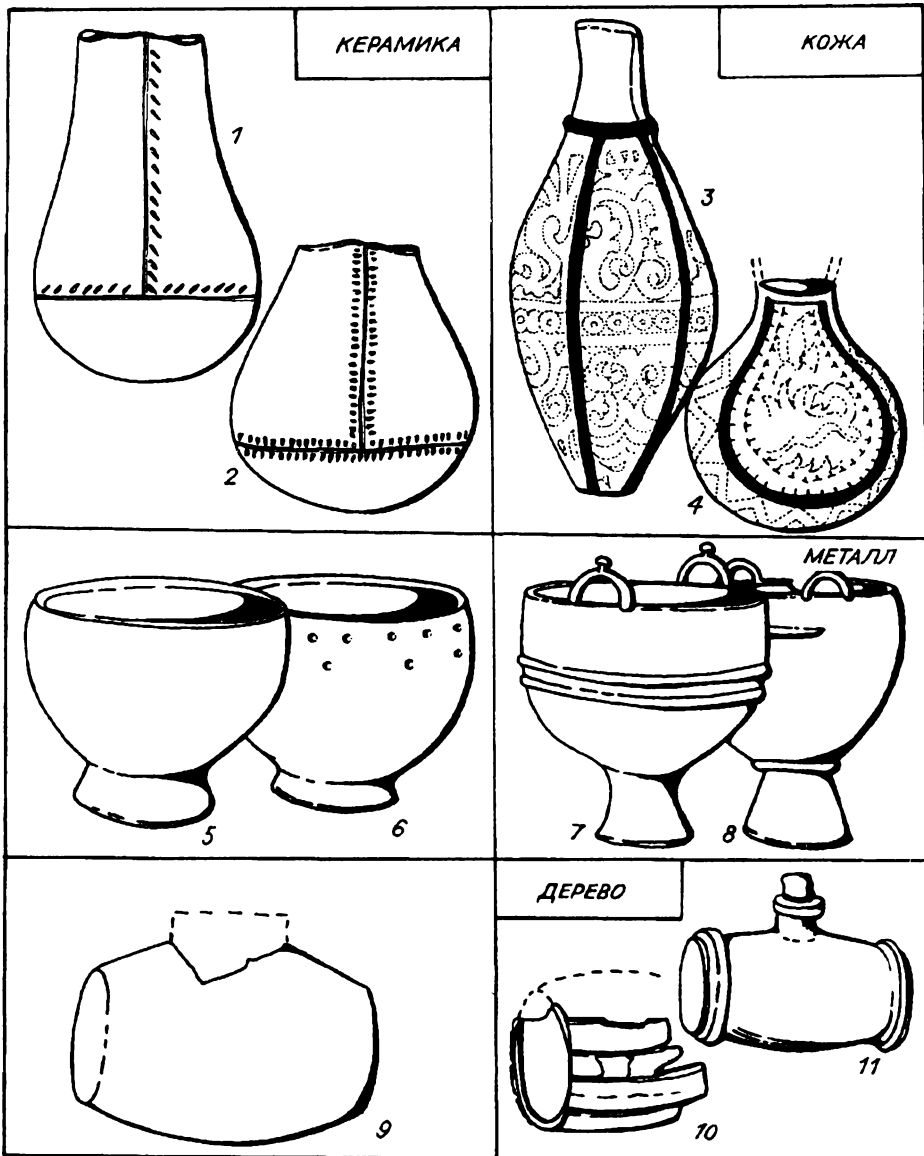

Рис. 28. Имитация в керамике и прототипы.

1, 6, 9 – Быстровка-1; 2, 5 – Новый Шарап-1; 3, 4 – Пазырык; 7, 8 – Новосибирская область (случайные находки); 10 – Шестаково; 11 – Тува.

грузку. Кроме того, большие сосуды ассоциируются с общественным семейным или родовым вместилищем продуктов.

Группе сосудов, воспроизводящих шитые кожаные емкости, в свое время был посвящен ряд работ, о чем уже говорилось в главе об инвентаре. Однако «искусствоведческий» момент оценки явления имитации в них затрагивался лишь вскользь. На сосудах, воспроизводящих кожаные оригиналы, имитация, как декоративно-художественный элемент, представлена уже на двух уровнях: формы и конструктивной отделки (швы, выкройка). Декорирование тулова сосудов имитациями различных реальных швов является своеобразным организующим началом декоративной отделки сосуда. Элементами этой отделки на керамике были прочерченные линии, насечки, точки, рассеченные валики. Аналогичную роль выполняли швы на кожаных сосудах из Пазырыка. Там, по мнению С. И. Руденко, они не только имели конструктивное значение, но и организовывали декоративную от-

делку, разделяя орнаментальное пространство сосуда на определенные части⁴⁹.

Говоря о связи декоративно-прикладного искусства с определенными культурно-хозяйственными особенностями на примере керамики, хочется отметить следующее: все представленные глиняные сосуды, и особенно имитации кожаных вместилищ, связаны с одним из ведущих направлений экономической базы этого времени — скотоводством с его подвижным бытом.

Имитация кожаной посуды в керамике имеет определенную связь с идеологическими представлениями скифской эпохи. По мнению И. В. Октябрьской, ее можно усматривать даже в отношении поздней тюрко-монгольской утвари⁵⁰. Символические функции кожаной посуды отмечены у кочевников позднего времени. К близким выводам о семантике кожаных сосудов скифской эпохи приходит Д. С. Раевский⁵¹. Наличие особых функций кожаной посуды, особенно в рамках погребального обряда, отмечено у хакасов, на могилах которых оставлялась кожаная бутылка для души покойного⁵². Анализируя символичность имитационных сосудов в рамках декоративно-прикладного комплекса, следует упомянуть еще одну деталь из мифологии сибирских народов. Например, герой одной из алтайских сказок («Кан-Таджи, сын Ак-Бока»), приехав к шаману (Алаш-кему), берет в руки белый оловянный тажур (имитирующий алтайский кожаный сосуд)⁵³. В этой связи хотелось бы еще раз упомянуть серебряные имитации кожаных сосудов из Сибирской коллекции⁵⁴.

В целом взаимодействие утилитарного и эстетического назначения предметов декоративно-прикладного искусства большеберченцев выражалось через художественные образы, которые создавались на основе развитой системы изобразительных знаков скифо-сибирского звериного стиля⁵⁵. Он представлял собой своеобразный «генный набор»⁵⁶ культуры ранних кочевников и обуславливал общий тип культурного единства эпохи. Вместе с этим сформировались достаточно четкие композиционные принципы. Содержание их было настолько устойчивым, что они воспринимались как в полном, так и в детализированном контексте. Однако декоративно-прикладное искусство еще не являлось самостоятельной формой деятельности. Оно имело вдвойне «прикладной» характер, поскольку все художественное творчество еще было «непосредственно вплетено» в материальное производство⁵⁷ и отражало его особенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лесостепное Приобье с VI—V вв. до н. э. входит в состав скифо-сибирского культурно-исторического единства. В большеереченской культуре сочетаются основные общие черты этого единства, особенности культур лесостепного региона и черты, характерные лишь для данной культуры. Ее происхождение связано с завьяловской культурой предшествующего переходного периода и влиянием и даже непосредственным участием в ее сложении и развитии населения Казахстана (саков и усуней), а возможно и жителей Горного Алтая. С III—II вв. до н. э. большеереченцы постепенно отступают на юг под натиском кулайских племен, частично сливаясь с ними, и к концу I в. до н. э. большеереченская культура, поглощенная кулайской, прекращает свое существование.

Мы постарались дать всестороннюю характеристику большеереченской культуры на основании имеющихся в настоящее время материалов. Многие еще остаются неясными. Не опубликованы материалы из раскопок лесостепной части алтайского предгорья и результаты антропологических исследований. Не выяснены восточные границы распространения большеереченской культуры и значение бассейна Ини и Притомья в ее развитии. Неясен характер взаимосвязи населения лесостепного Приобья и Восточной Кулунды. Остается непонятным, почему большеереченцы не строили городища, в то время как последние были у соседних племен. Трудно говорить об этнической привязке большеереченской культуры. Нет пока ответов на ряд вопросов, связанных с мировоззрением лесостепных племен, в частности, о причинах перехода к круговому расположению могил, появления захоронений в скорченном положении и т. д. Остается открытым вопрос и о наименовании самой культуры. Дальнейшее исследование позволит решить эти проблемы и внесет коррективы в данную работу.

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ *Археологические исследования в РСФСР: 1934—1936 гг.* — М.; Л., 1941. — С. 297—298.
- ² *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956. — № 48. — С. 44—98.
- ³ *Грязнов М. П.* Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Обской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: Подсекция археологии, этнографии и антропологии. — Иркутск, 1960. — С. 22—24.
- ⁴ *Завитухина М. П.* Ордынские курганы V—IV вв. до н. э. // АСГЭ — Л., 1968. — Вып. 10. — С. 28—36.
- ⁵ *Комарова М. Н.* Отчет об археологических раскопках в зоне затопления Каменской ГЭС. — Архив ИА РАН, Р-1, № 922, 923.
- ⁶ *Комарова М. Н., Молодин В. И.* Археологическая карта правобережья Оби в Сузунском районе Новосибирской области // ВАС: Науч. тр. НГПИ — Новосибирск, 1973. — Вып. 85. — С. 45—54.
- ⁷ *Троицкая Т. Н.* Курганный могильник Ордынское-1 // ВАС: Науч. тр. НГПИ — Новосибирск, 1973. — Вып. 85. — С. 81—101; *Зах В. А.* Новые исследования памятников у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 51—58.
- ⁸ *Троицкая Т. Н.* Курган большереченской культуры // СА. — 1970, № 3. — С. 213—216; *Она же.* Новосибирское Приобье в VII—IV вв. до н. э. // ВАС: Науч. тр. НГПИ — Новосибирск, 1972. — Вып. 38. — С. 13—24.
- ⁹ *Троицкая Т. Н.* Быстровский могильник как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 31—50.
- ¹⁰ *Троицкая Т. Н.* Большереченские курганы у с. Милованово // АО 1982 г. — М., 1984. — С. 233—234.
- ¹¹ *Сидоров Е. А.* Поселения большереченской культуры в Новосибирском Приобье // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул, 1986. — С. 68—70.
- ¹² *Уманский А. П., Брусник Н. Д.* Соколовские курганы // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 187—202.
- ¹³ *Уманский А. П.* Новые материалы из Новотроицкого могильника (по раскопкам 1983 г.) // Проблемы древних культур Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 128—134; *Он же.* Раскопки курганов близ с. Новотроицкого // Памятники древних культур Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 70—74; *Он же.* Курганы у с. Новотроицкое по раскопкам 1986 г. // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1987. — Ч. 2. — С. 59—62; *Он же.* Раскопки курганов близ с. Новотроицкое // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1988. — С. 70—74.
- ¹⁴ *Уманский А. П.* Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. — Барнаул, 1987. — С. 81—84.
- ¹⁵ *Уманский А. П.* Новые памятники раннего железного века в Верхнем Приобье // Тезисы докладов пленума Института истории: Железный век. — М., 1966. — С. 30—31; *Памятники истории и культуры северо-западного Алтая.* — Барнаул, 1990. — С. 34, 35, 48—51, 76—79, 115; *Могильников В. А., Телегин А. Н.* Аварийные исследования курганного могильника Зайцево II // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1991. — С. 115—117; *Могильников В. А., Неверов С. В., Телегин А. Н., Уманский А. П.* Андроново I — могильник раннего железа в Восточной Кулунде // Древние погребения Обь-Иртышского междуречья. — Омск, 1991. — С. 124—132.
- ¹⁶ *Могильников В. А., Куйбышев А. В.* Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. — 1982. — № 2. — С. 113—136.
- ¹⁷ *Кирюшин Ю. Ф.* Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 228—229; *Он же.* Работы Алтайской экспедиции // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 208—209; *Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л., Кирюшин Ю. Ф.* Разведка в лесостепной зоне Алтая // АО 1982. — М., 1984. — С. 204—206.
- ¹⁸ *Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л.* Новые материалы по археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. — Барнаул, 1980. — С. 73—92; *Бородаев В. Б., Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л.* Археологические памятники на территории Барнаула. — Барнаул, 1983. — С. 8—29.
- ¹⁹ *ОАК за 1984 г.* — СПб, 1896. — С. 139—174; *ОАК за 1895 г.* — СПб, 1897. — С. 138—140; *ОАК за 1986 г.* — СПб, 1898. — С. 100—103.
- ²⁰ *Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск, 1987. — С. 3, 4, 51.
- ²¹ *Грязнов М. П.* Археологические исследования территории одного древнего поселка // КСИИМК. — М., 1951. — Вып. 11. — С. 105—113; *Он же.* История древних племен... — С. 44—88.
- ²² Там же. — Табл. XX, 8, 9; XXI.
- ²³ Там же. — С. 90.
- ²⁴ *Завитухина М. П.* Ордынские курганы... — С. 31, рис. 4.
- ²⁵ *Уманский А. П.* Новые памятники... — С. 81—84.
- ²⁶ *История Сибири.* — Л., 1968. — Т. 1. — С. 289—291.

- 27 *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.— Томск, 1970.— С. 189—190.
- 28 *Плетнева Л. М.* Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа // ИИС.— Томск, 1973.— Вып. 7.— С. 64—68; *Она же.* Томское Приобье в VII—III вв. до н. э.— Томск, 1977.— С. 64—68.
- 29 *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье...— С. 13—24.
- 30 *Троицкая Т. Н.* Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. д-ра ист. наук.— Новосибирск, 1981.— 24 с.
- 31 *Дремов В. А.* Материалы к антропологии большереченской культуры // ИЛАИ.— Кемерово, 1970.— Вып. 1.— С. 99—108; *Он же.* К вопросу о расовом составе населения Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа // Археология и краеведение Алтая.— Барнаул, 1972.— С. 33—37.
- 32 *Лапшин Б. И., Молодин В. И., Петрин В. Т.* Поселение Лебядь в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая.— Барнаул, 1982.— С. 20—21, рис. 1; *Окладников А. П., Погосева А. П., Молодин В. И.* Работы в Горном Алтае // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 261—262.
- 33 *Киреев С. Н.* Новые памятники эпохи раннего железа в предгорьях Алтая // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 16—18.
- 34 *Савинов Д. Г.* Бийская группа памятников // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова — Омск, 1987.— Ч. 2.— С. 119—122.
- 35 *Суразakov А. С.* Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI — начале II в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1985.— С. 20.
- 36 *Троицкая Т. Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье.— Тюмень, 1985.— С. 54—69.
- 37 *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // АЮС.— Кемерово, 1983.— С. 9.
- 38 *Уманский А. П.* О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет.— Барнаул, 1980.— С. 50—53.
- 39 *Могильников В. А.* О культуре западносибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство.— Кемерово, 1981.— С. 41, 45—47.
- 40 *Могильников В. А., Уманский А. П.* Курган раннего железного века на Чулыме // КСИА.— М., 1981.— Вып. 167.— С. 85.
- 41 *Троицкая Т. Н.* Культурная принадлежность племен скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 104—116.
- 42 *Алехин Ю. П.* Лесостепной Алтай в Скифское время (V—I вв. до н. э.) // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 36—38.
- 43 *Кирюшин Ю. Ф.* Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 75—79.
- 44 *Могильников В. А. К.* Этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 30—31.
- 45 *Уманский А. П.* К периодизации большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 35.
- 46 *Уманский А. П.* Курганы у с. Новотроицкое по раскопкам 1986 г.— С. 62.
- 47 *Бобров В. В., Добжанский В. Н.* О восточной границе большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 52—54; *Мартынова Г. С., Новгородченкова И. В.* Раскопки поселения Лачиново-II // Там же.— С. 64—65.
- 48 *Иванов Г. Е.* Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии.— Новосибирск, 1987.— С. 6—27.
- 49 *Кирюшин Ю. Ф.* Изобразительное искусство племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Скифо-сибирский мир.— Кемерово, 1984.— С. 28—31.
- 50 *Новиков А. В.* Рецептура формовочных масс керамики эпохи раннего железа лесостепного Обь-Иртышья // Проблемы археологии степной Евразии.— Кемерово, 1987.— Ч. 2.— С. 46—48; *Бородовский А. П.* Об имитации швов кожаной посуды на керамике (по материалам курганной группы Быстровка-1; // СА.— 1984.— № 2.— С. 231—233.
- 51 *Сидоров Е. А.* Поселения большереченской культуры в Новосибирском Приобье // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 68—70; *Троицкая Т. Н., Сидоров Е. А.* Жилища Большереченской культуры в Новосибирском Приобье // Жилища народов Западной Сибири.— Томск, 1991.— С. 97—105.
- 52 *Сидоров Е. А.* Присваиваемые виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Социально-экономическая история древнего населения Западной Сибири.— Новосибирск, 1989.— С. 16—40; *Он же.* Обработка и использование кожи (по материалам IX—I вв. до н. э. лесостепного Приобья) // Там же.— С. 41—45; *Он же.* Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // СА.— 1989.— № 3.— С. 141—154; *Он же.* Источники по истории металлургии лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Источники и историография: Археология и история.— Омск, 1988.— С. 19—26.
- 53 *Полосмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа.

ГЛАВА 1

- 1 *Троицкая Т. Н.* О северной границе распространения большереченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири.— Томск, 1978.— С. 46—55.
- 2 *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье.— Новосибирск, 1979.— С. 46.
- 3 *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье в VII—VI вв. до н. э. // ВАС: Науч. тр. НГПИ.— Новосибирск, 1972.— Вып. 38.— С. 33—35.
- 4 *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА.— 1956.— № 48.— Табл. XI, 4.
- 5 *Иссен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. на юге Европейской части // СА.— 1952.— Вып. 18.— С. 49—110.
- 6 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА.— 1961.— Вып. 101.— Рис. 43, 1.
- 7 *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история тагарской культуры.— М., 1967.— С. 73—266, табл. 16, 30.
- 8 *Грязнов М. П.* История древних племен...— С. 92—93, табл. XXV.
- 9 Там же.— Табл. XVI, 5.

- 10 Древняя культура Центральной Азии. — Алма-Ата, 1966. — Рис. 66, 17, 18; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — С. 142, рис. 40, 11; Троицкая Т. Н. Поселение раннего железного века Ближние Елбаны // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. — Барнаул, 1942. — С. 35—38, 176—180.
- 11 Грязнов М. П. История древних племен... — С. 88, табл. XXII, 8, 9; XXIII—XXIV. Абдулганеев М. Т. О культурной принадлежности бронзолитейной мастерской в пункте БЕ-12 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. — Барнаул, 1992. — С. 121—124.
- 12 Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979. — С. 43, 159, табл. 5, 2.
- 13 Там же. — С. 155, табл. 1, 3.
- 14 Грязнов М. П. История древних племен... — С. 86, табл. XXII, 6, 7.
- 15 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — С. 56—57; табл. V, 85.
- 16 Кулемзин А. М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сибирскую эпоху. — Кемерово, 1976. — С. 51, рис. 1, 19.
- 17 Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — С. 39, 155, табл. I, 5.
- 18 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — Табл. V, 29—45.
- 19 Троицкая Т. Н. Керамика из большереченских поселений (VI—I вв. до н. э.) // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. — Омск, 1987. — Ч. 2. — С. 105—107.
- 20 Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. — М., 1960. — С. 172.
- 21 Сидоров Е. А. Поселения большереченской культуры в Новосибирском Приобье // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул, 1986. — С. 68—70.
- 22 Троицкая Т. Н. Кулайская культура... — С. 28, 52, табл. 25.
- 23 Уманский А. П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. — Барнаул, 1987. — С. 81—84, рис. 1, 1—4.
- 24 Научный архив ИА РАН, Р-1, д. 920, 921.
- 25 Молодин В. И., Полосьямак Н. В. Исследование памятника Крохалева-4 // Археологический поиск: Северная Азия. — Новосибирск, 1980. — С. 64—66, рис. 14, 15.
- 26 Бородаев В. Б., Кириюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Археологические памятники на территории Барнаула. — Барнаул, 1983. — С. 22—27; Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л. Новые материалы по археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. — Барнаул, 1980. — С. 77—92.
- 27 Сидоров Е. А. Поселения большереченской культуры... — С. 68—70.
- 28 Завитухина М. П. Ордынские курганы V—IV вв. до н. э. // АСГЭ. — Л., 1968. — Вып. 10. — С. 28—34; Троицкая Т. Н. Курганный могильник Ордынское-1 // ВАС: Науч. тр. НГПИ. — Новосибирск, 1973. — Вып. 85. — С. 84—121; Зах В. А. Новые исследования памятников у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 57—67.
- 29 Древние культуры Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1966. — Табл. 66, 7, 8, 11; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — С. 142, рис. 70.
- 30 Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история... — Табл. 12, 28.
- 31 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — Рис. 15, В, 5; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история... — Табл. 62, 34.
- 32 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — С. 61; Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 6—27.
- 33 Кулемзин А. М. Тагарские бронзовые наконечники стрел. — С. 51, рис. 1, 31; Он же. Тагарские костяные наконечники стрел // ИЛАИ. — 1976. — С. 33, рис. 7, 9.
- 34 Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л. Новые материалы... — С. 79, 81; Кириюшин Ю. Ф., Бородаев В. Б. Работы в лесостепной зоне Алтая // АО 1982 г. — М., 1984. — С. 204—206.
- 35 Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая... — С. 6—27, рис. 3, 3, 6; 4, 1, 21; 5, 5.
- 36 Кириюшин Ю. Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 228—229; Он же. Изобразительное искусство племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Скифо-сибирский мир. — Кемерово, 1984. — С. 28—31, рис. 1.
- 37 Троицкая Т. Н. Новосибирское Приобье... — С. 13—24; Она же. Курган большереченской культуры // СА. — 1970. — № 3. — С. 213—216.
- 38 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — Табл. V, тип. XIV, В, Г.
- 39 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — Табл. XXVIII; Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников // АСГЭ. — Л., 1961. — Вып. 3. — С. 98, рис. 3, 2, 4.
- 40 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — С. 103, рис. 3, 4; с. 104, рис. 4, 3, 4.
- 41 Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — Табл. 3, 34, 43; 34, 83—86, 114; 35, 65, 125—127.
- 42 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л., 1960. — Табл. XLIX, 5, 6; Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников. — С. 101, 103, 104, рис. 6, 10.
- 43 Уманский А. П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. — 1970. — № 2. — С. 174, 178, рис. 6.
- 44 Троицкая Т. Н. Новосибирское Приобье... — С. 13—34.
- 45 Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. — М., 1975. — С. 113, рис. 39.
- 46 Троицкая Т. Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 31—50; Она же. Курган 1 Быстровского могильника // СА. — 1984. — № 4. — С. 245—249.
- 47 Смирнов К. Ф. Сарматы. — М., 1964. — Рис. 45, г.
- 48 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — Табл. V, тип. XIX, Д, 5.
- 49 Кулемзин А. М. Тагарские костяные наконечники стрел. — С. 32—33, рис. 21, 22, 24; с. 37—38.
- 50 Деоник В. Б. Классификация бус Северного Кавказа // СА. — 1959. — № 3. — С. 55.
- 51 Мозильников В. А., Уманский А. П., Шемякина А. С. Работы в Кулундинской степи // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 262—263; Мозильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. — 1982. — № 2. — С. 113—134.
- 52 Грязнов М. П. История древних племен... — С. 93—95, табл. XX, XXVI.
- 53 Уманский А. П., Брусник Н. Д. Соколовские курганы // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 187—202.

- 54 Шамшиц А. Б., Навротский П. И. Курганный могильник Рагозиха // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 101—104; Уманский А. П. Рагозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла.— Барнаул, 1992.— С. 50—59. Он же. К вопросу о культурном взаимовлиянии горных и лесостепных племен Алтая // Проблемы истории Горного Алтая.— Горно-Алтайск, 1987.— С. 52, рис. 5, 6.
- 55 Троицкая Т. Н. Большеереченские курганы у с. Милованово // АО 1982 г.— М., 1984.— С. 233—234.
- 56 Комплекс археологических памятников у г. Тепсей.— Новосибирск, 1979.— С. 76, рис. 50, 6.
- 57 Уманский А. П. Раскопки курганов раннего железного века у с. Новотроицкое // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем.— Новосибирск, 1981.— Вып. 3.— С. 62—64; Он же. Новые материалы из Новотроицкого могильника // Проблемы древних культур Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 128—134; Он же. Раскопки курганов близ с. Новотроицкое // Памятники древних культур Сибири.— Новосибирск, 1986.— С. 70—74; Он же. Курганы у с. Новотроицкое по раскопкам 1986 г. // Проблемы археологии степей Евразии.— Кемерово, 1987.— Ч. 2.— С. 59—62; Он же. Раскопки курганов близ с. Новотроицкое // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1988.— С. 70—74.
- 58 Комплекс археологических памятников...— С. 76, рис. 50; Мендельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА.— 1960.— Вып. 136.— Табл. XLIII.
- 59 Комарова М. Н. Отчет об археологических раскопках в зоне затопления Каменской ГЭС.— Архив ИА РАН, Р-1, № 922, 923.
- 60 Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области.— Новосибирск, 1980.— С. 103—104.
- 61 Там же.— С. 104.
- 62 Комарова М. Н. Отчет об археологических раскопках...
- 63 ОАК за 1986 г.— СПб, 1898.— С. 118, рис. 483; Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА.— 1953.— Вып. 35.— С. 173, 174.
- 64 Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л. Новые материалы...— С. 77—79, рис. 3, 13—15.
- 65 Кирюшин Ю. Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1979 г.— М., 1980.— С. 208—209.
- 66 Уманский А. П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет.— Барнаул, 1980.— С. 50; Он же. Новые памятники раннего железного века в Верхнем Приобье // Тезисы докладов пленума Института истории: Железный век.— М., 1966.— С. 30—31; Грязнов М. П., Троицкая Т. Н., Уманский А. П. и др. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // ВАС: Науч. тр. НИПИ.— Новосибирск, 1978.— С. 20. Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха I по раскопкам 1979 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла.— Барнаул, 1992.— С. 69—93; Памятники истории и культуры северо-западного Алтая.— Барнаул, 1990.— С. 34, 35, 44, 45, 48—51, 76—79, 115.
- 67 Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая...— С. 6—27.
- 68 Корякова Л. Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры в Западной Сибири // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири.— Свердловск, 1977.— С. 142.
- 69 Там же.— С. 140.
- 70 Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии.— М., 1980.— С. 69.
- 71 Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины.— Фрунзе, 1963.— С. 19, рис. 1, 20.
- 72 Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа.— Новосибирск, 1987.— С. 53, рис. 48.
- 73 Там же.— С. 10—11, 16, рис. 4, 5; 10; Савинов Д. Т., Полосьмак Н. В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железного века в центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 80, рис. 3; с. 85, рис. 7; Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // МИА.— 1872.— Вып. 53.— С. 88, рис. 11.
- 74 Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке.— С. 107, рис. 36; с. 117, рис. 40.
- 75 Пшеничный А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала.— М., 1983.— С. 28, рис. 2.
- 76 Там же.— С. 46, рис. 13.
- 77 Уманский А. П., Брусник Н. Д. Соколовские курганы.— с. 201.
- 78 Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура.— С. 77.

ГЛАВА 2

- 1 Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа.— Новосибирск, 1987.— С. 77, 80, рис. 70, 4; 74, 2; 75, 5.
- 2 Завитухина М. П. Курганы у с. Быстряное в Алтайском крае // АСГЭ.— 1966.— Вып. 8.— С. 68, рис. 7, 13, 14; Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка.— Новосибирск, 1987.— Табл. XXIV, 20; Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии.— М., 1980.— С. 199, рис. 61, 4.
- 3 Зорueva А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА.— 1952.— Вып. 30.— С. 42, табл. VI, 6.
- 4 Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА.— 1982.— № 2.— С. 133.
- 5 Уманский А. П. Новые материалы из Новотроицкого могильника // Проблемы древних культур Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 62.
- 6 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— М., 1951.— С. 297, табл. XXXII, 17.
- 7 Уманский А. П. Курганы у с. Новотроицкое по раскопкам 1986 г. // Проблемы археологии степей Евразии.— Кемерово, 1987.— Ч. 2.— С. 61.
- 8 Полторацкая В. П. Могильник Березовка I // АСГЭ.— 1961.— Вып. 3.— С. 85, рис. 6, 7—9.
- 9 Грач А. Д. Древние кочевники...— С. 172, рис. 34, 6.
- 10 Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников // АСГЭ.— Л., 1961.— Вып. 3.— С. 100, рис. 4, 7; Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время.— М.; Л., 1960.— С. 19, рис. 8, 6; Грач А. Д. Древние кочевники...— Вкладка III, табл. I, 118, 169.
- 11 Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II»...— С. 117, рис. 4, 1.

- 12 *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье.— Новосибирск, 1979.— Табл. XI, 14.
- 13 *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников.— С. 100, рис. 14, 13—16.
- 14 *Грач А. Д.* Древние кочевники...— Вкладка III, табл. I, 168.
- 15 *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда.— Л., 1980.— С. 128, рис. 86, 5—7.
- 16 *Мартинов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— Новосибирск, 1979.— Табл. 35, 126, 127.
- 17 *Бородовский А. П.* Интерпретация обойм-накосников и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке // Скифо-сибирский мир.— Новосибирск, 1987.— С. 117—120.
- 18 *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Река // МИА.— 1956.— № 48.— С. 154, табл. 3, 32—34.
- 19 *Мартинов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— С. 154, табл. 3, 32—34.
- 20 Там же.— С. 39, 155, табл. 1, 5.
- 21 Там же.— С. 155, табл. 1; *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху // МИА.— 1960.— Вып. 90.— С. 149.
- 22 *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура...— Табл. XIV.
- 23 *Сидоров Е. А.* Об использовании костяных орудий в эпоху бронзы // Материалы XI науч. студ. конф.: История.— Новосибирск, 1973.— С. 33—34.
- 24 Там же.
- 25 *Грязнов М. П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК.— М., 1956.— Вып. 64.— С. 40.
- 26 *Лещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер.— М.; Л., 1959.— Т. XLII.— С. 215, рис. 55.
- 27 *Могильников В. А., Куйбышев А. В.* Курганы «Камень П»...— С. 115, рис. 2, 1.
- 28 *Боковенко Н. А.* Бронзовые котлы ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа.— Новосибирск, 1984.— С. 46—49.
- 29 *Чернецов В. Н.* Опыт типологии западно-сибирских кельтов // КСИИМК.— М., 1947.— Вып. 17.— С. 79—91.
- 30 Там же.— С. 72, рис. 25, 8; *Матюценко В. И., Коркина И. А.* Исследование Берегаевского могильника на среднем Иртыше в 1975 г. // Этнокультурные явления в Западной Сибири.— Томск, 1979.— С. 45, рис. 13, 3.
- 31 *Радлов В. В.* Сибирские древности // МАР.— СПб., 1891.— Вып. 5.— Табл. XI, XII.
- 32 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ.— М., 1964.— Вып. Д1-4.— Табл. XX, 12—14.
- 33 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА.— 1961.— Вып. 101.— С. 103, рис. 3, 4; С. 104; рис. 4, 3; 4.
- 34 *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— М., 1964.— Рис. 21, 1; 40, 16, 2.
- 35 Там же.— С. 219; *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая.— М.; Л., 1960.— С. 253, рис. 129.
- 36 *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время.— М.; Л., 1953.— Табл. LX, 4.
- 37 *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая.— Табл. XLIX, 5, 6; *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников.— С. 101, 103, 104, рис. 6, 1—6, 10.
- 38 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— С. 153, рис. 51, 1.
- 39 *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая...— Табл. LXI, 1, 2.
- 40 *Завитухина М. П.* Курганы у с. Быстрянского...— С. 68, рис. 7, 8; с. 74.
- 41 *Мартинов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— С. 54, 165, табл. 15.
- 42 *Мошкова М. Г., Рындин Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья // Очерки технологии древнейших производств.— М., 1975.— С. 121; *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— С. 153.
- 43 *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— Рис. 45, 7г.
- 44 *Полосьмак Н. В.* Бараба...— С. 63, рис. 58, 1.
- 45 *Уманский А. П.* Предметы культа из курганов раннего железного века в лесостепном Алтае // Исторический опыт освоения Сибири.— Новосибирск, 1986.— С. 31—32.
- 46 *Уманский А. П.* Безмолвные стражи алтайских степей // Алтай.— 1976.— № 2.— С. 114.
- 47 *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— С. 308, рис. 15, 1, 4; *Он же.* Сарматы на Илеке.— М., 1975.— С. 111, рис. 38, 2.
- 48 *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры // Древние культуры Центрального Казахстана.— Алма-Ата, 1966.— С. 354, рис. 47.
- 49 *Полосьмак Н. В.* Бараба...— С. 86, рис. 78.
- 50 Там же.— С. 78, рис. 71, 2.
- 51 *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ.— 1963.— Вып. Д1-10.— Табл. 25, 7.
- 52 *Грязнов М. П.* История древних племен...— С. 97.
- 53 Там же.— С. 85—88.
- 54 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— С. 95, рис. 55, 3, 5.
- 55 *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура...— С. 52, табл. 25.
- 56 Там же.— С. 28, 52, табл. 25.
- 57 Там же.— С. 51, табл. 24.
- 58 *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.— 1973.— № 1.— С. 114—146.
- 59 *Грязнов М. П.* История древних племен...— Табл. X, XIII; *Троицкая Т. Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье.— Тюмень, 1985.— С. 57, рис. 3.
- 60 *Завитухина М. П.* Курган у с. Быстрянского...— С. 65, рис. 4; *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая...— Табл. XXII; *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка.— Табл. XII, XVI и др.
- 61 *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— М., 1973.— Табл. XXII; *Кадырбаев М. К.* Тасмолинская культура.— С. 393, рис. 61.
- 62 *Акишев К. А., Байпаков К. М.* Вопросы археологии Казахстана.— Алма-Ата, 1979.— С. 84.
- 63 *Уманский А. П.* Новые памятники раннего железного века в Верхнем Приобье // Тезисы докладов пленума Института истории: Железный век.— М., 1966.— С. 30—31.

- ⁶⁴ Могильников В. А., Уманский А. П., Шемякина А. С. Работы в Кулундинской степи // АО 1975.— М., 1976.— С. 262—263.
- ⁶⁵ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха.— М., 1960.— Табл. 14, 47.
- ⁶⁶ Дьяконова В. Н. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокель // Тр. ТКАЭЭ.— 1970.— Вып. 3.— Табл. VII.
- ⁶⁷ Троицкая Т. Н. Кулайская культура...— Рис. XXI, 16.
- ⁶⁸ Акишев К. А., Байпаков К. Н. Вопросы археологии Казахстана.— С. 84.
- ⁶⁹ Троицкая Т. Н. Кулайская культура...— Рис. XXXIII, 2, 9; XXXV, 11.
- ⁷⁰ Бородавский А. П. Об имитации швов кожаной посуды на керамике // СА.— 1984.— № 2.— С. 231, 233.
- ⁷¹ Полосымак Н. В. Бараба...— С. 36, рис. 30.
- ⁷² Троицкая Т. Н. Кулайская культура...— Рис. XVII, 19, 26; XXII, 6.
- ⁷³ Там же.— Рис. XXXIII, 1.

ГЛАВА 3

- ¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф.— Соч.— Т. 23.— С. 189—190.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч.— Т. 3.— С. 65.
- ³ Энгельс Ф. Письмо к Боргиусу 25 января 1894 г. // Соч.— Т. 3.— С. 174.
- ⁴ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности.— М., 1984.
- ⁵ Орлова Е. Н. Там, где протекает Обь.— Новосибирск, 1954; Крылов Г. В., Салатова Н. Г. Леса Западной Сибири.— М., 1950.— С. 58—63.
- ⁶ Зубаков В. А. Палеогеография Западно-Сибирской низменности в плейстоцене и позднем плиоцене.— Л., 1972.— С. 182; Крылов Г. В. Леса Западной Сибири.— М., 1961.— С. 69; Кузнецов К. А. Почвы Томской области // Вопросы географии Сибири.— Томск, 1951.— Т. 2.— С. 84.
- ⁷ Малолетко А. М., Орлова Л. А. Климат Алтая в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая.— Барнаул, 1986.— С. 50—52.
- ⁸ Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой жизни // НАА.— 1966.— № 4.— С. 85—94; Он же. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР.— 1967.— № 1.— С. 3—66 и др.
- ⁹ Сидоров Е. А. Присваивающиеся виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Социально-экономическая история древнего населения Западной Сибири.— Новосибирск, 1989.— С. 16—40; Он же. Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // СА.— 1989.— № 3.— С. 141—154; Он же. Источники по истории металлургии лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Источники и историография: Археология и история.— Омск, 1988.— С. 19—26.
- ¹⁰ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— М., 1971.— С. 142.
- ¹¹ Полосымак Н. В., Гребнев И. Е. Особенности естественно-географической среды и хозяйственная деятельность населения Барабы в раннем железном веке // Палеоэкономика Сибири.— Новосибирск, 1986.— С. 76.
- ¹² Полосымак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа.— Новосибирск, 1987.— С. 112.
- ¹³ Троицкая Т. Н. Развитие скотоводства у племен Новосибирского Приобья // Из истории Сибири.— Томск, 1976.— Вып. 21.— С. 155—160.
- ¹⁴ Brown J. A. The identification of a prehistoric Bone LOOL from the midwest: the deer-jaw sickle // American Antiquity.— 1964.— Vol. 29, N 3.— P. 381—385.
- ¹⁵ Шостов Н. А. Очерки русской метрологии.— М., 1975.— С. 257.
- ¹⁶ Сидоров Е. А. Об использовании костяных орудий в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Материалы XI науч. студ. конф. НГУ: История.— Новосибирск, 1973. С. 3—4; Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура.— Новосибирск, 1979.— С. 98.
- ¹⁷ Сидоров Е. А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири.— Новосибирск, 1986.— С. 54—67.
- ¹⁸ Сидоров Е. А. Присваивающиеся виды хозяйственной деятельности...— С. 16—40; Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье.— Новосибирск, 1979.— Табл. XXVII, 1—5.
- ¹⁹ Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби // МИА.— 1956.— Вып. 48.— Табл. XXIII, XXIV.
- ²⁰ Троицкая Т. Н., Сидоров Е. А. Жилища большебереченской культуры // Жилища народов Западной Сибири.— Томск, 1991.— С. 97—105.
- ²¹ Сидоров Е. А. Источники по истории металлургии...— С. 19—26.
- ²² Троицкая Т. Н., Галибин В. А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлурги Сибири.— Барнаул, 1983.— С. 35—48.
- ²³ Галибин В. А., Троицкая Т. Н. Исследования бронзовых предметов I тыс. н. э. из Новосибирского Приобья // Использование методов естественных и технических наук при изучении древней истории Западной Сибири.— Барнаул, 1983.— С. 31—34.
- ²⁴ Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху // МИА.— 1960.— Вып. 90.— С. 204; Прил. V, табл. 4, 1, 3.
- ²⁵ Троицкая Т. Н., Галибин В. А. Результаты...— С. 35—46.
- ²⁶ Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху.— Прил. V, табл. 1, 1—3, 12, 4; 5, 12; 6, 1; 7, 1, 2.
- ²⁷ Сидоров Е. А. Источники по истории металлургии...— С. 19—26.
- ²⁸ Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Древние культуры Центрального Казахстана.— Алма-Ата, 1966.— С. 388.
- ²⁹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время.— М.; Л., 1953.— С. 250, 238—240, рис. 149; Он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время.— М.; Л., 1961.— С. 121, рис. 71.
- ³⁰ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии.— Новосибирск, 1979.— С. 19—20.
- ³¹ Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура.— С. 41.
- ³² Новиков А. В. Рецептура формовочных масс керамики эпохи раннего железа лесостепного Обь-Иртышья // Проблемы археологии степной Евразии.— Кемерово, 1987.— Ч. 2.— С. 46—48.
- ³³ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.— М., 1978.— С. 137, рис. 47, 6.

- ³⁴ Treganza A. E. An Archaeological Reconnaissance of Northe-Eastern BAJA California and South-Eastern California // American Antiquity. — New York, 1965. — Vol. 3. — P. 152—159.
- ³⁵ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // Тр. Ин-та этнографии: Нов. сер. — М.; Л., 1959. — Т. 42. — С. 215, рис. 55.
- ³⁶ Там же. — С. 147, рис. 40; с. 193, рис. 52.
- ³⁷ Понырко В. Прядение в I тыс. до н. э. по материалам лесостепного Приобья // Проблема археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXV археол. студ. конф. — Иркутск, 1985. — С. 34—35.
- ³⁸ Карамышева Б. Х. Ткачество и прядение у населения южного района Таджикистана и Узбекистана (XIX — начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. — М., 1979. — С. 257, 260; Литвинский О. А. Орудия и утварь могильников Западной Ферганы. — М., 1978. — С. 53.
- ³⁹ Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. — Л., 1968. — С. 161, 162.
- ⁴⁰ Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. — М., 1966. — Вып. 64. — С. 46.
- ⁴¹ Сидоров Е. А. Об использовании костяных орудий... — С. 33, 34.
- ⁴² Сидоров Е. А. Обработка и использование кожи (по материалам IX—I вв. до н. э. лесостепного Приобья) // Социально-экономическая история древнего населения Западной Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 41—45.
- ⁴³ Семенов С. А. Развитие техники... — С. 151, 162.
- ⁴⁴ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. — М., 1988. — С. 56, 57, 77.
- ⁴⁵ Бородовский А. П. Об имитации кожаной посуды на керамике // СА. — 1984. — № 2. — С. 231—233, рис. 1, Е.
- ⁴⁶ Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. — М.: Наука, 1989. — С. 71; Тоцакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л., 1976. — С. 186.
- ⁴⁷ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая. — С. 206—207.
- ⁴⁸ Тоцакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда... — С. 186.
- ⁴⁹ Яблонский Л. Т. К этногенезу Северной Туркмении (могильник раннескифского времени Сакар-Чага) // СЭ. — 1986. — № 5. — С. 52, рис. 8.
- ⁵⁰ Суразаков С. А. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 135, рис. 6; Агеева Е. Н. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана // Тр. ИИАЭ. — Алма-Ата, 1961. — Т. 12. — С. 22, рис. 1; Бернштам А. Н. Саки Памиро-Алая // МИА. — 1952. — Вып. 26. — С. 77, рис. 82.
- ⁵¹ Бородовский А. П. Об имитации кожаной посуды... — С. 231—233.
- ⁵² Тоцакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда... — С. 188.
- ⁵³ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая... — С. 243.
- ⁵⁴ Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956. — № 48. — С. 79.
- ⁵⁵ Сидоров Е. А., Бородовский А. П. Обработка кости в лесостепном Приобье // Проблемы технологии древнейшей производств. — Новосибирск, 1990. — С. 159—172.
- ⁵⁶ Сидоров Е. А. К вопросу о производстве костяных наконечников стрел в эпоху раннего железа // ВАС: Науч. тр. НГПИ. — Новосибирск, 1973. — Вып. 85. — С. 120—121.
- ⁵⁷ Грязнов М. П. История древних племен... — С. 78.
- ⁵⁸ Шатилов М. Б. Ваховские остстки // Тр. ТОКМ. — Томск, 1931. — Т. 4. — С. 149.
- ⁵⁹ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 55, 70; Бородовский А. П. «Сопроводительная пища» в погребальных комплексах западно-сибирской лесостепи и вопросы разделки и утилизации костей домашних животных (эпоха палеометалла) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. — Новосибирск, 1988. — С. 32, 33.
- ⁶⁰ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 55, 70.
- ⁶¹ Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. — М., 1966. — С. 735, 738, табл. А.
- ⁶² Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников // АСГЭ. — Л., 1961. — Вып. 3. — С. 108.
- ⁶³ Материалы к фольклору хантов. — Томск, 1971. — С. 186; Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. — М., 1977. — С. 192.
- ⁶⁴ Семенов С. А. Обработка дерева на древнем Алтае (по материалам пазарьских курганов) // СА. — 1956. — Вып. 26. — С. 217—224.
- ⁶⁵ Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. — 1982. — № 2. — С. 115, рис. 2, 1.
- ⁶⁶ Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — С. 190, рис. 36, 53.
- ⁶⁷ Сидоров Е. А., Троицкая Т. Н. Обработка и использование камня в эпоху бронзы по материалам лесостепного Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул, 1988. — С. 117—199.
- ⁶⁸ Уманский А. П. Предметы культа из курганов раннего железного века в лесостепном Алтае // Исторический опыт освоения Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 31—32.

ГЛАВА 4

- ¹ Троицкая Т. Н. О северной границе распространения большереченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 46—55.
- ² Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979. — С. 45.
- ³ Полосымак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск, 1987. — С. 101.
- ⁴ Мартынова Г. С., Ногаородченко И. В. Раскопки поселения Лачиновое-3 // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул, 1986. — С. 64—65.
- ⁵ Бобров В. В., Добжанский В. Н. О восточной границе большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул, 1986. — С. 52—54.
- ⁶ Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья конца VI — начала II в. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. — Новосибирск, 1985.
- ⁷ Арсланова Ф. Х. Могильник ранних кочевников на правом берегу Иртыша // Изв. АН Каз. ССР. Сер. ист., археол., этногр. — Алма-Ата, 1962. — Вып. 2 (19). — С. 77—84.
- ⁸ Могильников В. А. Работы в Кулундинской степи // АО 1984 г. — М., 1986. — С. 194; Он же. Исследования в Кулундинской степи // АО 1985 г. — М., 1987. — С. 267—268.

- ⁹ *Троицкая Т. Н.* Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1981. — С. 19.
- ¹⁰ *Могильников В. А.* Работа в Кулундинской степи. — С. 194.
- ¹¹ *Плетнева Л. М.* Томское Приобье в конце VIII—III в. до н. э. — Томск, 1977. — С. 35—68.
- ¹² *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура... — С. 18, 19.
- ¹³ *Могильников В. А.* К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул, 1986. — С. 32.
- ¹⁴ *Мартьянов А. И.* Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979. — С. 153.
- ¹⁵ *Суразаков А. С.* Горный Алтай... — С. 16—17.
- ¹⁶ *Завитухина М. П.* Курганы у с. Быстринского в Алтайском крае // АСГЭ. — 1966. — Вып. 8. — С. 65, рис. 4.
- ¹⁷ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953. — Табл. XXIII; *Он же.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л., 1960. — С. 64—65, рис. 40, 41; табл. XVII, I, 2.
- ¹⁸ *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. — Новосибирск, 1987. — С. 43, рис. 15.
- ¹⁹ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовой Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — М., 1973. — С. 154, табл. XXII; *Бернштам А. П.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — М., 1952, рис. 14, 7; 27; 28; *Сорокин С. С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бактармы // АСГЭ. — Л., 1966. — Вып. 8. — С. 39—52; *Агапов П., Кадырбаев М.* Сокровища древнего Казахстана. — Алма-Ата, 1979. — С. 113, рис. 6, с. 114, рис. 3; *Акишев К. А.* Курган Иссык. — М., 1978. — Табл. 38, 39.
- ²⁰ *Вайнштейн С. И.* Памятники кызылганской культуры // Тр. ТКАЭЭ. — М.; 1956. — С. 175, табл. II, 10; *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. — М., 1979. — С. 57—78, рис. 44, 45 и др.
- ²¹ *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956. — № 48. — С. 83, 89.
- ²² *Могильников В. А.* О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. — Кемерово, 1981. — С. 45.
- ²³ *Могильников В. А.* К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул, 1986. — С. 31.
- ²⁴ *Уманский А. П.* О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века на Алтае // Барнаулу 250 лет. — Барнаул, 1980. — С. 53.
- ²⁵ *Уманский А. П.* К вопросу о периодизации большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул, 1986. — С. 35.
- ²⁶ *Троицкая Т. Н.* Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 45.
- ²⁷ *Полосмак Н. В.* Бараба... — С. 101.
- ²⁸ *Коларова М. Н.* Томский могильник // МИА. — 1952. — Вып. 24. — С. 7—50; *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956. — № 48. — С. 57—67.
- ²⁹ *Троицкая Т. Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень, 1985. — С. 57, рис. 3; *Грязнов М. П.* История древних племен... — Табл. X.
- ³⁰ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен... — С. 136, табл. IV.
- ³¹ *Алексеев В. П.* Палеоантропология лесных племен Северного Алтая // КСИЭ. — Вып. 21. — С. 63—69; *Он же.* Палеоантропология Алтая эпохи железа // Сов. антропология. — 1968. — Вып. 1. — С. 45—50.
- ³² *Дремов В. А.* Материалы к антропологии большереченской культуры // ИЛАИ. — Кемерово, 1970. — Вып. 2. — С. 99—108; *Он же.* К вопросу о расовом составе населения Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа // Археология и краеведение Алтая. — Барнаул, 1973. — С. 33—37.
- ³³ *Дремов В. А.* Антропология Верхнего Приобья в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1984. — С. 13—14.
- ³⁴ *Полосмак Н. В.* Бараба... — С. 101.
- ³⁵ *Новиков А. В.* Рецептура формовочных масс керамики раннего железа лесостепного Обь-Иртышья // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1988. — Ч. 2. — С. 46—48; *Софеев О. В., Колонцов С. В.* К вопросу о происхождении «позднеирменских» типов керамики городища Чича-1 // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1988. — Ч. 2. — С. 110—112; *Новиков А. В.* К характеристике керамического комплекса городища Завьялово-5 // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул, 1988. — С. 149—151.

ГЛАВА 5

- ¹ *Матющенко В. И.* Раскопки в Омской области // АО 1986 г. — М., 1988. — С. 245—246.
- ² *Грачева Г. Н.* Возрастные категории и погребальный обряд у нгансан // ИИС. — Томск, 1976. — Вып. 21. — С. 241—250.
- ³ *Хронологические коллекции кабинета антропологии Томского университета.* — Томск, 1979. — С. 28—29.
- ⁴ *Троицкая Т. Н.* Явление травестизма в скифо-сибирском мире // Скифо-сибирский мир. — Новосибирск, 1988. — С. 59—63.
- ⁵ *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. — Л., 1961. — Вып. 2. — С. 58—59.
- ⁶ *Максимов А. Н.* Превращение пола // Русский антропологический журнал. — Пб, 1912. — Кн. 29, № 1. — С. 1—19.
- ⁷ *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. — М., 1965. — С. 192; *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования у якутов в XIX—XX вв. — Новосибирск, 1975. — С. 101.
- ⁸ *Басилов В. Н.* Ташмат-Бола // Глазами этнографа. — М., 1982. — С. 157—179; *Рассудова Р. Я.* Скифские энзреи — среднеазиатские хожджа // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. — Кемерово, 1979. — С. 101—103.
- ⁹ *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956. — № 48. — С. 57—66, 72.
- ¹⁰ *Традиционное мировоззрение тюрок Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир.* — Новосибирск, 1988. — С. 66—67.

- ¹¹ *Грочева Г. Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра.— Л., 1983.— С. 88.
- ¹² *Грязнов М. П.* Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства.— Кемерово, 1979.— С. 4.
- ¹³ *Матвеев А. В.* Городища бронзового века на Уени // Вопросы археологии Приобья.— Тюмень, 1979.— С. 91—105.
- ¹⁴ *Троицкая Т. Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье.— Тюмень, 1985.— С. 37—69.
- ¹⁵ *Троицкая Т. Н.* О северной границе распространения большеберченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири.— Томск, 1978.— С. 46—55.
- ¹⁶ *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье.— Новосибирск, 1979.— Табл. XXVII.
- ¹⁷ *Матвеева Н. П.* Ранний железный век Среднего Приобья: Автореф. дис. канд. ист. наук.— Новосибирск, 1987.— С. 15, 16.
- ¹⁸ *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура...— С. 19—20.
- ¹⁹ Там же.— Табл. VIII, 22—24.
- ²⁰ *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы.— Л., 1974.— С. 71.
- ²¹ *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героической эпохи // АСГЭ.— Л., 1961.— Вып. 3.— С. 24, 25, рис. 10, а, б.
- ²² *Бородосский А. П.* Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н. э. // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР.— Новосибирск, 1988.— С. 74, рис. 3, 1.
- ²³ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время.— М.; Л., 1953.— Табл. XI, 1, 2.

ГЛАВА 6

- ¹ *Грязнов М. П.* Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции: Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства.— Кемерово, 1979.— С. 6.
- ² *Хазанов А. М., Шрамко А. И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 40.
- ³ *Смирнов К. Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 75.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье в VII—IV вв. до н. э. // ВАС: Науч. тр. НГПИ.— Новосибирск, 1972.— Вып. 38.— С. 16, рис. 4а. *Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской области.— Новосибирск, 1980.— С. 150, табл. XIII, 1.
- ⁶ *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— Новосибирск, 1979.— С. 49—52, 188, табл. 35.
- ⁷ *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху // МИА.— 1960.— Вып. 90.— С. 204; Прил. V, табл. 4, 1, 3.
- ⁸ *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии.— Л., 1978.— Вып. 2.— С. 225, рис. 1, 3; *Искусство скифов*.— Л., 1986.— Табл. 66.
- ⁹ *Артамонов М. И.* Скровища саков.— М., 1973.— С. 19, рис. 10, 11.
- ¹⁰ *Золото Бактрии*.— Л., 1985.— Табл. 212.
- ¹¹ *Ташабаева К. И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая: Дис... канд. ист. наук.— Л., 1987.— С. 277, рис. 70; *Полторацкая В. И.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве // АСГЭ.— Л.; М., 1966.— Вып. 8.— С. 85, рис. 5, 9.
- ¹² *Акишев К. А.* Курган Иссык.— М., 1978.— С. 33, табл. 21.
- ¹³ *Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа.— Новосибирск, 1987.— С. 78, рис. 71, 5.
- ¹⁴ *Плетнева Л. М.* Предметы звериного стиля в Среднем Приобье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 239, рис. 2, 7; *Греч А. Д.* Древние кочевники в центре Азии.— М., 1980.— С. 172, рис. 34, 6.
- ¹⁵ *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия и зарубежный Восток в древности.— М., 1983.— С. 85.
- ¹⁶ *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры.— М., 1985.— С. 154, 159.
- ¹⁷ Там же.— С. 190, 191, 199.
- ¹⁸ Там же.— С. 125, 151.
- ¹⁹ *Полторацкая В. Н.* Могильник Березовка-1 // АСГЭ.— Л., 1961.— Вып. 3.— С. 85.
- ²⁰ *Черемисин Д. В.* Изображение фантастического существа из могильника Юстыд-1 // Рериховские чтения.— Новосибирск, 1985.— С. 257—261.
- ²¹ *Греч А. Д.* Древние кочевники...— С. 192, рис. 53.
- ²² *Черемисин Д. В.* Изображение фантастического существа...— С. 257—261.
- ²³ *Фрайденберг О. М.* Миф и литература в древности.— М., 1978.— С. 47.
- ²⁴ *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— С. 167, табл. 19, 4.
- ²⁵ *Раевский Д. С.* Модель мира...— С. 181, 203.
- ²⁶ Там же.— С. 159, 200.
- ²⁷ *Косарев М. Ф.* О культуре дерева у кулайцев // Ранний железный век Западной Сибири.— Томск, 1978.— С. 93—95.
- ²⁸ *Мартынов А. И.* О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир.— Новосибирск, 1987.— С. 20—21.
- ²⁹ *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА.— 1976.— № 3.— С. 70.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки.— Л., 1946.— С. 152, 318.
- ³² *Раевский Д. С.* Модель мира...— С. 152, 153.
- ³³ *Массон В. М.* Древние кочевники Азии и мировой исторический процесс // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции: Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства.— Кемерово, 1979.— С. 2, 3.
- ³⁴ *Раевский Д. С.* Модель мира...— С. 154.
- ³⁵ *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА.— 1938.— Вып. 21.— С. 299—305; *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ.— 1964.— № 3.— С. 89—104; *Литвинский Б. А.* Зеркала в верованиях ферганцев // СА.— 1964.— № 3.— С. 5, 6 и др.

- ³⁶ *Троицкая Т. Н.* Курган I Быстровского могильника // СА.— 1984.— № 4.— С. 245—249.
- ³⁷ *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание...— С. 39.
- ³⁸ *Садиев Д. Ч.* История древней Ассирии.— М., 1979.— С. 59.
- ³⁹ *Туристские районы СССР: Алтайский край.*— М., 1987.— С. 113.
- ⁴⁰ *Баркова Л. Л.* Резные изображения животных на саркофаге из Второго Башадарского кургана // АСГЭ.— Л., 1984.— Вып. 25.— С. 87, 88.
- ⁴¹ *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности.— М., 1984.— С. 211—219; *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— С. 138; *Литвинский Б. А.* Кангойско-сарматский фарт.— Душанбе, 1968.— С. 47, 52, 55.
- ⁴² *Негматов Н. Н.* Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины и их историко-культурное значение // Скифо-сибирский мир.— Новосибирск, 1987.— С. 51, 53.
- ⁴³ *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— С. 122.
- ⁴⁴ *Артамонов М. И.* Композиция с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве // СА.— 1971.— № 1.— С. 82, 91.
- ⁴⁵ *Кулемзин А. М.* Арчеркассские курганы // Археология Южной Сибири.— Кемерово, 1979.— С. 46, рис. 46; *Переводчикова В. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье.— М., 1987.— С. 50, 51; *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 23, 24.— Рис. 4, 4.
- ⁴⁶ *Ильинская В. А.* Современное состояние...— С. 22, 24; *Переводчикова В. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении...— С. 50; *Чередниченко Н. Н., Фиалков Е. Е.* Погребенные жрицы из Бердянского кургана // СА.— 1988.— № 2.— С. 149, 166.
- ⁴⁷ *Переводчикова В. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении...— С. 50.
- ⁴⁸ *MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials since the Roman-Period.*— London; Sydney, 1985.— P. 114.
- ⁴⁹ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время.— М.; Л., 1953.— С. 195.
- ⁵⁰ *Октябрьская И. В.* К семантике изображений на таажуре — кожаной фляге алтайцев // Рериховские чтения, 1984.— Новосибирск, 1985.— С. 216, 218.
- ⁵¹ *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сибирских племен: Опыт реконструкции.— М., 1977.— С. 35.
- ⁵² *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века.— М., 1969.— С. 41.
- ⁵³ *Никифоров Н. Я.* Аноский сборник.— Омск, 1915.— С. 179.
- ⁵⁴ *Артамонов М. И.* Сокровища саков.— С. 197, рис. 254, 256.
- ⁵⁵ *Шер Я. А.* Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство.— Кемерово, 1980.— С. 338, 348.
- ⁵⁶ *Борев Ю.* Эстетика.— М., 1981.— С. 270.
- ⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч.— Т. 3.— С. 24.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЮС — Археология Южной Сибири
ВАС — Вопросы археологии Сибири
ИА — Институт археологии РАН
ИИС — Из истории Сибири
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛО ИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАА — Народы Азии и Африки
НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт
НГУ — Новосибирский государственный университет
ОАК — Отчеты Императорской Археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
Тр. ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз ССР
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Тр. ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея

НОВЫЙ ШАРАП-1

Курганный могильник на левом берегу Оби, к северу от р. п. Ордынское. В настоящее время полностью разрушен Новосибирским водохранилищем. Открыт в 1953 г. М. П. Грязновым (Ордынское — Старый Шарап VII). Раскопки сохранившихся остатков памятника проводились в 1959—1960 и 1965 гг. Т. Н. Троицкой, в 1962 г. В. А. Дремовым. Материал частично опубликован*. Курганы расположены цепочкой на краю террасы. Насыпи сложены из темной супеси, сливающейся с дерновым слоем.

Курганы 2, 3, 7. Полностью обрушились, в осыпи подобраны обломки бревен, кости человека и сосуды (табл. XXI, 15, 21).

Курган 4. Диаметр 17 м, высота 80 см. Частично обрушился (табл. XVII, 1).

Могила 1. Разграблена, юго-восточная стена обрушилась. Вытянута с северо-западо-запада на юго-востоко-восток (1,35×0,45 м), глубина 40 см**. Сохранилась нижняя половина скелета, ориентированного на юго-востоко-восток, и сосуд (табл. XXI, 14).

Могила 2. Сохранились лишь северо-западная стенка и сосуд (табл. XXI, 29).

Могила 3. Сохранилась северо-западная треть, разграблена.

Курган 5. Наполовину обрушился. Сохранилась северная треть могилы с остатками бревенчатого наката, костями ног погребенного, положенного головой на юго-восток, и одним сосудом (табл. XVII, 6; XXI, 1).

Курган 6. Диаметр 20 м, высота 1,10 м. Зачищена сохранившаяся часть насыпи с двумя могилами.

Могила 1 (2,40×1,40×1,50 м). Разграблена, вытянута с северо-запада на юго-восток (табл. XVII, 9). Сохранились остатки наката из трех бревен, череп мужчины 25—40 лет, бусы-глазчатки и бронзовая прямоугольная бляха (табл. XVIII, 3; XX, 14).

Могила 2. Полностью обрушилась. В осыпи подобраны железный чекан с втоком и бронзовые бляхи: две округлые и одна с изображением рогатого хищника (табл. XVII, 1, 2; XX, 1).

Курган 8. Диаметр 18 м, высота 1 м. В обрыве прослежен разрез неглубокого рва. Половина насыпи обрушилась.

Могила 1. Частично обрушилась, вытянута с северо-запада на юго-восток, контуры испорчены грабителями, глубина 1,20 м. Сохранились остатки наката из трех рядов бревен, череп женщины 40—60 лет и два сосуда (табл. XVII, 8; XXI, 2, 25).

Могила 2. Почти полностью обрушилась, вытянута с северо-запада на юго-восток. Найдены один сосуд (табл. XXI, 28).

Курган 9. Почти полностью обрушился. В осыпи подобраны кости и один сосуд (табл. XXI, 3). Сохранилась незначительная часть могилы со стопами скелета, ориентированного на юго-восток.

Курган 10. Длина оставшейся части 10 м. В осыпи найдены каменный пест и крупная галька-отбойник (табл. XVIII, 4, 5).

Могила 1. Частично обрушилась, размер оставшейся части 1,70×0,68×0,30 м. Завалена двумя рядами бревен (табл. XVII, 7). В могиле скелет мужчины 40—60 лет, погребенного на спине головой на юг. С ним найдены бусы-глазчатки и два сосуда (табл. XXI, 4, 24).

* Литература по раскопанным памятникам дана в гл. 1.

** Здесь и далее глубина могил дается от уровня материка.

Могила 2. От скелета, ориентированного на юг, остались лишь стопы, возле которых стояли два сосуда (табл. XXI, 27, 32). Могила завалена несколькими рядами бревен, в осыпи подобран череп мужчины (?) 15—20 лет.

Курган 11. В обрыве сохранились стопы погребенного, положенного головой на юго-восток, в осыпи подобраны каменный алтарик и сосуд (табл. XX, 3; XXI, 33).

Курган 12. Сохранилась треть насыпи с двумя могилами.

Могила 1. Частично осыпалась, вытянута с северо-запада на юго-восток, глубина 90 см, завалена двумя рядами бревен. Найден сосуд (табл. XXI, 9).

Могила 2. Завалена двумя рядами бревен. Сохранились лишь стопы погребенного, ориентированного на юго-восток, сосуд и уздечная бронзовая пряжка (табл. XX, 4; XXI, 6).

Курган 13. Состоит из двух слившихся насыпей. Длина по линии обрыва 14 м, часть рухнула, найдены четыре могилы.

Могила 1 (2,10×1,00×0,40 м). Разграблена, южная стенка рухнула. Вытянута с северо-запада на юго-восток, завалена двумя рядами бревен. Найден мужской череп и по сосуду в каждом углу (табл. XVII, 3; XXI, 5, 11, 12, 31).

Могила 2. Вытянута с северо-запада на юго-восток, сохранились остатки двух рядов бревен, сосуд и глиняное пряслице (табл. XX, 8; XXI, 19).

Могила 3. Детская, находилась на отколовшейся от обрыва глыбе. Сохранилась часть детского черепа и два сосуда (табл. XXI, 8, 18).

Могила 4 (1,60×0,90×0,50 м). Часть обрушилась. Перекрытие хорошо сохранилось. Продольные бревна положены на крупные поперечные бревна, расположенные в самой могиле. Скелет женщины (?) ориентирован на юго-восток, череп и один сосуд найдены в осыпи, на уровне груди — бусы-глазчатки и проволочная бронзовая серьга, у костей левой руки — каменная курильница, в ногах — второй сосуд (табл. XX, 2, 10—13; XXI, 7, 22).

Курган 14. Раскопан полностью (табл. XVII, 2). Диаметр 12 м, высота 80 см.

Могила 1. Центральная, полностью разграбленная, контуры испорчены (2,14×1,62×1,30 м), вытянута с северо-запада на юго-восток. Найдены обломки бревен, подвеска из рога оленя и два костяных наконечника стрел (табл. XX, 5—7).

Могила 2 (1,83×1,24×0,30 м). Под двойным накатом продольных бревен лежал скелет женщины 40—60 лет, погребенной головой на восток, рядом с ним — ребро коровы и сосуд (табл. XVII, 5; XXI, 10).

Могила 3 (1,75×0,72×0,10 м). Детский скелет ориентирован на юго-восток, найден сосуд (табл. XXI, 26).

Курган 18. Сохранилась лишь часть насыпи с наполовину обрушившейся могилой с двойным накатом бревен, под которым лежали кости ног погребенного, положенного головой на юго-восток, и сосуд (табл. XXI, 16).

Курган 19. Диаметр 13 м, высота 75 см. Частично разрушен складом базы отдыха. В насыпи найдены обломки сосуда (табл. XXI, 13).

Могила 1. Полностью разграблена, контуры испорчены, пустая.

Могила 2 (2,10×0,90×0,48 м). Под продольным накатом их двух-трех рядов бревен, вероятно, лежавших на коротких поперечных бревнах, найден скелет мужчины, погребенного головой на юго-восток, со слегка согнутыми в коленях ногами (табл. XVII, 4). Находки сосредоточены вдоль северо-восточной стенки в двух кучках. В одной были бронзовый уздечный и железный поясной наборы, в состав последнего входили две бронзовые бляхи. Вторая кучка — железный чекан и крупные железные подпрямоугольные бляхи. У костей правой руки лежали железные меч и крючок, между костями ног — круглая бронзовая бляшка, как и в уздечном наборе (табл. XIX).

Вне связи с перечисленными курганами в осыпи в различных местах подобраны пять сосудов (табл. XXI, 17, 20, 23, 30), обломок железных удиц, бронзовые бляшки, поясная обойма, каменный алтарик, глиняное пряслице (табл. XX, 3, 9, 15—17).

НОВЫЙ ШАРАП-2

Курганный могильник на левом берегу Оби, в 2 км к югу от Нового Шарапа-1. Открыт в 1953 г. М. П. Грязновым (Ордынское — Старый Шарап III), исследован в 1960 г. Т. Н. Троицкой и в 1962 г. В. А. Дремовым. К моменту раскопок состоял из пяти насыпей. Три из них расположены на возвышении, частично осыпались. Две небольшие насыпи находились в низине и были заболоченными, поэтому не раскапывались.

Курган 1. Диаметр 18 м, высота 1,50 м. Около трети насыпи обрушилось (табл. XXIV, 1). Выявлено 10 могил и остатки неглубокого прерывистого рва с конским черепом на дне. Могилы расположены кольцом вокруг центральной: пять по часовой стрелке, одна — против, ориентация остальных неясна. В осыпи вне связи с могилами найдены череп женщины 40—60 лет и сосуд (табл. XXVI, 29).

Могила 1. Обрушилась, осталась лишь северная стенка. В осыпи найдены кости и череп женщины 25—40 лет, обломок сосуда, две бронзовые подвески-костыльки и костяной наконечник стрелы (табл. XXVI, 1—3, 10, 11).

Могила 2 (2,20×1,00×0,34 м). Под двумя рядами продольных бревен, разделенных слоем бересты, лежал скелет ребенка лет 7—11, погребенного головой на юго-восток. В бересте найдена бронзовая серьга, в могиле — глиняное пряслице, сосуд, крестец и позвонки барана (табл. XXIV, 10; XXVI, 8, 12, 36).

Могила 3 (2,00×1,26×0,48 м). В овальной яме лежали скелеты мужчины и женщины 40—60 лет, погребенных головой на юго-юго-восток. Найдены обломки двух сосудов и костяной наконечник стрелы (табл. XXVI, 9).

Могила 4. Центральная, полностью разграбленная, вытянута с северо-запада-запада на юго-востоко-восток, глубина 1,50 м. Нижняя часть залита водой. С двух продольных сторон имелись заплечики, расположенные на высоте 15—20 см от дна.

Могила 5 (0,60×0,40 м). Расположена на уровне материка, вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Скелет ребенка истлел, найдены следы дерева и сосуд (табл. XXVI, 22).

Могила 6. На уровне погребенной почвы обнаружены следы дерева, костей младенца и сосуд (табл. XXVI, 20).

Могила 7 (табл. XXIV, 6). Размер 3,00×1,20×0,65 м. На дне, чуть в стороне от стенок, расположены остатки бревенчатого наката. Под ним скелет мужчины старше 40 лет, погребенного в вытянутом положении, головой на север. Найдены ребра коровы, позвонки и крестец барана.

Могила 8 (1,10×1,00 м). Чуть выше материка под остатками бревенчатого наката лежал скелет ребенка старше 7 лет, ориентированный на северо-северо-восток. С ним найден сосуд (табл. XXVI, 27).

Могила 9 (1,73×1,05×0,62 м). Скелет женщины 14—20 лет лежал черепом на юго-восток. Найден сосуд (табл. XXVI, 24).

Могила 10 (2,37×1,05×0,40 м). Скелет женщины 40—60 лет был ориентирован на восток. Перекрытие истлело. Найдены раковины каури и сосуд (табл. XXIV, 9; XXVI, 14, 30).

Курган 2. Диаметр 16 см, высота 1,20 м. Частично обрушился (табл. XXIV, 2). Под насыпью найдено 14 могил, ров не выявлен. Центральное погребение осталось нераскопанным, так как над ним находилось современное захоронение скота.

Могила 1 (0,70×0,40×0,35 м). Под остатками истлевшего перекрытия найден скелет младенца, погребенного головой на юго-востоко-восток с сосудом (табл. XXVI, 28).

Могила 2 (1,54×0,72×0,34 м). Сохранились остатки одного ряда продольных бревен, покрытые слоем бересты (табл. XXIV, 7). Скелет ребенка лежал черепом на юго-юго-восток, найдены два сосуда, в одном из них находилась костяная пластинка (табл. XXVI, 7, 18, 23).

Могила 3 (табл. XXIV, 5). Размер 1,00×0,52×0,28 м. Вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток, перекрыта двумя рядами продольных бревен, кости ребенка не сохранились, найден сосуд (табл. XXVI, 26).

Могила 4 (табл. XXIV, 8). Размер 0,90×0,40×0,26 м, вытянута с северо-западо-запада на юго-востоко-восток. Внутри могилы лежали два наката продольных бревен, разделенные слоем бересты. Кости ребенка истлели, найден сосуд (табл. XXVI, 33).

Могила 5 (табл. XXV, 1). Прямоугольная яма (1,80×1,62×1,10 м) была заполнена чистым песком с небольшой примесью охры. Восточная стенка разрушена грабителями. Стены были укреплены бревнами, образующими сруб, способ его крепления не прослеживается. Вдоль западной, южной и северной стенок бревна лежали в шесть — семь рядов на высоту 75 см, у разрушенной восточной стенки сохранились остатки трех рядов.

Скелет мальчика 12—14 лет был ориентирован на юго-юго-восток. Слева от черепа найдена кучка разрушившихся железных предметов, среди которых различим лишь нож. Слева от скелета обнаружены три роговые уздечные пряжки и истлевшая костяная палочка, около черепа — миниатюрная бронзовая серьга, в области груди — две раковины каури, возле костей правой руки — крупная железная бляха, поперек правой берцовой кости — бронзовый чекан. В ногах стоял сосуд (табл. XXV).

Могила 6 (табл. XXIV, 4). Размер 1,13×0,60×0,15 м, вытянута с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Прослежены остатки наката из одного ряда бревен и следы истлевших костей ребенка, найден сосуд (табл. XXVI, 37).

Могила 7 (2,24×0,95×0,90 м). Разграблена. На дне лежали сваленные в кучу бревна. Находок нет.

Могила 8 (2,20×1,02×0,92 м). Перекрытие истлело. Скелет мужчины 40—60 лет лежал черепом на юго-восток, у костей правой ноги найдены череп младенца и сосуд (табл. XXVI, 32).

Могила 9. На материке лежал потревоженный скелет женщины 25—40 лет, погребенной на спине, с сильно поджатыми ногами, упавшими затем на правую сторону, головой на юго-запад. Найдены отдельные обломки двух баночных сосудов.

Могила 10. Скелет женщины старше 25 лет лежал в насыпи черепом на юго-юго-восток. В изголовье найдены ребра барана, у костей правой руки — каменный алтарик (табл. XXVI, 15).

Могила 11 (2,08×1,10×0,55 м). Вытянута с северо-запада на юго-восток. Кенотаф. Под остатками бревенчатого наката найден сосуд в обломках.

Могила 12. В насыпи найдены следы дерева, костей младенца и сосуд (табл. XXVI, 21).

Могила 13. Наполовину обрушилась. Сохранилась часть скелета ребенка, погребенного головой на юго-восток.

Могила 14. Обрушилась, осталась нижняя часть скелета погребенного, лежавшего головой на юго-востоко-восток. Сосуд найден в осыпи (табл. XXVI, 19).

Курган 3. Сохранилась треть насыпи. Ее длина по линии обрыва 17 м, ширина 6 м, высота 60 см.

Могила 1. В осыпи под курганом найдены череп мужчины 40—60 лет, бронзовая сережка, бревна, костяное орудие, костяная обойма, глиняный грибообразный предмет и два сосуда (табл. XXVI, 6, 13, 16, 17, 25, 31).

Могила 2 (табл. XXIV, 3). Размер 1,60×1,20×0,60 м. Под двумя рядами бревен лежал скелет мужчины 25—40 лет черепом на юго-востоко-восток. Южная стенка могилы обрушилась, там обнаружен сосуд, у правой кисти найдены обломок бронзовой серьги, костяные пуговицы и наконечник стрелы (табл. XXV, 4, 5).

Могила 3. Перекрытие истлело. Скелет мужчины 25—40 лет лежал черепом на юго-восток. У левого локтевого сустава стоял сосуд (табл. XXVI, 34), в изголовье найдена бронзовая проволочная серьга.

МИЛОВАНОВО-2

Курганный могильник находится на правом берегу Оби, в Ордынском районе, около с. Милованово. Разрушается Новосибирским водохранилищем. Состоит из 14 насыпей, расположенных группой близ края

надпойменной террасы. Выявлен в 1966 г. В. Я. Есиным. В 1964 г. Е. А. Сидоров раскопал две насыпи, свободные от лесопосадок. Обе они сложены из темной супеси, сливающейся с дерновым слоем.

Курган 1 (табл. XXVII, 1). Диаметр 17 м, высота 44 см, ров не выявлен. Содержит 11 могил, расположенных двумя полукольцами вокруг центральной, шесть из них направлены по часовой стрелке, три — против.

Могила 1 (3,15×1,85×2,13 м). Центральная, разграбленная. По периметру ямы на высоте 30 см от дна расположены заплечики. Стенки ниже них укреплены вертикальными плахами. Кости мужчины 50—60 лет перемешаны. Скелет, вероятно, лежал черепом на восток. Сохранились отдельные обломки трех сосудов и костяной наконечник стрелы (табл. XXVIII, 1).

Могила 2 (табл. XXVII, 6). Размер 2,20×1,10×1,35. В верхней части ямы обнаружено рухнувшее перекрытие из восьми продольных и одной диагональной плах. На глубине 43 см от него по периметру могилы располагались заплечики. Скелет женщины около 30 лет лежал черепом на север. В изголовье найдены ребра коровы и хвостовые позвонки барана, у левого коленного сустава — сосуд (табл. XXIX, 7), у правой стопы — кусок известняка.

Могила 3 (табл. XXVII, 2). Размер 1,70×1,00×0,87 м. По периметру могилы на расстоянии 47 см от дна находились заплечики шириной 15 см. На них сохранились березовые бревна, остальная часть перекрытия истлела. Скелет ребенка около 3 лет лежал черепом на северо-запад, в изголовье и ногах стояло по сосуду (табл. XXIX, 9, 10).

Могила 4 (2,00×1,15×0,50 м). Перекрытие и заплечики не прослежены, могила испорчена норой. Скелет лежал черепом на восток. Находок нет.

Могила 5 (табл. XXVII, 4). Размер 2,80×1,60×1,60 м. По периметру ямы на 30 см выше дна шли заплечики. Перекрытие из продольных плах лежало на них. Стенки ниже заплечиков укреплены плахами. Скелет мужчины 50—60 лет лежал черепом на юго-восток. Возле черепа найдена пара бронзовых сережек и пара заколок для волос, чуть выше — каменный алтарик, в восточном углу — сосуд и глиняное пряслице, на шейных позвонках — бронзовая гривна, у костей правой руки — глиняная курильница, у правой стопы — сосуд (табл. XXVIII, 2—6, 12; XXIX, 2, 3, 14, 17).

Могила 6 (2,05×1,13×1,52 м). Разграблена, вытянута с северо-запада на юго-восток. Заплечики шли по периметру ямы на 20 см выше дна. На дне выявлена рама из плах. Сохранились остатки бревен, обломки сосуда и кости ребенка 10—12 лет. На шейных позвонках имелись следы бронзы.

Могила 7 (табл. XXVII, 5). Размер 1,05×0,80×0,44 м. Перекрытие положено на заплечики, они шли по периметру могилы. Скелет младенца лежал черепом на юго-юго-восток, в ногах стоял сосуд кижировского типа (табл. XXIX, 13).

Могила 8 (1,35×0,85×0,45 м). Перекрытие не прослежено. Заплечики шли по периметру ямы. Истлевший скелет младенца лежал черепом на юго-юго-запад. В изголовье и ногах стояло по сосуду (табл. XXIX, 8, 11). Найдена галька.

Могила 9 (1,70×1,00 м). Впущена в насыпь и частично (на 66 см) в материк. Имелись заплечики, перекрытие не прослежено. Скелет ребенка лежал черепом на юг. В изголовье и ногах стояло по сосуду (табл. XXIX, 15, 16).

Могила 10 (табл. XXVII, 3). Размер 1,76×1,00×0,85, заплечиков нет. В центре могилы находился небольшой ящик-рама из плах (0,65×0,55×0,90). В нем черепом на северо-востоко-восток лежал скелет ребенка. Выше таза найдены остатки железного предмета (табл. XXVIII, 11), у черепа — распавшаяся бусина, возле стенок — три сосуда (табл. XXIX, 12, 18, 19).

Могила 11 (табл. XXVII, 7). Размер 1,75×1,25×0,69 м, конструкция, как у могилы 10. Размер ящика 1,00×0,60×0,11 м. Потревоженный скелет ребенка лежал черепом на восток. С ним найдено два сосуда и обломки третьего (табл. XXIX, 4, 5).

Курган 2 (табл. XXIX, 1). Диаметр 19 м, высота 50 см. Разграблен, в насыпи найдены двое однотипных железных удил, бронзовые псалии, обломки бревен (табл. XXVIII, 8—10). Площадка, ограниченная рвом, имеет диаметр около 10—11 м, ширина рва 80—40 см, глубина — 30—40 см. На юго-западе и северо-востоке он прерывается.

Могила 1. Находится за пределами рва. Это впускное потревоженное погребение младенца, инвентаря нет.

Могила 2 (2,60×1,40×1,40 м). Разграблена, имела заплечики, ниже кострых стенки укреплены плахами. Найдены разбросанные кости скелета и костяной наконечник стрелы (табл. XXVIII, 7).

БЫСТРОВКА-1

Курганный могильник находится на правом берегу Оби, на северной окраине с. Быстровка Искитимского района. Открыт в 1953 г. М. П. Грязновым (Сергеевка III). Раскопки проводились Т. Н. Троицкой в 1973, 1978—1979 гг. Могильник состоял не менее чем из 20 насыпей, находившихся на невысокой возвышенности. Все они сильно распаханы и плохо прослеживаются на местности. Материал частично опубликован.

Насыпь всех курганов состоит из темной супеси, часто встречаются рвы. Все курганы подвергались разграблению.

Курган 1. Диаметр насыпи 12 м, высота — 10—25 см. Диаметр площадки, ограниченной рвом, 13 м, ширина рва 55—60 см, глубина — 40 см, он прерывается на востоке (табл. XXX, 3).

Могила 1 (табл. XXX, 7). Размер пятна на уровне материка 3,10×1,95, по дну — 2,40×1,45 м, глубина могильной ямы 1,10 м. Заплечики и перекрытие не прослежены, яма постепенно сужается ко дну. В могиле лежали два скелета мужчин 30—35 и около 50 лет, погребенных в вытянутом положении головой на восток. На костях руки одного скелета (северный) был бронзовый браслет, между костей ног найдена бронзовая пронизь, у правой берцовой кости — костяная, между стоп — глиняные грибообразный предмет и пряслице, у правой стопы — сосуд, бронзовое зеркало и лежавший на нем алтарик, рядом с зеркалом — куски мела (табл. XXXIV, 2, 25, 26; XXXV; XXXVI, 11; XXXVII, 1, 12; XL, 10).

Между скелетами обнаружены железный нож, два железных колечка, пластина и обломок крючка (?). На шейных позвонках другого скелета (южный) была бронзовая гривна, в области груди — две пастовые бусинки, в ногах — каменный алтарик, глиняные пряслице и грибообразный предмет и два сосуда (табл. XXXIV, 1, 3—6; XXXVI, 7, 8, 13; XXXVII, 2, 13; XL, 11, 12).

Могила 2 (3,00×1,75×1,25 м). Разграблена, вытянута с северо-востока на юго-запад. В ней найдены отдельные кости двух человек, в том числе женщины 20—25 лет, бронзовые и костяные предметы уздечного набора, два костяных наконечника стрел. Вероятно, к этому погребению относились обнаруженные в насыпи сосуд и бронзовая уздечная пряжка (табл. XXXII, 1; XXXIII, 17—20; XXXVI, 14).

Курган 2. Диаметр 10 м, высота от 8 до 40 см. Ров не прослежен. Сохранил центральную и две могилы, огибающие первую.

Могила 1 (табл. XXX, 10). Размер на уровне материка 2,44×1,50 м, по дну — 2,08×1,10 м, глубина 1,10 м. Скелет женщины лежал черепом на северо-востоко-восток. Возле шейных позвонков найдена золотая игла с перекрученным острием (табл. XXXIV, 11), справа от таза — каменные пряслице и алтарик, в ногах — сосуд (табл. XXXVI, 12; XXXVII, 3; XXXIX, 16). В нору под могилкой затащены бронзовая серьга и каменное точило (табл. XXXIV, 9; XXXVI, 10).

Могила 2 (0,68×0,50×0,32 м). Скелет младенца лежал черепом на юг, на нем обнаружены следы дерева.*

Могила 3 (2,60×2,00×1,30 м). Центральная, вытянута с запада на восток. Разграбленная, пустая.

Курган 3. Диаметр насыпи 17 м, высота 36 см, диаметр площадки, ограниченной рвом, 11—13 м, его ширина 50—90 см, глубина 7—20 см. В

плане он представляет собой две полуокружности, заходящие с одной стороны друг за друга. Вход в кольцо на востоке, около него южная линия рва раздваивалась (табл. XXX, 1). Во рву найдены обломки сосуда, в насыпи — обломки костей, камни, костяной наконечник стрелы, обломок крупного сосуда и четыре целых (табл. XXXII, 2; XXXVIII, 16, 20; XXXIX, 2, 18, 24). Под насыпью выявлены два пятна обожжения и 11 могил с круговым расположением, пять ориентированы по часовой стрелке, четыре — против.

Могила 1 (1,20×0,80×0,55 м). Вытянута с северо-северо-востока на юго-юго-запад, изрыта грызунами. Сохранились обломки детского черепа и сосуд (табл. XXXIX, 10).

Могила 2. Размер на уровне материка 2,45×1,20 м, по дну — 2,16×1,00 м, глубина 92 см. В заполнении могильной ямы найдены угольки, участки золы и прокала. Вдоль западной стенки лежало бревно. Скелет женщины около 50 лет лежал черепом на северо-северо-восток. В изголовье найдены ребра барана, железный нож, кусок мела и сосуд, справа от таза — оселок, у левой стопы — сосуд (табл. XXX, 11; XXXVI, 5, 9; XXXVIII, 6; XL, 5).

Могила 3 (табл. XXX, 9). Размер 0,86×0,52×0,06 м. Сохранились остатки сруба в один венец и лежащих поперек могилы плах. От новорожденного, положенного головой на юго-западо-запад, остался кусочек черепа, находок нет.

Могила 4. Находится во внутреннем отростке рва у входа через него, на 5 см выше дна рва. Сохранился прямоугольник, очерченный по краям древесным тленом (0,70×0,55 м), и остатки поперечных плах. Истлевший скелет младенца лежал черепом на юго-западо-запад, находок нет.

Могила 5 (табл. XXX, 12). Размер 0,97×0,72×0,14 м. Сохранились остатки перекрытия из поперечных и продольных плах. Скелеты двух младенцев лежали черепами на юго-восток. В изголовье найдены три сосуда, между скелетами — кусок мела (табл. XXXVIII, 4, 14; XXXIX, 2).

Могила 6 (2,00×0,84×0,83 м). Скелет мужчины 50—60 лет лежал черепом на северо-восток. В изголовье найден кусочек охры, у правого плеча — железный нож, у правого коленного сустава — пять костяных наконечников стрел острием к стопам, в ногах — сосуд, на ребрах — костяная пуговица (табл. XXXII, 3, 4; XXXIII, 7; XXXIX, 5).

Могила 7 (табл. XXX, 13). Размер 1,73×0,54×0,20 м. Вдоль стенок могилы лежала рама из узких горбылей или плах и одно поперечное бревно. Скелет мужчины 35—40 лет ориентирован на юго-юго-восток, в изголовье найдены сосуд и костяной наконечник стрелы, на тазе — железный нож, у правой кисти — второй наконечник, между костей ног — третий, у правой стопы — сосуд, у правой берцовой кости — кости барана (табл. XXXII, 5—7; XXXIII, 6; XXXIX, 3; XL, 2).

Могила 8. Размер на уровне материка 1,10×0,60, на глубине 33 см — 0,97×0,56 м. Скелет ребенка 1,5 лет лежал черепом на восток. В изголовье найдены два сосуда и кости барана (табл. XXXVIII, 2; XXXIX, 23).

Могила 9 (2,00×0,96×0,75 м) (табл. XXX, 8). Южная стенка спускалась вниз ступенькой шириной 12 см. Перекрытие истлело. Скелет мужчины 50—60 лет лежал черепом на восток. В изголовье и в ногах найдено по сосуду (табл. XXXVIII, 3), у ступни — кусочек охры.

Могила 10. Центральная, разграбленная, вытянута с юго-востока на северо-запад. Размер сверху 2,40×1,16 м, на глубине 1,04 м — 2,06×0,77 м. Среди костей, возможно, двух скелетов, обнаружен череп женщины (?) 50—60 лет. Найдены обломки двух сосудов и пряслице (табл. XXXVII, 7).

Могила 11 (2,18×0,94×0,52 м). Скелет женщины около 50 лет лежал черепом на восток, в изголовье найдены ребро и позвонок барана, в ногах — сосуд (табл. XXXI, 8; XL, 6).

Курган 4. Диаметр насыпи 17 м, высота — 30 см, ров был сплошным. Диаметр площадки, ограниченной рвом, 15 м, ширина рва 70 см, глубина — до 45 см (табл. XXX, 2). На востоке во рву найдены челюсти двух коней. В насыпи собраны угольки, костяной наконечник стрелы и сосуд в

обломках (табл. XXXII, 8; XL, 3). Могилы расположены кольцом вокруг центральной, три — по часовой стрелке, одна — против.

Могила 1 (табл. XXXI, 4). Размер 3,05×1,44×1,20 м. Вдоль юго-восточной стенки на глубине 42 см прослежена ступенька шириной 30 см. Покровы истлели. В заполнении могильной ямы встречены угольки. Скелет женщины 25—30 лет лежал черепом на северо-восток. В изголовье найдены железный нож, две бронзовые подвески, стеклянный позолоченный бисер и два одинаковых кувшинчика, под одним из них — железный рассыпавшийся стержень (табл. XXXIV, 15, 16; XXXVI, 6; XXXIX, 1). В области груди по одной линии лежали пастовые округлые бусины и длинные пронизи плохой сохранности, отдельные бусины найдены у ног и таза (табл. XXXIV, 22, 27, 28, 30—33). У правой стопы обнаружены обломки сосуда, у левого бедра — костяная проколка, у правой ступни — бронзовая нашивная бляшка (табл. XXXIV, 14; XXXVI, 16; XXXIX, 17).

Могила 2. Центральная, разграбленная, контуры нарушены, вытянута с запада на восток. Размер по дну 3,14×1,70×0,50 м. На разной глубине найдены отдельные кости скелета, обломки бревен, пять костяных наконечников стрел, костяное кольцо, охра, обломок железного изделия, три костяные пряжки от конского набора и обломок четвертой, костяная пуговица (табл. XXXII, 9, 29, 30, 33, 34; XXXIII, 11—15).

Могила 3 (табл. XXXI, 5). Размер на уровне материка 2,40×1,05 м, на глубине 1,10 м — 2,05×0,90 м. На высоте 25 см от дна прослежены запячки шириной от 8 до 20 см. Скелет ориентирован на северо-восток, вместо черепа положен костяной наконечник стрелы (табл. XXXII, 15). Слева от плеч — позвонки и кости ног барана, железный нож, у левого локтевого сустава — бронзовый кельт, у правого — железные удила с остатками костяного псалия, между костей ног и у правой стопы — четыре наконечника стрел, в ногах — сосуд (табл. XXXII, 16, 18, 19; XXXIII, 1, 2; XXXVI, 4).

Могила 4 (1,40×0,80×0,50 м). Скелет ребенка 2,5—3 лет лежал черепом на юго-восток, в изголовье найдено ребро барана, в ногах сосуд (табл. XL, 4).

Могила 5 (табл. XXXI, 14). Размер 2,50×1,10×0,80 м. Скелет женщины старше 40 лет лежал черепом на юго-восток, в юго-восточной части могилы найдены ребра и позвонки барана и глиняное пряслице, у правого плеча — следы охры, под черепом — бронзовая серьга, в ногах — сосуд (табл. XXXIV, 7; XXXVII, 4; XL, 9).

Курган 5. Диаметр 15 м, высота 15 см. Диаметр площадки, ограниченной ровом, 14, глубина рва 20—45 см, ширина — 60—70 см. Он прерывается с восточной стороны. Во рву у входа лежали конские челюсти: две нижние и одна верхняя.

Могила 1. Центральная, разграбленная, контуры испорчены. Размер по дну 2,80×1,30 м, глубина 1,45 м. Вдоль продольных стен сохранились остатки плах. Яма вытянута с юго-запада на северо-восток. Найдены обломки костей двух или трех человек, в том числе мужчины и женщины около 30 лет, обломки четырех сосудов, железные удила и нож, бронзовая обойма, костяные наконечники стрел, костыльки и пуговица (табл. XXXII, 10—12, 14, 25, 31, 35; XXXIII, 8, 16; XXXIV, 10; XXXVI, 2, 18).

Могила 2 (табл. XXXI, 3). Размер 2,00×1,10×0,28 м. У стен сохранились остатки плах. Обнаружен скелет мужчины 40—45 лет, погребенного на спине, с подогнутыми ногами, головой на запад. Найден позвонок лошади или коровы, кусок охры и костяной крючок (табл. XXXVI, 15).

Курган 6. Диаметр насыпи 11 м, высота 12 см. Диаметр площадки, ограниченной ровом, 11 м. Под курганом была одна могила (табл. XXX, 4) размером 2,65×1,60×1,00 м. Она разграблена, вытянута с северо-востока на юго-запад. Найдены кости двух мужчин (35—40 и около 50 лет) и железный стержень.

Курган 7 (табл. XXX, 5). Диаметр насыпи 10 м, высота — 9 см. Ров не выявлен. Могилы расположены кольцом, пять — по часовой стрелке, две — против. Центральное погребение отсутствовало.

Могила 1 (в насыпи). Два женских скелета лежали черепами на юг. Женщина 16—18 лет была погребена в вытянутом положении, у левого

локтевого сустава найдены два сосуда. Женщина 25—30 лет была захоронена на спине с подогнутыми руками и ногами, найден сосуд (табл. XXXIX, 8, 11, 22).

Могила 2 (табл. XXXI, 13). Размер 1,35×1,00×0,83 м. В ней находился скелет мужчины около 50 лет, погребенного на спине, с подогнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток, в изголовье и ногах найдено по сосуду и железный нож (табл. XXXVI, 1; XXXVIII, 10).

Могила 3 (0,90×0,45×0,25 м). Пустая.

Могила 4 (табл. XXXI, 12). Размер 2,20×1,15×0,37 м. Скелет женщины старше 60 лет лежал черепом на восток. Кости потревожены, найдены глиняное пряслице и сосуд в обломках (табл. XXXVII, 6; XXXVIII, 8).

Могила 5 (1,50×0,65×0,38 м). Скелет ребенка 1,5 лет лежал черепом на юго-восток, справа в ногах — сосуд (табл. XL, 8).

Могила 6 (1,75×1,13×0,78 м). Скелет мужчины около 50 лет лежал черепом на юго-юго-запад. В изголовье найдены два сосуда, у костей левой руки — костяной наконечник стрелы и две бронзовые бляшки (табл. XXXII, 17; XL, 1).

Могила 7 (табл. XXXI, 10). Размер 2,25×1,50×1,40 м. С трех сторон прослежены заплечики. Сохранились следы продольных плах. Скелет женщины 30—35 лет лежал черепом на восток. В изголовье найдены кости барана и сосуд, у ног — пряслице и два сосуда (табл. XXXVII, 9; XXXVIII, 15; XXXIX, 21).

Могила 8 (табл. XXXI, 11). Размер 2,20×0,64×0,75 м. Скелет мужчины 35—40 лет лежал черепом на восток, справа от черепа — кости барана, слева ниже таза — бронзовый колчаный крючок и костяной наконечник стрелы, в ногах — железный нож и сосуд (табл. XXXII, 13, 36; XXXIX, 9).

Курган 8. Диаметр насыпи 14 м, высота — 15 см. Диаметр площадки, ограниченной рвом, 12 м, ширина рва 65—90 см, глубина — 25 см. Он имел перерыв с восточной стороны. В заполнении рва найдены отдельные кости животных, в насыпи — обломки сосуда. Расположение могил — кольцевое.

Могила 1 (табл. XXXI, 1). Размер 1,14×0,62×0,30 м. Чуть выше дна выявлена рама из плах, перекрытая продольными бревнами. В ней лежали истлевший детский скелет черепом на юго-западо-запад и сосуд (табл. XXXIX, 19).

Могила 2 (1,24×0,72×0,45 м). Вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Кости ребенка разбросаны. Найден один сосуд (табл. XXXIX, 15).

Могила 3 (табл. XXXI, 2). Размер 1,32×0,78×0,58 м. С узкой западной стороны прослежена одна приступка. Скелет ребенка лежал черепом на запад.

Могила 4 (табл. XXXI, 6). Размер 3,00×1,24×1,17 м. С узких сторон сохранились заплечики. Могила перекрыта рядом продольных горбылей или бревен. Скелет женщины 35—40 лет лежал черепом на северо-северо-восток. У левого локтевого сустава найден череп младенца, в изголовье — сосуд, каменное пряслице, бронзовая булава, крупная каменная бусина, ребра барана (?), железный нож (табл. XXXIV, 13, 18, 23; XXXVI, 3; XXXVII, 11), у правой кисти — бронзовая ворворка и четыре костяные пластины, две из них зашлифованной поверхностью вниз, две — вверх, между ними прослежены следы дерева (табл. XXXIII, 3—5). В ногах находились два сосуда, один из них перевернут, от третьего остались отдельные обломки, на ребрах лежал железный предмет (табл. XXXVIII, 11).

Могила 5 (3,00×1,30×1,65 м). Центральная, разграбленная, вытянута с запада на восток.

Могила 6 (1,25×0,55). Вытянута с северо-востока на юго-запад, пустая.

Курган 9 (табл. XXX, 2). Диаметр насыпи 20 м, высота — 25 см. Диаметр площадки, ограниченной рвом, 16 м, ров не смыкался на западе и востоке, ширина его 65—75 см, глубина 25 см. Ров заполнен золой и пеплом. В насыпи найдены обломки сосуда. Выявлены три могилы: одна в центре, одна расположена по ходу часовой стрелки, другая — против.

Могила 1 (табл. XXXI, 7). Размер 1,20×0,75×0,25 м. Сохранились остатки поперечных и продольных плах. Скелет ребенка около 0,5 года лежал черепом на юго-юго-восток. В ногах найден сосуд, в изголовье и у плеча — кости барана, под черепом — бронзовая бляшка.

Могила 2 (2,60×1,15×0,84 м). По краю могилы в ее заполнении шел меловой пояс толщиной до 20 см. В могиле под остатками перекрытия черепами на юго-восток лежали два скелета: женщины около 25 лет и ребенка, который, видимо, был позахоронен позже, так как его скелет лежал на 14 см выше взрослого. С погребенной женщиной найдены бараньи кости, обломки двух сосудов, следы железа, бронзовая бляшка и булавка, стеклянная бусина, в ногах — бронзовый наконечник стрелы и сосуд (табл. XXXII, 32; XXXIV, 17, 21, 35; XXXVIII, 17); с ребенком — два сосуда (табл. XXXIX, 13).

Могила 3 (3,50×1,90×1,46 м). Центральная, вытянута с запада на восток, разграблена. Среди двух или трех скелетов — череп женщины 32—35 лет, обломки сосуда и остатки дерева.

Курган 10. Примыкает к курганам 4 и 9 (табл. XXX, 2). Диаметр насыпи 11 м, высота — 16 м. Судя по контурам рва, он был пристроен к рвам указанных насыпей. Диаметр площадки, ограниченной рвом, более 10 м, ширина рва 50—75 см, глубина — 50 см. Западная часть общая с курганом 9, а северная — с курганом 4. Северо-западная часть рва вогнутая, ров прерывистый, вход с востока. В насыпи обнаружены два участка прокала и обломки сосуда (табл. XXXVIII, 19). Под насыпью выявлены три могилы: центральная для взрослого и две детские. Все они разграблены, вытянуты с запада на восток, в одной найдена бронзовая бляшка (табл. XXXIV, 20).

Курган 11. Диаметр насыпи 8 м, высота — 10 см. Ров представлен узкими длинными прерывистыми канавками, их ширина 40—50 см, глубина — 4—13 см. Система рва единая для курганов 11 и 12. Под насыпью пять детских захоронений окружают могилу в центре, две из них расположены по ходу часовой стрелки, одна — против.

Могила 1 (1,00×0,85×0,40 м). В заполнении встречен мел. Скелет ребенка 2,5—3 лет лежал черепом на северо-восток, потревожен грызунами. В изголовье найдены кости барана, у локтевого сустава — сосуд, у плеча слева — бусина, в ногах — сосуд (табл. XXXIV, 34; XXXVIII, 1; XXXIX, 7).

Могила 2 (0,99×0,68×0,64 м). Вытянута с северо-востоко-востока на юго-западо-запад. В заполнении могильной ямы найдены сосуд и пряслице (табл. XXXVII, 8; XXXIX, 23). Могила разграблена.

Могила 3 (1,15×0,60×0,27 м). Вытянута с северо-запада на юго-восток. Скелет ребенка в возрасте до одного года растащен грызунами, найдены два сосуда (табл. XXXIX, 20).

Могила 4 (2,10×0,95×0,75 м). Центральная. Потревоженный скелет женщины 20—40 лет лежал черепом на восток. Найдены куски мела, охра, глиняное пряслице, в области груди — два ряда бисера и бронзовая серьга (табл. XXXIV, 7, 33; XXXVII, 5).

Могила 5 (табл. XXXI, 9). Размер 1,65×1,10×0,47 м. По периметру сохранились следы дерева, в центре — остатки продольных бревен. Скелет ребенка лежал черепом на северо-восток, в изголовье и ногах стояло по сосуду, у ноги — пряслице. Бисер располагался тремя разрозненными рядами под черепом и одним — по позвоночнику (табл. XXXIV, 29; XXXVII, 10; XXXVIII, 9).

Могила 6 (1,25×0,85×0,43 м). Обнаружены остатки продольных плах. Скелет ребенка лежал черепом на юго-востоко-восток. С ним найден сосуд и ряды бисера (табл. XXXIV, 37, 38).

Курган 12. Форма овальная, размер 14×8 м. Возможно, это два слившихся кургана. Под насыпью выявлено девять могил, из них четыре расположены вокруг центрального погребения, а четыре составляют отдельную группу.

Могила 1 (1,00×0,75×0,10 м). Скелет годовалого ребенка лежал черепом на юг, найдены бронзовая серьга и сосуд (табл. XXXIV, 8; XXXIX, 12).

Могила 2 (1,50×0,75×0,60 м). Скелет ребенка лежал черепом на северо-восток, найдены стеклянная позолоченная бусина и сосуд (табл. XXXIV, 36; XXXVIII, 5).

Могила 3 (0,95×0,50×0,45 м). Скелет младенца лежал черепом на северо-запад, находок нет.

Могила 4 (1,35×0,75×0,65 м). Выявлена рама из четырех плах и лежащие поверх нее поперечные плашки. Скелет ребенка 3 лет лежал черепом на юго-востоко-восток, справа в ногах стоял сосуд, у локтевого сустава лежала бронзовая ворворка, возле шейных позвонков — два ряда бисера, под черепом — бронзовая бляшка (табл. XXXIV, 12, 19; XL, 4).

Могила 5 (1,10×1,10×0,10 м). Вытянута с севера на юг, разграблена, найден обломок сосуда и несколько жженных косточек.

Могила 6 (1,10×1,00×0,40 м). Вытянута по линии северо-восток — юго-запад, найдены обломки черепа ребенка до 0,5 года.

Могила 7 (1,20×0,56×0,23 м). Детская, вытянута с северо-востока на юго-запад, найден сосуд.

Могила 8 (2,80×1,60×1,06 м). Центральная, контуры испорчены, вытянута с запада на восток. Сохранилась нижняя часть скелета мужчины 25—30 лет, положенного головой на восток. Справа найдены костяная проколка, сосуд, железный нож, прозрачная галька и глиняный грибообразный предмет (табл. XXXIV, 24; XXXVI, 17; XXXVII, 14; XXXVIII, 7). Слева в ногах стояли два сосуда (табл. XXXIX, 14).

Могила 9 (2,65×1,20×1,00 м). Потревоженный скелет женщины 40—45 лет лежал черепом на северо-восток, левая часть его отсутствует. В изголовье найдены кости барана, под черепом — две бисеринки, справа в ногах — сосуд и обломок второго (табл. XL, 7).

Курган 13. Диаметр 7 м, ров не прослежен, выявлена одна могила. Она разграблена, контуры испорчены, вероятно, имела заплечики. Размер по дну 1,90×0,65 м, глубина 91 см. В заполнении найдены кусок охры, камень, кости женщины старше 40 лет и обломок сосуда.

Курган 15. Раскопана половина насыпи. Диаметр 16 м, высота 40 см (табл. XXX, 6). Диаметр площадки, ограниченной рвом, 15 м, ширина рва 60—70 см, глубина — 30 см, он прерывается на востоке. Выявлены четыре параллельные могилы.

Могила 1 (2,24×0,70×0,40 м). На северной стороне имелась узкая приступочка, возможно, остатки заплечиков. Под древесной трухой лежал скелет женщины 16—18 лет черепом на юго-западо-запад. В изголовье найден таз барана, у правой ступни — сосуд, по сторонам таза — по длинной костяной пластинке, у бедер — два бронзовых костылька, справа от таза — два костяных наконечника стрел (табл. XXXII, 27; XXXIII, 9, 10; XXXVI, 19, 20).

Могила 2 (2,00×0,96×0,40 м). Стенки могилы наклонные. Под древесной трухой лежал скелет женщины около 16 лет. У правого плеча найдены кости барана, железный нож и сосуд с ушками, у правого коленного сустава — два сосуда (табл. XXXVIII, 12, 13; XXXIX, 6).

Могила 3. Разграблена, контуры испорчены, глубина 26 см. Найдены у стенок продольные бревна, в заполнении могилы — кости мужчины 30—35 лет, семь костяных наконечников стрел, один целый сосуд и обломок второго (табл. XXXII, 20—24, 26, 28; XXXVIII, 18).

Могила 4 (2,30×1,24×0,68 м). Разграблена, сохранились кости ног мужчины около 40 лет, положенного головой на юго-западо-запад, два костяных наконечника стрел и сосуд (табл. XXXIX, 4).

МИЛОВАНОВО-8

Курганный могильник в 2—3 км к югу от с. Милованово Ордынского района, на правом берегу Оби, распахан. Открыт Е. А. Сидоровым в 1980 г., состоял из семи насыпей. Раскопки проведены Т. Н. Троицкой в 1982 г. К этому времени на местности очень слабо прослеживались лишь четыре кургана, которые и были раскопаны.

Курган 1 (табл. XLIV, 1). Диаметр 18 м, высота 40 см. Рва нет. В насыпи встречены проквал, отдельные кости скелетов и половина алтарика из камня (табл. XLVI, 11). Из 17 могил одна центральная, три ориентированы по часовой стрелке, восемь — против. У пяти ориентация неизвестна.

Могила 1 (табл. XLIV, 3). Размер 1,06×0,62×0,12 м. Заплечики частично осыпались. Скелет ребенка 2,5—3 лежал черепом на северо-запад, на северных заплечиках стояло два сосуда (табл. XLVII, 2, 13).

Могила 2 (0,63×0,34×0,10 м). Овальная. Скелет младенца лежал черепом на северо-северо-запад, в изголовье стоял сосуд (табл. XLVI, 6).

Могила 3 (1,00×0,65×0,30 м). Разграблена, вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Найдены отдельные кости ребенка и сосуд (табл. XLVI, 8).

Могила 4 (1,88×0,80×0,12 м). Скелет мужчины около 60 лет лежал черепом на север. В изголовье найдены один целый сосуд и половина второго (табл. XLIV, 6, XLVI, 1; XLVII, 17).

Могила 5 (1,28×0,75×0,65 м). На дне могилы выявлена деревянная рама и остатки перекрытия. Разграблена, найден сосуд (табл. XLIV, 4; XLVI, 10).

Могила 6 (1,75×1,00×1,30 м). Овальная, вытянута с запада на восток, разграбленная.

Могила 7 (табл. XLIV, 7). Размер 1,20×0,45×0,25 м. Перекрытие хорошо сохранилось. Его нижний слой — два продольных бревна, поверх них лежало 13 продольных плашек толщиной около 3 см. Сверху по центру они укреплялись одним продольным бревном, концы которого упирались в две стоящие по краям могилы плашки. Истлевший скелет ребенка лежал черепом на юго-западо-запад, в изголовье найден сосуд (табл. XLVI, 9).

Могила 8 (1,50×0,80×1,00 м). Стенки вертикальные. Сохранились остатки двух поперечных горбылей, лежавших вдоль узких стенок, и скелет ребенка, положенного головой на север. У ног его стоял сосуд (табл. XLVII, 15).

Могила 9 (1,35×0,60×0,87 м). Вытянута с запада на восток, разграблена.

Могила 10. Центральная, разграбленная, контуры испорчены. Размер по дну 2,60×1,18 м, глубина 3,07 м. В заполнении найдены обломки бревен, костей скелета, на дне — железный колчаный крючок и помятая золотая фольга в виде фигуры козла (табл. XLVI, 14, 21).

Могила 11 (1,37×2,20×1,05 м). Вытянута с севера на юг, контуры испорчены грабителями. Найдены обломки бревен, черепа мужчин 35—40 и 25—30 лет, крупная железная пряжка и костяной наконечник стрелы (табл. XLVI, 22, 23).

Могила 12 (1,68×0,40×0,88 м). Перекрытие состояло из семи продольных плах, лежавших на двух поперечных плахах. Скелет ребенка 5—6 лет лежал черепом на юго-востоко-восток. Возле черепа найдены семь золотых рубчатых пронизей, в ногах — обломки сосуда (табл. XLVI, 4, 15).

Могила 13 (табл. XLIV, 5). Размер 3,10×1,30×1,40 м. Скелет женщины 20—25 лет лежал черепом на север. Сохранилось одно продольное бревно. Слева у локтевого и коленного суставов стояло по сосуду (табл. XLVI, 2, 7).

Могила 14. Разграблена, контуры испорчены. Размер на глубине 1,40 м — 2,50×1,30 м. Вытянута с запада на восток. Найдены обломки бревен, череп женщины 35—40 лет, стеклянная бусина и сосуд (табл. XLVI, 3).

Могила 15 (табл. XLV, 3). Размер 2,47×0,62×1,72 м. Перекрыта настилом из четырех длинных горбылей. Скелет женщины 35—40 лет лежал черепом на запад, в изголовье найден череп барана, в области груди — шесть таких же золотых пронизей, как и в могиле 12.

Могила 16 (табл. XLV, 1). Размер 2,16×0,58×1,00 м. Вытянута с запада на восток, разграблена, сохранились остатки поперечного и двух продольных бревен.

Могила 17 (табл. XLV, 1). Подбой, отходит от северной стенки могилы 16, на 6—8 см выше ее дна. Отгорожен стенкой из семи вертикально стоящих плашек. Размер подбоя 1,54×0,50 м, высота — 54 см. От перекры-

тия сохранились поперечные и продольные бревна диаметром около 10 см. Скелет ребенка 3—4 лет лежал черепом на юго-запад, с ним найден сосуд (табл. XLVII, 18).

Курган 2. На поверхности не прослеживался. Диаметр площадки, ограниченной рвом, 9—10 м, на западе и востоке имелись перерывы — входы через ров. Ширина рва 40—50 см, глубина — 10—40 см. Огромная грабительская яма перекрывала три разграбленные могилы. Центральная перекрыта полностью, две другие — частично. Скелеты не сохранились, находок нет.

Курган 3. Диаметр 15 м, высота 40 см. Ров не прослежен. В насыпи встречены обломки бревен, кости, каменный алтарь-курильница, отдельные угольки. Угли встречены и в заполнении отдельных могильных ям. Могилы расположены незамкнутым кругом вокруг центральной, по ходу часовой стрелки направлено семь могил, против — две.

Могила 1 (табл. XLIV, 8). Размер 0,70×0,40×0,04 м. Перекрыта двумя горбылями. В северной части могилы сохранились остатки черепа новорожденного, рядом стоял сосуд (табл. XLVII, 16).

Могила 2 (1,62×1,20×0,90 м). По краям могилы лежали остатки продольных бревен. Скелет ребенка 3—4 лет лежал черепом на северо-запад. У таза и в ногах стояло по сосуду (табл. XLVII, 4, 5).

Могила 3 (табл. XLV, 4). Размер 1,50×0,70×0,73 м. Сохранились остатки продольных бревен. Скелет ребенка 5—6 лет лежал черепом на юго-восток, у правой ступни стоял сосуд (табл. XLVII, 3).

Могила 4 (1,18×0,70×0,73 м). В центре могилы лежало перекрытие из горбылей площадью 0,80×0,40 м. Под ним найден череп младенца, положенного головой на северо-восток, и сосуд (табл. XLVII, 12).

Могила 5 (табл. XLV, 2). Размер 1,96×0,84×0,70 м. Над перекрытием лежал скелет утки. Скелет женщины около 18 лет расположен черепом на юго-восток, в изголовье найден сосуд, у костей правой ноги — глиняное пряслице (табл. XLVI, 20; XLVII, 10).

Могила 6 (2,28×1,05×0,85 м). Вытянута с запада на восток, разграблена, найдены обломки сосуда (табл. XLVII, 1).

Могила 7. Центральная, разграбленная. Размер на уровне материка 2,80×1,38 м, глубина 1,27 м. Размер по дну 2,56×1,04 м. Вытянута с северо-запада на юго-восток. Сохранились кости ног человека, положенного головой на юго-востоко-восток, каменная курильница и сосуд (табл. XLVI, 12; XLVII, 11).

Могила 8. Расположена на уровне материка, часть скелета, лежащего черепом на северо-восток, была уничтожена, когда грабители рыли траншею. Вдоль левого плеча стояло три сосуда (табл. XLVII, 7, 9, 14).

Могила 9 (табл. XLIV, 9). Размер 0,54×0,40×0,44 м. По периметру шли заплечики шириной 20—30 см. Скелет младенца лежал черепом на юго-восток, в ногах стоял сосуд.

Могила 10 (1,26×0,68×0,65 м). Сохранился один заплечик с продольной стороны. Скелет ребенка 1—1,5 лет лежал черепом на юг. В ногах стоял сосуд, у стенок найдены три просверленных бараньих астрагала (табл. XLVI, 5, 13).

Могила 11 (0,90×0,50×0,25 м). Скелет ребенка около 1 года лежал черепом на север, с ним найден сосуд (табл. XLVII, 8).

Курган 4. На поверхности не прослеживался. Диаметр площадки, ограниченной рвом, 12—13 м, на севере и западе она имела подпрямоугольные углы (табл. XLIV, 2). На юго-западе и северо-востоке были проходы через ров. В насыпи встречены обломки бревен, угли, пятно обожжения.

Могила 1. Центральная, контуры испорчены грабителями. Размер на глубине 1,42 м — 2,70×1,60 м. Вытянута с севера на юг. У южной стенки сохранились остатки продольного наката из трех рядов бревен. Найдены кости мужчины 25—30 лет и женщины 20—22 лет. Мужчина был хромым: головка бедренного сустава деформирована и смещена при жизни. Найдены бронзовая бляшка и обломок железного ножа.

Могила 2 (2,00×1,20×0,50 м). Погребение потревожено. Скелет женщины 45—50 лет лежал черепом на восток, найдены обломки сосуда.

Могила 3 (табл. XLV, 5). Размер 1,47×0,70×0,93 м. Вытянута с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Кенотаф. От деревянного перекрытия остались лишь коричневые полосы. Следов ограбления нет, скелет отсутствовал. В северной части могилы, видимо в изголовье, найдены позвонки и ребра барана, в южной — сосуд и четыре костяных наконечника стрел (табл. XLVI, 16—19; XLVII, 6).

БЫСТРОВКА-3

Курганный могильник у с. Быстровка на правом берегу Оби, в 500 м к северо-востоку от могильника Быстровка-1. Открыт в 1953 г. М. П. Грязновым (Сергеевка-2). Состоит из четырех распаханых насыпей. В 1981 г. Т. Н. Троицкая раскопала две из них. Насыпи сложены из темной супеси. Перекрытия в могилах отсутствовали.

Курган 1 (табл. XLVIII, 2). Диаметр 12 м, высота 25 см, диаметр площадки, ограниченной рвом, 11 м, ширина рва 50—80 см, глубина — 10—30 см. Входы через него расположены на западе и востоке. Под курганом была одна разграбленная могила (2,10×1,20×1,14 м), контуры ее испорчены. Сохранились стопы ног двух скелетов, лежавших черепами на северо-запад, обломки сосуда и железного ножа.

Курган 2 (табл. XLVIII, 1). Диаметр 14 м, высота 44 см, диаметр площадки, ограниченной рвом, 12 м, ширина рва 50 см, глубина 15—30 см. Проходы через него расположены на западе и востоке. Под насыпью было 17 могил с кольцевым расположением вокруг центральной. В семи могилах скелеты ориентированы по ходу часовой стрелки, в шести — против. В заполнении могил встречены угольки, на дне часты следы бересты.

Могила 1 (2,40×1,50×0,83 м). Частично врезается в ров. Три скелета (мужчин 40—50 лет и зрелого возраста, взрослого неясного пола) лежали рядом черепами на юго-восток (табл. XLVIII, 3). У костей ног среднего скелета найден сосуд, в изголовье — железный нож, у левого коленного сустава — костяной наконечник стрелы и череп шестимесячного ребенка (табл. XLIX, 6, 7).

Могила 2 (2,50×0,80×0,24 м). Северо-западная стенка перерезана могилой 3. Скелет мужчины 30—35 лет лежал черепом на юго-запад. В изголовье найдены остатки железного ножа и ребра барана, у таза — остатки бронзового изделия.

Могила 3 (2,30×1,28×0,50 м). Разграблена, кости трех скелетов мужчин, 20—25 лет, 40—45 лет и возмужалого, перемешаны. Непотревожены кости ног, судя по расположению которых, скелеты лежали черепами на юго-запад. У правого бедра среднего скелета найдено восемь костяных наконечников стрел, среди перемешанных костей — обломки сосуда, ребро барана, обломок железной пряжки (табл. XLIX, 1—4, 8, 10, 22).

Могила 4. Размер с грабительской траншеей 2,75×0,70×0,60 м. Потревоженный скелет женщины 35—40 лет лежал черепом на северо-северо-запад. У костей ног найден сосуд, в заполнении могильной ямы — железный нож, второй сосуд (табл. XLIX, 29, 30).

Могила 5 (табл. XLVIII, 8). Размер 2,40×1,40×0,72 м). Разграблена, потревожена нижняя часть трех скелетов, лежавших черепами на северо-запад (двух мужчин 35—40 лет и женщин 16—20 лет). Найден обломок железного ножа.

Могила 6 (2,38×0,90×0,80 м). Скелет мужчины 20—25 лет потревожен, лежал черепом на северо-запад. В изголовье найдены железный нож и ребра барана (табл. XLIX, 20).

Могила 7 (табл. XLVIII, 7). Размер 2,38×0,82×0,80 м). В ней лежали два скелета мужчин 35—40 и 40—45 лет, погребенных головами на юго-юго-запад. Между их черепами найден череп ребенка 9—10 лет. Обнаружены остатки железного ножа и несколько обломков сосуда.

Могила 8. Размер на уровне материка 1,90×0,82 м, на глубине 98 см — 1,68×0,70 м. Заплечики не прослежены. Скелет ребенка 3—4 лет лежал черепом на юго-юго-запад. В ногах найден сосуд, по сторонам таза — по бронзовой пронизи, в изголовье — позвонки барана (табл. XLIX, 15, 26).

Могила 9 (1,80×0,75×0,73 м). Скелет женщины 25—30 лет лежал черепом на северо-северо-восток, в изголовье найдены ребра барана и железный нож, под тазом — часть железной пряжки (табл. XLIX, 12).

Могила 10 (2,30×0,55×1,22 м). Потревожена. Скелет зрелого мужчины лежал черепом на северо-северо-восток (табл. XLVIII, 4).

Могила 11 (1,90×0,55×1,22 м). Скелет ребенка 9—10 лет лежал черепом на юго-юго-запад (табл. XLVIII, 5).

Могила 12 (1,54×0,60×1,03 м). Вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток, кости ребенка 7—8 лет разбросаны. Найден череп барана.

Могила 13 (2,25×0,80×1,22 м). Скелет возмужалого мужчины лежал черепом на северо-запад. В ногах найден перевернутый сосуд, у левой ступни — пять костяных наконечников стрел, в изголовье — череп и ребра барана, железный нож (табл. XLVIII, 6; XLIX, 5, 7, 9, 19, 25).

Могила 14 (1,74×0,58×1,00 м). Скелет ребенка лежал головой на северо-запад. В ногах найдены сосуд и кусочек охры, в изголовье — ребра барана, золотая серьга и стеклянный бисер (табл. XLIX, 13, 14, 16, 17, 28).

Могила 15. Контуры из-за грабительской ямы не прослеживаются, глубина 66 см. Найден сосуд (табл. XLIX, 11).

Могила 16 (2,50×1,16×0,58 м). Контуры испорчены грабительской ямой. Скелеты мужчины 16—20 лет и возмужалой женщины лежали черепами на северо-запад, потревожены. Найдены ребра барана, железный нож и серебряная серьга (табл. XLIX, 18).

Могила 17 (2,35×0,80×1,37 м). Центральная, разграбленная. Вытянута с юго-западо-запада на северо-востоко-восток. Найдены кости скелета, обломок ножа и обрывок золотой фольги с тисненым узором (табл. XLIX, 11).

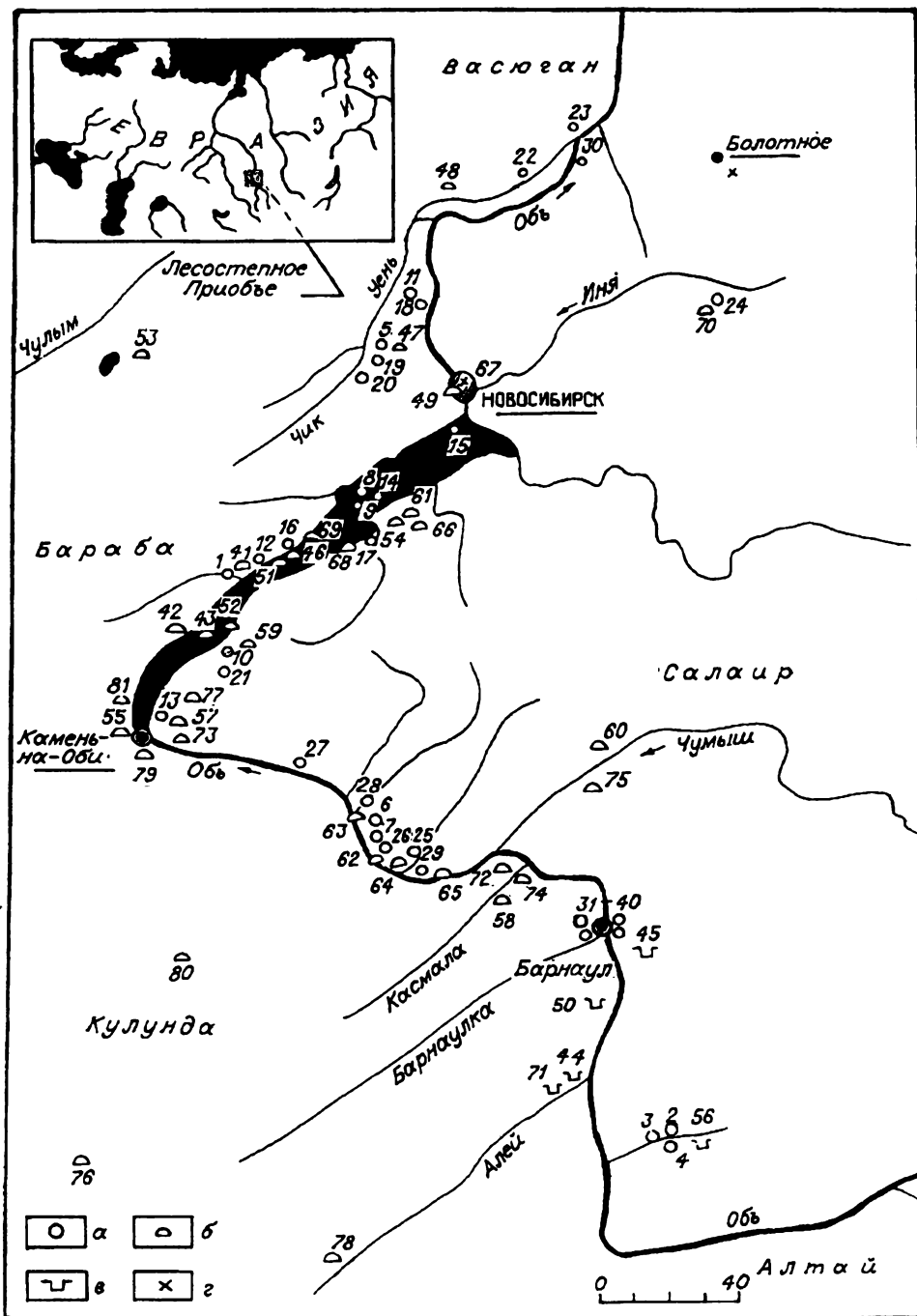

Табл. 1. Расположение памятников болшереченской культуры в лесостепном Приобье.

а — поселения; б — курганы; в — грунтовые могильники; г — случайные находки.
 Порядковому номеру памятника соответствует его номер в тексте гл. 1.

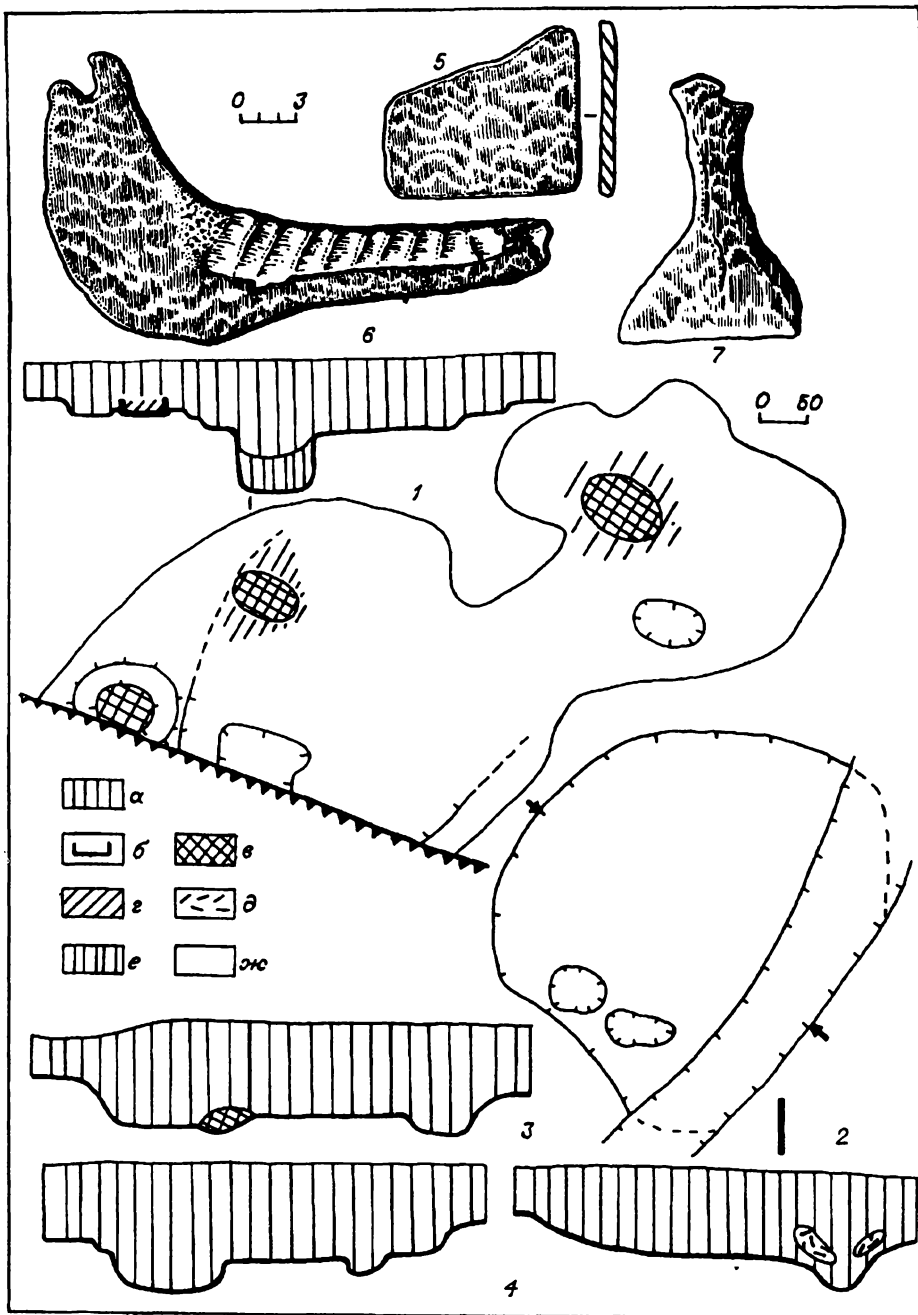

Табл. II. Ордынское-9. Планы и разрезы жилищ, находки.

1 — жилище 1; 2 — жилище 3; 3 — жилище 4; 4 — жилище 2; 5 — роговая заготовка; 6—7 — костяные орудия; а — черная супесь; б — глиняные бортики очага; в — обожжение; г — сажа; д — рушенный слой; е — серая супесь; ж — материк.

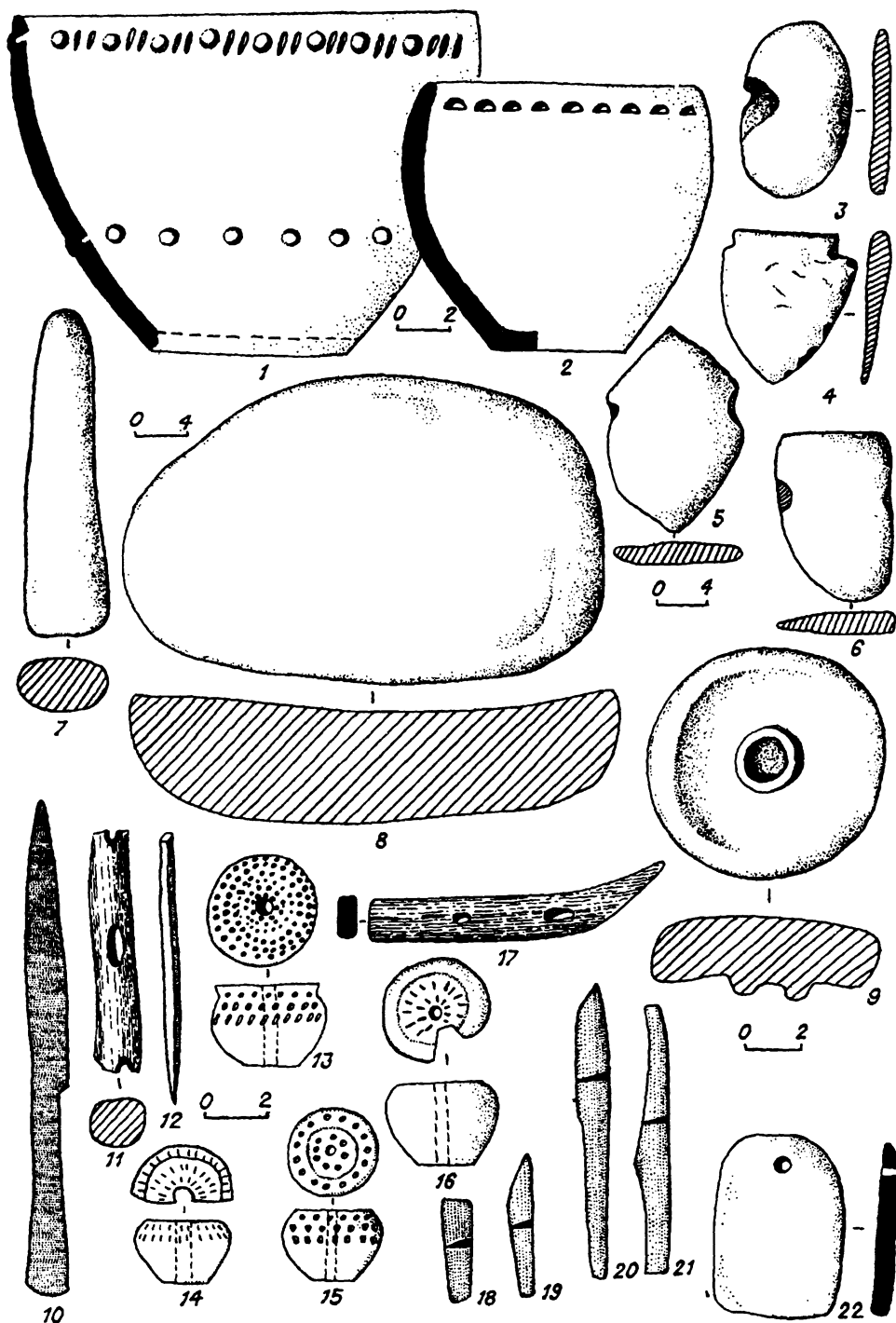

Табл. III. Ордынское-9. Находки.

1, 2, 9, 13-16 — глина; 3-8, 22 — камень; 10, 12, 18-21 — бронза; 11, 17 — кость.

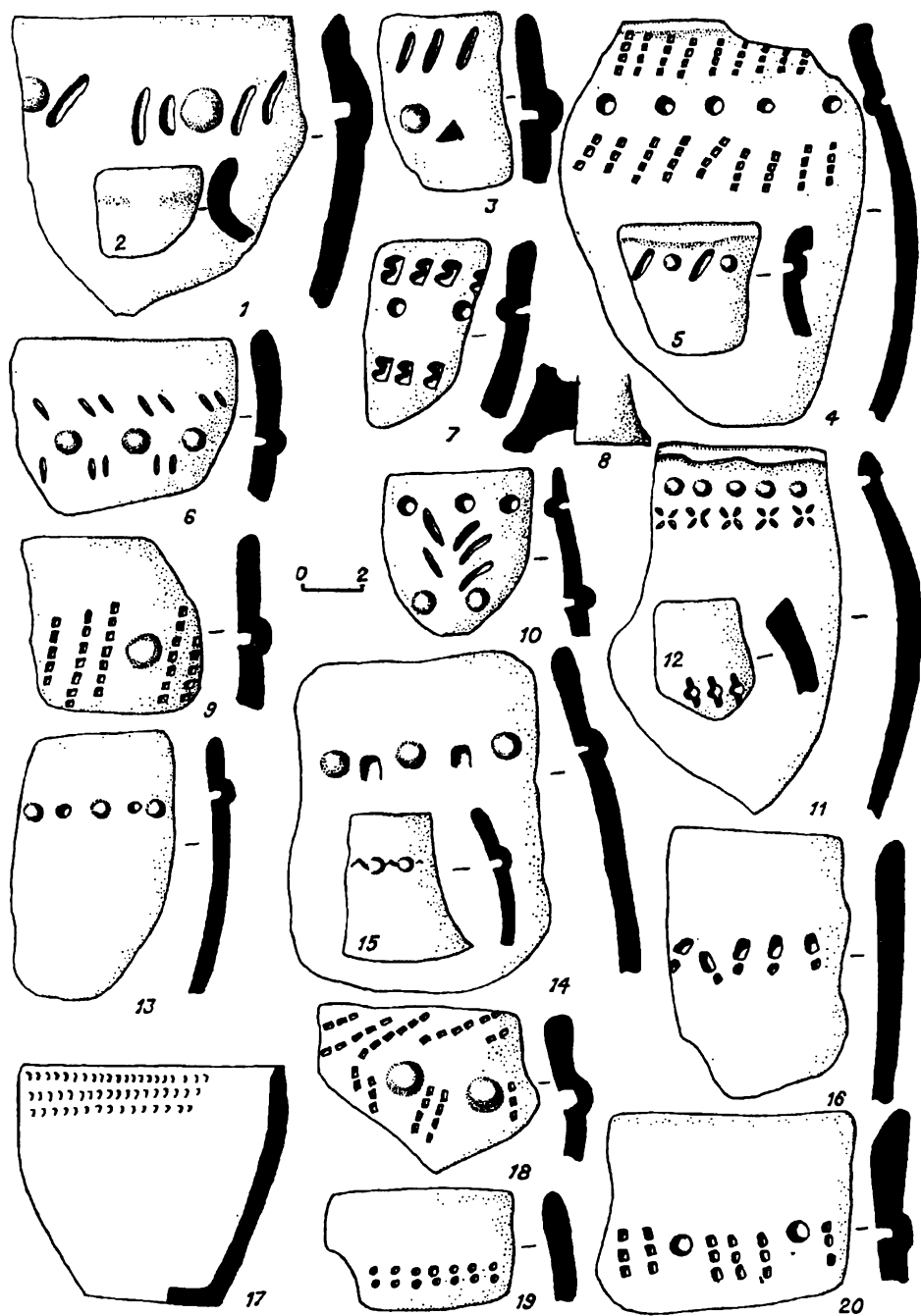

Табл. IV. Ордынское-9. Керамика.

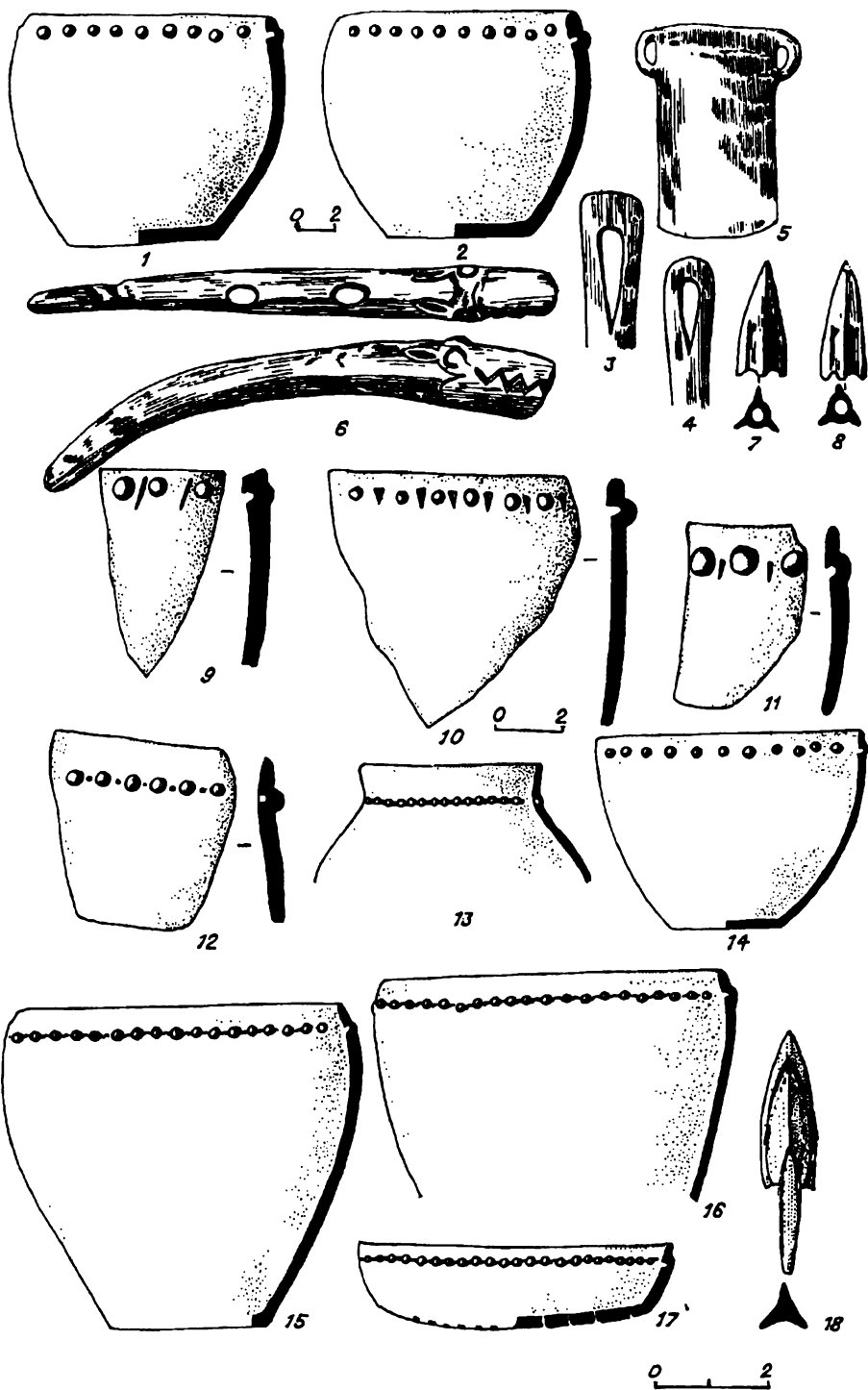

Табл. V. Находки с поселений Ближние Елбаны I (9–18), XII (1–6), XV (7, 8).
 1, 2, 9–17 – глина; 3–5 – реконструкция по литевой форме; 6 – рог; 7, 8, 18 – бронза. 1–8, 13–17 –
 М. П. Грязнову.

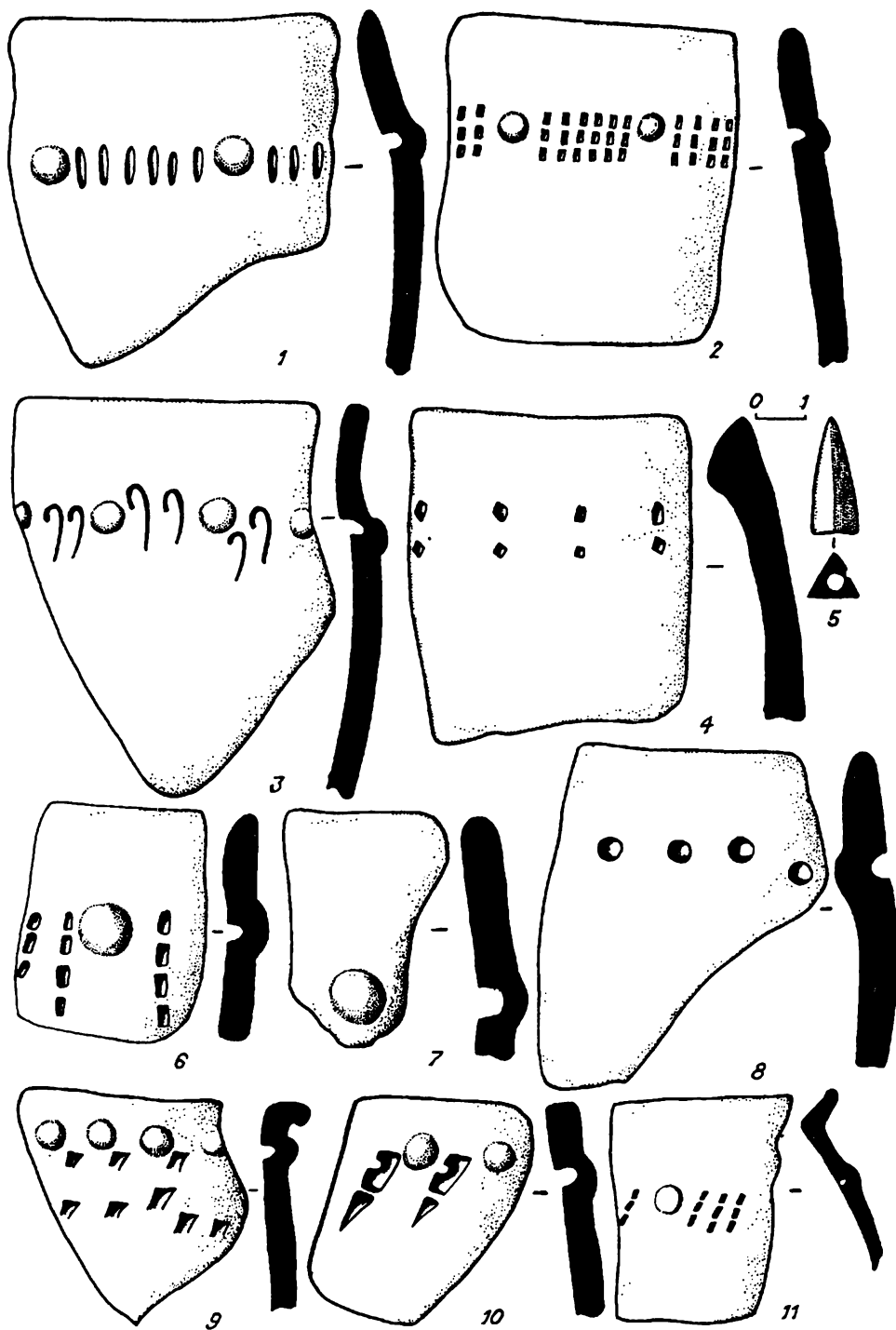

Табл. VI. Поселение Крохалевка-11а. Находки.

1-4, 6-8 - керамика большереченского типа; 5 - бронза; 9-11 - керамика кижировского типа.

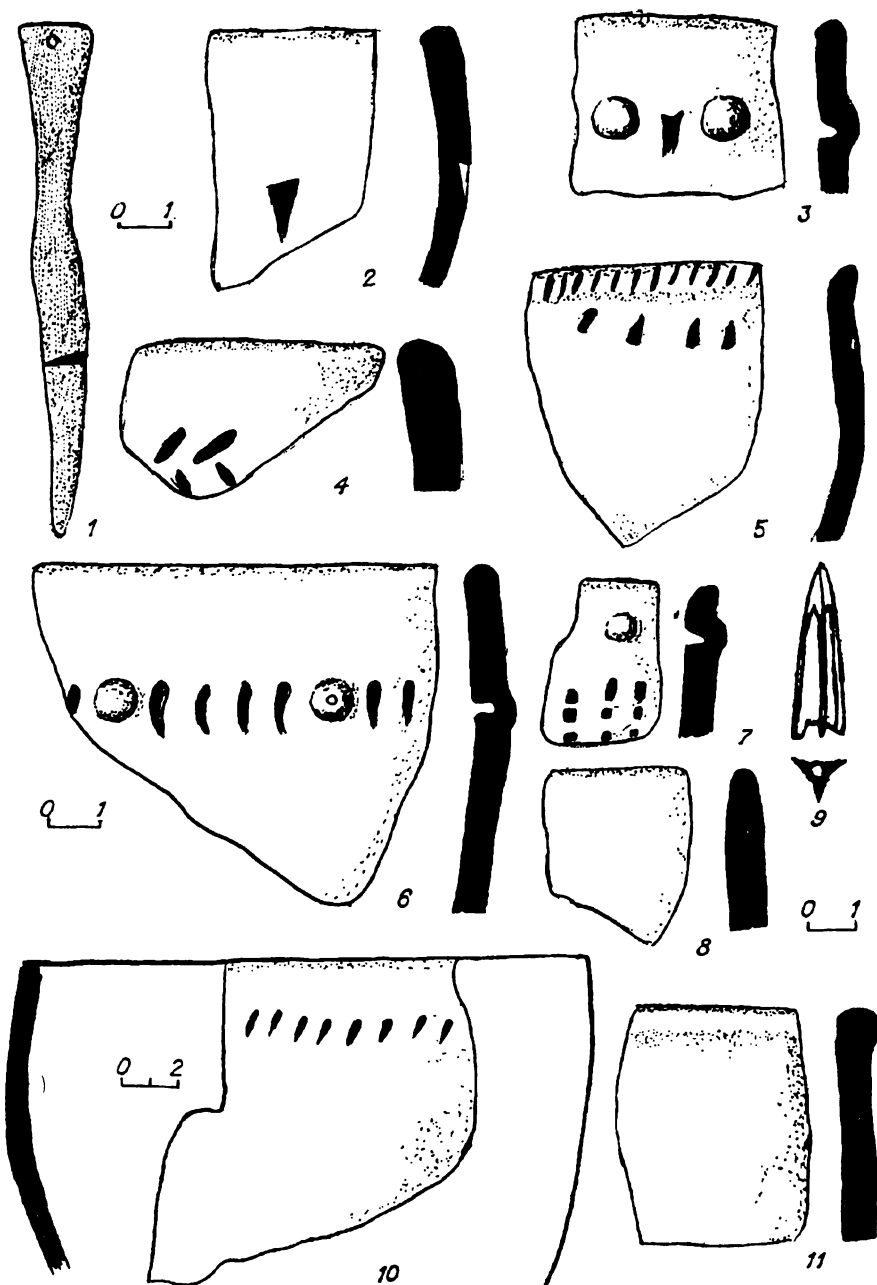

Табл. VII. Находки с поселений Мереть-1 (1—5), Кротово-7—8 (6—9), Кротово-2 (10), Кротово-4 (11).
 1, 9 — бронза; 2—8, 10, 11 — глина.

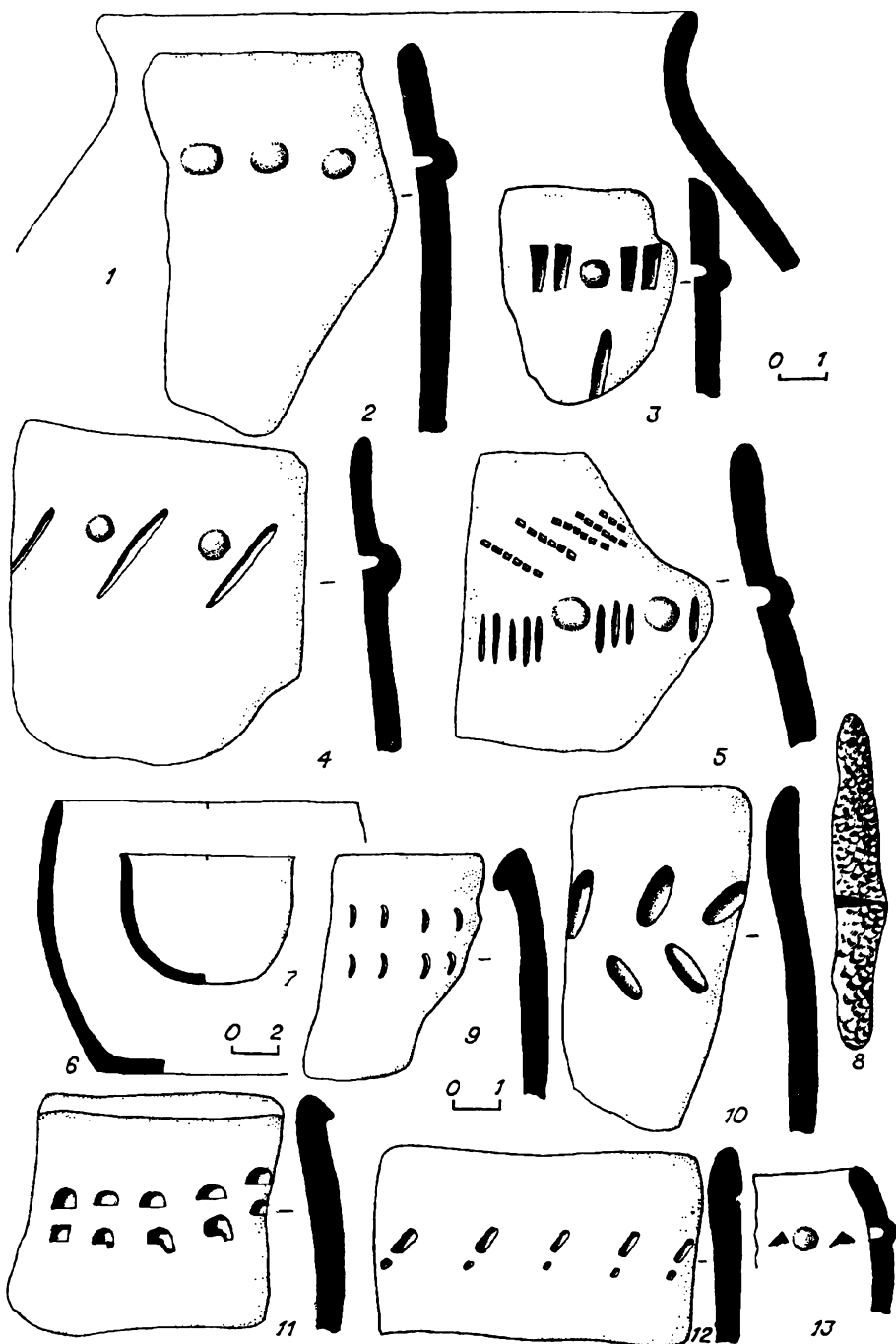

Табл. VIII. Находки с поселений Ирмень-1 (1—5) и Ирмень-5 (6—13).
 1—7, 9—13 — глина; 8 — железо.

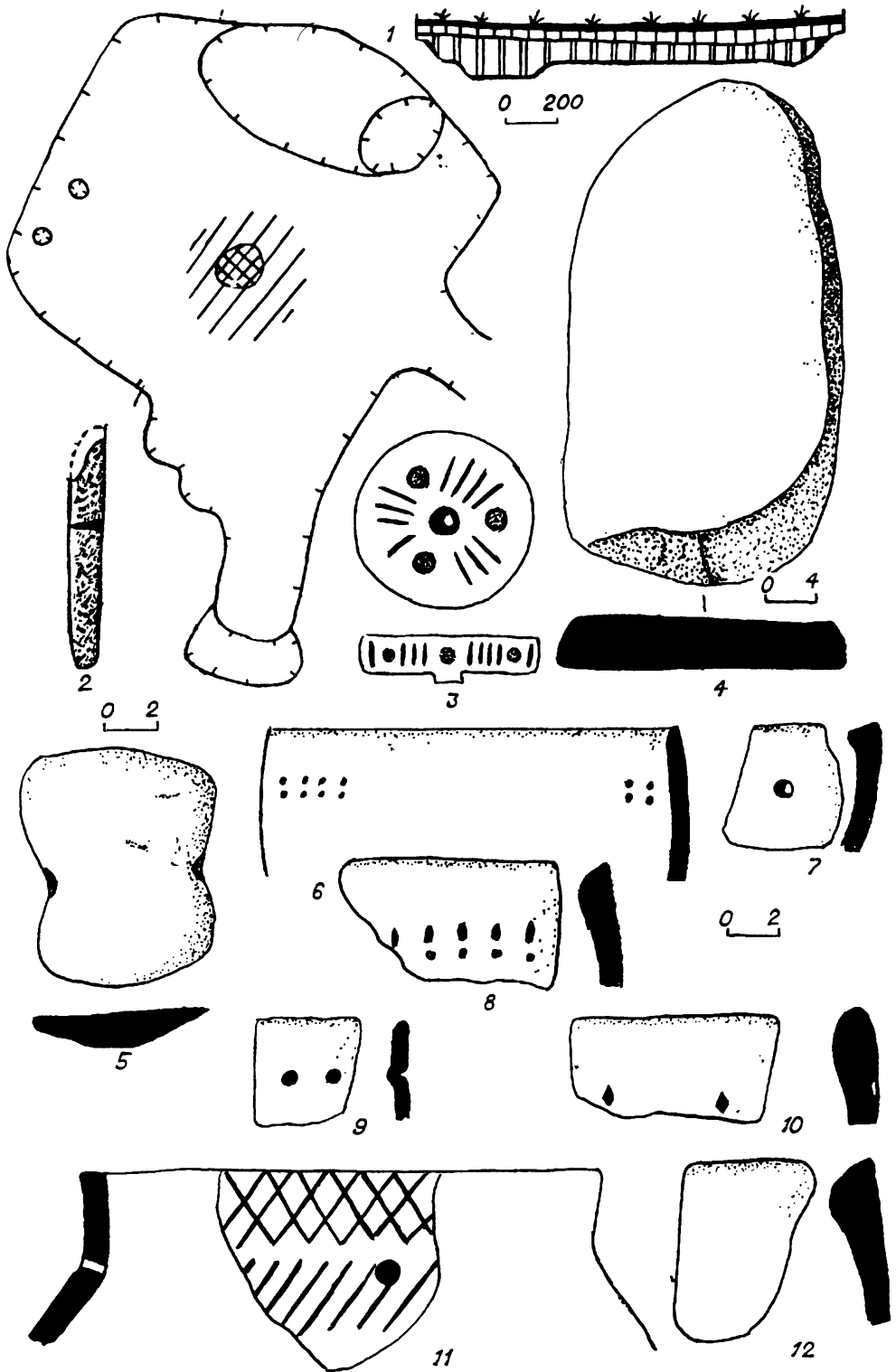

Табл. IX. Поселение Милованово-За.

1 — план и разрез жилища; 2—12 — находки. 2 — железо; 3, 6—12 — глина; 4, 5 — камень. Усл. обозн. см. табл. II.

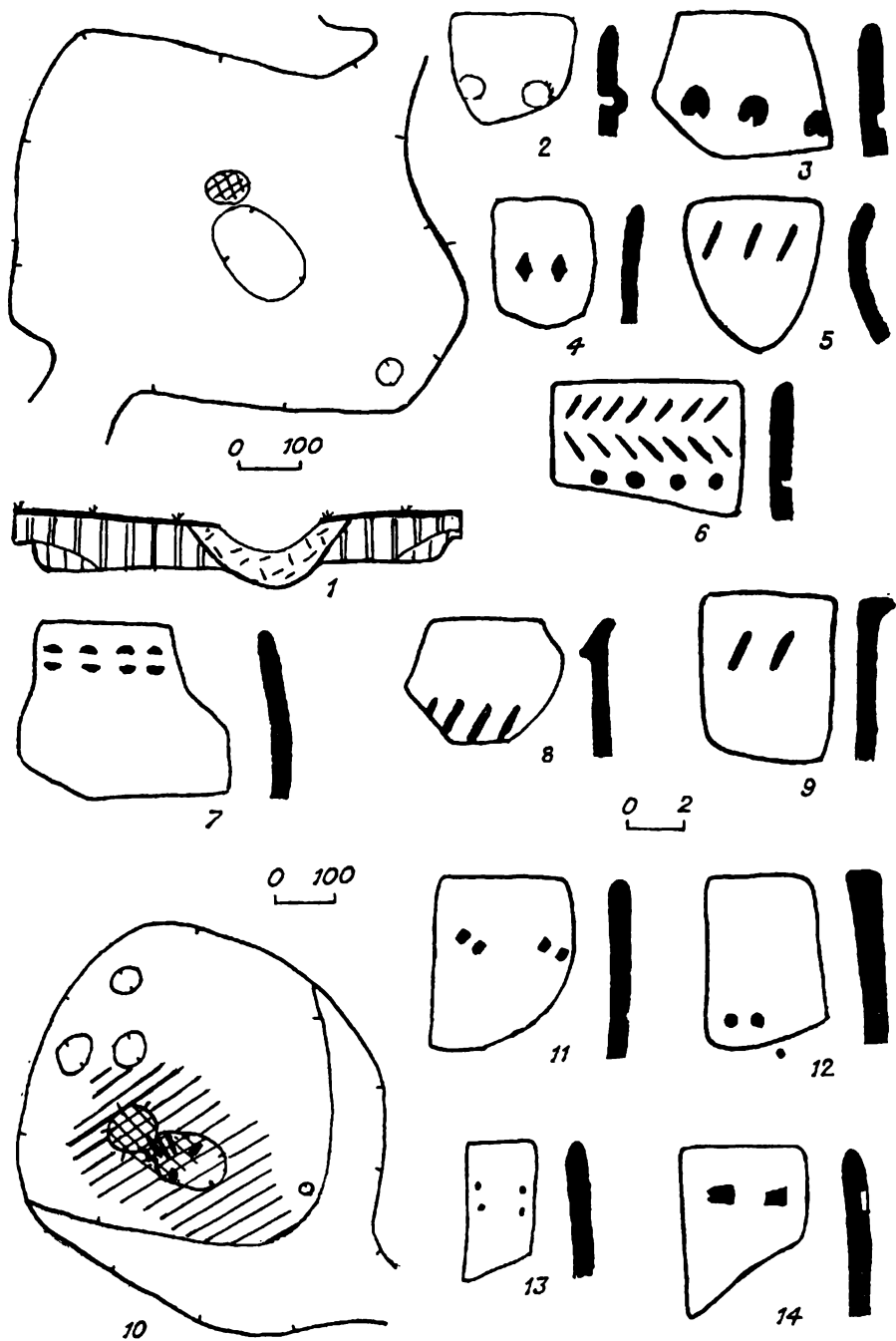

Табл. X.X Кордон-4 (1—9) и Ордынское-2 (10—14).

1, 10 — план и разрез жилищ; 2—9, 11—14 — керамика. Усл. обозн. см. табл. II.

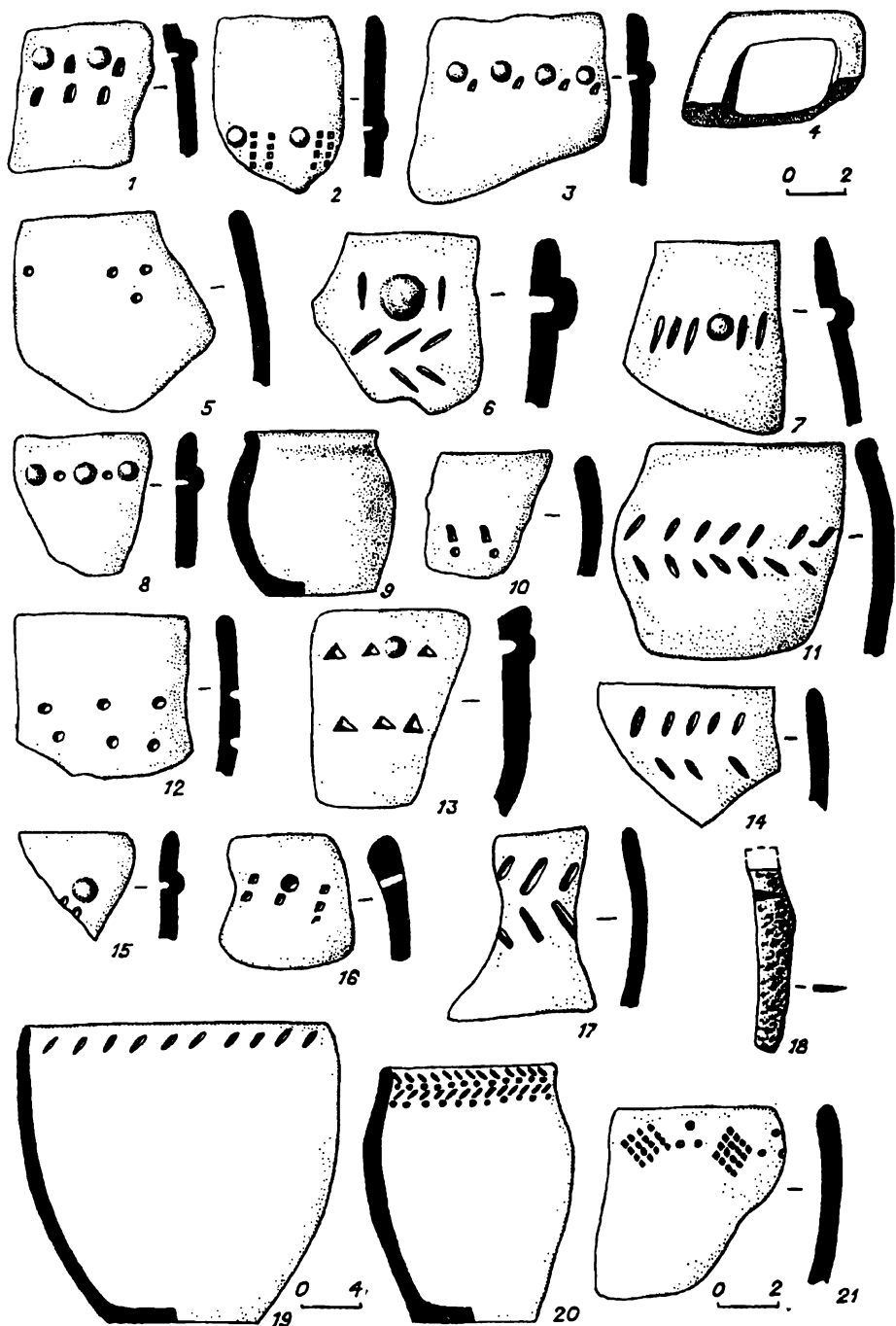

Табл. XI. Находки с поселений.

1-3 — Ирмень-2; 4-6 — Верх-Тула; 7-9 — Завьялово-5; 10-12 — III Кордон-1; 13-14 — Милованово-6; 15-18 — Шелганушка-1; 19 — Иня II; 20 — Боровое-2; 21 — Батурино-3 (18 — железо, остальное — глина).

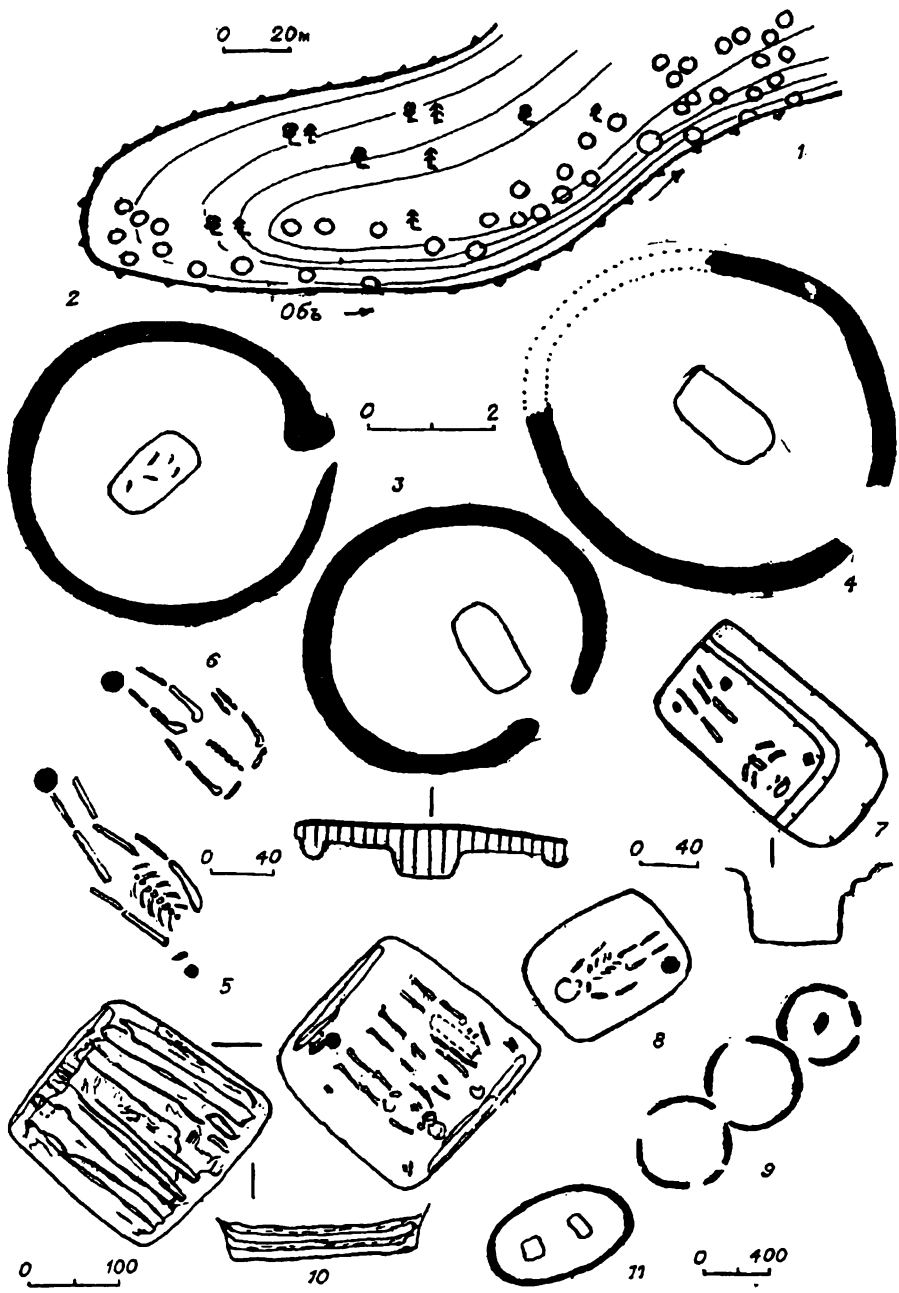

Табл. XII. Могильник Ордынское-1.

1 — план памятника; 2 — кург. 10; 3 — кург. 9; 4 — кург. 16, 5 — мог. Б; 6 — мог. А; 7 — кург. 7, мог. 4; 8 — мог. 12; 9 — рвы на отмели; 10 — кург. 4, 1954 г., мог. 2; 11 — кург. 4, 1954 г. (10, 11 — по М. П. Завитухиной).

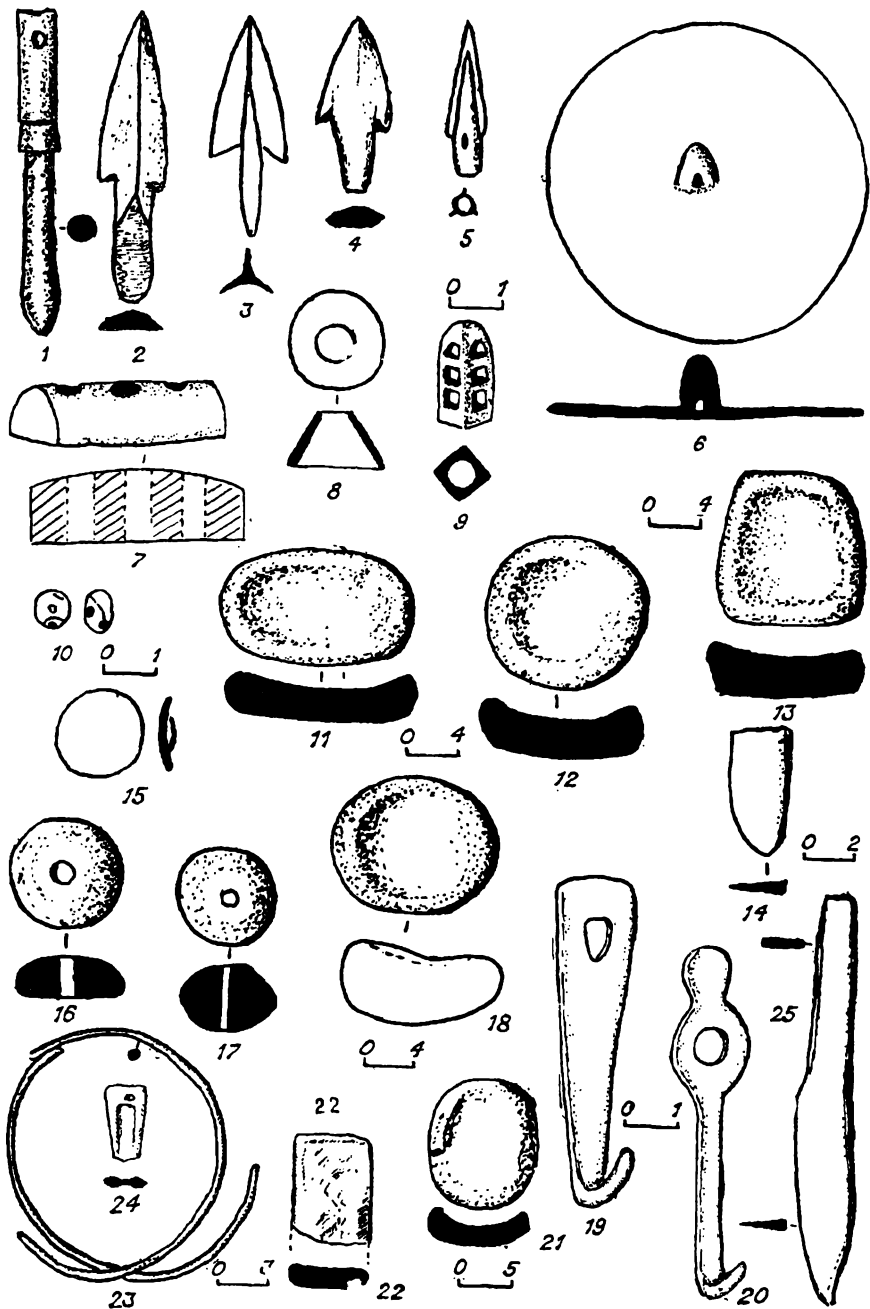

Табл. XIII. Могильник Ордынское-1. Находки.

1-5, 7-10, 19-24 - раскопки М. П. Грязнова. 6 - подъемный материал; 11 - кург. 14; 12, 14 - мог. А; 13, 16 - кург. 2, мог. 7; 15, 25 - кург. 6; 17 - кург. 15; 18 - кург. 16 (21-25 по М. П. Завитухиной). 1, 2, 4, 7 - кость; 10 - стекло; 11-13, 18, 21, 22 - камень; 16, 17 - глина; остальное - бронза.

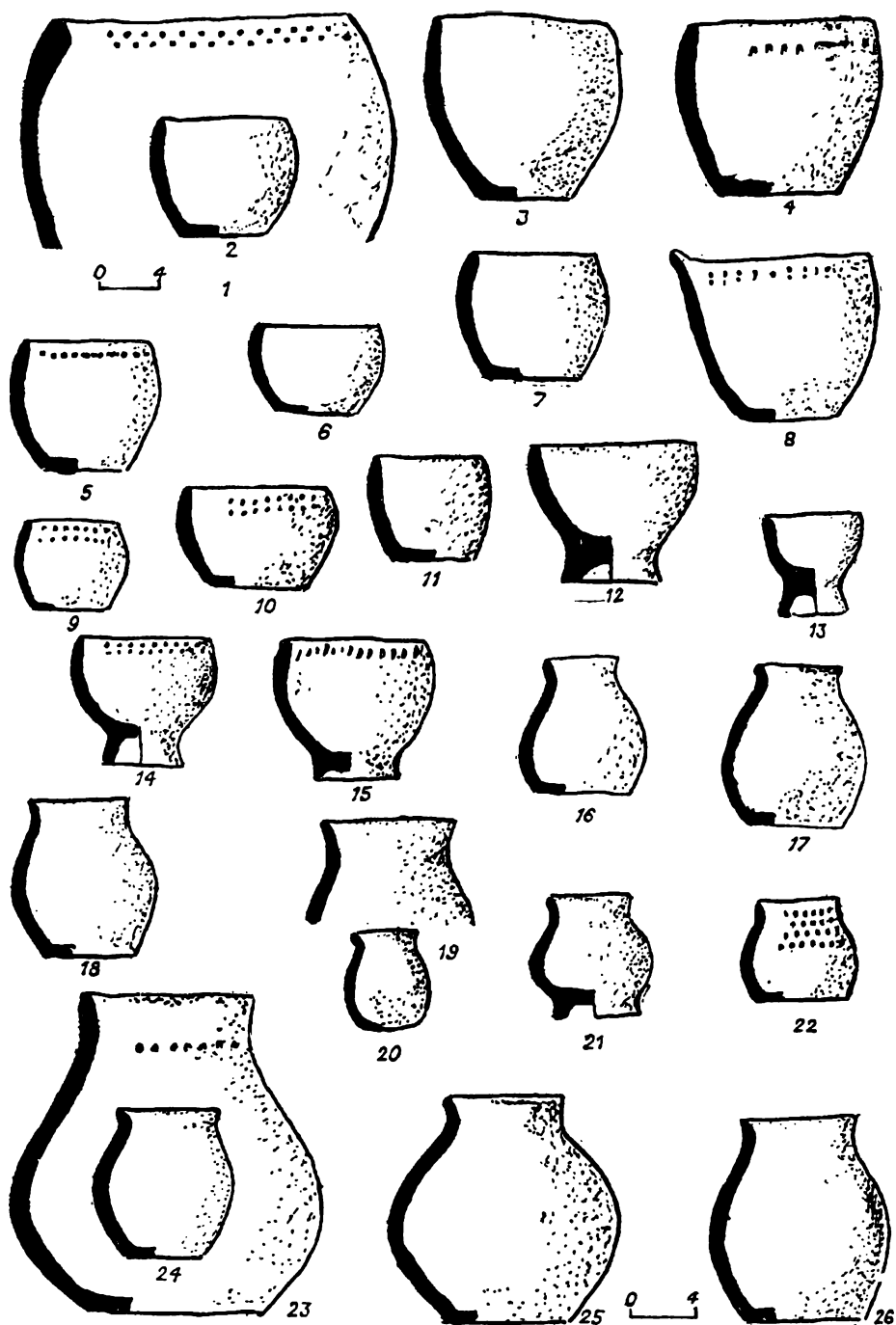

Табл. XIV. Могильник Ордынское-1. Керамика.

1 - кург. 9; 2, 11, 12, 14, 22, 23 - подъемный материал; 3, 7-9, 15, 17, 20, 25 - раскопки М. П. Грязнова (по М. П. Грязнову); 4 - кург. 2, мог. 1; 5 - кург. 2, мог. 11; 6, 26 - кург. 15; 10 - грунтовая мог. 13; 13 - кург. 2, насыпь; 16 - мог. Б; 18 - грунтовая мог. 12; 19 - кург. 3; 21 - мог. А; 24 - кург. 4, насыпь.

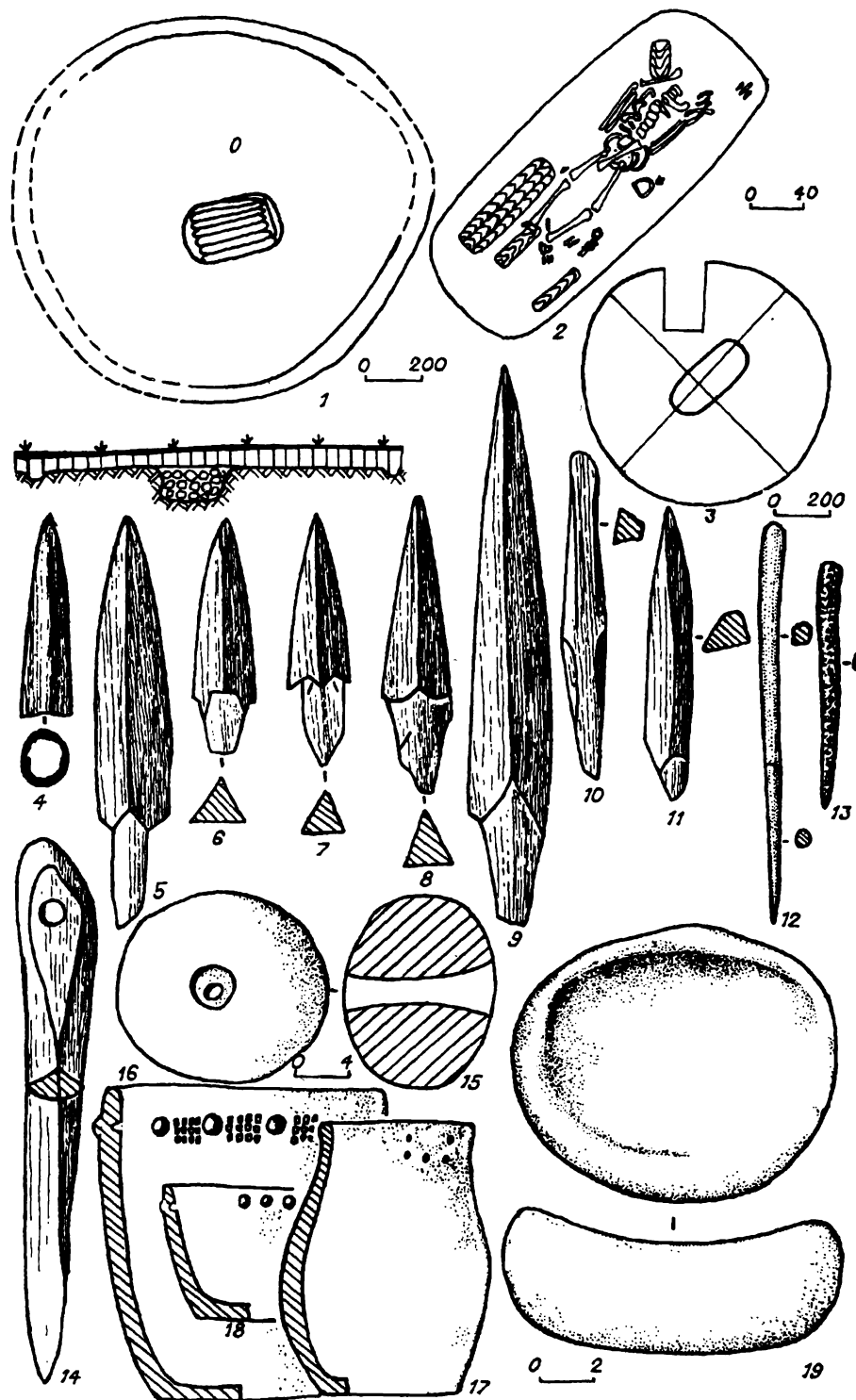

Табл. XV. Могильники Усть-Алеус-3 (1, 4) и «26 июня» (2, 3, 5-19).

1 — план кург. 1; 2, 3 — планы кург. 5 и погребения в нем; 4-19 — находки: 4 — кург. 1; 5 — кург. 1; 6-8, 17 — кург. 3; 9-12 — кург. 5; 13-15, 16, 18, 19 — кург. 2 (4, 12 — бронза; 5-11, 14 — кость, 13 — железо; 15-18 — глина, 19 — камень).

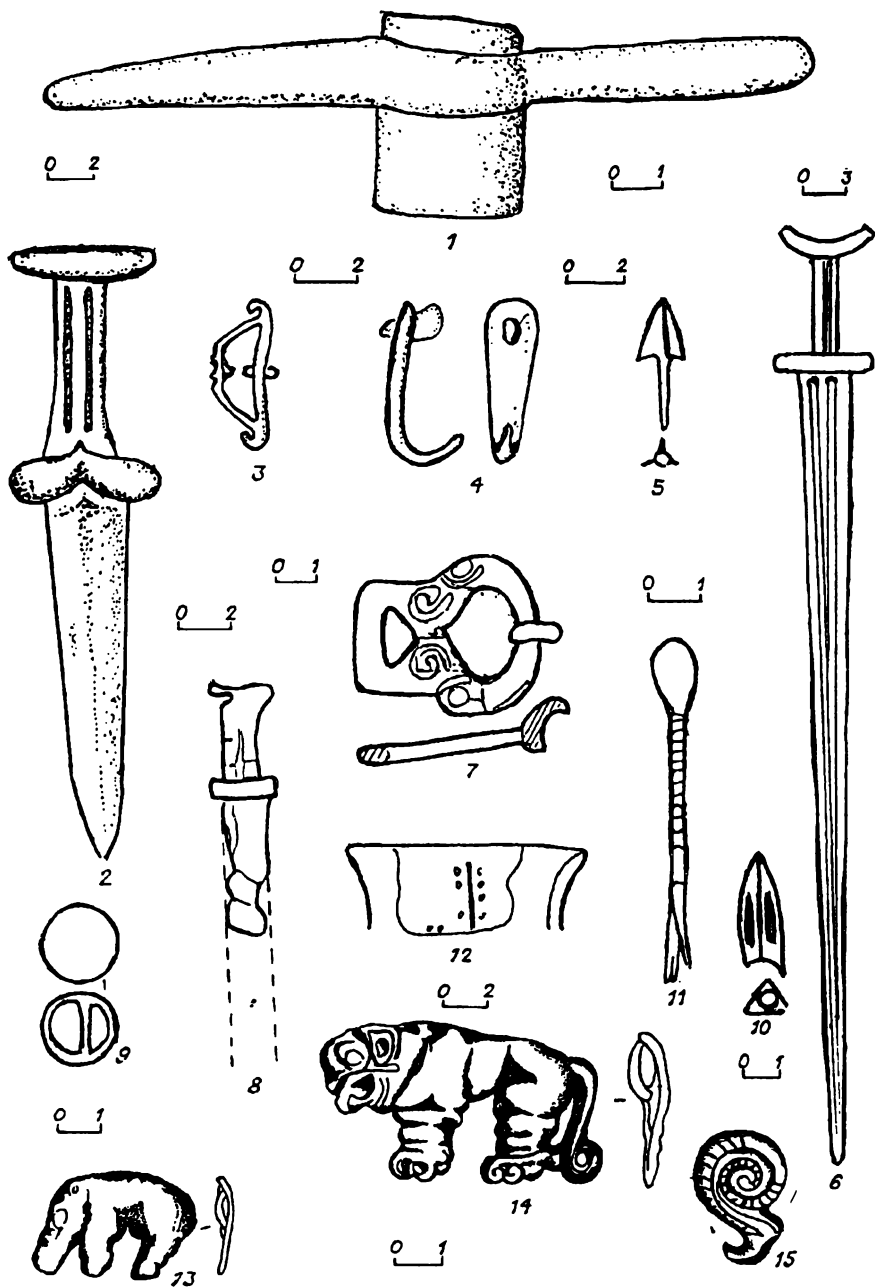

Табл. XVI. Материалы Барнаульско-Бийского Приобья.

1 — степной Алтай; 2—5 — Старая Алейка II; 6 — Ключи; 7—10 — Каллистратиха; 11—12 — Старая Алейка I; 13—15 — Обские Пльсы (1—5 — по Г. Е. Иванову; 6—10 — по А. П. Уманскому; 11, 12 — по В. Б. Бородаеву; 13—15 — по Ю. Ф. Кирышину). 1—5, 7, 9—11, 13—15 — бронза, 6, 8 — железо; 12 — глина.

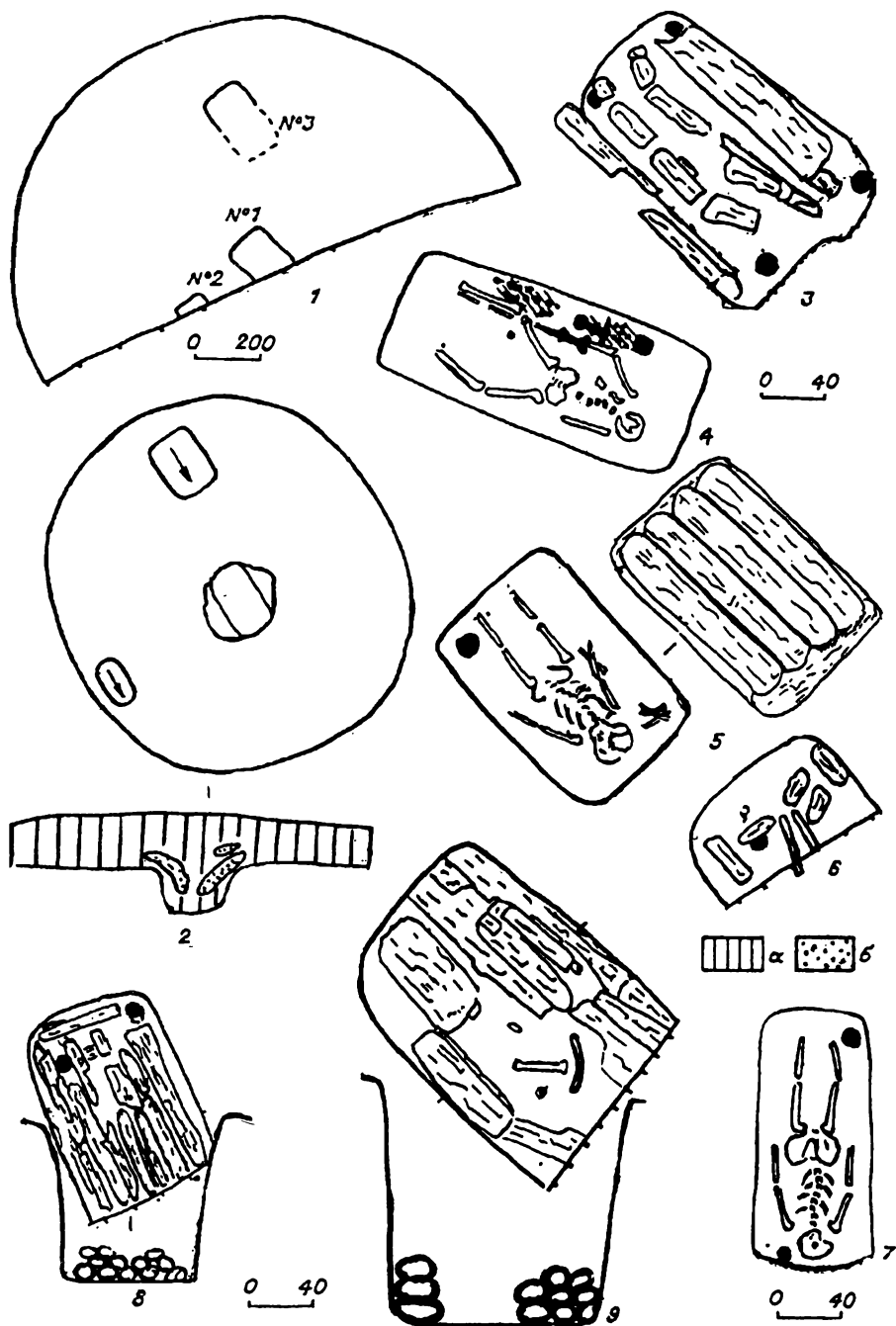

Табл. XVII. Новый Шарап-1. Планы курганов и могил.

1 — кург. 4; 2 — кург. 14; 3 — кург. 13, мог. 1; 4 — кург. 19, мог. 2; 5 — кург. 14, мог. 2; 6 — кург. 5, мог. 1; 7 — кург. 10, мог. 1; 8 — кург. 8, мог. 1; 9 — кург. 6, мог. 1.

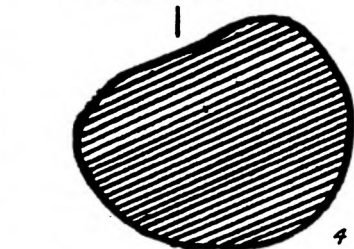
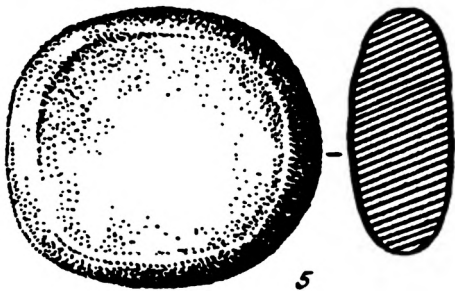
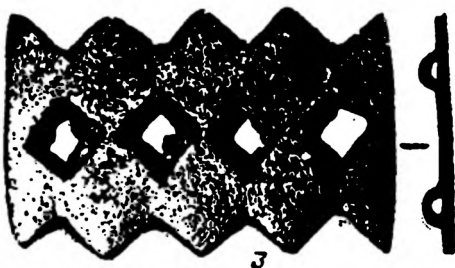
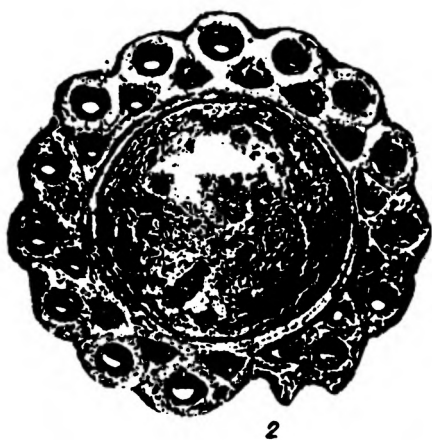
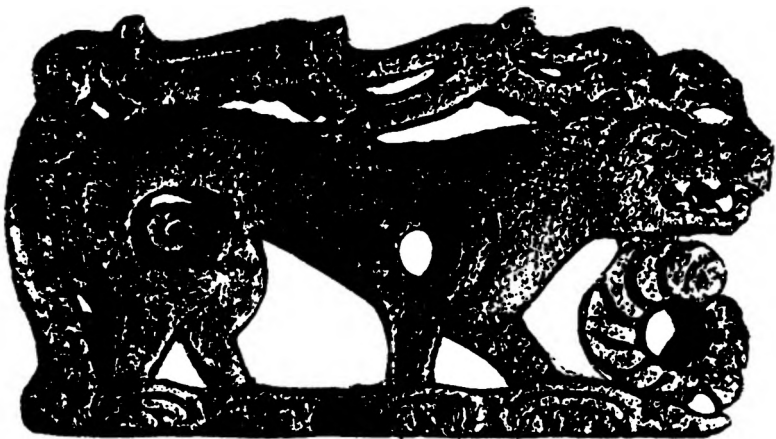

Табл. XVIII. Новый Шарап-1. Находки.

1, 2 — кург. 6, мог. 2; 3 — кург. 6, мог. 1; 4, 5 — в осыпи (1—3 — бронза; 4, 5 — камень).

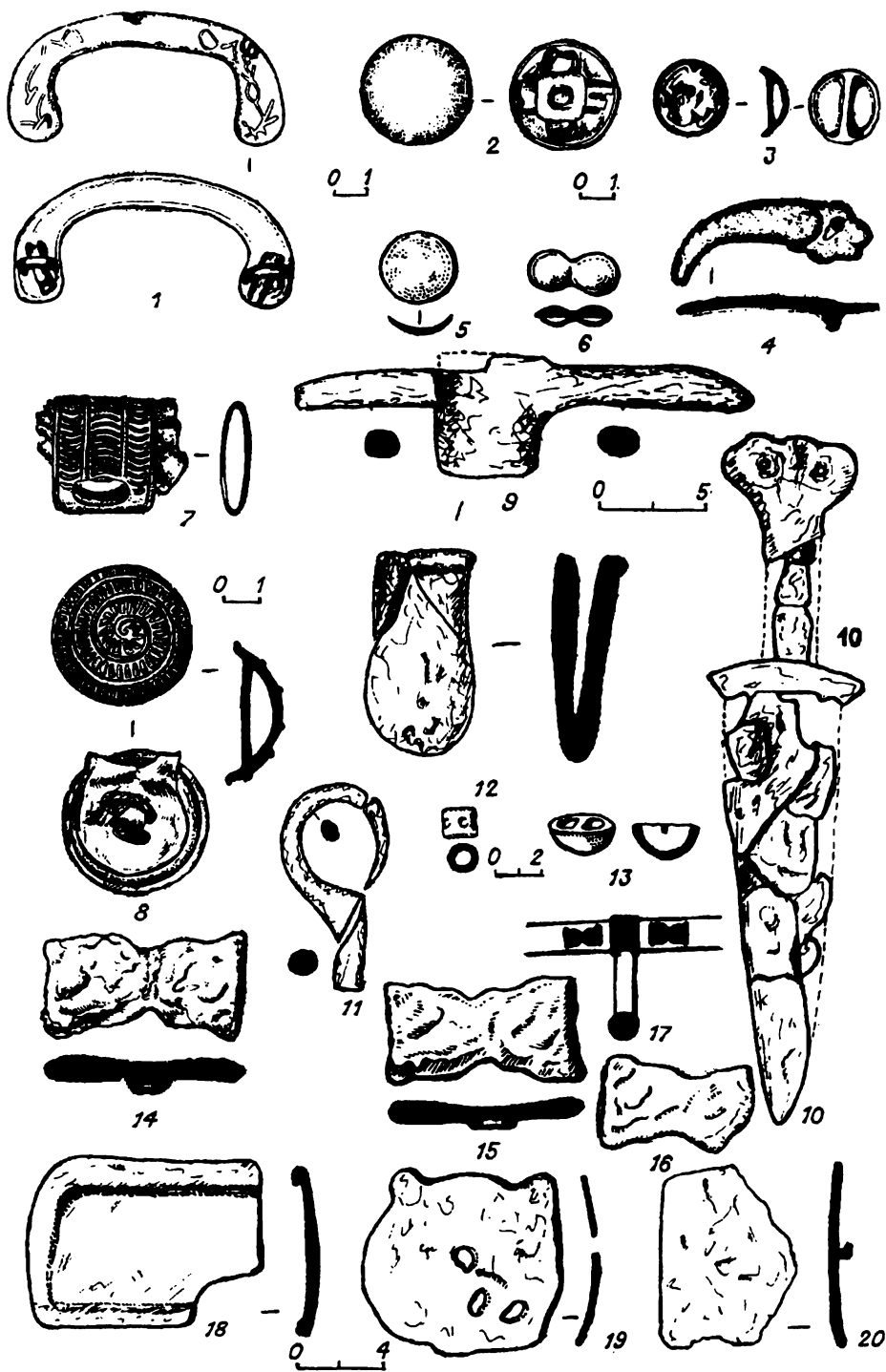

Табл. XIX. Новый Шарп-1, курган 19. Находки.

1-3 - бронза; 9-11, 13-16, 18-20 - железо; 12 - кости; 17 - реконструкция пояса.

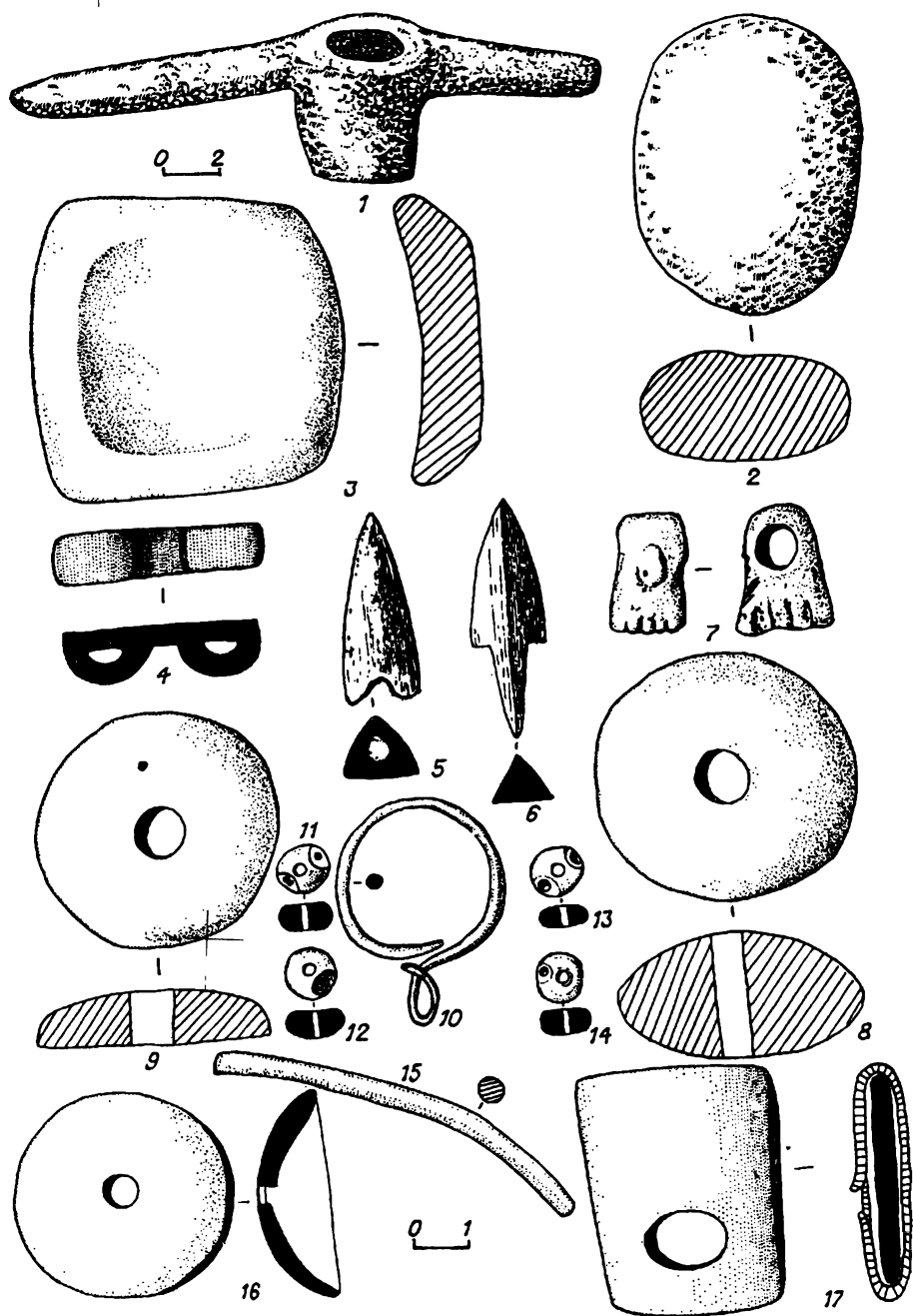

Табл. X^в Новый Шарп-1. Находки.

1 — кург. 6, мог. 2; 2, 10-13 — кург. 13, мог. 4; 3 — кург. 11; 4 — кург. 12, мог. 2; 5-7 — кург. 14, мог. 1; 8 — кург. 13, мог. 2; 9, 15-17 — подъемный материал; 14 — кург. 6, мог. 1 (1 — железо; 2, 3 — камень; 4, 10, 15-17 — бронза; 5-7 — кость; 8-9 — глина; 11-14 — стекло).

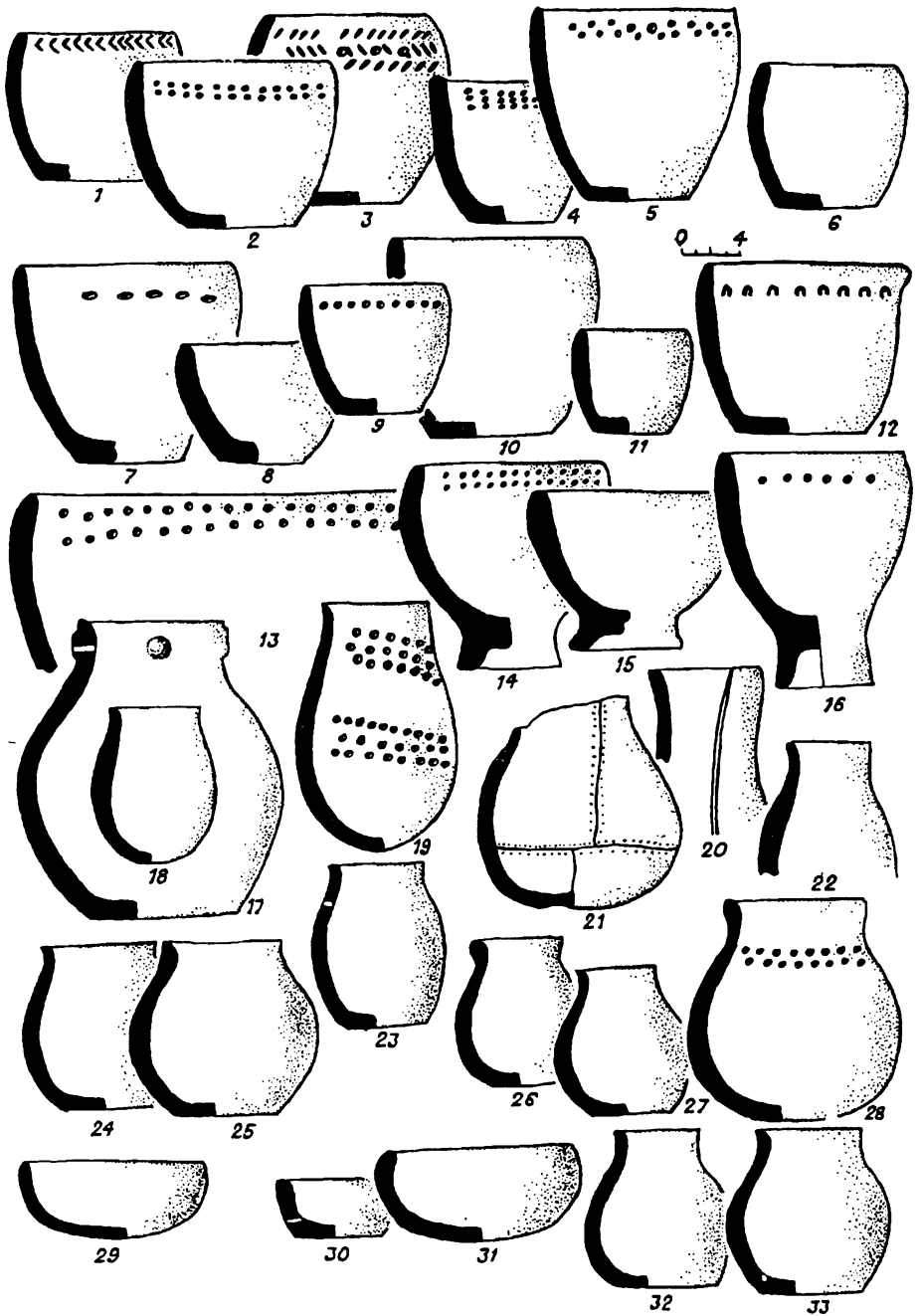

Табл. XXI. Новый Шарап-1. Керамика.

1 — кург. 5; 2, 25 — кург. 8, мог. 1; 3 — кург. 9; 4, 24 — кург. 10, мог. 1; 5, 11, 12, 31 — кург. 13, мог. 1; 6 — кург. 12, мог. 2; 7, 22 — кург. 13, м. 4; 8, 18 — кург. 13, мог. 3; 9 — кург. 12, мог. 1; 10 — кург. 14, мог. 2; 13 — кург. 19; 14 — кург. 4, мог. 1; 15 — кург. 2; 16 — кург. 18; 17, 20, 23, 30 — подъемный материал; 19 — кург. 13, мог. 2; 21 — кург. 3; 26 — кург. 14, мог. 3; 27, 32 — кург. 10, мог. 2; 28 — кург. 8, мог. 2; 29 — кург. 4, мог. 2; 33 — кург. 11.

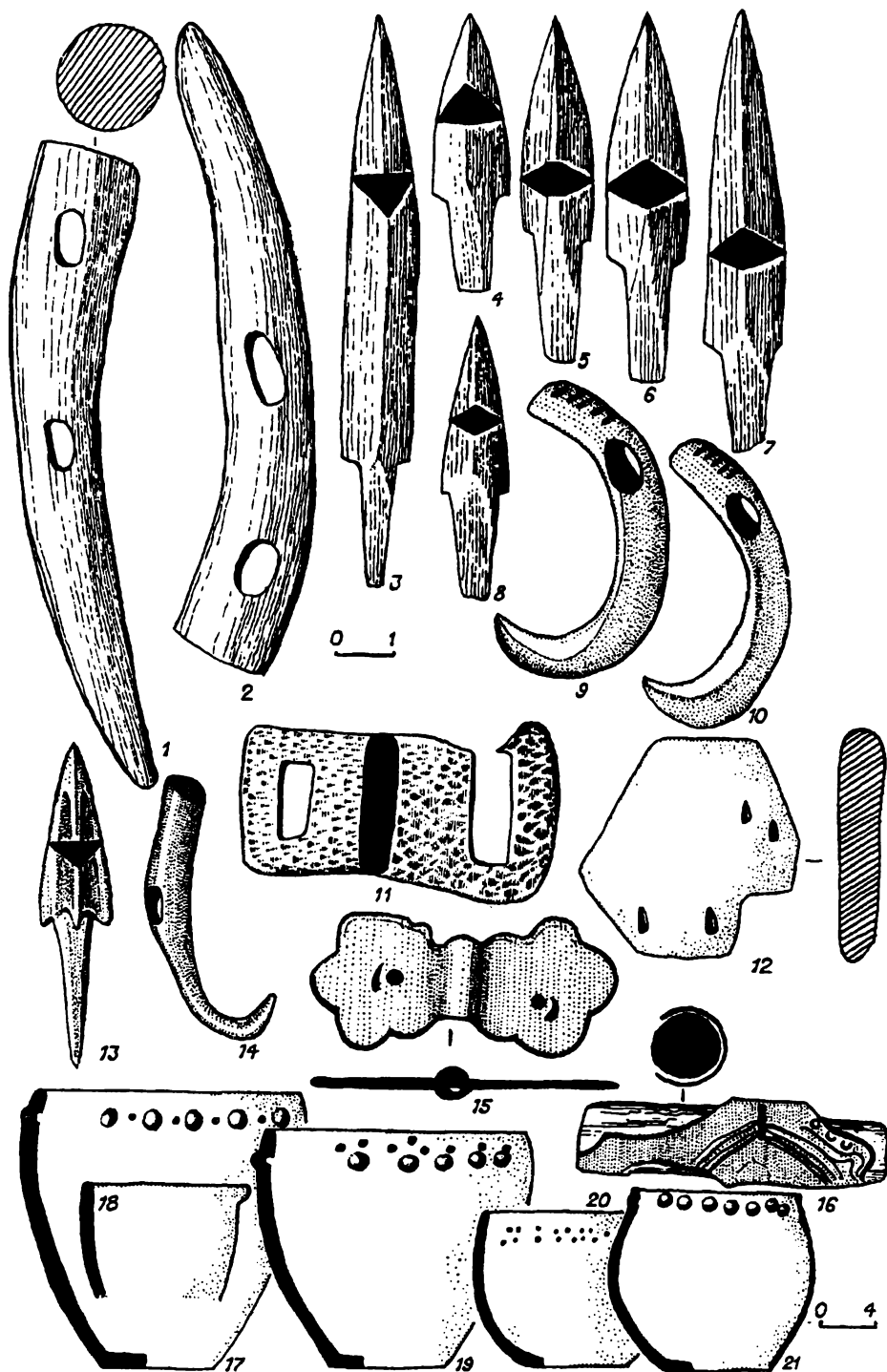

Табл. XXII. Находки из могильников на ул. Станиславского (1—12) и Крохалева-5 (13—21).

1—8, 11 — кость; 9, 10, 13—15 — бронза; 12, 17—21 — глина; 16 — дерево и бронза.

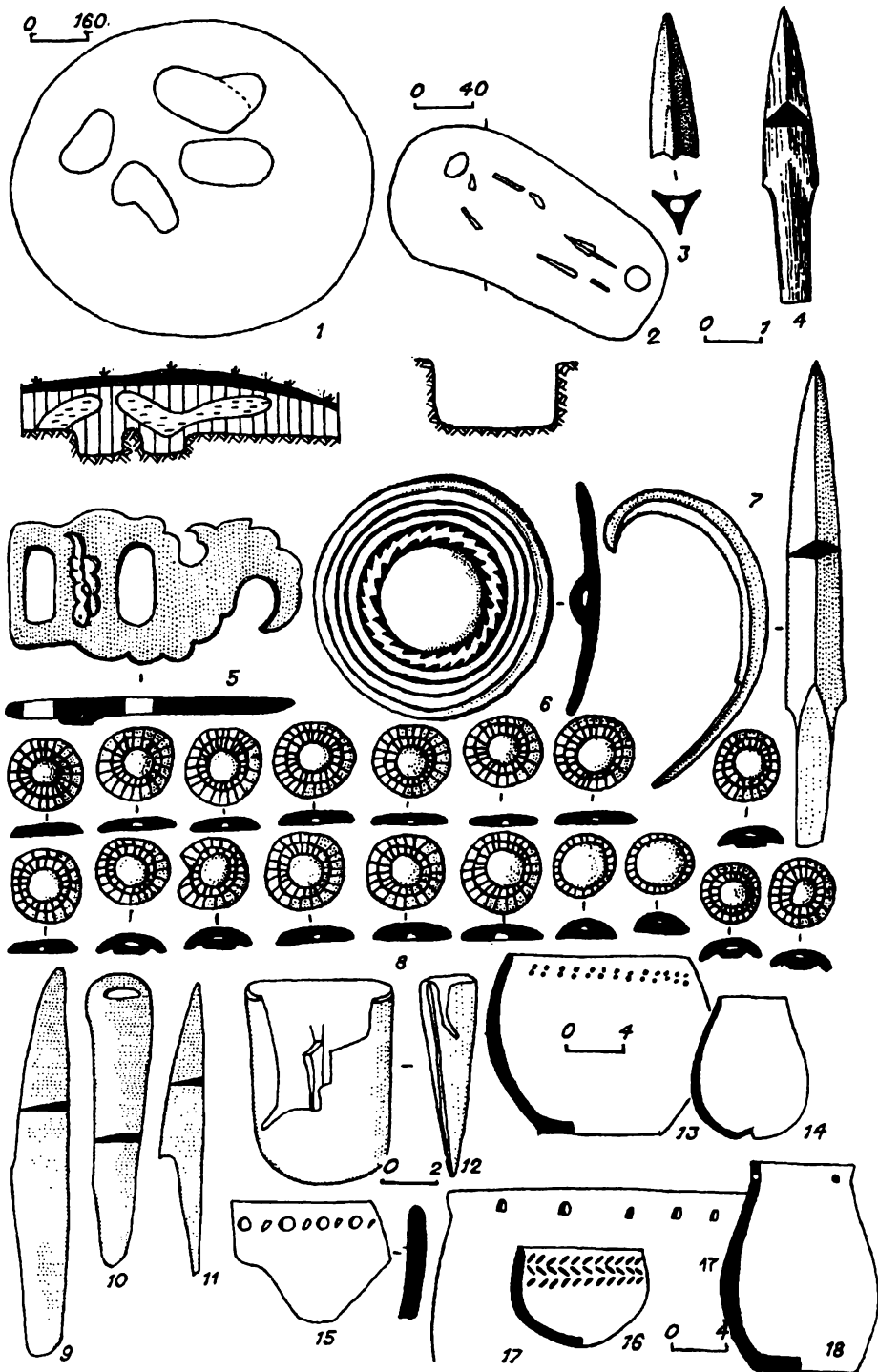

Табл. XXIII. Могильники Высокий Борок (1, 2, 5—18) и Аткуль (3—4). Планы и разрезы кургана и погребения (1—2), находки (3—18).

1 — кург. 4; 2 — кург. 4, мог. 4; 3, 4 — Аткуль; 5 — кург. 14—15, насыпь; 6, 8, 10 — кург. 15, мог. 8; 7 — кург. 13, насыпь; 9, 12, 17 — кург. 16, мог. 3; 11, 18 — кург. 4, мог. 2; 13 — кург. 4, мог. 3; 14, 16 — кург. 13, мог. 2; 15 — кург. 16, мог. 5 (3, 5—12 — бронза; 4 — кость; 13—18 — глина).

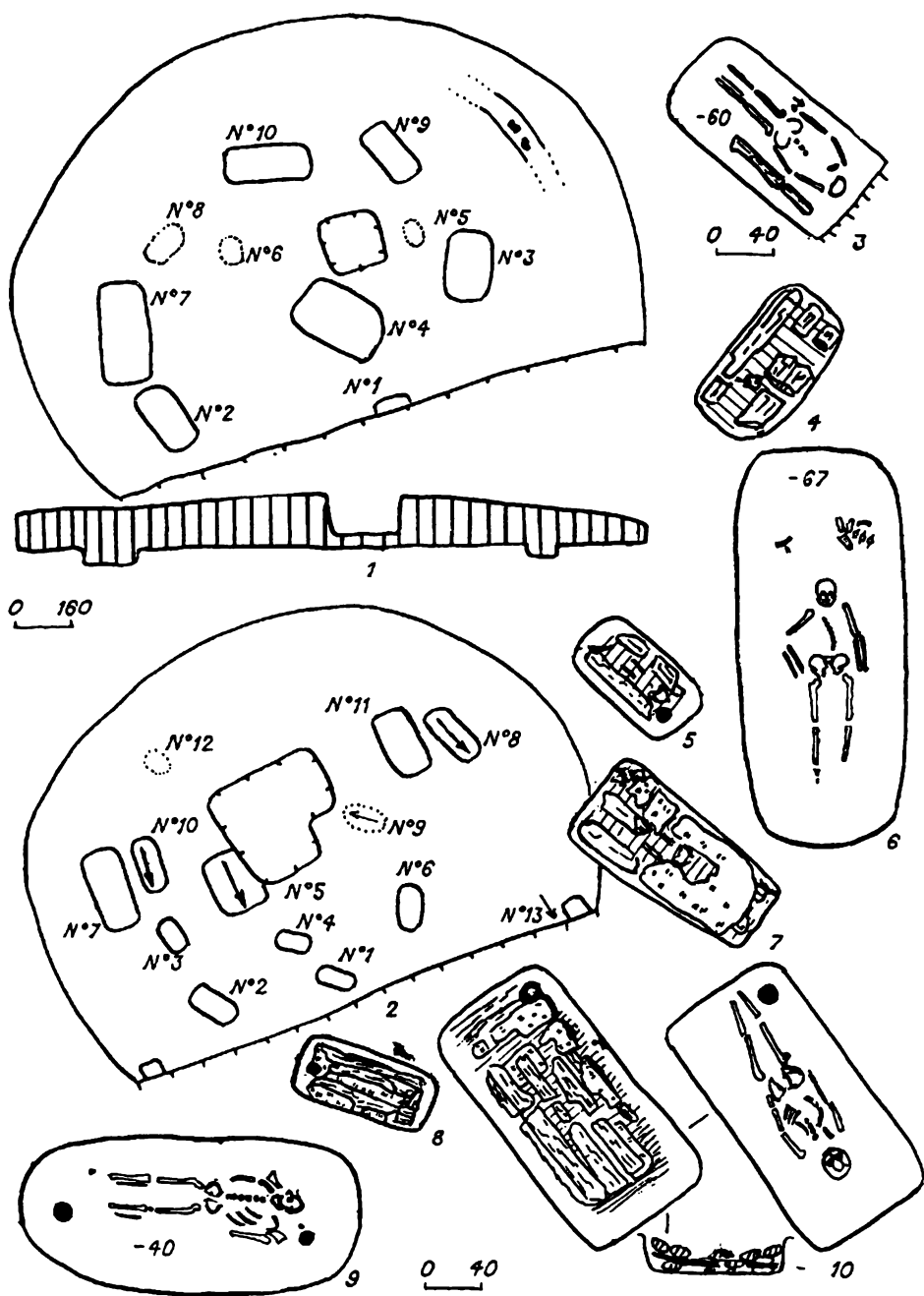

Табл. XXIV. Новый Шарап-2. Планы курганов и могил.

1 — кург. 1; 2 — кург. 2; 3 — кург. 3, мог. 2; 4 — кург. 2, мог. 6; 5 — кург. 2, мог. 3; 6 — кург. 1, мог. 7; 7 — кург. 2, мог. 2; 8 — кург. 2, мог. 4; 9 — кург. 1, мог. 10; 10 — кург. 1, мог. 2.

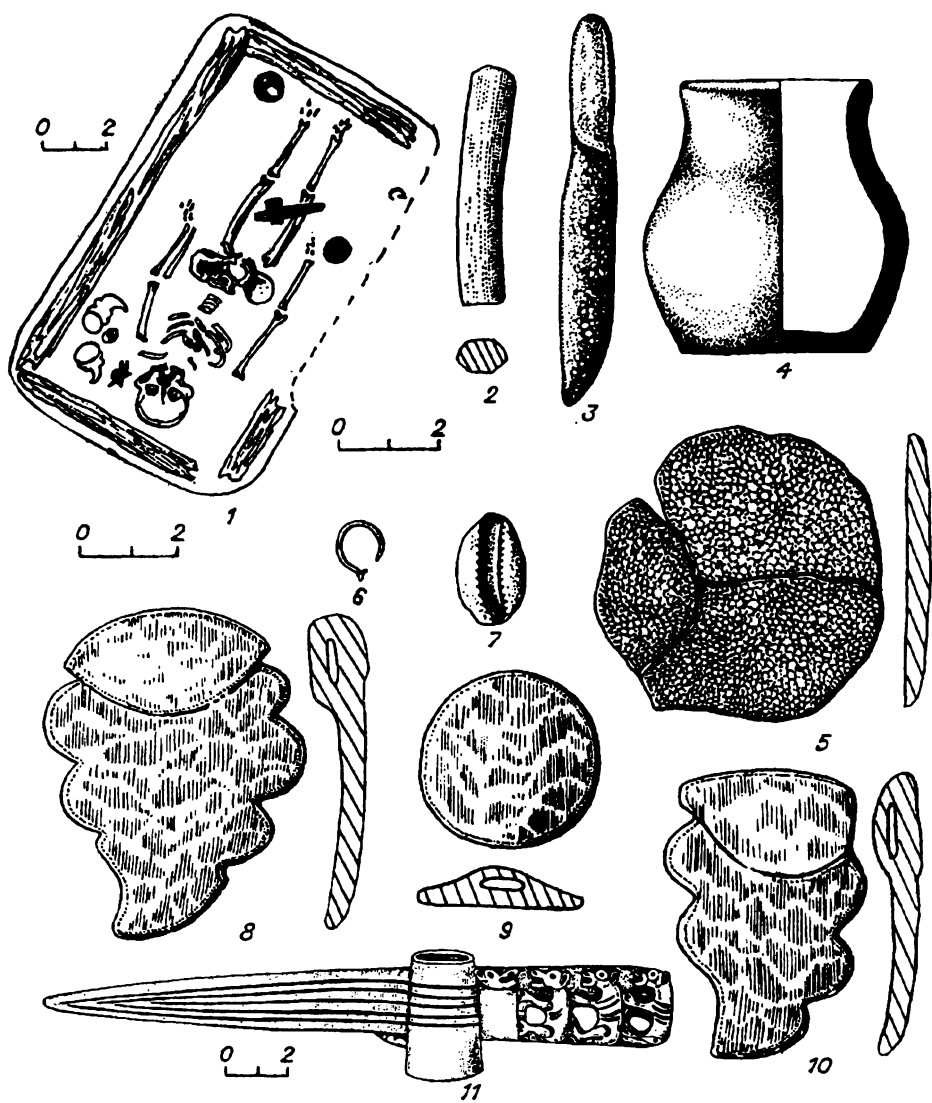

Табл. XXV. Новый Шарап-2, кург. 2, мог. 5.

1 — план могилы; 2—11 — находки. (2, 8—10 — рог; 3, 5 — железо; 4 — глина; 6, 11 — бронза; 7 — раковина).

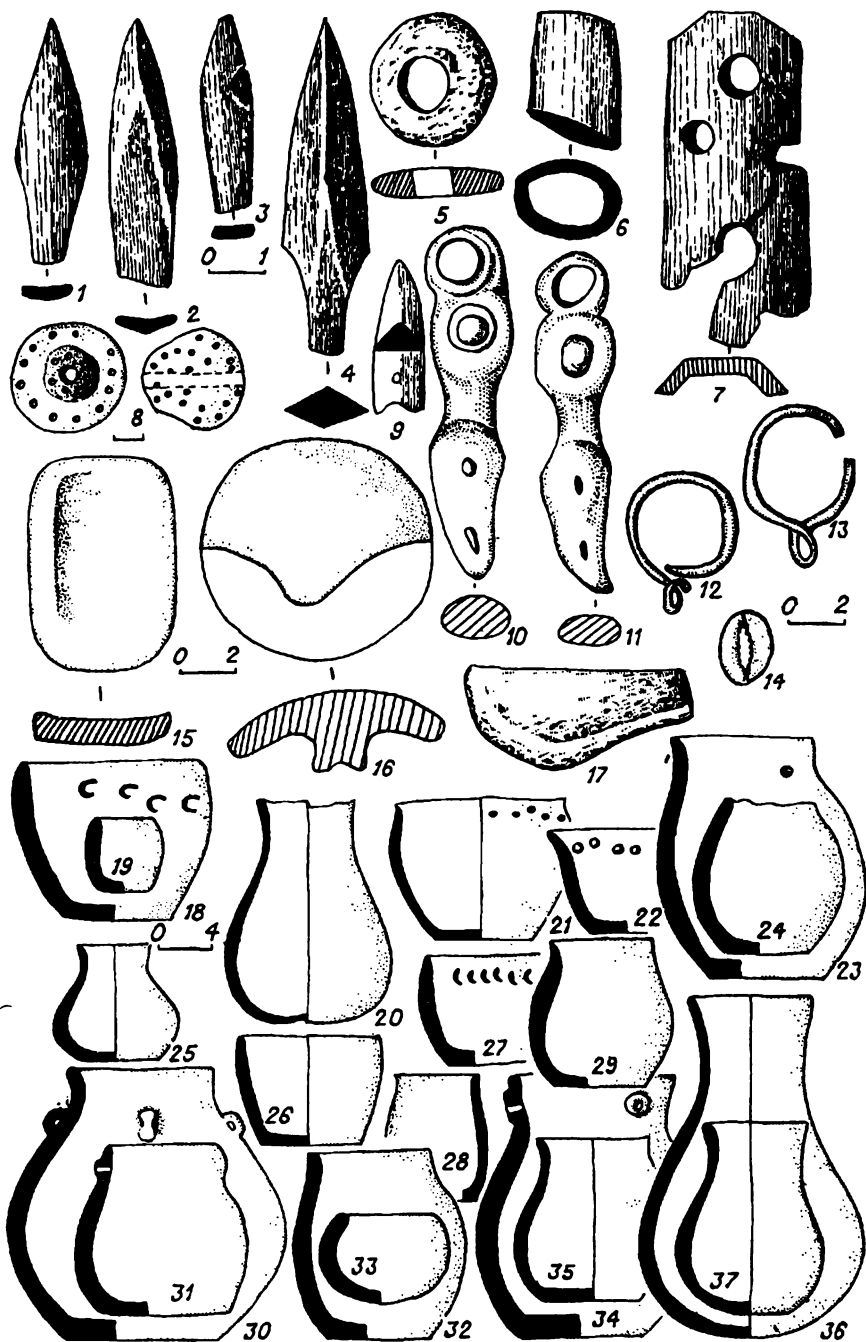

Табл. XXVI. Новый Шарап-2. Находки.

1-3, 10, 11 - кург. 1, мог. 1; 4, 5 - кург. 3, мог. 2; 6, 13, 16, 17, 25, 31 - кург. 3, мог. 1; 7, 18, 23 - кург. 2, мог. 2; 8, 12, 36 - кург. 1, мог. 10; 9 - кург. 1, мог. 3; 14, 30 - кург. 1, мог. 10; 15 - кург. 2, мог. 10; 19 - кург. 2, мог. 14; 20 - кург. 1, мог. 6; 21 - кург. 2, мог. 12; 22 - кург. 1, мог. 5; 24 - кург. 1, мог. 9; 26 - кург. 2, мог. 3; 27 - кург. 1, мог. 8; 28 - кург. 2, мог. 1; 29 - кург. 1, насыпь; 32 - кург. 2, мог. 8; 33 - кург. 2, мог. 4; 34 - кург. 3, мог. 3; 35 - кург. 2, мог. 5; 37 - кург. 2, мог. 6 (1-7, 9, 17 - кость; 8, 16, 18-37 - глина; 10-13 - бронза; 14 - раковина; 15 - камень).

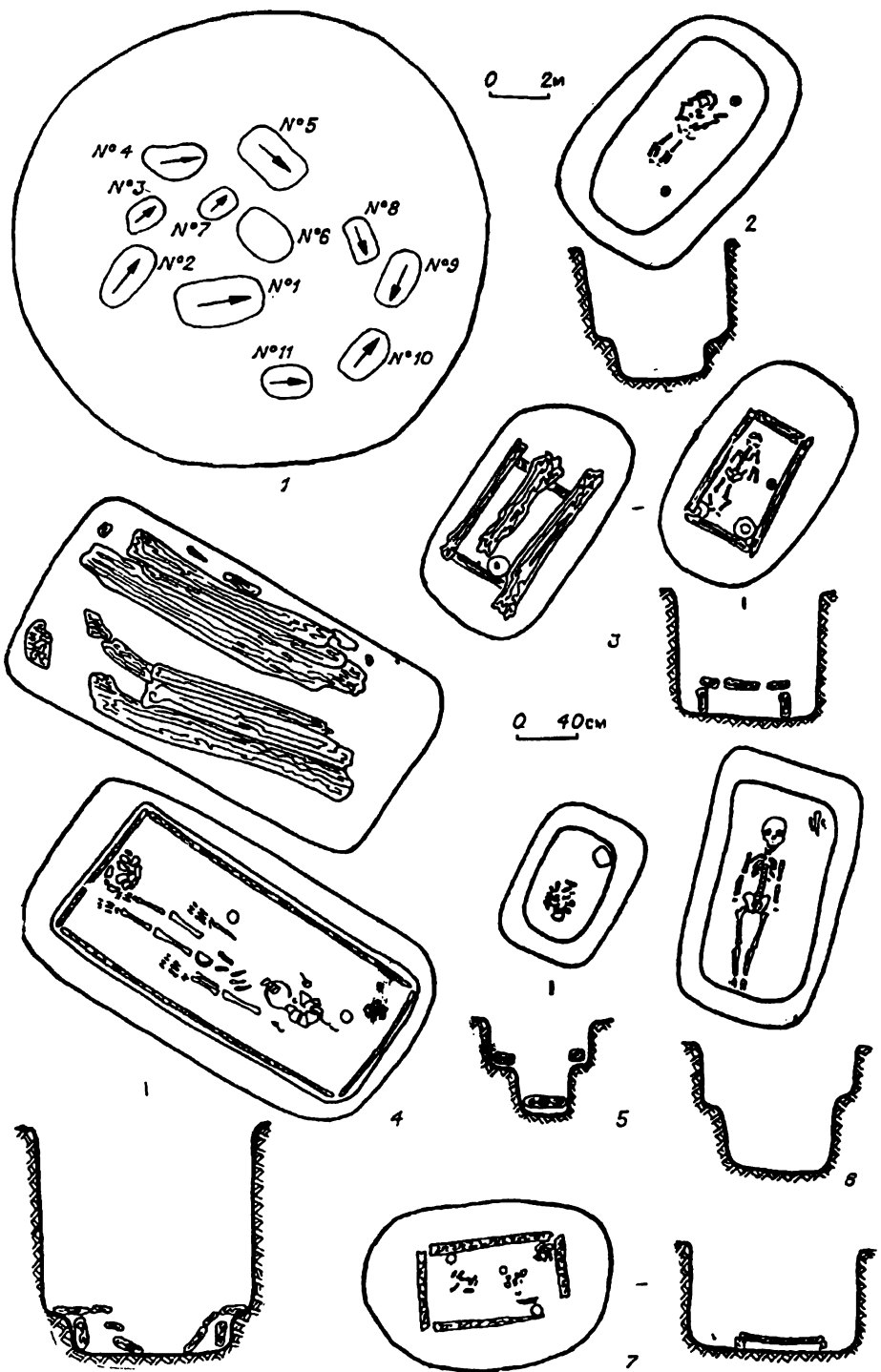

Табл. XXVII. Милованово-2. План кургана, планы и разрезы могил в нем.

1 — кург. 1; 2 — мог. 3; 3 — мог. 10; 4 — мог. 5; 5 — мог. 7; 6 — мог. 2; 7 — мог. 11.

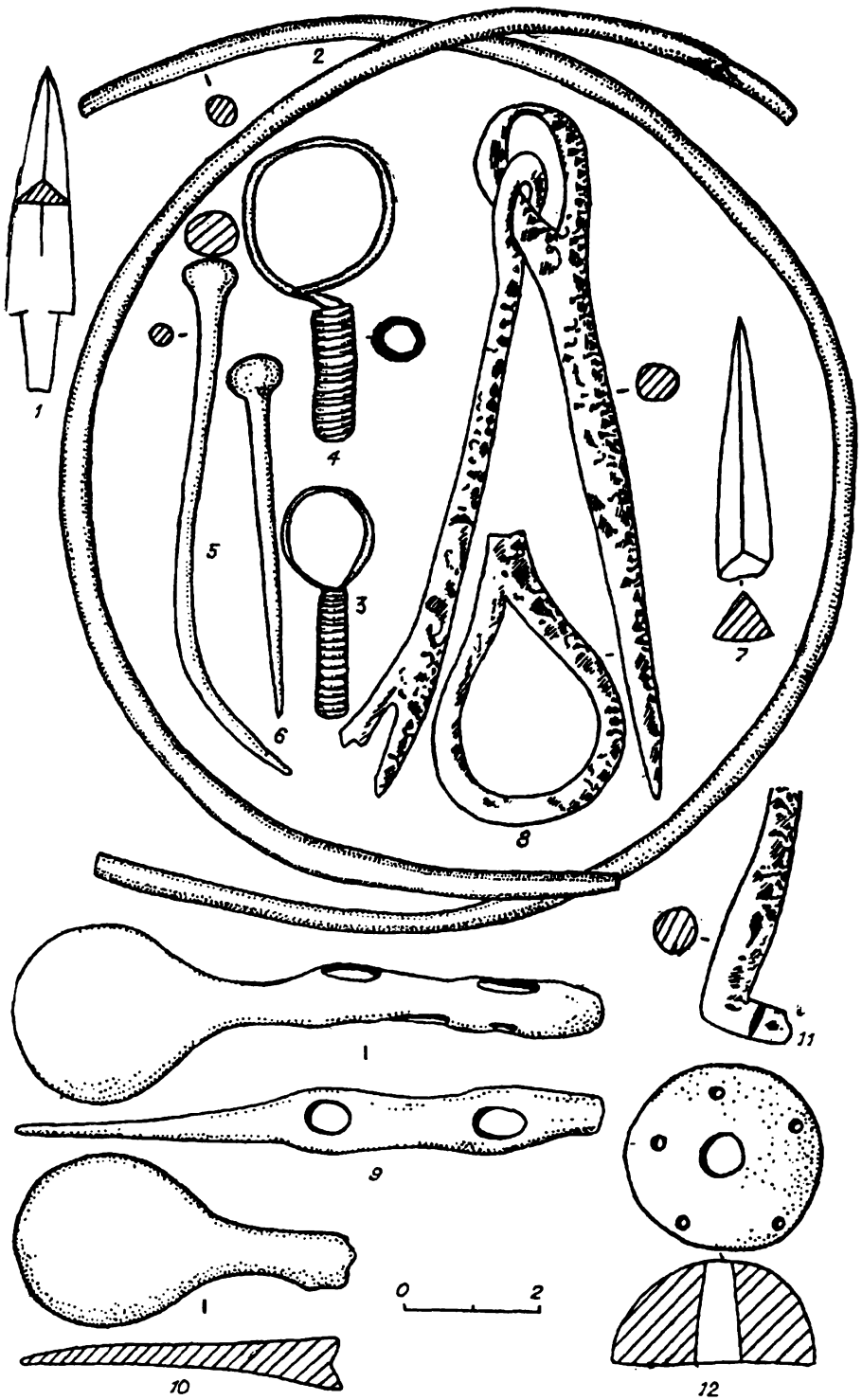

Табл. XXVIII. Милованово-2. Находки.

1 — кург. 1, мог. 1; 2—6, 12 — кург. 1, мог. 5; 7—11 — кург. 2, насыпь (1, 7 — кость; 2—6, 9, 10 — бронза; 8, 11 — железо; 12 — глина).

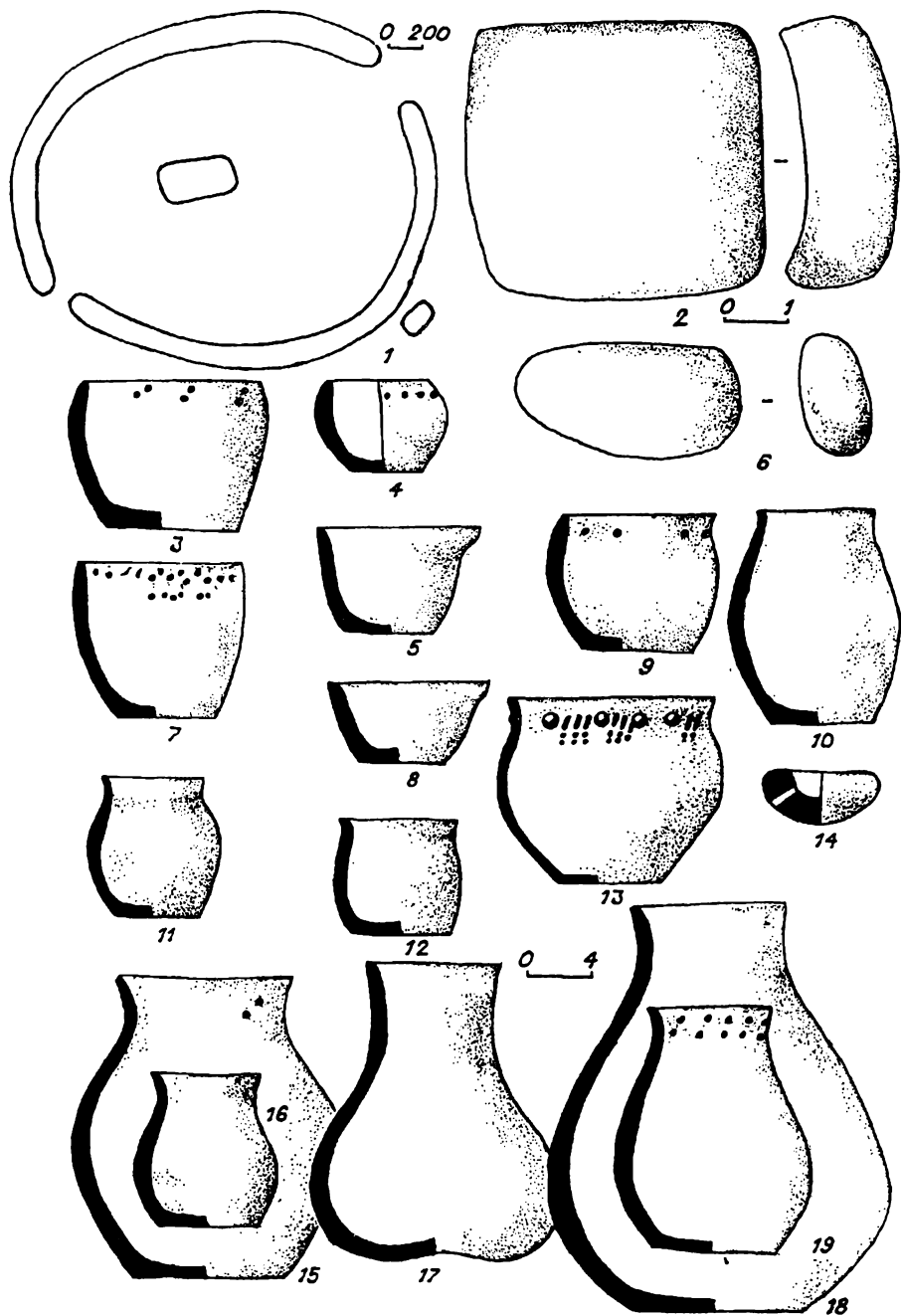

Табл. XXIX. Милованово-2. План кургана (1) и находки (2—19).

1 — кург. 2; 2, 3, 14, 17 — кург. 1, мог. 5; 4, 5 — кург. 1, мог. 11; 6 — кург. 2, насыпь; 7 — кург. 1, мог. 2; 8, 11 — кург. 1, мог. 8; 9, 10 — кург. 1, мог. 3; 12, 18, 19 — кург. 1, мог. 10; 13 — кург. 1, мог. 7; 15, 16 — кург. 1, мог. 9 (2, 6 — камень, остальное — глина).

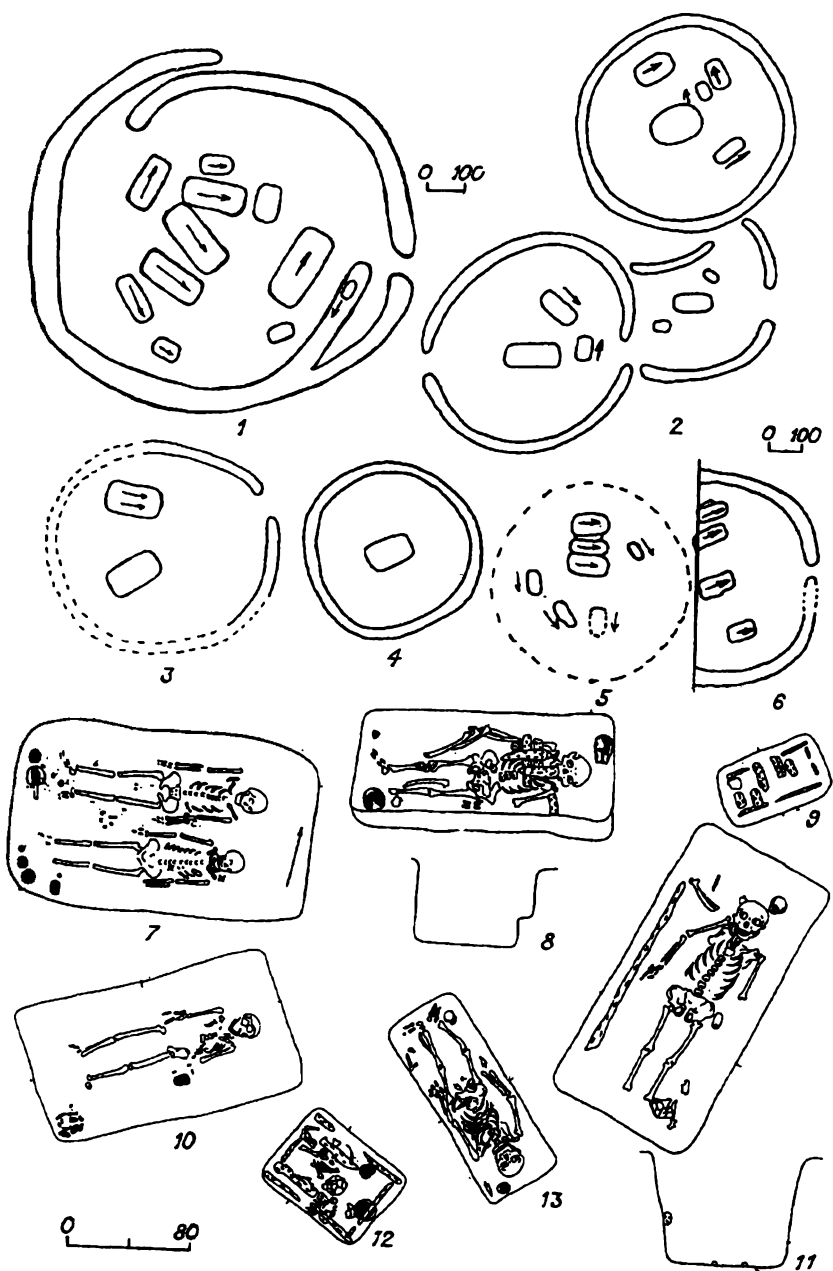

Табл. XXX. Быстровка-1. Планы курганов и могил.

1 — кург. 3; 2 — кург. 4, 9, 10; 3 — кург. 1; 4 — кург. 6; 5 — кург. 7; 6 — кург. 15; 7 — кург. 1, мог. 1;
 8 — кург. 3, мог. 9; 9 — кург. 3, мог. 3; 10 — кург. 2, мог. 1; 11 — кург. 3, мог. 2; 12 — кург. 3, мог. 5;
 13 — кург. 3, мог. 7.

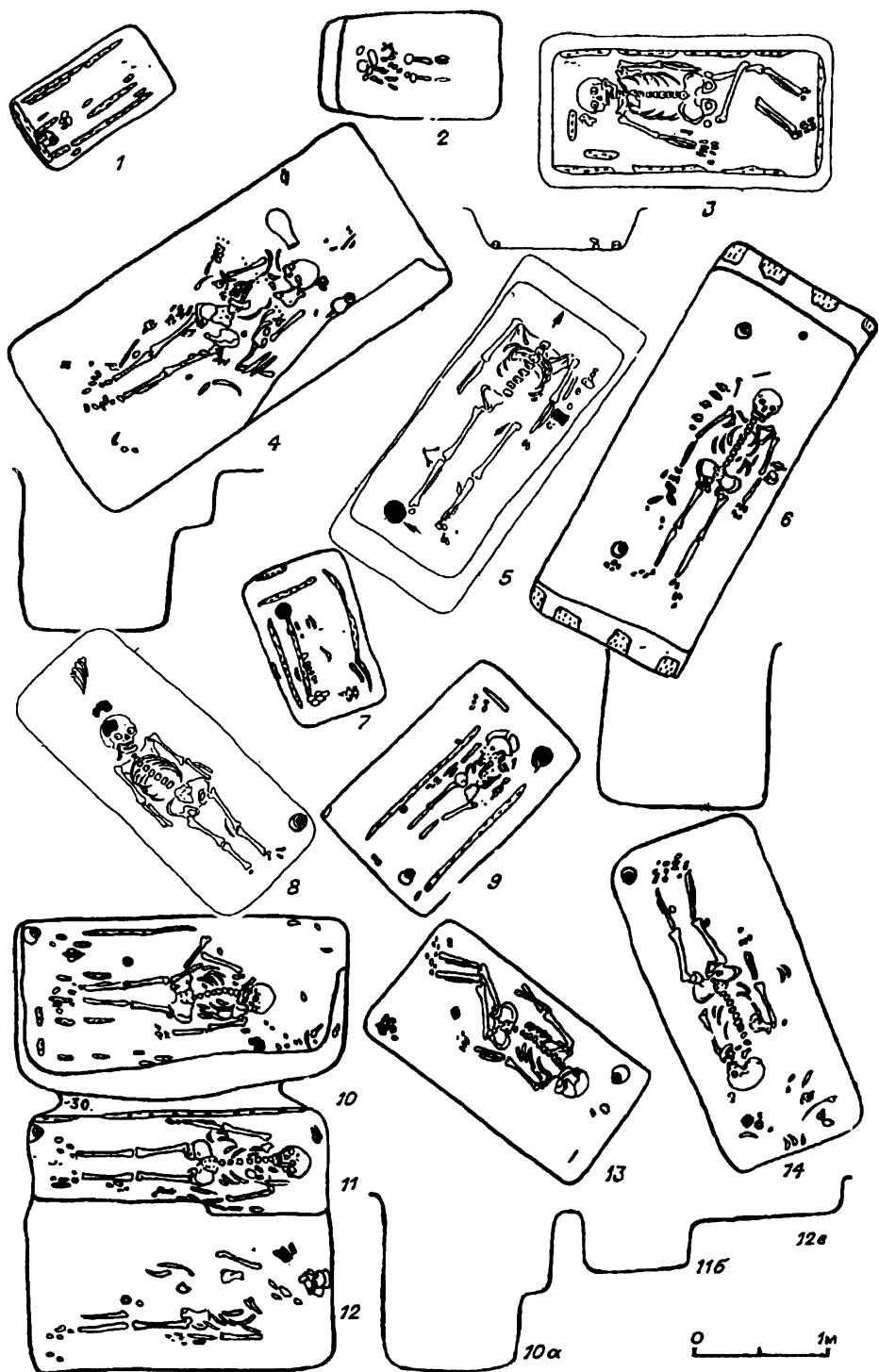

Табл. XXXI. Быстровка-1. Планы могил.

1 — кург. 8, мог. 1; 2 — кург. 8, мог. 3; 3 — кург. 5, мог. 2; 4 — кург. 4, мог. 1; 5 — кург. 4, мог. 3; 6 — кург. 8, мог. 4; 7 — кург. 9, мог. 1; 8 — кург. 3, мог. 11; 9 — кург. 11, мог. 5; 10 — кург. 7, мог. 7; 11 — кург. 7, мог. 8; 12 — кург. 7, мог. 4; 13 — кург. 7, мог. 2; 14 — кург. 4, мог. 5.

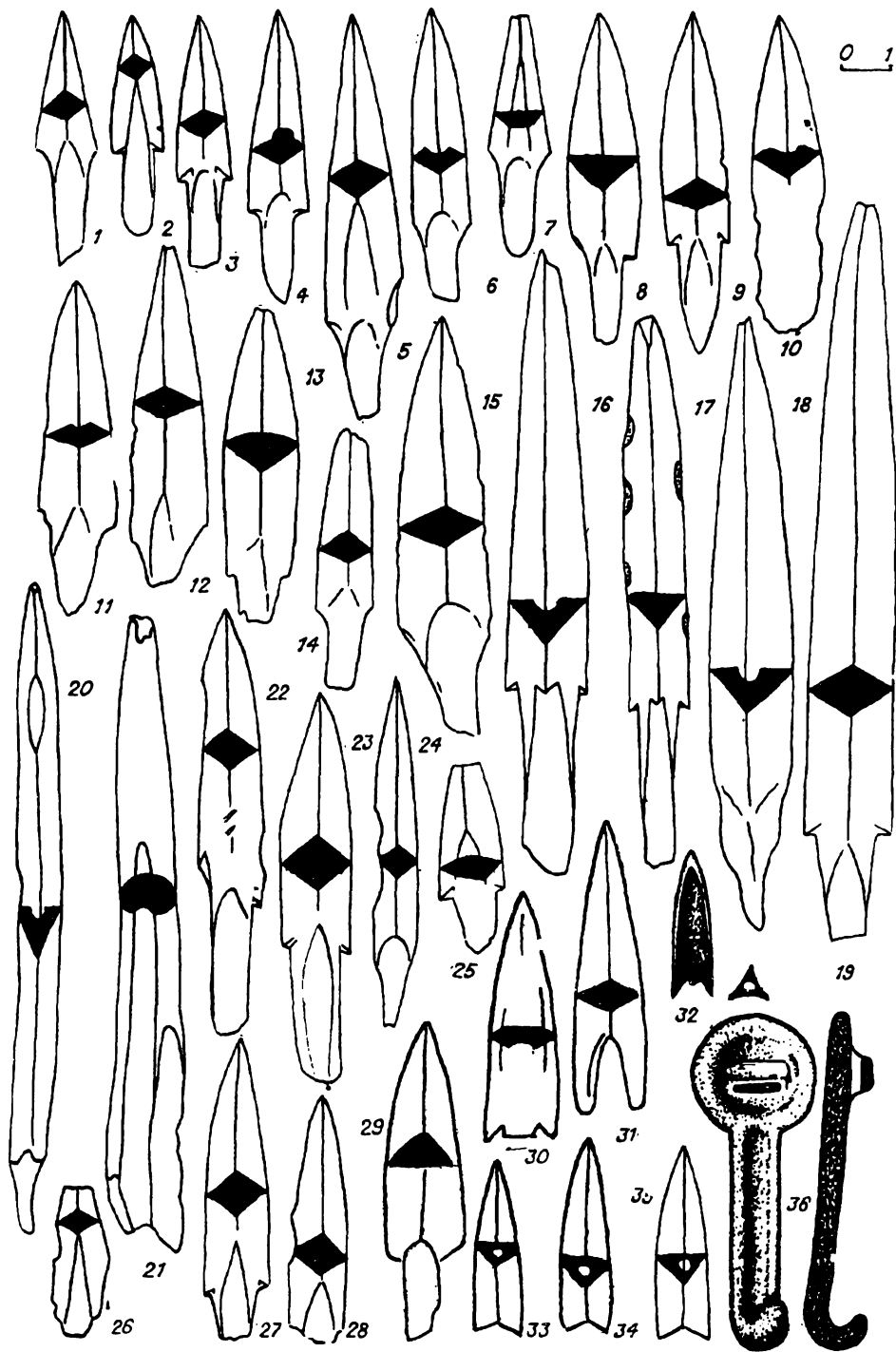

Табл. XXXII. Быстровка-1. Наконечники стрел и крючок от колчана (36).

1 — кург. 1, мог. 2; 2 — кург. 3, насыпь; 3, 4 — кург. 3, мог. 6; 5-7 — кург. 3, мог. 7; 8 — кург. 4, насыпь; 9, 29, 30, 33, 34 — кург. 4, мог. 2; 10-12, 14, 25, 31, 35 — кург. 5, мог. 1; 13, 36 — кург. 7, мог. 8; 15, 16, 18, 19 — кург. 4, мог. 3; 17 кург. 7, мог. 6; 20-24, 26, 28 — кург. 15, мог. 3; 27 — кург. 15, мог. 1; 32 — кург. 9, мог. 2 (32, 36 — бронза, остальное кость).

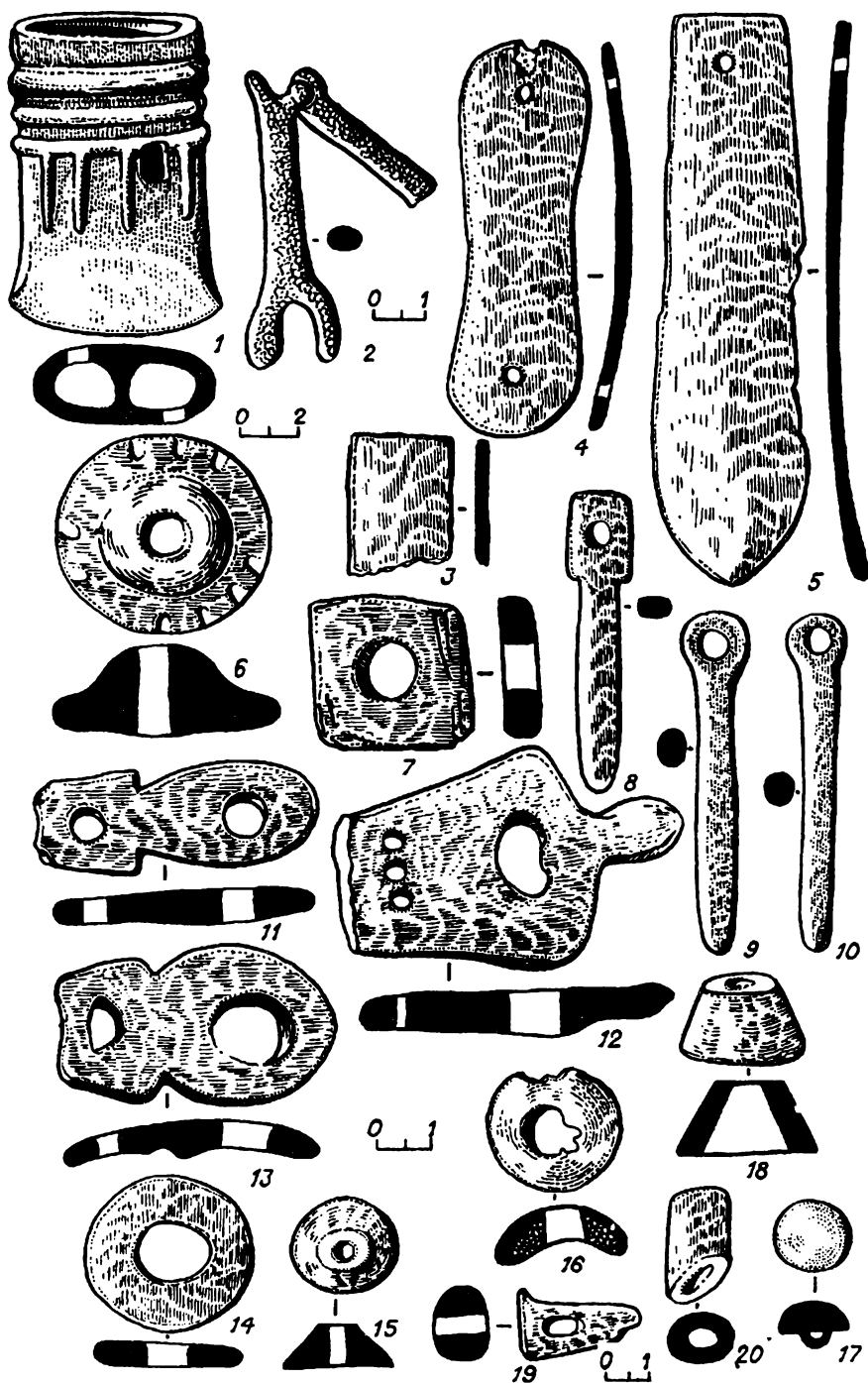

Табл. XXXIII. Быстровка-1. Находки.

1, 2 — кург. 4, мог. 3; 3—5 — кург. 8, мог. 4; 6 — кург. 3, мог. 7; 7 — кург. 3, мог. 6; 8, 16 — кург. 5, мог. 5; 9, 10 — кург. 15, мог. 1; 11—15 — кург. 4, мог. 2; 17—20 — кург. 1, мог. 2 (1, 9, 10, 17, 18 — бронза; 2 — железо; остальное — кость).

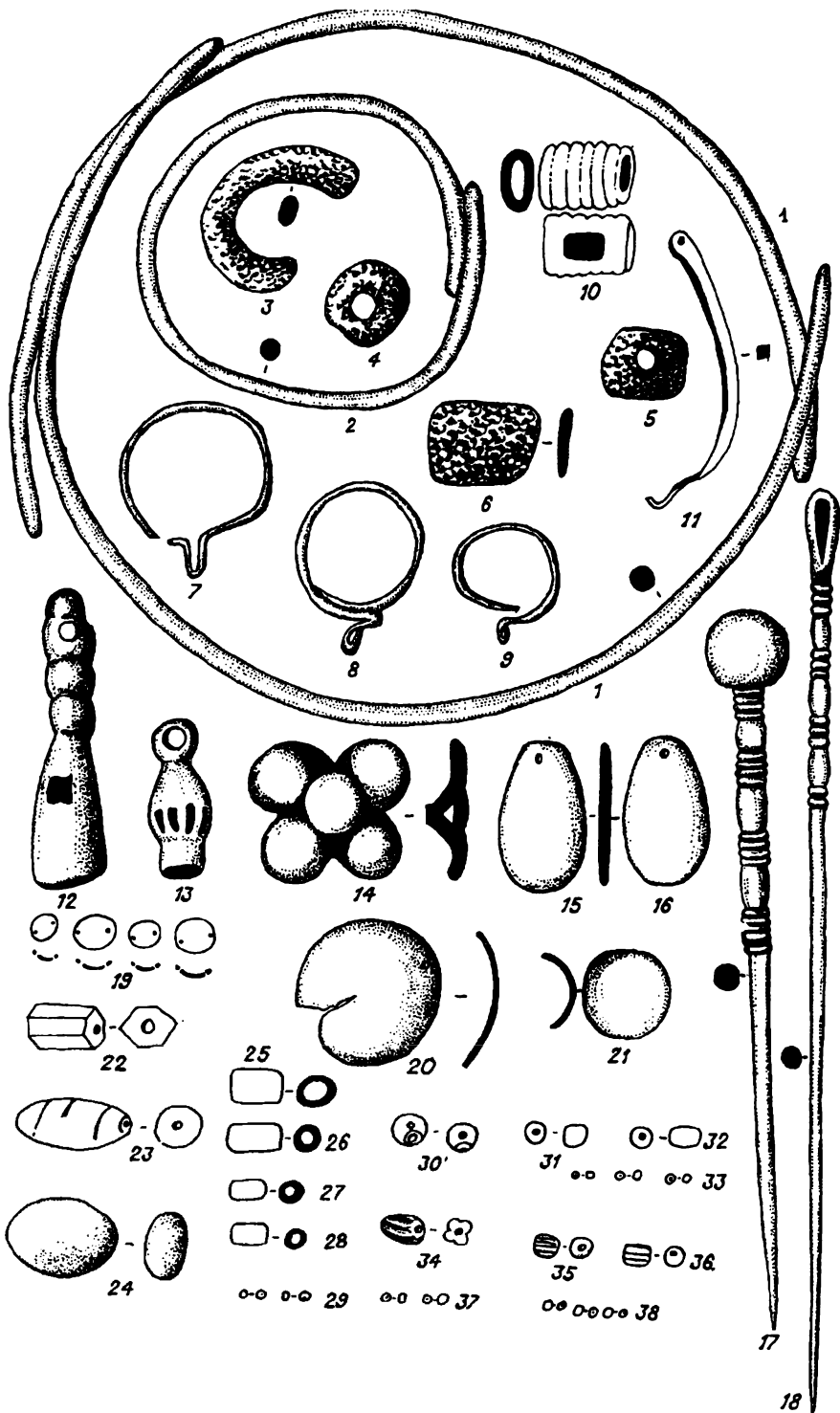

Табл. XXXIV. Быстровка-1. Украшения.

1-6, 25, 26 - кург. 1, мог. 1; 7, 33 - кург. 11, мог. 4; 8 - кург. 12, мог. 1; 9, 11 - кург. 2, мог. 1; 10 - кург. 5, мог. 1; 12, 19 - кург. 12, мог. 4; 13, 18, 23 - кург. 8, мог. 4; 14-16, 22, 27, 28, 30-33 - кург. 4, мог. 1; 17, 21, 35 - кург. 9, мог. 2; 20 - кург. 10, мог. 2; 24 - кург. 12, мог. 8; 29 - кург. 11, мог. 5; 34 - кург. 11, мог. 1; 36 - кург. 12, мог. 2; 37, 38 - кург. 11, мог. 6 (1, 2, 7-10, 12-21, 25, 26 - бронза; 3-6 - железо; 11 - золото; 22, 27-38 - стекло; 23, 24 - камень).

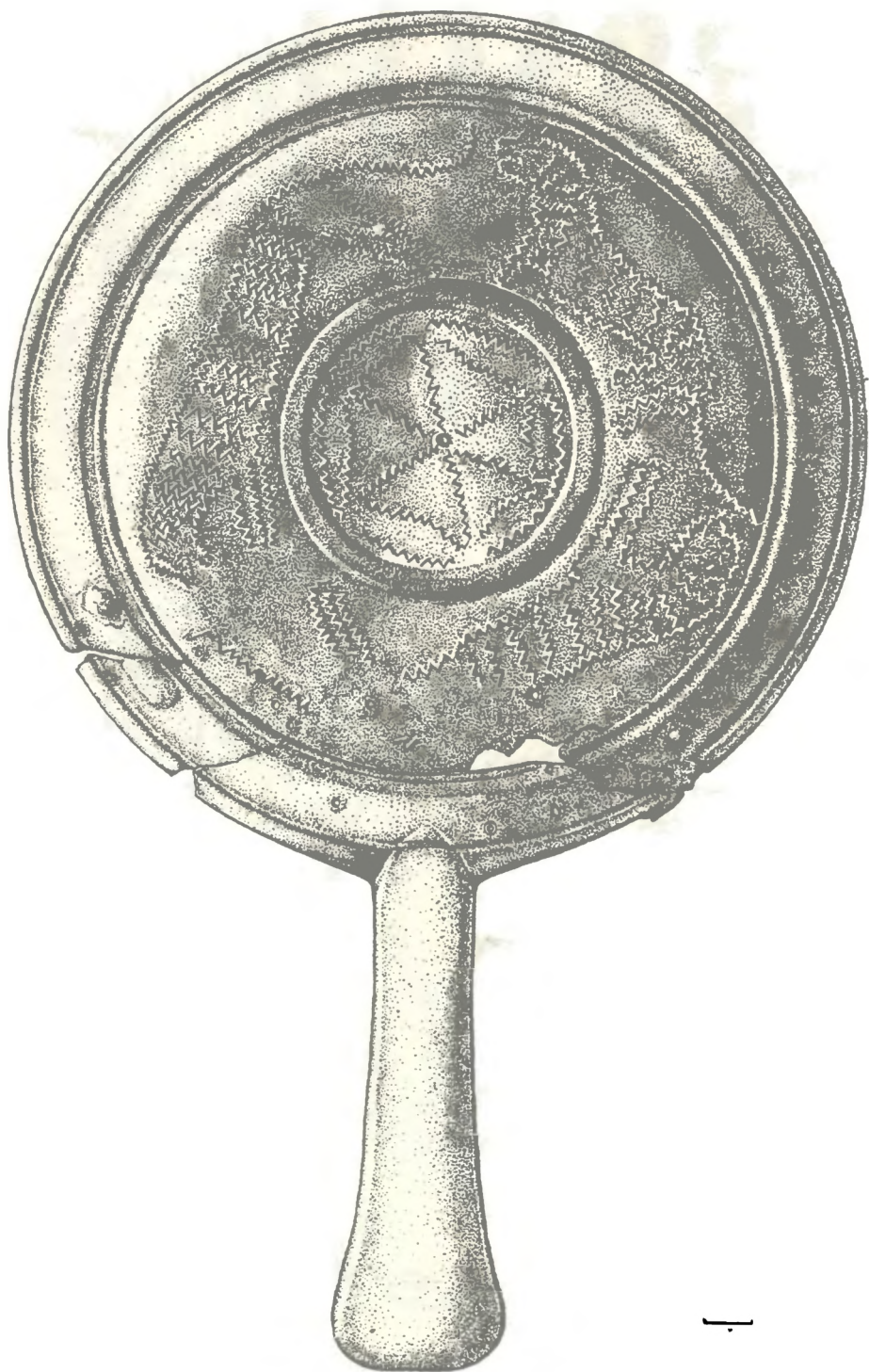

Табл. XXXV. Быстровка-1. Кург. 1, мог. 1. Бронзовое зеркало.

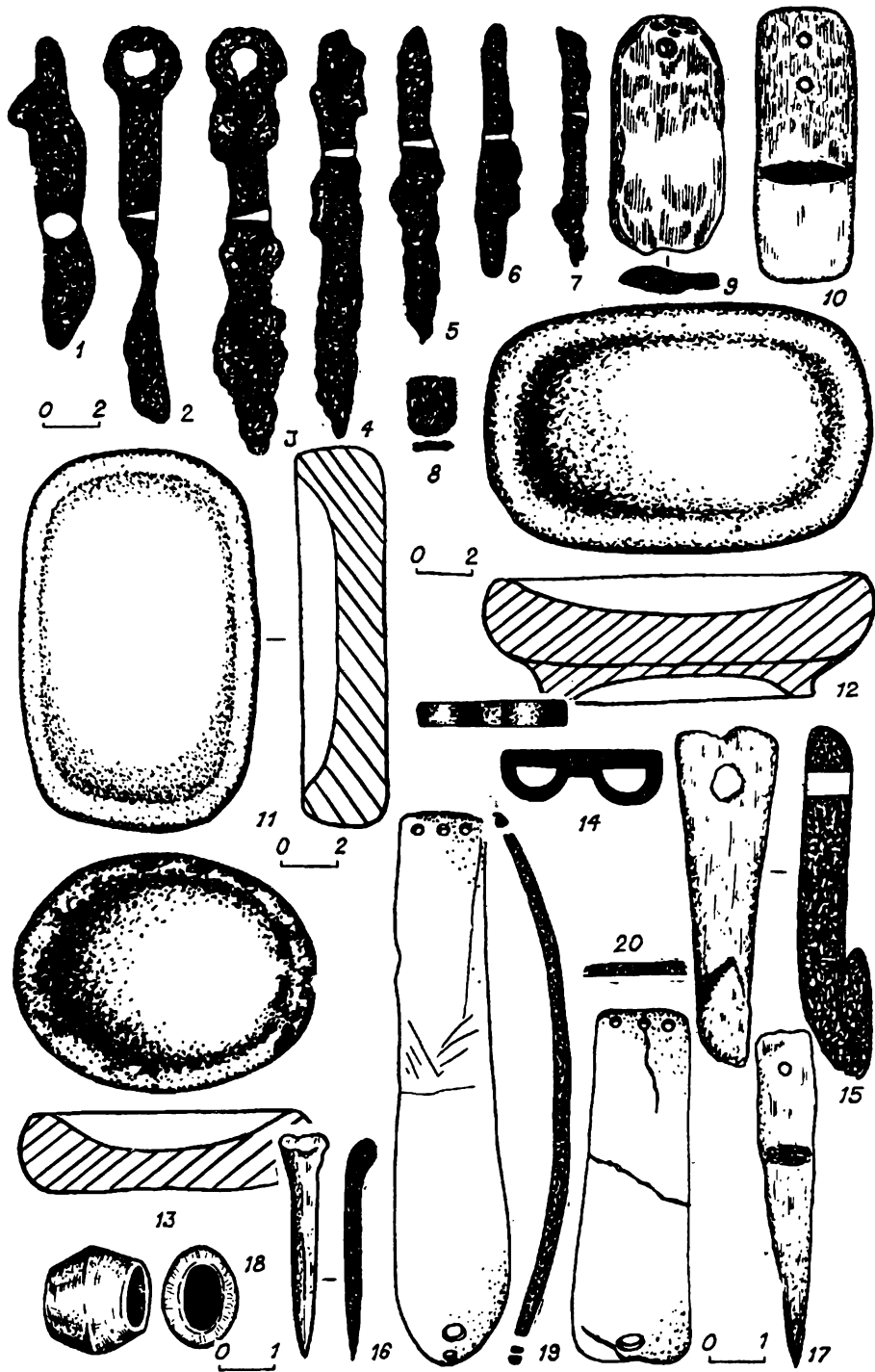

Табл. XXXVI. Быстровка-1. Находки.

1 — кург. 7, мог. 2; 2, 18 — кург. 5, мог. 1; 3 — кург. 8, мог. 4; 4 — кург. 4, мог. 3; 5, 9 — кург. 3, мог. 2; 6, 16 — кург. 4, мог. 1; 7, 8, 11, 13 — кург. 1, мог. 1; 10, 12 — кург. 2, мог. 1; 14 — кург. 1, насыпь; 15 — кург. 5, мог. 2; 17 — кург. 12, мог. 8; 19, 20 — кург. 15, мог. 1 (1-8 — железо; 9-13 — камень; 14 — бронза; 15-20 — кость).

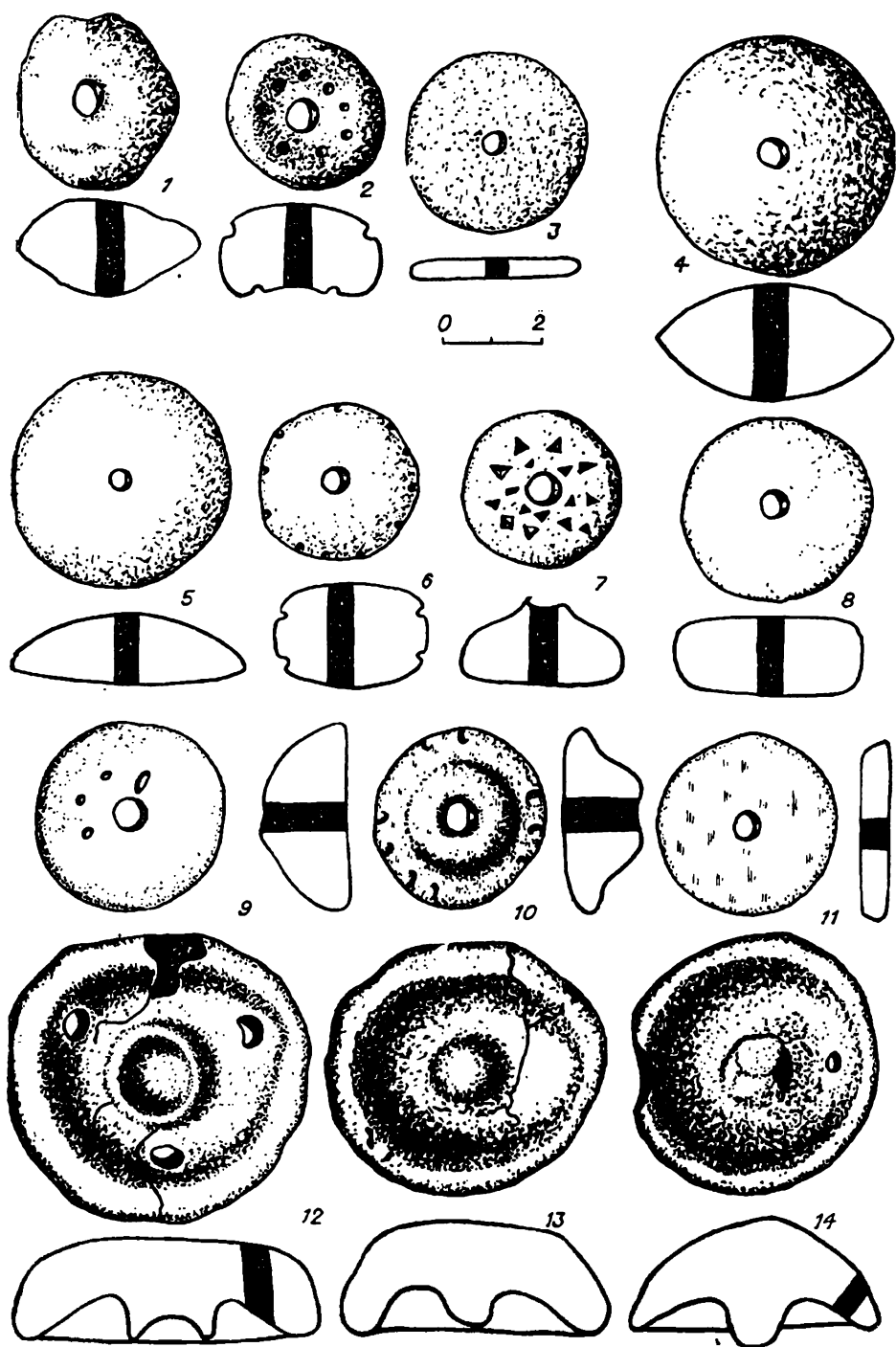

Табл. XXXVII. Быстровка-1. Находки.

1, 2, 12, 13 — кург. 1, мог. 1; 3 — кург. 2, мог. 1; 4 — кург. 4, мог. 5; 5 — кург. 11, мог. 4; 6 — кург. 7, мог. 4; 7 — кург. 3, мог. 10; 8 — кург. 11, мог. 2; 9 — кург. 7, мог. 7; 10 — кург. 11, мог. 5; 11 — кург. 8, мог. 4; 14 — кург. 12, мог. 8 (3, 11 — камень, остальное — глина).

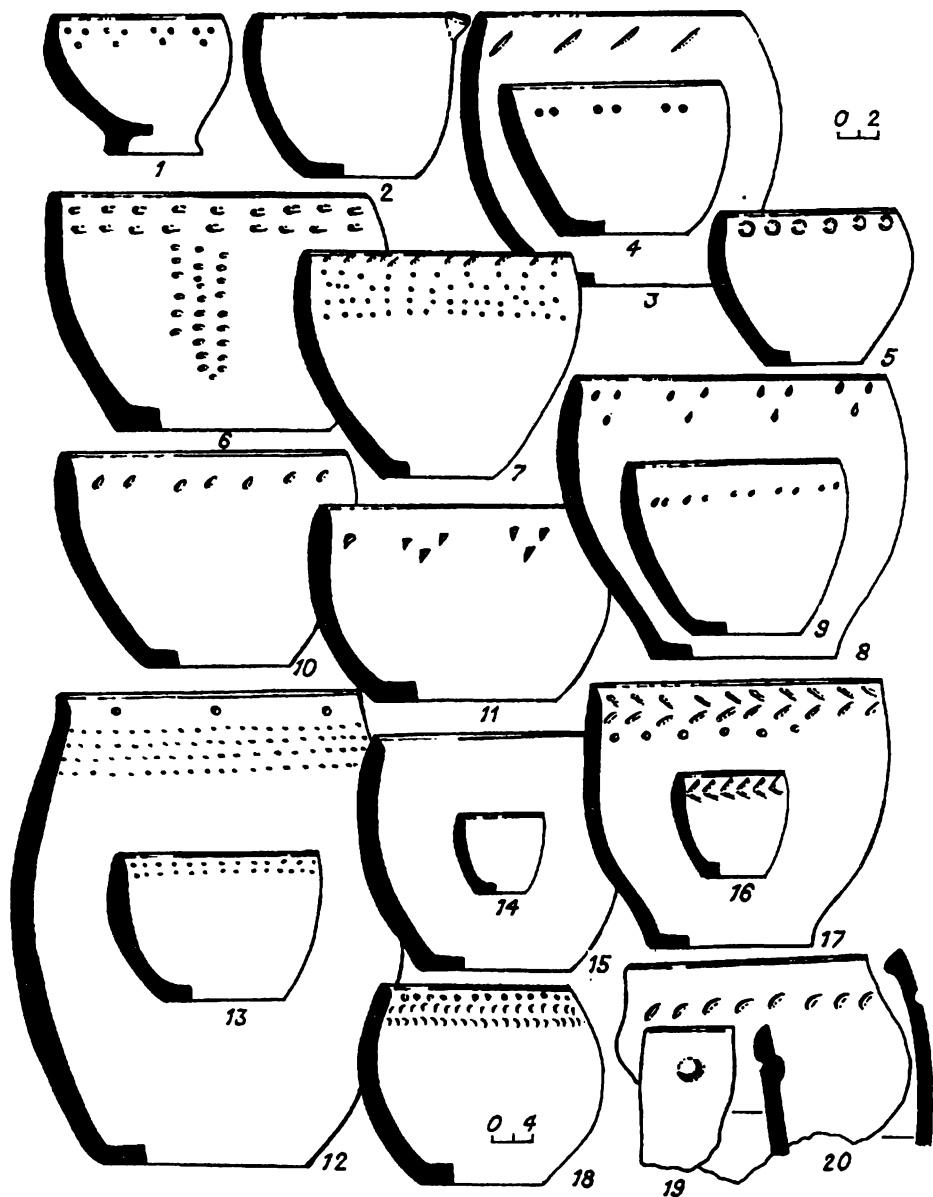

Табл. XXXVIII. Быстровка-1. Керамика.

1 — кург. 11, мог. 1; 2 — кург. 3, мог. 8; 3 — кург. 3, мог. 9; 4 — кург. 3, мог. 5; 5 — кург. 12, мог. 2; 6 — кург. 3, мог. 2; 7 — кург. 12, мог. 8; 8 — кург. 7, мог. 4; 9 — кург. 11, мог. 5; 10 — кург. 7, мог. 2; 11 — кург. 8, мог. 4; 12, 13 — кург. 15, мог. 2; 15 — кург. 7, мог. 7; 16, 20 — кург. 3, насыпь; 17 — кург. 9, мог. 2; 18 — кург. 15, мог. 3; 19 — кург. 10, насыпь.

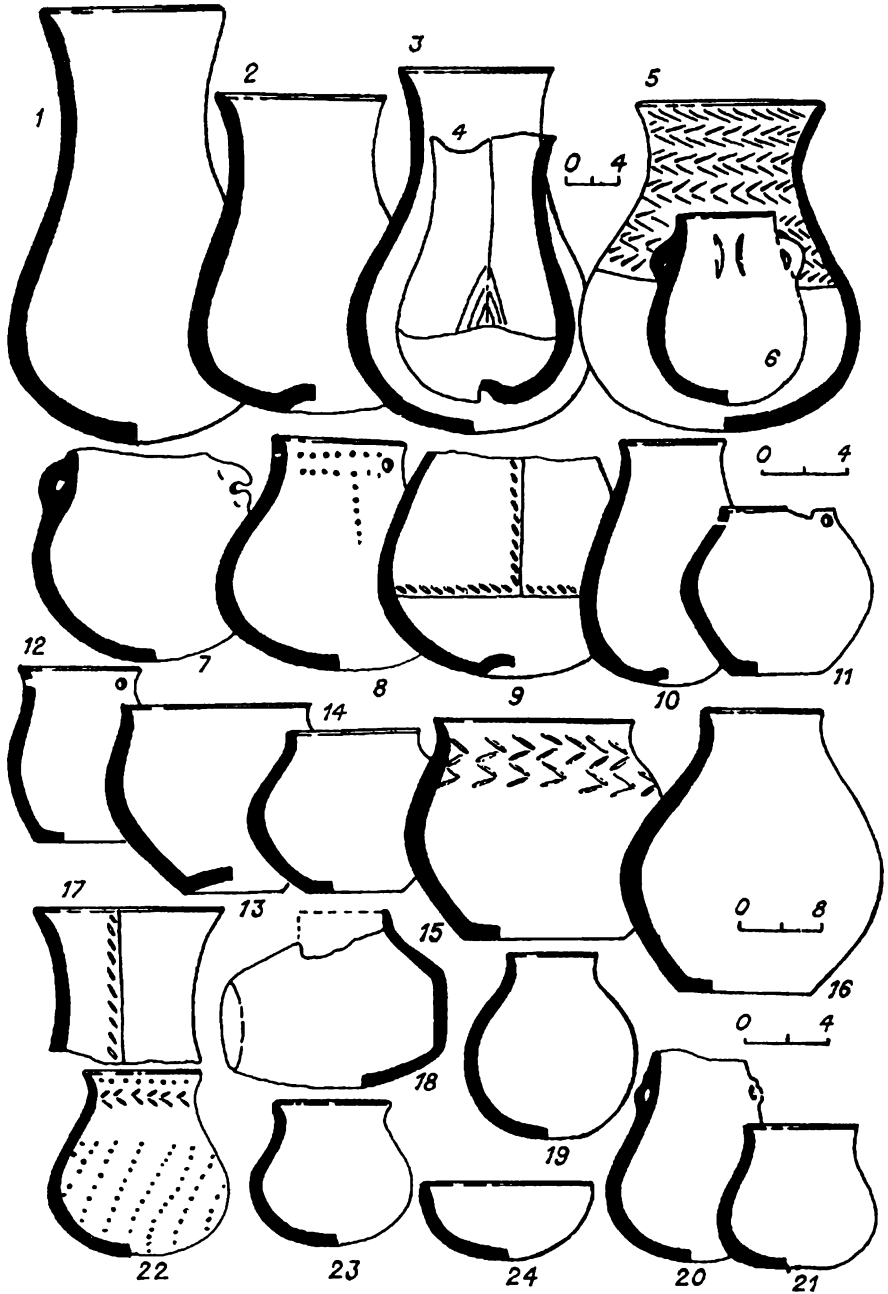

Табл. XXXIX. Быстровка-1. Керамика.

1 — кург. 4, мог. 1; 2 — кург. 3, мог. 5; 3 — кург. 3, мог. 7; 4 — кург. 15, мог. 4; 5 — кург. 3, мог. 6; 6 — кург. 15, мог. 2; 7 — кург. 11, мог. 1; 8, 11, 22 — кург. 7, мог. 1; 9 — кург. 7, мог. 8; 10 — кург. 3, мог. 1; 12 — кург. 12, мог. 1; 13 — кург. 9, мог. 2; 14 — кург. 12, мог. 8; 15 — кург. 8, мог. 2; 16 — кург. 2, мог. 1; 17 — кург. 4, мог. 1; 18, 24 — кург. 3, насыпь; 19 — кург. 8, мог. 1; 20 — кург. 11, мог. 3; 21 — кург. 7, мог. 7; 23 — кург. 11, мог. 2.

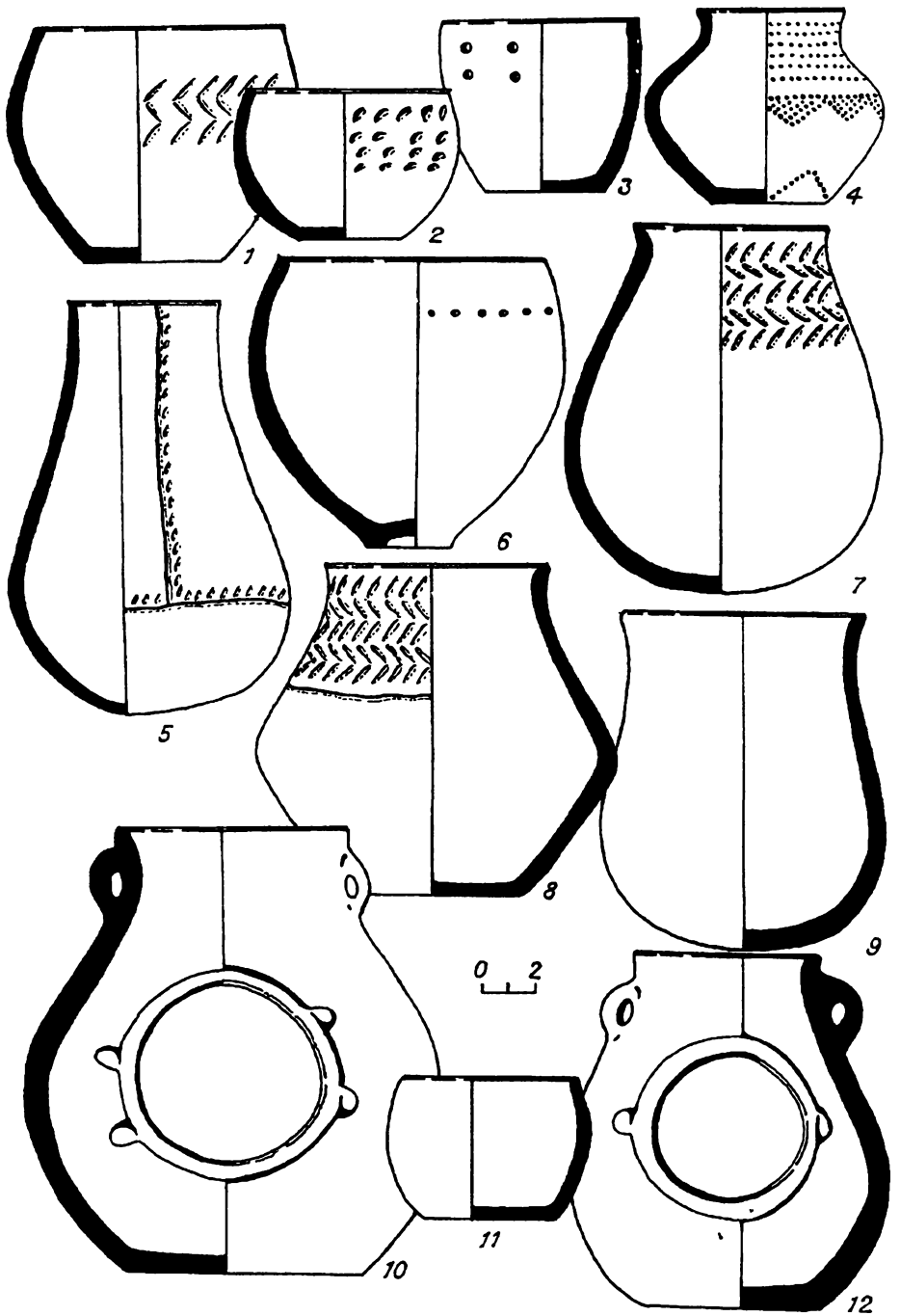

Табл. XL. Быстровка-1. Керамика.

1 — кург. 7, мог. 6; 2 — кург. 3, мог. 7; 3 — кург. 4, насыпь; 4 — кург. 12, мог. 4; 5 — кург. 3, мог. 2; 6 — кург. 3, мог. 11; 7 — кург. 12, мог. 9; 8 — кург. 7, мог. 5; 9 — кург. 4, мог. 5; 10–12 — кург. 1, мог. 1.

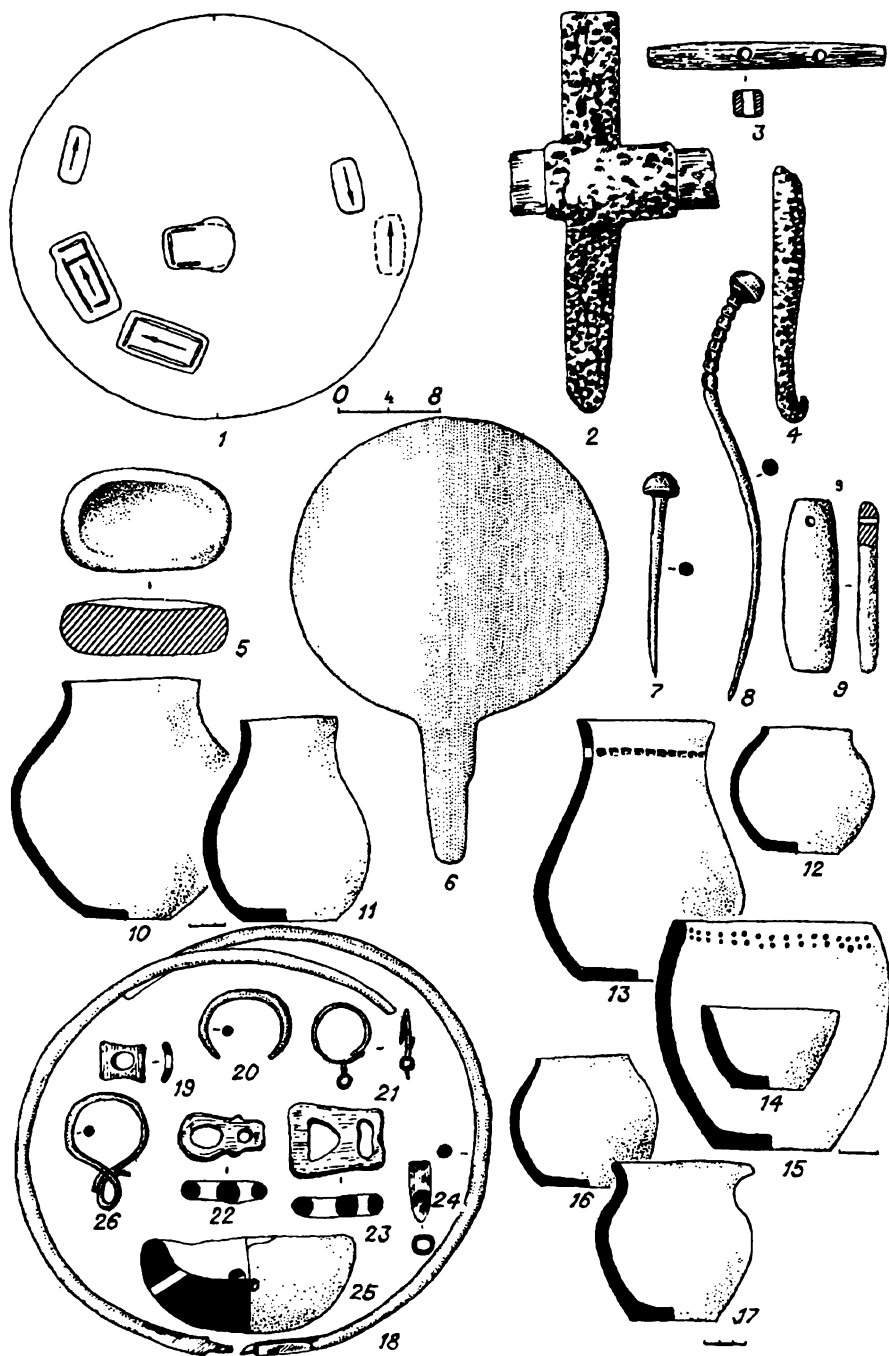

Табл. XLJ. Камень II (по В. А. Могильникову).

1 — план кург. 1; 2—26 — находки (2, 4, 7 — железо; 3, 19, 22—24 — кость; 5, 9 — камень; 6, 8, 18, 20, 21, 26 — бронза; 10—17, 25 — глина).

Табл. XLII. Ближние Елбаны III, VII, XII (по М. П. Грязнову).

1 — план БЕ III; 2 — план и разрез мог. 3 БЕ III; 3—20 — находки (3—5, 7 — железо; 6, 8 — кость; 9—11 — бронза; 12, 14—21 — глина, 13 — камень).

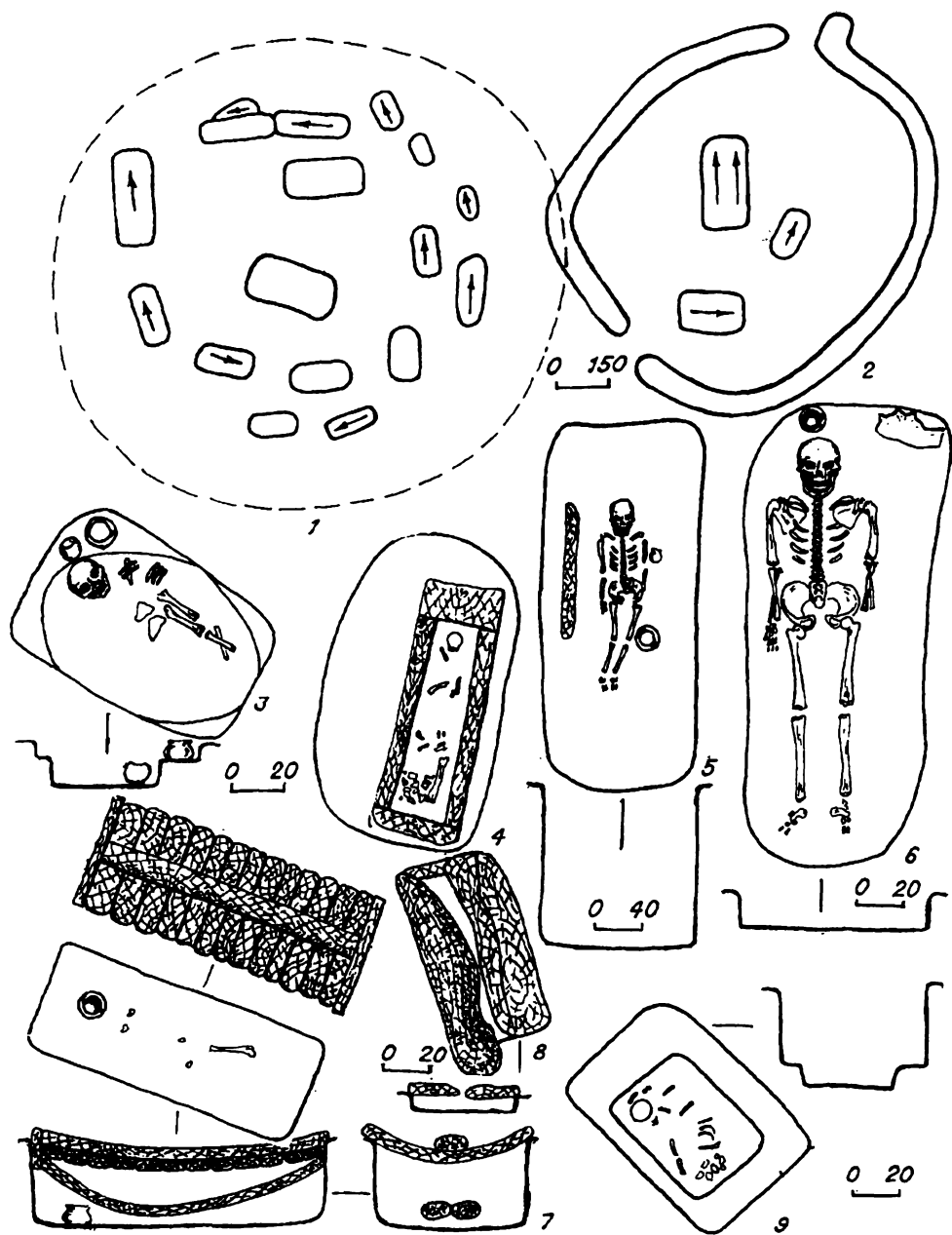

Табл. XLIV. Милованово-8. Планы курганов и могил.

1 — кург. 1; 2 — кург. 4; 3 — кург. 1, мог. 1; 4 — кург. 1, мог. 5; 5 — кург. 1, мог. 13; 6 — кург. 1, мог. 4; 7 — кург. 1, мог. 7; 8 — кург. 3, мог. 1; 9 — кург. 3, мог. 9.

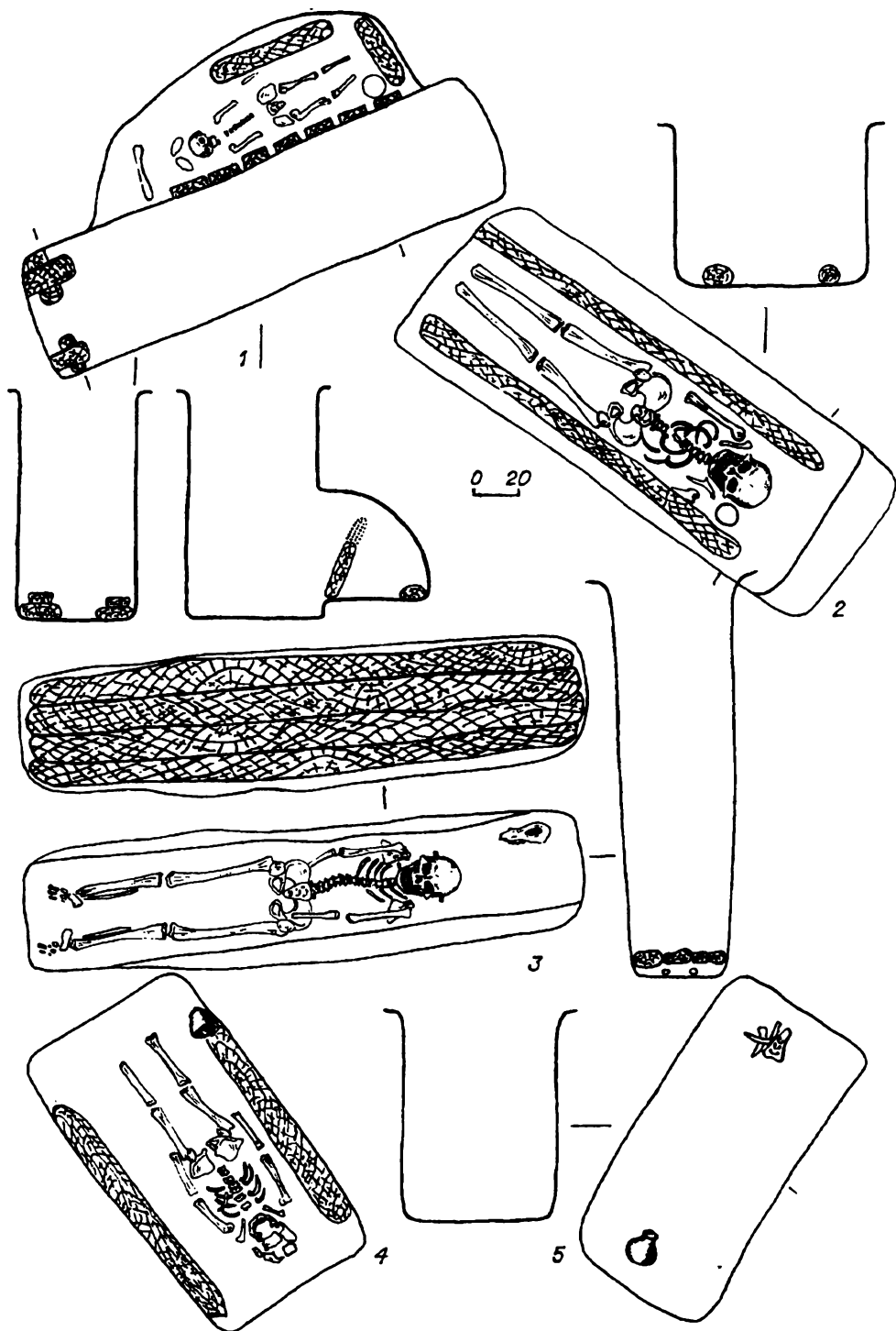

Табл. XLV. Милованово-8. Планы и разрезы могил.

1 — кург. 1, мог. 16, 17; 2 — кург. 3, мог. 5; 3 — кург. 1, мог. 15; 4 — кург. 3, мог. 3; 5 — кург. 4, мог. 3.

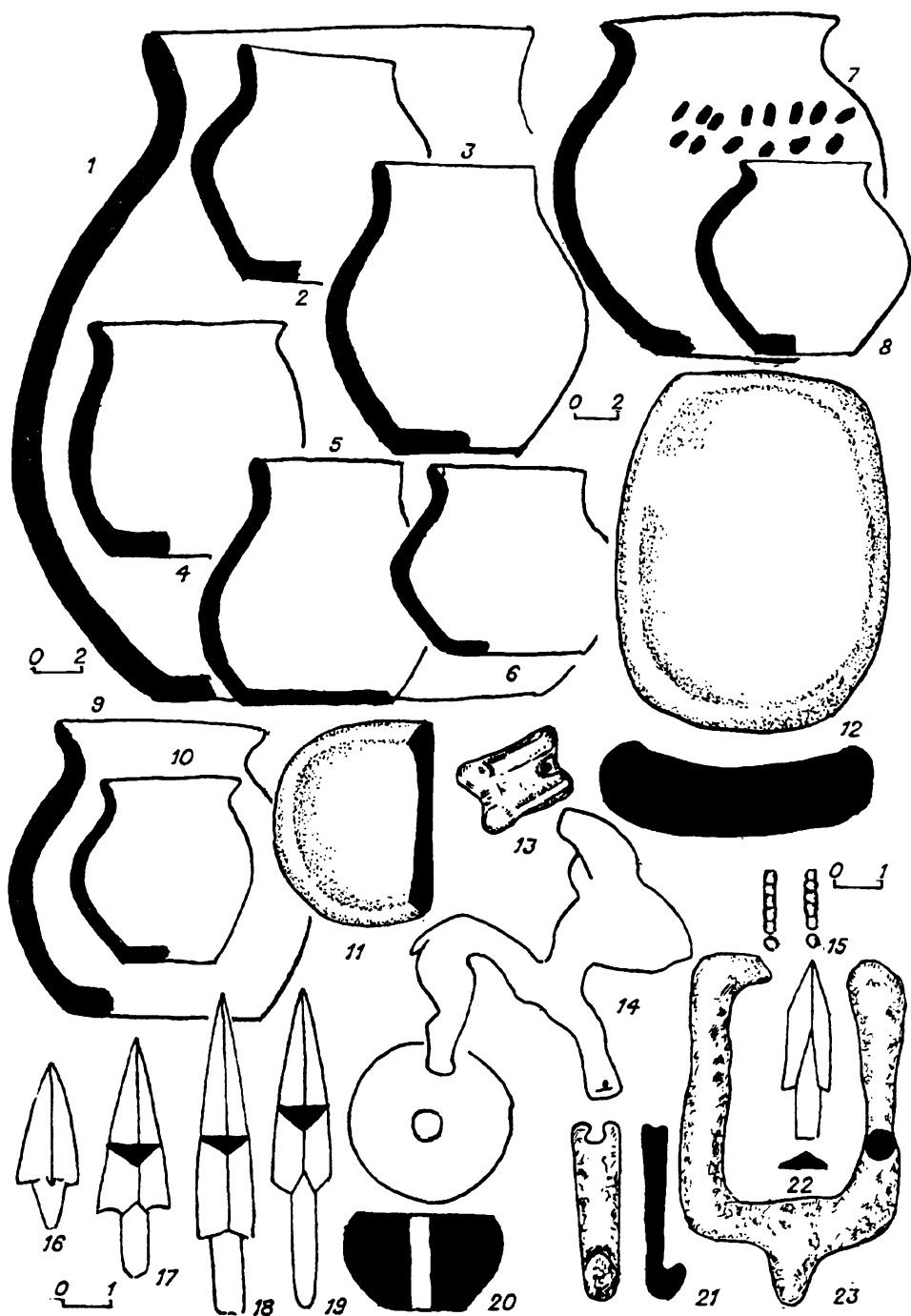

Табл. XLVI. Милованово-8. Находки.

1 — кург. 1, мог. 4; 2, 7 — кург. 1, мог. 13; 3 — кург. 1, мог. 14; 4, 15 — кург. 1, мог. 12; 5, 13 — кург. 3, мог. 10; 6 — кург. 1, мог. 2; 8 — кург. 1, мог. 3; 9 — кург. 1, мог. 7; 10 — кург. 1, мог. 5; 11 — кург. 1, насыпь; 12 — кург. 3, мог. 7; 14, 21 — кург. 1, мог. 10; 16-19 — кург. 4, мог. 3; 20 — кург. 3, мог. 5; 22, 23 — кург. 1, мог. 11 (1-10, 20 — глина; 11, 12 — камень; 13, 16-19, 22 — кость; 14, 15 — золото; 21, 23 — железо).

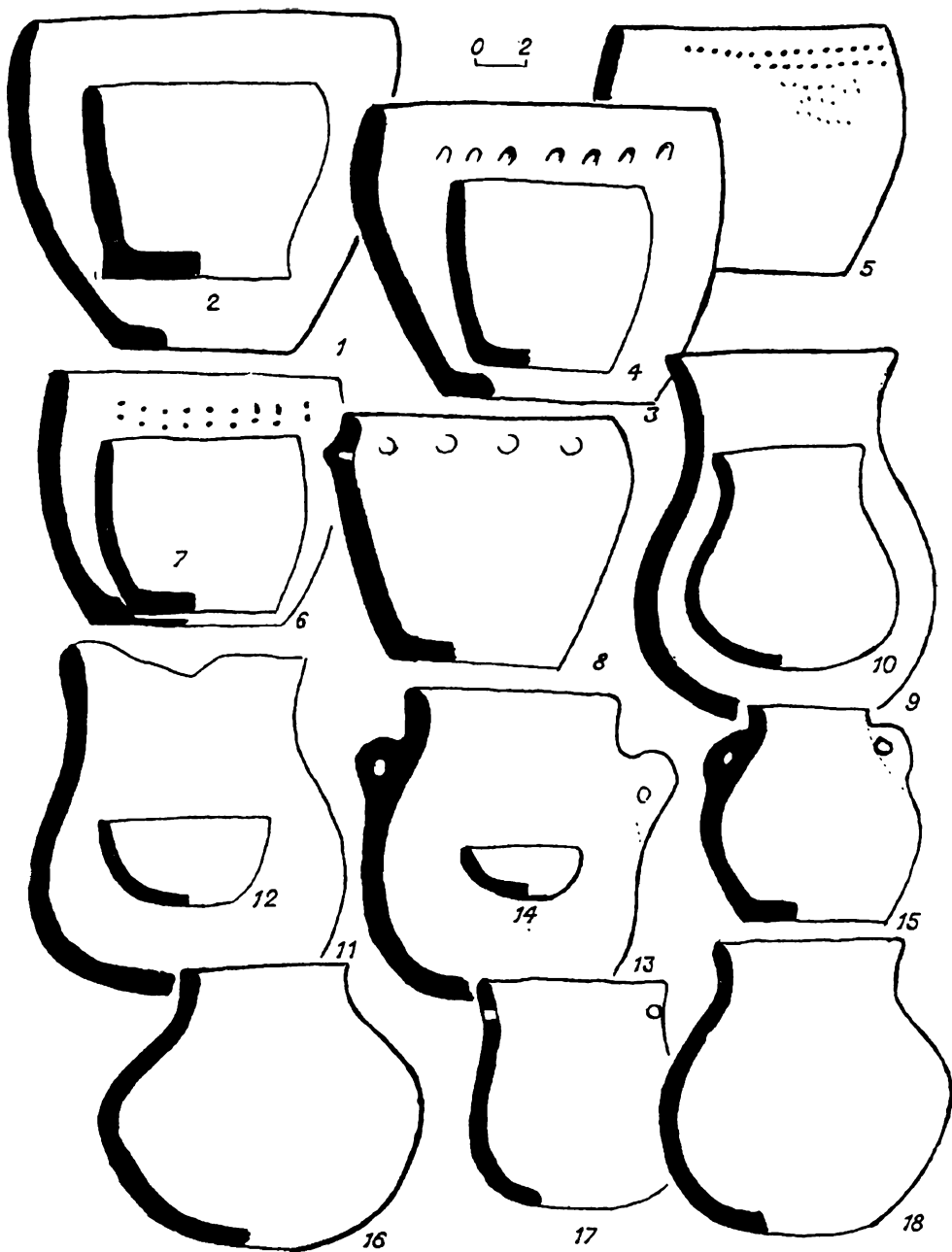

Табл. XLVII. Милованово-8. Керамика.

1 — кург. 3, мог. 6; 2, 13 — кург. 1, мог. 1; 3 — кург. 3, мог. 3; 4, 5 — кург. 3, мог. 2; 6 — кург. 4, мог. 3; 7, 9, 14 — кург. 3, мог. 8; 8 — кург. 3, мог. 11; 10 — кург. 3, мог. 5; 11 — кург. 3, мог. 7; 12 — кург. 3, мог. 4; 15 — кург. 1, мог. 8; 16 — кург. 3, мог. 1; 17 — кург. 1, мог. 4; 18 — кург. 1, мог. 17.

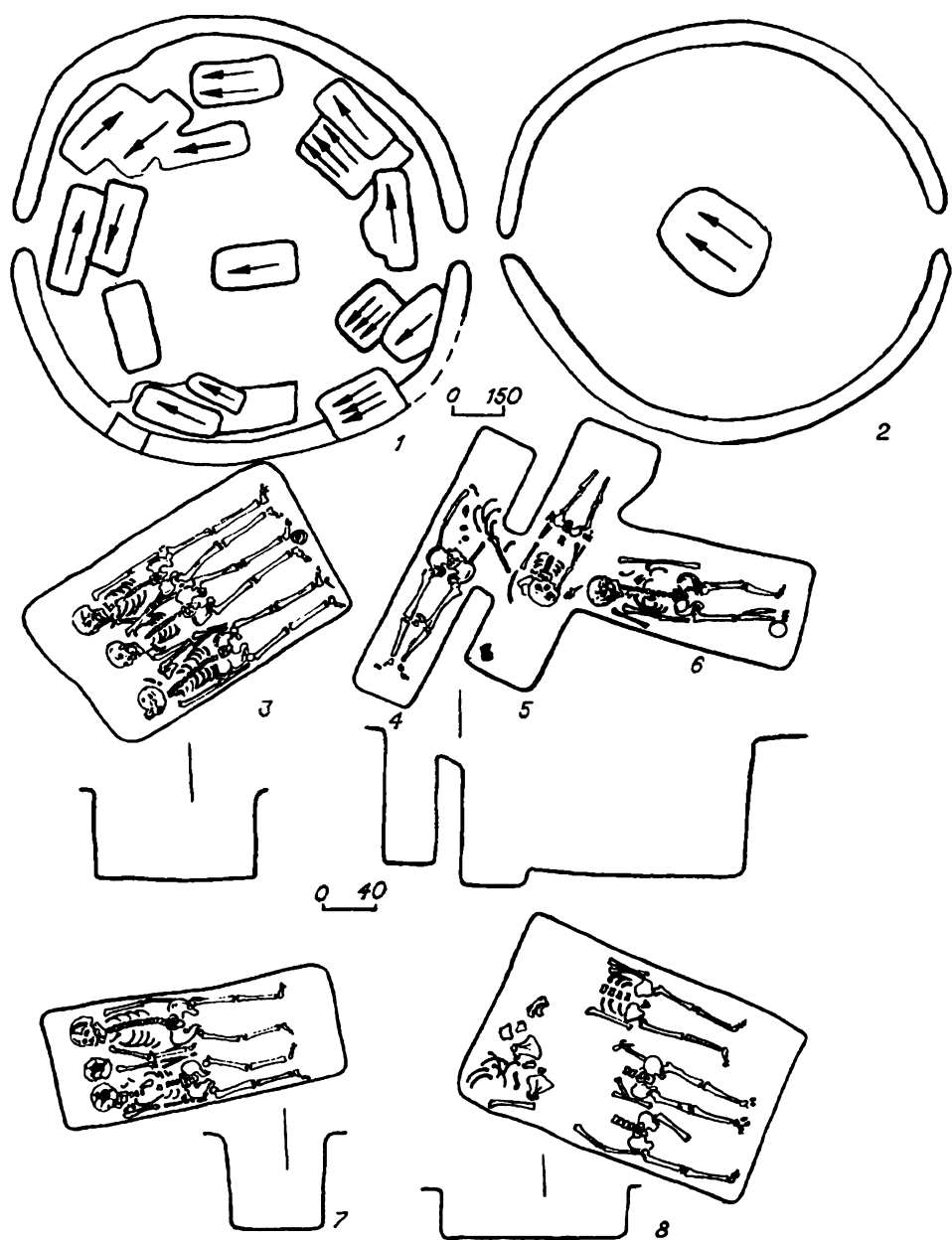

Табл. XLVIII. Быстровка-3. Планы курганов и могил кургана 2.

1 — кург. 2; 2 — кург. 1; 3 — мог. 1; 4 — мог. 10; 5 — мог. 11; 6 — мог. 13; 7 — мог. 7; 8 — мог. 5.

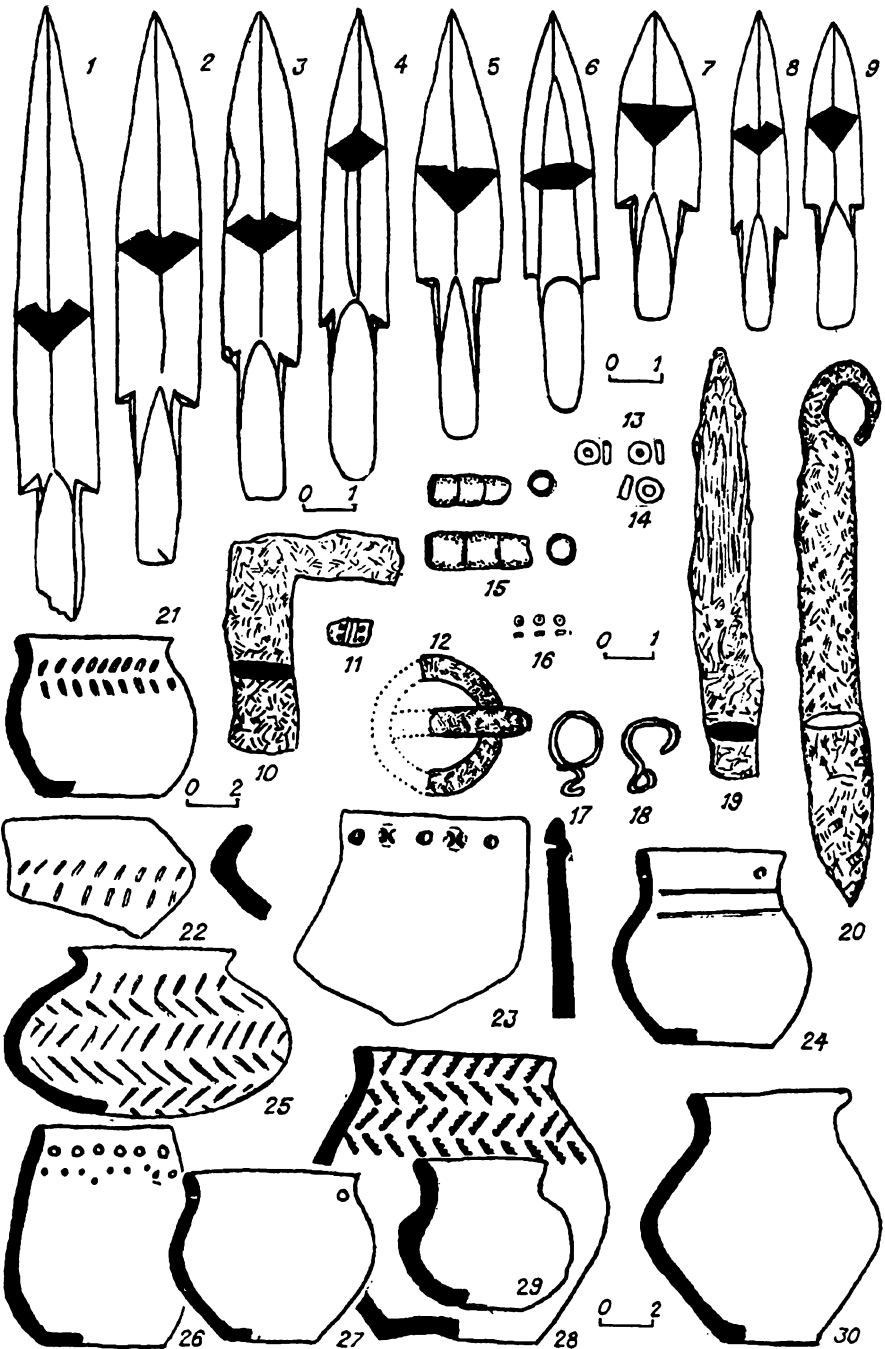

Табл. XLIX. Быстровка-3. Находки из кургана 2.

1-4, 8, 10, 22 - мог. 3; 5, 7, 9, 19, 25 - мог. 13; 6, 27 - мог. 1; 11 - мог. 17; 12 - мог. 9; 13, 14, 16, 17, 28 - мог. 14; 15, 26 - мог. 8; 18 - мог. 16; 20 - мог. 6; 21 - мог. 15; 23, 24 - мог. 11; 29, 30 - мог. 4 (1-9 - кость; 10, 12, 19, 20 - железо; 11, 17 - золото; 13, 14, 16 - стекло; 15 - бронза; 18 - серебро; 21-20 - глина).

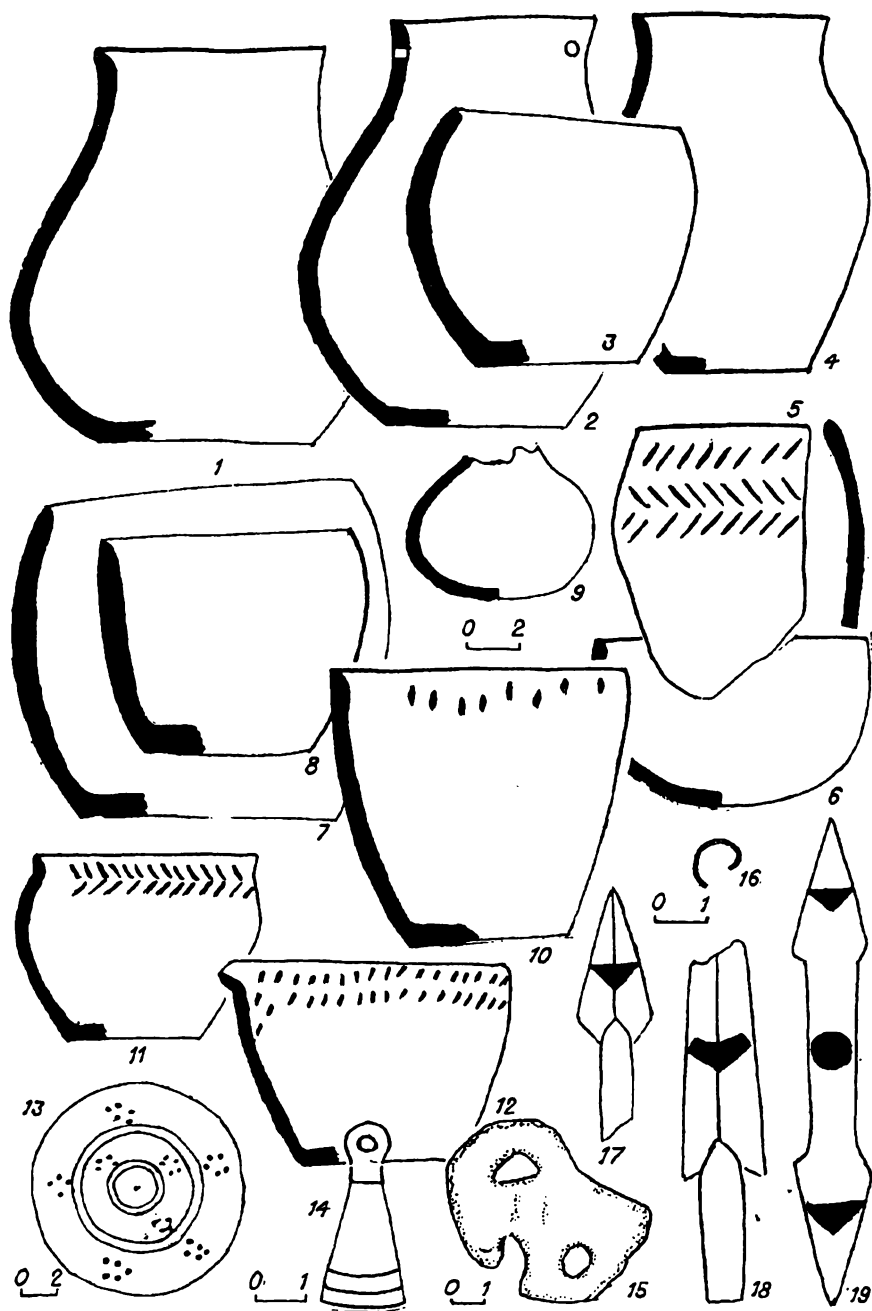

Табл. L. Находки из разных могильников.

1-3 - Камышенка-1; 4, 10 - Верхний Сузун-5; 5-8 - Морайка; 9, 16 - Красный Яр; 11, 12 - Завьялово-19; 13-15 - Новосибирск (по ОАК); 17-19 - Быстровка-4 (1-12 - глина; 13-16 - бронза; 17-19 - кость).

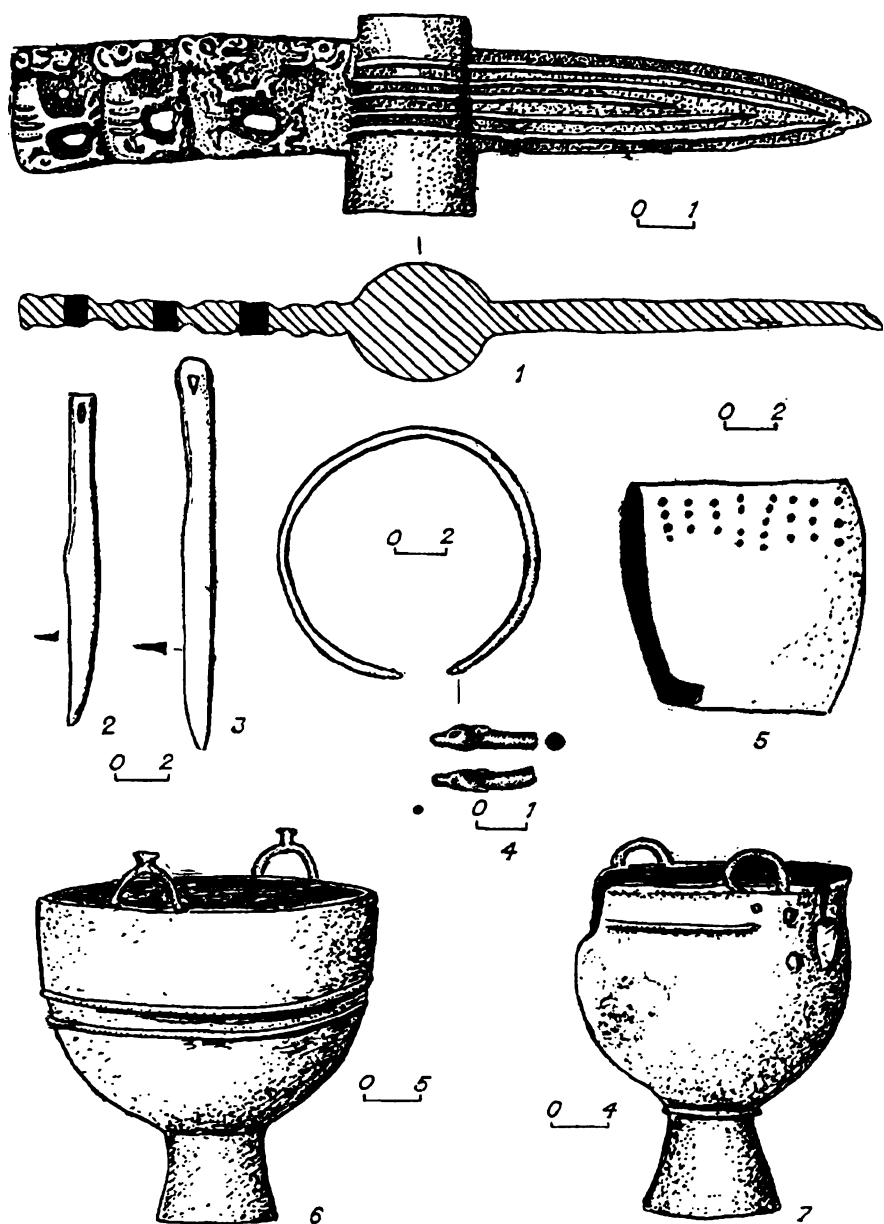

Табл. LI. Случайные находки из лесостепного Приобья.

1 — местонахождение неизвестно; 2-4 — р. п. Ордынское; 5 — с. Боровое Новосибирского района; 6 — с. Кирза Ордынского района; 7 — г. Болотное (5 — глина, остальное — бронза).

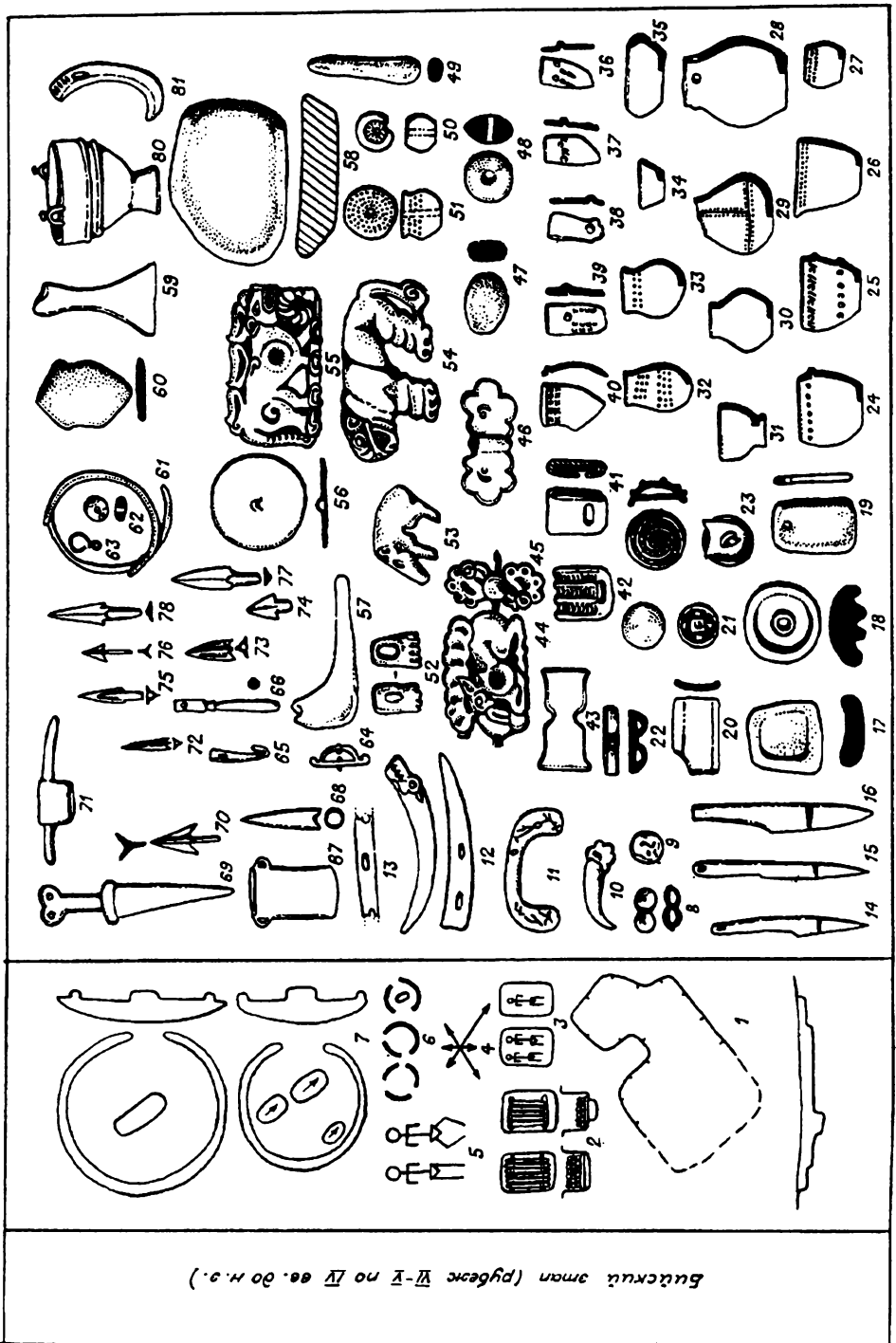
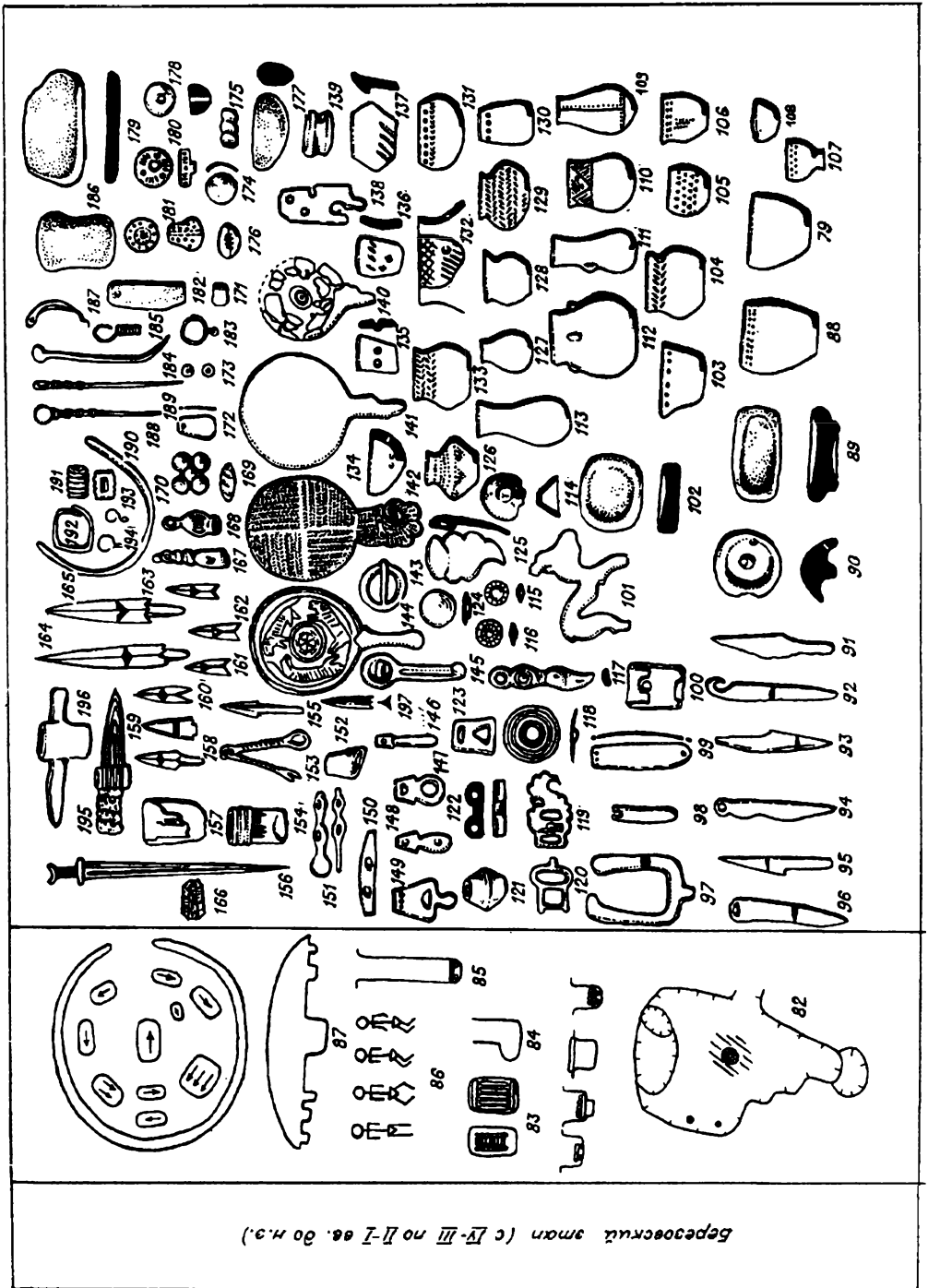

Табл. LII. Развитие большереченской культуры.

1, 13, 16, 18, 25, 40, 49-51, 57-60 - Ордынское-9; 2, 3, 8-11, 20-23, 28, 29, 32-35, 41-43, 47, 48, 52, 55, 62, 63, 69, 71 - Новый Шарап-1; 6, 17, 19, 26, 27, 30, 31, 56, 61, 65, 66, 70, 74, 75, 78 - Ордынское-1; 12, 67 - Ближние Елбаны XII; 14-15 - сборы, Ордынское-1; 24 - Ближние Елбаны I; 36-39 - Крохалева-11а; 44, 45 - Почта; 46 - Крохалева-5; 53, 54 - Обские Пльсы; 64, 76 - Старая Алейка II; 68 - Усть-Алеус-3; 72 - Кроново-7-8; 73 - Каллистратиха; 77, 81 - ул. Станиславского; 79 - Новый Шарап-2; 80 - Кирза; 82, 132, 135, 179, 180, 186 - Милованово-3а; 83, 84, 85 - Милованово-1; 87, 92, 97, 98, 102, 104, 129, 130, 133, 143 - Быстровка-3; 88, 123, 128, 134, 141, 150, 182, 183, 196 - Камень II; 89, 90, 93, 94, 99, 105-109, 121, 122, 126, 127, 144-149, 154, 158-175, 187-194, 197 - Быстровка-1; 91, 103, 112, 113, 117, 124, 125, 138, 152, 176,

181, 195 - Новый Шаран-2; 95, 96, 115, 116, 118, 119, 157 - Высокий Борок; 100, 110, 114, 131 - Ближние Елбаны; 101, 139, 178 - Милованово-8; 111, 140, 155 - Соколово; 120 - Новотроицкое; 136, 137 - X Кордон-43; 142 - Раздумье; 151, 153, 177, 184, 185 - Милованово-2; 156 - Ключи, 4, 5, 7 - бийский этап; 86 - березовский этап. 1-7, 82-87 - схемы жилищ, погребений и курганов; 8-11, 14-16, 21-23, 41, 42, 44-46, 53-56, 61, 63-68, 70, 72, 73, 75, 76, 80, 81, 95, 96, 115-120, 122, 140-142, 144, 145, 151, 154, 157, 167, 168, 170, 172, 174, 183-185, 188-195, 197 - бронза; 12, 13, 52, 57, 59, 74, 77, 78, 99, 121, 124, 125, 138, 139, 146-150, 152, 155, 158-165 - кость, рог; 17, 19, 47, 49, 58, 60, 89, 102, 169, 177, 179, 182, 186 - камни; 18, 24-40, 48, 50, 51, 79, 88, 90, 103-113, 126-137, 178, 180, 181 - глина; 20, 43, 69, 71, 91-94, 97, 98, 100, 114, 123, 143, 153, 156, 196 - железо; 62, 166, 171, 173, 175 - стекло; 101, 187 - золото; 176 - раковина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ.....	7
Поселения.....	—
Могильники.....	13
Погребальный обряд.....	24
Глава 2. ИНВЕНТАРЬ.....	29
Украшения, орудия, предметы вооружения и другой инвентарь.....	—
Керамика.....	39
Глава 3. ЭКОНОМИКА.....	49
Природные условия лесостепного Приобья.....	—
Производство и добыча продуктов питания.....	50
Ремесло.....	53
Глава 4. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	71
Глава 5. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	78
Имущественная и половозрастная дифференциация.....	—
Военное дело.....	81
Глава 6. ИСКУССТВО.....	85
Декорирование предметов вооружения.....	86
Оформление предметов снаряжения верхового коня.....	93
Декор предметов сакрального и социально-культового назначения.....	96
Декоративная отделка украшений.....	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	104
ПРИМЕЧАНИЯ.....	105
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	115
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	116
Новый Шарап-1.....	—
Новый Шарап-2.....	118
Милованово-2.....	119
Быстровка-1.....	121
Милованово-8.....	126
Быстровка-3.....	129
ТАБЛИЦЫ.....	131

Научное издание

**Троицкая Татьяна Николаевна
Боровиковский Андрей Павлович**

**БОЛЬШЕРЕЧЕНСКАЯ
КУЛЬТУРА
ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ**

Редактор *Т. В. Романенко*

Художественный редактор *Л. Л. Мордохович*

Технический редактор *А. В. Сурганова*

Корректор *Т. В. Романенко*

ИБ № 50527

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 20.08.93. Подписано в печать 29.11.93. Бумага тип. № 2. Формат 70×108 1/16.
Гарнитура таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,1. Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 500. Заказ 716.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО «Наука», Сибирская издательская фирма.
630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Новосибирская типография № 4 ВО «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

